ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

V Международная научная конференция
(Севастополь, 2–6 июня 2021 г.)

Материалы конференции

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

«ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА»

V Международная научная конференция

(Севастополь, 2-6 июня 2021 г.)

Материалы конференции

Москва
2021

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Ответственный редактор:
В.В. Лебединский

Редакторы-составители:
Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина

Рецензенты:
С.Б. Ланцов, к.и.н.,
В.А. Нессель, В.П. Степаненко, д.и.н

Макет и верстка:
Р.М. Зиганьшин

И90 **Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока** : Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2021. – 348 с. : ил.

ISBN 978-5-907384-40-8

© ФГБУН ИВ РАН, 2021
© Севастопольский государственный университет, 2021
© ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2021

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
V Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (2-6 июня 2021 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,
Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,
Заведующий Центра крымских исследований ИВ РАН, заведующий кафедрой «Востоковедения» СевГУ, к.и.н.

Члены Организационного комитета

Аликберов А.К. *Директор ИВ РАН, д.и.н.*
Нечаев В.Д. *Ректор Севастопольского государственного университета, д.п.н., проф.*
Морозова Е.А. *Директор ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес- Таврический»*
Татарков Д.Б. *Директор Институт общественных наук и международных отношений, к.и.н.*
Романова Н.Г. *Зам. Директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.*
Рубцова С.И. *Зам. директора по научной работе Институт общественных наук и международных отношений СевГУ, к.биол.н.*
Седикова Л. В. *Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес- Таврический»», к.и.н.*
Бойцова Е.Е. *Зам. директора по учено-научной работе Институт общественных наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.*
Гинькут Н.В. *Секретарь Оргкомитета, Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».*
Пронина Ю.А. *Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.*
Прудников В.В. *Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.*

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»», к.и.н.

Члены Программного комитета

Татарков Д.Б. *Директор Институт общественных наук и международных отношений, к.и.н.*
Романова Н.Г. *Зам. Директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.*
Гинькут Н.В. *ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».*

Оглавление

Asbury R.
Ottoman Influence on the Artistic Heritage of the Crimean Khanate 10
Gavrila A.
Military and political events in Crimea and their impact on Romania 12
Honcu A.
Constructions de chersonèse aux ier-IIIe siècles après jc. Étude epigraphique 15
Honcu A., Solcà A
Des dieux originaires d'Anatolie en Mer Noire: petite étude de leurs influences cultuelles 18
Laflı E., Patacı S.
Representations of occupations as identity and individuality-creating images on Graeco-Roman grave monuments of Asia Minor 21
Акимченков В.В.
Новые источники о научных коммуникациях академика Николая Морозова и профессора Моисея Даяна 22
Алексеенко Н.А.
Памятники византийской сфрагистики как отражение традиционных исторических связей Крыма со Средиземноморьем 25
Аникеева Т.А.
Эпический цикл об Идиге у тюркских народов Крыма (к истории изучения)..... 28
Арутюнян А.Ж.
Собственная Азия по данным «Древнеармянской географии (Ашхарацуйц-А)» 31
Балахванцев А.С.
Границы империи Ахеменидов: к методике оценки письменных источников 34
Баранов А.В.
Межэтнические и межконфессиональные отношения народов Крыма в современных условиях: Сравнительный анализ массового и экспертного мнения 36
Белоруссова Т. Е.
Греко-венецианские противоречия в морее в XIV в. 40
Бескоровайная Н.В.
Работы Евгении Ивановны Лопушинской по сохранению культурного наследия в Севастополе 43
Бочаров С.Г.
Поливная керамика производства городов юго-восточного Крыма в материальном комплексе одного из центральных городов Золотой Орды (Царевского городища) 49
Бочаров С.Г.
Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова 1475 – 1783 годов в севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований..... 52
Букатов А.А.,Аржанов А.Ю.
Средневековые амфоры из подводных разведок в бухте Круглая в 2020 г. 55
Быстрицкий Н.И.
Перспективы применения системологии в востоковедении 58
Вахонеев В.В., Дымченко И.В., Сырых О.А., Вахонеева А.А., Матросов М.А.
Проект геоинформационного портала «Подводное культурное наследие Крыма»..... 61
6
Гинькут Н. В., Иванов А.В., Савеля Д.Ю.
Керамика генуэзского времени из предместья крепости Чембало

(по результатам охранных исследований в 2003 – 2005 гг.,
г. Балаклава, ул. Кирова – Историческая). Предварительный обзор 64
Гончаров Е.Ю.
Корабли на античных монетах от Александрии Египетской до Херсонеса и Фанагории 71
Денисова Е.А.
К вопросу о существовании плуга в Херсонесе-Херсоне 74
Дорошко О.П.
Гончарные кастрюли с биконическим туловом I-III вв. из раскопок
Херсонеса Таврического и его округи: к вопросу о месте производства 78
Дорошко В.В., Свиридов А.Н., Язиков С.В.
Уздечный набор из раскопок погребения 58 могильника Киль-Дере 1 81
Дробышев Ю.И.
К реконструкции исторического контекста двух
массовых средневековых захоронений близ Бахчисарая 85
Дружинина Н. С.
Проекты реставрации Судакской крепости Евгении Ивановны Лопушинской 89
Дубровская Д.В.
Деятельность протестантских и католических миссионеров
в Астрахани и Крыму в XVIII – первой половине XIX в. 94
Евдокимова А.А.
Знаки акцентуации в разных типах памятников в византийское время
(на примере памятников сфрагистики, эпиграфики, папирологии) 96
Жертовская В.К..
Н.И. Репников – исследователь средневековья в горном Крыму 99
Жигалова Н.Э.
Место Фессалоники в венецианской колониальной системе 102
Зайцева Е.С.
Римско-персидское противостояние в Восточном Средиземноморье
в середине VI в.: дипломатический аспект 105
Зиганьшин Р.М.
К вопросу о происхождении культа Девы в Херсонесе: Историографический аспект. 108
Зоря Р.
Влияние экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму и Татарстане
(1924-1929 гг.) на археологические исследования столицы Казанского ханства 112
Зоря Р.
К истории изучения городов Золотоордынского государства (археологические
исследования и охрана Болгарского городища в 1930-х – 1940-х гг. 116
Иванов А.В.
Планы Херсонеса, Инкермана и Ахтиарской гавани
снятые в 1772г. премьер-майором С.Н. Бурнашевым.....119
Калинина Т.М.
Море Хазар в трудах арабских средневековых географов 124
Катюшин А.Е.
Балка Бильдеран – часть историко-культурного
7
ландшафта окрестностей Эски-Кермена 127
Кашовская Н.В.
«Еврейская эпиграфика Крыма и Дагестана: артефакты культурных связей» 130
Конкин Д.В.
Новая власть и традиционные институты: вакуфы в Крыму после 1783 г 133

Краснодубец Е.М., Анкушева П.С., Блинов И.А.
Фрагменты текстиля эллинистического времени из некрополя Херсонеса Таврического 137
Кузенков П.В.
Зачем государству учёные? из истории византийско-арабских отношений IX–X вв. 142
Курылев К.П., Шпаковская М.А.
Италия - Россия - Крым 145
Кущ Т.В.
Ключ к Гелеспонту: остров Тенедос в контексте
византийско-венецианских отношений в XIV в 150
Ланник Л.В.
Место Крыма в переустройстве Восточной Европы
в условиях гегемонии Центральных держав в 1918 г. 153
Лебединский В.В., Татарков Д.Б, Двухшорстнов В.И., Пронина Ю.А.
Подводно-археологические исследования совместной
сирийско-российской археологической миссии в полевом сезоне 2020-2021 гг. 156
Лобков А.Е.
Слово в диалоге культур: о крымских заимствованиях в русском языке 159
Лобода А.Ю.
Металл серег в виде знака вопроса из плитовой могилы 2/2019 на плато Эски-Кермен 163
Лоргина Т.В., Прохорова Т.А., Рубаненко Н.В.
«Описание Ираклийского полуострова» З.А. Аркаса в фонде научной
библиотеки Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»:
происхождение, история использования и особенности книги 166
Майко В. В.
Новые ближневосточные византийские кресты с
гравированными изображениями из средневековой Сугдеи 170
Маковская Д.В.
Ключевые паттерны виктимизации крымскотатарской общности города Севастополя .. 174
Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Тузова П.Р.
Брендинг Крыма: символы идентичности в структуре
территориального стратегического управления 177
Мариино Иван
Конституционная реформа в России в начале 90-ых годов XX в. 180
Меньшиков М.Ю., Волошинов А.А.
Археологические свидетельства религиозного синкретизма на
территории мусульманского некрополя Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай) 194
Михнева Р.А.
«На страницах старых книг»: О капитуляциях и торговле
с Османской империей в первой половине XVIII в 203
Могаричев Ю. М., Ергина А.С.
Фресковые росписи пещерной «Церкви География (Евграфия)» в Инкермане 205
8
Моисеева Е.Н.
«Цивилизованная экспансия» в Средиземноморском регионе в работах французских
ученых конца XIX- нач. XX вв.: память о прошлом в контексте имперской пропаганды 209
Мунтяну Лучиан
Афродита Урания на монетах Босфорского царства 212
Непомнящий А.А.
Восточный факультет (отделение) Крымского университета
(пединститута) им. М. В. Фрунзе (20-е годы XX в.) 215

Павличенко Н.А., Прохорова Т.А.
Методы копирования эпиграфических памятников в конце XIX- нач. XX в. (по материалам переписки В. В. Латышева из научного архива ГМЗ ХТ и СПбФ АРАН) 218
Панченко В.В.
О взаимосвязи некоторых эпизодов «Скифских войн» и противостояния Рима и Персии в середине III в.н.э 224
Прохоров Д.А.
К проблеме появления караимов на Крымском полуострове: историографический и источниковедческий аспекты 228
Прудников В.В.
Крымская "Nova Anglia"? К вопросу о существовании англосаксонских поселений в Северном Причерноморье XI – XIII вв. 232
Родинкова В.Е., Свиркина Н.Г.
О некоторых погребальных традициях населения округи Феодосии в античное и средне-вековое время 235
Роменский А.А.
Половецкие предания о духах-защитниках 238
Рубцова С.И.
Природно-географические и социально-политические аспекты эволюции Понтийских биогеоценозов на примере Черноморских проливов и бухт 241
Сазанов А.В.
Амфоры типа C SNP I: типология и хронология 244
Санников С.В.
Воспоминания о Скифии, Меотиде и Ойуме: роль Крыма в остготской этногенетической мифологии 249
Седикова Л.В.
Тарные горшкообразные сосуды раннесредневекового времени из раскопок Херсонеса 252
Сорокин А.А.
Дебаты о реформе правового положения крестьян в Таврической губернии в начале XX в. (по материалам местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) 256
Ступко М.В.
Каменные сверленые топоры-клевцы троянских типов на островах пролива Ла-Манш и в Ирландии. К постановке проблемы 260
Сударев Н.И., Коваль В.Ю.
Византийский кувшин палеологовской эпохи из раскопок в станице Тамань 263
Супренков А.А., Топоривская М.А.
К вопросу о территориальной организации греческой Массалии до начала Пунических войн (письменные источники и археология)..... 269
Таньшина Н.П.
К.В. Нессельроде и Крымская война: изменник или защитник национальных интересов России? 273
Татаринов И.Е.
От области к республике: административно-территориальные преобразования в Тавриде в 1784 - 1921 гг. 276
Тюрин М.И., Филиппенко А.А, Жукова П.А.
Краснолаковое блюдо позднеэллинистического времени из укрепления Масляная гора 279
Ульянова Л.
Братья Беренсы в огне гражданской войны – между Черным и Средиземными морями 283
Ушаков С.В.

Херсонес Таврический: о верхней хронологической границе его античной истории 287
Хапаев В.В., Глушич А.М.
Физическая культура и спорт в Византийской империи: опыт периодизации..... 290
Храпунов Н. И, Храпунова С. Н.
Судьба Крыма в политических проектах «западных»
писателей и философов XVII – третьей четверти XVIII вв. 294
Чудинов А.В.
Об эффективности «текстуального подхода»Бонапарта
к завоеванию Египта (полемика с Э. САИДОМ) 298
Чхаидзе В.Н.
Историко-культурное наследие Византии в Северо-Западном
Предкавказье (новые архео-логические данные) 301
Шаров О.В., Костромичев Д.А, Новоселова Н.Ю.
Погребальные сооружения, открытые на
территории южного пригорода Херсонеса в 2020 г. 305
Яковлев А.И.
Митрополит Антоний (Храповицкий) в 1920 г.: Крым – Константинополь: выбор пути ... 310
Лебединский В.В., Ефимов А.В., Кохан А.А.
Советские оперативные документы о военных действиях в
Черноморском регионе в 1941-1942 гг. 313
Иллюстрации к статьям 318
Сведения об авторах 346

Asbury R.
Marmara Univeristy, Istanbul

OTTOMAN INFLUENCE ON THE ARTISTIC HERITAGE OF THE CRIMEAN KHANATE

Асбури Р.

ОСМАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

A historically coveted port situated on the Black Sea, various polities laid claim to areas of the Crimean peninsula in the medieval period from the Kievan Rus, to the Golden Horde, to the Genoese. Crimean history is marked by a diversity of influences that point to the broader cultural ties and political linkages that manifest in trends in Crimean Tartar art and architecture. The blending of "European" and Turkish cultural influences within Crimea during the Crimean Khanate showcase the outside forces vying for political control of the peninsula from the 15th to the 18th centuries. A protectorate of the Ottoman Empire the art and architecture of the Crimean Khanate possesses a distinctly Ottoman Turkish flavor.

Golden Horde

Turco-Islamic culture spread through Crimea when the region came under the control of the Golden Horde, a Tukicized Mongol Khanate which started to Islamize under the rule of Oz Beg Khan in the 1300s. Though what Czerwonnaja terms "seldjukism," which is the cultural influence stemming form the Seljuks, existed prior to the 1300s, stating that "...the culture of the Koniysk (Seljuk or Rumsk) Sultanate became a model, which shaped the urban planning and architecture of the indigenous Turkic population of the Crimea" [Czerwonnaja 2019: 92].

An indication of the shared cultural and ethnic ties in the region fostering exchange. As Islam was adopted and spread, this furthered political ties through shared religious ideology. In order to attest to the adherence of Islam in the domain of the Golden Horde, monuments and religious architecture were erected. The construction and design of these buildings being shaped by conversation with adjacent Turkic-Muslim cultural domains such as the Anatolian Seljuks and the Mamluks.

The urban center of Golden Horde Crimea bears resemblance to the cities of the Anatolian Seljuks. For example, the layout of Solkhat (Eske Kirim) is reminiscent of the cities of the Seljuk Sultanate [Czerwonnaja 2019: 93]. The construction of mosques, caravanserais, a madrassa, a public bath, etc. indicate the shared cultural space and influence. This Turco-Islamic artistic heritage would continue and evolve during the long lasting Crimean Khanate.

Crimean Khanate

The Crimean Khanate was established in the mid-1400s and lasted up to the late 1700s. As the Ottomans expanded their empire through military conquests, the Khanate soon came under Ottoman suzerainty in 1475. While the Crimean Khanate was a protectorate of the Ottoman Empire it enjoyed a more privileged status than other parts of the empire, owing perhaps to the aiding of the Ottomans by supplying slaves and cavalry for the military campaigns [Ivanics 2013: 275]. Ottoman control was finally ceded in 1774 with the Treaty of Küçük Kaynarca, a peace treaty that ended the Russo-Turkish War (1768-1774). The Crimean Khanate had sustained Ottoman influence for centuries and this relationship fostered the export of artistic goods and crafts from other parts of the empire along with the employment of skilled Ottoman artisans and architects coming into Crimea. The Khanate's gaze was very much oriented towards Istanbul [Czerwonnaja 2019: 95].

Architectural Examples

A notable example of Ottoman architecture is the Juma Jami, or Friday Mosque, located in Gözleve (Yevpatoriya). Commissioned in 1552 by Devlet Giray Khan, the mosque's architect was the famed Mimar Sinan, the chief architect for Suleiman the Magnificent, Selim II, and Murad III. The mosque was modeled after the original Fatih Mosque in Istanbul constructed in 1463 and 1470 to commemorate Sultan Mehmed II's conquest of Constantinople, but the mosque suffered severe damage during the 1766 Istanbul Earthquake with the mosque's dome collapsing. The mosque was later reconstructed in 1771 by order of Mustafa III, but altered from its original form. Juma Jami gives an indication of what the original plan may have looked like.

A later architectural example is the reconstruction of the Khan's Palace (Han Saray) at Bakhchysarai. Built in the early 1500s as the administrative center of the Khanate the palace includes: a Divan (council chamber), administrative quarters, receptions halls, a mosque (Büyük Han Cami), guest quarters, the harem, gardens, and a cemetery for the ruling family. In 1736 Bakhchysarai was attacked by the Russian army and the palace along with a sizable portion of the city was razed.

The palace and the city were rebuilt with Ottoman support starting in 1740 and lasting until 1743 [Kançal-Ferrari 1999: 1]. Since being fully supported by the Ottoman Sultan and built by Ottoman craftsmen sent to Bakhchysarai, the palace understandably draws much from Ottoman stylistic trends of the time. The artistry and construction of these buildings embody the strong political and ideological ties that the Crimean Khanate had with the Ottoman Empire.

Conclusion

The Crimean peninsula was a lucrative port of trade marked by the diverse and heterogeneous nature of the peoples and cultures that would color its history, though from the 1400s until the late 1700s, there is a distinct orientation towards Istanbul manifested in the art and architecture. While in part owing to the Ottoman Empire's political influence on the region, but also reinforced by a shared ethno-cultural and religious understanding. These religio-cultural ties were seen in the creation of religious and educational institutions and embodied in the construction of religious and public works. The artistic and architectural heritage of the Crimean Khanate with its strong ties and resemblance to that of the Ottomans points to a shared Turkic-Muslim cultural identity that marks the Crimean Khanate as somewhat distinct among the powers within the Eastern European region.

Bibliography

CZERWONNAJA, S. Between Krakow and Istabul: The Art and Architecture of the Crimean Khanate as the Connecting Link Between Ottoman and European Culture. Art of the Orient, 6, pp. 91-107, 2019.

IVANICS, M. The Military Co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. In G. Kármán & L. Kunčević (Eds.), The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries (pp. 275–299). Brill, 2013.

KANÇAL-FERRARI,N. Contextualising the Decorum of Golden Horde-Period Mosques in Crimea. Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée, 143, 2018. <http://journals.openedition.org/remmm/11002>

KANÇAL-FERRARI, N. The Art of the Khans of Crimea and its relation to Ottoman Art: The Cemetery of the Khan's Palace in Bahçesaray. Proceedings of the 11th International Congress of Turkish Art, Utrecht The Netherlands, August 23-28, 1999), No. 24, 1-22.

NECIPOGLU, G. The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire. London, 2005.

Gavrila A.
Biagio Trading Company (Romania) /
Head of International Relations Department

MILITARY AND POLITICAL EVENTS IN CRIMEA AND THEIR IMPACT ON ROMANIA

Гаврила А.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КРЫМУ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУМЫНИЮ

The relations between Romania and Crimea have had special importance since ancient times. Whether we are talking about the relations between the Crimean Khanate and the Romanian Lands, the role of the Romanian principalities in the Crimean War, or the Second World War, or the impact of current geostrategic changes, the events in Crimea have influenced Romania.

This study aims to analyze the most important events that reveal the connections between the two entities, but especially the impact that the political and military events in Crimea had on Romania. For the preparation of the article, we have used chronological, comparative methods of historical knowledge, classification, and systematization of historical sources and bibliographic material.

The beginnings of modernity are defined by the struggle between the great powers - the Ottoman Empire, the Habsburg Empire and the Tsarist Empire - for domination in the Balkans, and the Romanian Principalities were placed at the intersection of their interests. [Jelavich 2004:22]

In the XVII-XVIII century, the Crimean Khanate was a semi-autonomous state, under Ottoman suzerainty and an important player in Eastern Europe. Although not an Ottoman province, the Crimean Khanate was politically, militarily, and economically essential to the Ottoman power in Eastern Europe. But, paradoxically, a war waged by some of the great European powers of the time in Crimea was the trigger for the process of completion and recognition, of the first modern Romanian state. [Chiriță 2004:24]

The Crimean War (1853-1856) was fought between the Russian Empire and an alliance of the French Empire, the British Empire, and the Ottoman Empire, joined by the Kingdom of Sardinia. The war was part of a long competition between the main European powers for influence over the declining territories of the Ottoman Empire. The Crimean War is one of the last religious wars on the European continent and the first conflict in which the Western press and public opinion played a significant role. [Figes 2010:23]

A war in which began with the invasion of the Romanian Principalities by troops of the Tsarist Empire, who were later attacked by Turkish troops in Tulcea, near the Danube. At the same time, the Russian fleet destroyed the Turkish fleet in the battle of Sinope. Later, the warfare moved to Crimea and, partially, to the Baltic Sea. It should be mentioned that although the Russian Empire occupied the Romanian Principalities, in 1856, Russia demanded an end to hostilities.

Austria was an opponent of Russia and had signed in June 1853 a treaty with Turkey that allowed the occupation of the Romanian Principalities to ensure their "desertion" of Russian troops engaged in the Crimean War. [adev.ro/pbbjgw]

To continue the plan to maintain the balance of power in Europe declared at the Congress of Vienna in 1815, the Congress of Paris in 1856, stipulated a series of measures that justified the emergence of what the historian Nicolae Iorga called the "State of European necessity" - Romania. [https://urlzs.com/G8nzC] The 1856 Treaty of Paris gave the Romanian Principalities their inde-

pendence from Russia, and the Crimean War brought the Romanian Principalities to the attention of the Great Powers.

This historical moment highlighted the need to consider the Romanian state as the subject of any geopolitical analyzes specific to this area, due to its position within it. The measures that had an important impact on the evolution of the modern Romanian state ware: the passing of Wallachia and Moldova under the collective tutelage of the great European powers that signed the peace treaty; the decision to convene local assemblies to decide the future organization of the two principalities; the restitution of southern Bessarabia to Moldova; the free navigation on the Danube; the establishment of a European commission on the Danube and the neutral status of the Black Sea (the tsar and sultan agreed not to establish any military naval arsenal on the shores of the sea, their fleets were already destroyed and the entry of warships into the Black Sea was banned). [Mosse 1955: 297–316]

At the end of the debates of the Peace Congress, it was decided that the issue of the future political organization of the Romanian Principalities should be decided by consulting their inhabitants. For this, Turkey was given a mandate to convene, in each principality, an Ad - hoc Assembly (Divan) to express the future political option of the Romanians. [Albin 1912: 170–180] The decision of the two Divans was to be presented to the seven European powers at a subsequent conference. The provisions of the Paris Peace Treaty did not result in the immediate realization of the Union of Romanian Principalities. But the context offered by the new European diplomatic situation created the most favorable conditions for its realization.

In other words, the political and military events in Crimea brought to the future Romania what was called in 1859 the "Small Union".

Another moment with geopolitical implications was the Russian - Turkish War (1877 - 1878). Triggered by the desire of Balkan nations for independence, manifested trough the outbreak of regional military conflicts, the moment offered the Tsarist Empire a new opportunity to assert its strategic interests in the region.

Realizing that the intervention of the tsarist army was inevitable and that the Romanian state was in a period of transition to modernization, and its army had no experience of war, the Romanian government negotiated with representatives of the Empire Tsarist in Livadia, Crimea, in September 1876, the conditions of passage of the Russian imperial army on the Romanian national territory on their way to the Danube. [Scafes 2002:149]

By the convention signed in Bucharest in April 1877, the Romanians granted "free passage" to the tsarist troops, provided that the Tsarist Empire guaranteed the defense and maintenance of Romania's territorial integrity.

A significant part of the great European powers, either received with reservation the Proclamation of Independence of Romania (France) or even hostility (Ottoman Empire and the United Kingdom). At the Peace Congress in Berlin in 1878, Romania was also invited, but not to participate in its work, but only to present a memorandum. The only country that constantly and moderately supported Romania, within its geopolitical interests in the area, was Germany. [https://urlzs.com/AiG53]

This war, represented, the first contact of Romania with the geopolitical realities of the security space in which it had to survive. This situation was described by the historian Gh. I. Brătianu in 1932: "The foreign policy of a country is made by the rational appreciation of the national point of view, by its firm and worthy defense, in an international framework". [Corneanu 2010:11]

By achieving the Great Union of December 1918, Romania completed the process of unification of all historical provinces inhabited by Romanians within the same nation-state.

The next significant impact of the Crimean political and military developments on Romania, took place in the Second World War, when, at the request of Germany, Romanian troops crossed the Dniester. Germany's goal was to occupy Crimea. Why Crimea? the historian and politician Gh. I. Brătianu explained that Crimea must be included in all strategic assessments because "whoever rules Crimea can rule the Black Sea", and the history of the 19th and 20th centuries can be characterized as "a struggle for the Black Sea between Russia and Europe".

Among the many events that took place in Crimea, with a geopolitical impact on Romania, we also mention the failed coup d'etat of August 19, 1991. Russian conservatives tried to take power in Moscow to prevent a political evolution of the USSR that they considered anti-national. Gorbachev, the president of the USSR, was arrested in Crimea, where he was on vacation. The coup failed, but it was the moment of maximum intensity of the crisis that led to the disappearance of the USSR, considered by the current president of the Russian Federation, Vladimir Putin, as "the greatest geopolitical catastrophe of the twentieth century."

This event changed Romania's geopolitical position, the fall of the USSR marking the moment of changing the orientation of the Romanian political vector from the Soviet to the Euro-Atlantic partnership.

This brief review of the impact the events in Crimea had on Romania allows us to conclude that this historical connection has special importance. We can strongly say that the events in Crimea influenced the fate and historical course of Romania.

Bibliography

ALBIN P. "Acte General Du Congres de Paris, 30 Mars 1856". Les Grands Traités Politiques: Recueil des Principaux Textes Diplomatiques Depuis 1815 Jusqu'à nos Jours avec des Notices Historiques et des Notes. Paris: Librairie Félix Alcan. 1912

BORCEA S. Ce rol a jucat Războiul Crimeei în unirea Principatelor Române de la 1859//Ziarul Adevarul, URL: adev.ro/pbbjgw

BUZATU Gh. România - Stat de necesitate europeană // Revista Art-Emis Academy. URL: https://urlzs.com/G8nzC

CEAUSESCU I., Cazanisteanu C. The Union of the Danubian Principalities and the Proclamation of Independence: Premises for Romania's National and State Unity. URL: https://urlzs.com/AiG53

CHIRIȚĂ G. Societatea din Principatele Unite Române în perioada constituirii statului național (1856-1866), Editura Academiei Române, 2004

CORNEANU C. Sub povara marilor decizii: România și geopolitica marilor puteri (1941 - 1945), Editura Cetatea de Scaun, Târgoviște, 2010

FIGES O. Crimea: The Last Crusade. London 2010

JELAVICH B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge University Press. 2004

MOSSE W.E. How Russia made peace September 1855 to April 1856. Cambridge Historical Journal. 1955

OTETEA A. Istoria Poporului Român, Biblioteca de Istorie - Editura Științifică 1970

SCAFES C. Armata română în războiul de independență 1877–1878. București, Editura Sigma, 2002

Honcu A.
Université Alexandru Ioan Cuza, Iasi, Roumanie

CONSTRUCTIONS DE CHERSONÈSE AUX Ier-IIIe SIÈCLES APRÈS JC. ÉTUDE EPIGRAPHIQUE

Хонку А.

ХЕРОНЕССКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО I-III ВВ. Н.Э. ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

L'architecture de Chersonèse est décrite par Strabon [Géographie, VII, IV, 2-3], aussi, Pline l'Ancien, caractérise Chersonèse comme la ville la plus brillante de la côte ouest de la mer Noire [Histoire Naturelle, IV, 85]. Les témoignages d'auteurs anciens sont divers, mais ils laissent de nombreuses lacunes, que les sources épigraphiques contribuent à combler. Les recherches archéologiques, ainsi que les preuves épigraphiques, s'accordent sur l'hypothèse suivante: la prochaine période de revitalisation de l'activité de construction a eu lieu pendant l'époque romaine [Rucinskaja 2017 : 18; Klenina 2018 : 119].

Depuis Ier siècle de notre ère, l'activité édilitaire est attestée surtout dans le système défensif. La reconstruction des murs avec la participation de la ville et d'un everget est mentionnée dans le décret du Ier siècle. [IOSPE I2, 355]. Un décret en l'honneur de Gaius (dernier tiers du Ier siècle avant JC - au milieu du Ier siècle après JC), était également associé au financement des activités de construction ou de restauration, menées dans les conditions de danger militaire (ἐν κινδύνῳ) [Makarov 2015 : 218].

À la fin du II - la première moitié du IIIe siècle après JC. des travaux de construction intensifs ont lieu dans la ville. À Chersonèse, pendant cette période, le protéikhisme a été érigé, et les tours ont été fortifiées avec des ceintures supplémentaires [Rucinskaja 2017: 7]. Une représentation du système de fortifications de Chersonèse sur le mur de la crypte du IVème siècle après JC permet de visualiser les sommets des murs maintenant disparus [Rucinskaja 2017: 57].

Une autre inscription se réfère à des travaux de fortification. Il ne resulte pas clairement que ces activités étaient assurés par des militaires: une initiative publique (des autorités de la cité) ou privée (le nom d'un certain Athanaion peut être lu) n'est pas à exclure [Dobias-Lalou et ali 2011: 459]. Toujours au IIe siècle, le mur est construit avec les fonds personnels du fils de Stratophontos [Solomonik 1964 : nr. 25]. Pendant IIe siècle n. e. une personne privée a construit un mur à ses frais par l'intermédiaire de l'épimelet (administrateur) [IOSPE I², 438]. Une autre inscription de IIe siècle mentionne la construction d'un bâtiment dont le nom n'a pas été conservé (mur?) [Solomonik 1971:123]. La guerre imminente avec les Goths et leurs alliés dans les années 240 a obligé les Chersonisites à mobiliser leurs réserves intérieures et à améliorer l'infrastructure défensive de la ville [Klenina 2018], principalement en construisant de nouveaux murs et tours et en renforçant les anciens: une inscription datée de 245 après JC indique qu'une tour avait été érigée ou réparée [IOSPE I², 439].

Une inscription découverte à Balaclava et datée au milieu du IIe siècle mentionne la restauration du temple de IOM Dolichenus par les soldats de la légion I Italica [Zubar et ali 1999: 205].

Selon les données épigraphiques, en 180 (205 de l'ère Chersonèse), un agoranomus a érigé ou réparé un bâtiment à l'agora, apparemment un agoranomion, pour lequel il a payé de ses propres fonds [Solomonik 1964: nr. 26]. Une autre inscription du milieu du IIe siècle déclare qu'un futur agorano-

mus, Teagenus, fils de Diogène, a érigé un marché aux poissons payant sur ses propres fonds [Solomonik 1973: nr. 129]. Comme les principales places du marché de nombreuses villes grecques n'étaient pas en mesure de remplir toutes les fonctions supplémentaires, à la fin de la période hellénistique, le commerce se développe, et les agores gardent seulement des caractéristiques purement sociales et politiques. Tel était également le cas à Chersonèse [Klenina 2018 :86].

Le stationnement permanent des légionnaires romains a favorisé un certain degré de romanisation et a affecté de nombreux aspects de la vie. Pendant le IIe siècle après JC, Démétrius, fils de Samihus (?), a érigé les thermes de la ville par ses propres moyens. Tenant compte de la taille, de la disposition, de l'organisation et, surtout, de l'emplacement des thermes discutés, ils peuvent être classés comme de petits bains militaires. Ils représentent le type III selon Krencker. Les thermes de ce type sont apparus pour la première fois dans la seconde moitié de la fin du IIe siècle après J.C. Les thermes ont été partiellement détruits par un tremblement de terre vers les années 236/237, mais sont rapidement redevenus opérationnels après une période de réparations en 240-250 [Biernacki, Klenina: 2019: 53]. Elles n'étaient pas destinés uniquement à la personnel militaire romain stationné à Chersonèse, mais aussi pour les soldats qui ont effectué le service à proximité de ce centre. Seulement dans ce cas, la construction de tels bains sur le territoire d'une citadelle relativement petite de Chersonèse était justifiée.

Marcus Rito Saturninus, centurion de la Legio I Italica, reconstruisit avec ses propres fonds la schola principalium pendant le consulat de l'empereur Decius et Vettius Gratus en 250. Tenant compte du contenu de l'inscription, on peut affirmer que cette structure a probablement été construite dans la seconde moitié du IIe siècle, et après le tremblement de terre du deuxième quart du IIIe siècle a été restauré [Antonova, Zubar 2003:49].

L'existence d'un temple d'Aphrodite à Chersonèse à l'époque romaine est également confirmée par des données épigraphiques [IOSPE I², 440–448]. Cet édifice a été construit entre la seconde moitié du IIe et la première moitié du IIIe siècle après JC avec le soutien financier de particuliers. Les inscriptions énumérent les donateurs et les montants dépensés pour la construction. Une inscription indique qu'Aurelius Hermocrates a offert 3000 deniers des fonds de l'agoranomie [IOSPE I², nr. 440]. Trois colonnes portent des inscriptions pour commémorer des contributions de 500 deniers chacune [IOSPE I², 441, 442, 446]. Aurelius Dionysius, fils de Priscus, a payé 800 deniers pour une colonne [IOSPE I², 443]. Marcianus, fils de Gaius, un Héracléen (un étranger), a offert un montant inconu pour une colonne [IOSPE I², 445]. Quel que soit son emplacement exact, le temple d'Aphrodite était directement à celui de Parthénos au nord-est de la ville, peut-être à l'intérieur de l'enceinte sacrée.

D'autres inscriptions sont un témoignage indirect d'existence des autres constructions: un bordel, [IOSPE I 2, 404], le temple d'Asclépios [IOSPE I2, 376]. Pendant premiers siècles de notre ère les gymnasiarchs de Chersonèse sont mentionnés dans quatre inscriptions [IOSPE I2 424, 436, 437; Solomonik, 1973 : nr.127]. Le théâtre a existé de la fin du IIIe siècle avant JC au IVe siècle après JC. Au Ier siècle n. e. le théâtre a été restauré selon d'autres canons architecturaux, en tenant compte des traditions romaines.

Au IIe siècle après JC, et en particulier sous le règne de Marc Aurèle et de Commode, l'activité de construction dans la ville s'intensifie en raison de la politique de l'Empire visant à promouvoir le développement des provinces et la stabilité de la situation politique. Des booms de construction similaires ont été remarqués en IIe-IIIe siècles après JC dans d'autres provinces romaines: Mesie Inférieure et Dacie. La ville fleurit, mais les attaques des voisins s'intensifient (Royaume Scythe), et après, les Goths. Dans ce contexte, le système défensif a la priorité. Aussi comme dans les autres provinces de l'Empire romain, l'initiative privée prédomine dans les inscriptions.

Bibliographie

ANTONOVA I., ZUBAR V. Nekotorye itogi arheologiceskih issledovanij rimskoj titadeli Hersonesa. Hersonesskij sbornik XII, 2003, s. 31-69.

BIERNACKI A, KLENINA E. The Roman Thermae in the Citadel of Chersonesus Taurica. Greco-Roman Cities at the Crossroads of Cultures, Bąkowska - Czerner G., Czerner R. (eds.) Oxford, 2019.

DOBIAS-LALOU C. ET ALI., Revue des Études Grecques 2011, 124-2 pp. 281-533.

KLENINA E. Popytka identificatii anticinoi agory v Hersonese Tavriceskom. Hersoneskii sbornik, XIX, 2018, s. 119-136.

MAKAROV I.A. Novye nadpisi iz Hersonesa Tavriceskogo. Vestnik drevnei istorii, 2006, 4, s. 83-97.

MAKAROV A. Novaja nadpis iz Hersonesa Tavriceskogo. Vestnik drevnei istorii 2015, 4, s. 210–226.

RUCINSKAJA O. A. Kul′tura I obšestvo grečeskih gorodov Severnovo Pričernomor′ja, (VI v. do n. e. – IV v. n.e). Har′kov, 2017.

SOLOMONIK, E.I (1990) Kamenaja letopis Hersonesa. Simferopol, 1990.

VINOGRADOV JU., ZUBAR V., Antonova I. Scola principalium v Hersonese. Numizmatika i epigrafica, 1999, s. 71-72.

ZUBAR V., SAVELJA O., SARNOVSKI T. Novye epigrafičeskie pamjatniki iz rimsovo hrama v okrestnostjah Hersonesa. Vestnik drevnei istorii 1999, 2. s. 197—217.

Honcu A.
Université Alexandru Ioan Cuza, Iasi, Roumanie
Solcà A.
Switzerland

CONSTRUCTIONS DE CHERSONÈSE AUX Ier-IIIe SIÈCLES APRÈS JC. ÉTUDE EPIGRAPHIQUE

Хонку А.
Солька А.
ХЕРОНЕССКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО I-III ВВ. Н.Э. ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Des dieux originaires d'Anatolie en Mer Noire: petite étude de leurs influences cultuelles

Notre court article a pour but principal d'éveiller l'attention des chercheurs sur un aspect méconnu de la Mer Noire : les ponts religieux et cultuels entre Anatolie, Grèce continentale et la zone occidentale et septentrionale de la Mer Noire.

Aux premiers siècles de notre ère, en relation avec l'apparition des garnisons romaines et la propagation de l'influence culturelle romaine, des changements sont intervenus [Rucinskaja 2017 : 245]. Pendant cette période, le nombre de fidèles des cultes orientaux (Asie Mineure, Égyptiens, Iraniens) a augmenté [Rucinskaja 2017 : 246]. Dans ce contexte, nous voudrions porter votre attention sur quelques divinités spécifiques et leur influence dans la zone pontique.

Le dieu Men

Les représentations du dieu Men étaient très répandues aux premiers siècles de notre ère sur le littoral du nord de la Mer Noire. Le dieu Men est une divinité lunaire de Phrygie. II était adoré par une grande partie de la population, y compris par les affranchis et les esclaves. Le dieu Men contribuait à la fécondité de la terre et à la santé des hommes, agissait aussi en tant que protecteur des tombeaux. Il est attesté à Panticapée sur une obole en cuivre: l'avers la tête de Men, [Kobylina 1976: 7], une tête de Men du I er siècle de notre ère, sous la forme d'un masque, et aussi sous l'aspect d'un enfant vêtu comme Attis et assis sur un coq [Kobylina 1976: 8]. Men, sous l'aspect d'un adolescent en chiton et himation, n'est représenté que sur une lampe de Chersonèse du IIe siècle de notre ère [Kobylina 1976: 8]. Mais la plupart des statuettes de Men datent du Ier siècle de notre ère; presque toutes ont été trouvées à Panticapée, une à Cépi, une autre à Mikhailovka. Au musée de Kertch est conservée une statuette de ce dieu [Kobylina 1976: 8].

Comme nous l'avons déjà dit, Men était une divinité à la fois céleste et chthonienne. De Chersonèse proviennent deux fragments de stèles de marbre sur lesquels sont représentées des mains levées vers le ciel [Kobylina 1976: 14]. Une telle stèle a été découverte à Tomis [Sauciuc Saveanu 1934:18], dédiée par Asclépiades à ses enfants. Il existe d'autres témoignages de monuments funéraires dédiés aux enfants, où apparaissent des représentations de mains en prière. Dans l'inscription de Tomis, Asclépiades s'adresse aux héros chtoniens. Le dieu Men avec le surnom de Katachtonios était invoqué comme protecteur des monuments funéraires, et dans certaines inscriptions en Anatolie, il porte précisément ce nom.

En tenant compte de la symbolique de ces mains ainsi que de l'invocation des divinités chtoniennes, nous n'excluons pas la possibilité d'attribuer ce monument au dieu Men Katachtonios [Moga

2019]. Un sarcophage découvert à Constanta en 1931, daté du IIe siècle, porte des symboles attribués au dieu Men - la cloche [Brătescu 1931: 219-220].

Jupiter Dolichenus

Le symbolisme des mains est répandu dans les cultes orientaux. On peut rapporter quelques objets au culte du dieu syrien Jupiter Dolichenus. Une main de bronze, trouvée au village de Mychkov en 1862, porte une inscription à Jupiter Dolichenus:

I(ovi) o(ptimo) m(aximo) / Doliceno (sic) / Caius optio / c(o)h(ortis) I H(i)sp(anorum) m(iliariae) / v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) (Kobylina 1976: 12).

La main votive de Jupiter Dolichenus découverte à Varna (Odessos, Mésie Inférieure) tient un globe sur lequel est assise Victoria, et porte l'inscription Iul(ius) sac(erdos) Dol(cheni) [Hamat 2013:177]. Une main tenant un globe a également été découverte à Cătunele de Sus, mais sans inscription cette fois. En Roumanie, de telles mains votives ont été découvertes à Cătunele de Sus, Jena, Porolissum (en Dacie) [Hamat 2013:177] et Mangalia (Callatis, Mésie Inférieure) [Hamat 2013:177]. Six épingles à cheveux ont été découvertes à Apulum, Ilişua, Buciumi, Porolissum et Drobeta qui sont liés au culte de Jupiter Dolichenus et Sabazius [Hamat 2013:177]. Ils appartiennent à la catégorie des épingles à tête anthropomorphe (tête en forme de main). Les pièces sont encadrées chronologiquement entre les II-III siècles, cinq pièces étant datées du troisième siècle. La coutume de représenter la main, manus dei, se retrouve dans un certain nombre de cultes orientaux comme celui de Jupiter Dolichenus, interprétée, peut-être, comme un signe de protection et de bénédiction - benedictio.

Une inscription découverte à Balaclava et datée du milieu du IIe siècle mentionne la restauration du temple de IOM Dolichenus par les soldats de la légion I Italica [Zubar et alii 1999: 205]. Le culte n'a gagné sa popularité dans l'Empire romain qu'au IIème siècle, et, en tenant compte du fait que l'inscription mentionne la réparation de l'édifice, le temple n'est pas seulement le premier du nord de la mer Noire, mais l'un des premiers monuments connus associés à la vénération de cette divinité [Zubar et alii 1999: 207]. Chronologiquement, il rejoint les dédicaces à Jupiter Dolichenus sous le règne d'Antonin, associées à la première vague de diffusion de ce culte sur le territoire de l'Empire romain [Zubar et alii 1999: 209]. M. Tacheva-Hitova considère que la diffusion de ce culte avant l'époque de Commode et des Sévères, était principalement associée aux recrutements de l'Est [Tacheva-Hitova 1983: 248].

C'est probablement au culte de Jupiter Dolichenus que se rapportent également les nombreuses figures d'aigles [Kobylina 1976: 13]. Des statuettes d'aigles en terre cuite, datant des premiers siècles de notre ère, ont été trouvées en plusieurs villes de la côte septentrionale de la Mer Noire : Tanais; Olbia, Panticapée [Kobylina 1976: 13]. II est possible que les vases en forme de tête de taureau, découverts au Bospore, aient été liés au culte de Dolichenos [Solomonik 1964: 51-52].

L'inscription no. 18 publiée par E. Solomonik [Solomonik 1964: 51-52] en 1964 représente un autel avec un aigle en relief, tenant dans son bec une couronne. L'auteur n'a pas fourni de détails sur la signification et le symbolisme de l'autel, ce qui nous donne l'occasion de le reprendre maintenant.

Fr. Cumont mentionne que les stèles funéraires d'Hiérapolis de Syrie sont régulièrement ornées de l'image d'un aigle déployé tenant dans ses serres ou dans son bec une couronne, ou des motifs de décoration analogues [Cumont 1910: 441]. De même, en Syrie l'aigle était l'oiseau sacré du soleil, et celui-ci était regardé comme le créateur des âmes qu'après la mort, il ramenait dans son sein. L'aigle était donc selon les croyances populaires le messager des Baals solaires, chargé de faire remonter jusqu'à eux les âmes libérées de leurs corps [Cumont 1910: 441]. Toutefois, il est intéressant de

noter que l'aigle tenant une couronne n'apparaît pas seulement sur les tombeaux d'Hiérapolis, mais aussi sur les monnaies de la cité à l'époque impériale [Caracalla, Domitien] [Cumont 1910: 59]. Sur un relief de Sarmisegetuza on peut voir un aigle posé sur une branche et tenant dans son bec une couronne, ce qui peut désigner le dieu comme divinité victorieuse [Berciu, Popa: 1978: 60]. Par conséquent, nous n'excluons pas la possibilité d'encadrer ce monument daté du IIe siècle, au culte de Jupiter Dolichenus.

Bibliographie

RUCINSKAJA O. A. Kul′tura I obšestvo grečeskih gorodov Severnovo Pričernomor′ja, (VI v. do n. e. – IV v. n.e). Har′kov, 2017.

KOBYLINA M. M. Divinités orientales sur le littoral nord de la Mer Noire. Leiden, 1976.

SAUCIUC SAVEANU T. O stela funerara si inscriptie cu palmele deschide in relief din Tomis Constanta. Analele Dobrogei, 1934, pp. 2-18.

MOGA I. Religious Excitement in Ancient Anatolia: Cult and Devotional Forms for Solar and Lunar Gods. Leuven, 2019.

BRATESCU C. Sarcofagul cu simboluri din Constanța. Analele Dobrogei 1931, p.219 – 220.

HAMAT A.C. Acele de păr cu capul în formă de mână acoperite în Dacia romana. Sargetia IV, 2013, pp. 177-193

ZUBAR V. M., SAVELJA O. JA., SARNOVSKI T. Novye epigrafi

eskie pamjatniki iz rimsovo hrama v okrestnostjah Hersonesa. Vestnik drevnei istorii 1999, 2. s. 197—217.

TACHEVA-HITOVA M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th Century BC — 4th Century AD). Leiden, 1983.

SOLOMONIK S.I. Novye epigraficeskie pamjatinki Chersonesa. Kiev, 1964.

CUMONT F. L'aigle funéraire de Syrie et l'apothéose des empereurs romains. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, N.6, 1910

BERCIU I., POPA A. Le culte de Jupiter Dolichenus dans la Dacie romaine. Leiden, 1978.

Laflı E.
Dokuz Eylül University, Izmir, Turkey
Patacı S.
Dokuz Eylül University, Izmir, Turkey

REPRESENTATIONS OF OCCUPATIONS AS IDENTITY AND INDIVIDUALITY-CREATING IMAGES ON GRAECO-ROMAN GRAVE MONUMENTS OF ASIA MINOR

Лафлы Э.
Патачи С.

Символы профессий как выражение идентичности и индивидуальности: изображения на античных погребальных памятниках Малой Азии»

This lecture is just a glimpse of the project that we have begun and will continue with the publication of the Greek and Roman grave monuments, especially stelae, from Asia Minor.

Working and pursuing a job not only means earning money for a living, but also taking a certain role in a social life, possibly achieving social status, recognition, fame, influence and power. The job is one of the important pillars of human identity. Therefore, it is understandable that in ancient Greek and Roman grave cultures the profession was also mentioned in some form after the name of the dead person because it was characteristic of a person; thus, these persons and their professions became unforgettable until today.

The present lecture will deal with the Hellenistic and Roman grave monuments in Asia Minor and their relations to the explicit professional representations as well as illustrations of symbols related to professions, e.g. tools as pars pro toto of a profession, as well as inscribed grave monuments in which alone by the inscription on the life exercised profession was pointed out. The question is based on the extent to which professional information in the tomb presentation of Asia Minor were relevant, which artistic means and linguistic designations referred to occupations, which type of reference predominates, whether occupations as main or secondary subject in the grave representation were chosen and whether different periods give different preferences in the references of professions. It should be pointed out that professional representations and references to professions in the inscriptions or on the tombstones in Hellenistic and Roman Asia Minor were never in the foreground, but they tell exciting stories that bring us closer to the ancient professional world and classical individuals of Asia Minor.

At the end of the paper some similar monuments from Crimea will be compared with the ones in Asia Minor.

Акимченков В.В.
член Российского общества интеллектуальной истории

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ МОРОЗОВА И ПРОФЕССОРА МОИСЕЯ ДАЯНА

Akimchenkov V.

NEW SOURCES ABOUT SCIENTIFIC COMMUNICATIONS OF ACADEMICIAN NIKOLAY MOROZOV AND PROFESSOR MOISEY DAYAN

Продолжение поисков архивных документов о научных контактах ученых из академических центров с крымоведами, позволяет ввести в научный оборот группу содержательных источников о внутренних процессах в истории регионоведческих исследований и межличностных коммуникациях деятелей науки [Непомнящий 2021: 110-130]. Выявленные нами в столичных архивах материалы о профессоре Моисее Исааковиче Даяне (Гинцбурге) (1877–1940) позволяют реконструировать многоуровневую систему межличностных коммуникаций ученого, уточнить либо опровергнуть относящиеся к его биографии сведения. Введение каждого из этих документов в научный оборот восстанавливает канву развития истории науки как в конкретном регионе, связанном с деятельностью М.И. Даяна, так и в целом на территории СССР в 1920–1930-е гг. [Непомнящий 2015: 76-88].

Среди выявленных эго-источников большой интерес представляет эпистолярий М.И. Даяна, хранящийся фондах Архива РАН. Письма, адресованные академику Николаю Александровичу Морозову (1854–1946), охватывают период с 20 декабря 1930 г. по 18 апреля 1940 г. Ученые и коллеги по революционной борьбе на протяжении долгих лет поддерживали переписку личного и делового характера. Из содержания которой становится понятным, что в данном фонде отложились не все письма, что порождает значительные хронологические лакуны и разрывы сюжетной линии. Первое из сохранившихся писем относится к осени 1930 г. Оно было отправлено на почтовой карточке из г. Ессентуки, где М.И. Даян находился на отдыхе в «Санатории им. М.И. Калинина», Н.А. Морозову в Ленинград. Письмо носит деловой характер и является ответом Моисея Исааковича на предложение Николая Александровича подготовить к публикации монографию о современных процессах в историографии. Адресат указывает: «Глубокоуважаемый Николай Александрович, крепко благодарен Вам за письмо-предложение. Я послушался Вас, взялся за монографию, озаглавив ее: «Революция в историографии (теория Николая Морозова)». Отдохну здесь, соберусь с силами, да и напишу. <…>.» [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 1]. Второе письмо датировано 20 декабря 1930 г. и носит аналогичный характер, уточняя те или иные аспекты дальнейшей совместной деятельности [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 2-2 об.].

Письма, датированные 1934–1935 гг. отражают крымский период научной деятельности М.И. Даян, когда он являлся директором Севастопольского музейного объединения и возглавлял Государственный Херсонесский историко-археологический музей [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 7-11]. Частично эти материалы уже атрибутированны и введены нами в научный оборот [Акимченков 2015: 86-97]. Также к 1934 г. относится рукописное приветствие М.И. Даяна, написанное на древнееврейском языке к 80-летнему юбилею академика Н.А. Морозова [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 329, л. 1-1об.]. Более десяти писем периода 1935–1940 гг. посвящено вопросам текущего характера. В них запечатлена попытка трудо-

устройства М.И. Даяна в Ленинграде после увольнения из Севастополя и исключения из ВКП(б), просьбы в помощи с опубликованием статей в том или ином столичном издании и т. д. Но самое главное, они содержат имена тех ученых, с которыми М.И. Даяну и Н.А. Морозову приходилось сталкиваться на научном поприще в обозначенный период, что позволяет выстроить всю систему внутринаучных коммуникаций [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 12-30].

Больший интерес представляют материалы, подготовленные М.И. Даяном к публикации и отправленные Н.А. Морозову на рецензирование, однако в силу разных причин не попавшие на страницы изданий. В частности, такая участь постигла статью «К передовой историографии», в которой охарактеризовано положение советской исторической науки в конце 30-х гг. XX в. и большое внимание уделено историографическим сюжетам по истории Херсонеса Таврического, работам и начинаниям крымских историков и археологов [Архив РАН, ф. 543, оп. 5, д. 50, л. 1-11]. Еще одна неопубликованная заметка М.И. Даяна посвящена истории изучения текста источника «Повесть об Ахикаре Мудром» в зарубежной историографии и вопросам перевода данного памятника наставительной литературы на русский язык [Архив РАН, ф. 543, оп. 5, д. 51, л. 1-3]. Отметим, что вышеперечисленные материалы уже введены нами в научный оборот [Акимченков 2017; Акимченков 2019].

Значительным успехом явилось обнаружение в фондах Архива РАН письма Н.А. Морозова, которое датировано 26 апреля 1940 г. и обозначено как «письмо неустановленному лицу». Его содержание помогает понять имя получателя, которым, без сомнения, являлся М.И. Даян, а также разобраться во многих перипетиях последних лет жизни ученых. В письме Николай Александрович указывал: «Дорогой Моисей Исаакович, простите же меня за мои замедления с ответом, но дело в том, что за последние годы я нахожусь в таком психическом состоянии, что хочется скрыться с глаз от всех. Если бы не любовь к науке, и не моральная обязанность беречь Ксению до конца жизни, как я ей обещал, уже давно умер с тоски. Но меня спасаем любовь к науке; когда мне в голову приходит (а это бывает почти каждую ночь) какая-нибудь научная идея, принимаясь за ее разработку, обыкновенно требующую не одного месяца, я забываю обо всем окружающем.

А окружающее очень тягостно для меня потому, что я чувствую себя не в силах помогать своим друзьям и знакомым. Вот хоть, например, в Вашем случае. Вы, как и множество других, присылаете мне очень хорошую статью с просьбой посодействовать ее напечатанию, а я чувствую себя бессильным. Перед дверьми всех издательств стоит еще большая очередь, чем я сегодня видел перед молочным ларьком (занят полностью весь квартал).

Но очередь перед издательствами много хуже: перед ларьком только толкаются локтями, а в перед издательской очереди еще стараются вышвырнуть, забрызгав грязью.

Вы может быть заметили, что последняя моя книга (том VII «Христа») вышла еще в 1933 году. Но это не потому, чтоб за эти годы у меня не было написано последних трёх томов этого методологического исследования, а потому, что в Государственном издательстве (а другого у нас нет) мне решительно сказали: «мы не можем печатать Ваших работ, потому что нам говорят: для Морозова у вас есть и бумага, и возможность, а для нас книги, которые имеют большой современный интерес, – нет?».

Я, конечно, сейчас же согласился с этой логикой: действительно, мой товар не портится от времени, а потому может и подождать печатанья, значит вместо того, чтоб портить свои нервы, насильно проталкиваясь локтями в этой очереди, буду лучше накоплять свой «непортящийся от времени товар». А напечатать его смогут и после моей смерти.

Так я и поступаю уже с лишком пять лет. Огорчает меня лишь то, что большинство не знает этого, а думают, что я мог бы устроить их статьи, но не захотел тревожиться.

Не думайте же этого и Вы. Сердечный привет Вам и Ароните Моисеевне. Николай Морозов [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 2443, л. 1-2 об.]».

Таким образом, выявленная в фондах Архива РАН переписка между академиком Н.А. Морозовым и профессором М.И. Даяном проливает свет на проблемные страницы истории советской науки 1920–1930-х гг. Материалы позволяют по-новому увидеть нюансы изучения отдельных памятников истории и культуры, погружают в непростой контекст взаимоотношений внутри научного сообщества той поры. Дальнейшее выявление и вовлечение в исследовательское поле новых архивных материалов позволит сформировать целостное восприятие научной и общественной деятельности М.И. Даяна.

Библиография

АКИМЧЕНКОВ В.В. «Прямая обязанность советских историков и археологов вскрыть обман “жрецов” буржуазной историографии»: Статья профессора М.И. Даяна. 1939 г. // Исторический архив. М.: РОССПЭН, 2017. № 4(145). С. 160–171.

АКИМЧЕНКОВ В.В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / под ред. А.А. Непомнящего. Москва; Симферополь: Антиква, 2015. 244 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

АКИМЧЕНКОВ В.В. К истории изучения «Книги Ахикара» в 30-е гг. XX в. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Матер. III Международной научной конференции, г. Севастополь, 6–8 июня 2019 г. / Ин-т востоковедения РАН. М., 2019. Т. 1. С. 18–22.

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С.Ф. Платоновым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. Симферополь, 2015. Том 1(67), № 2. С. 76–88.

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Профессор Виктор Филоненко: неизвестные страницы биографии: по новым документам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 110–130.

Алексеенко Н.А.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ

Alekseenko N. A.

ARTIFACS OF BYZANTINE SPHRHISTICS AS A REFLECTION OF TRADITIONAL HISTORICAL LINKS OF CRIMEA WITH THE MEDITERRANEAN

Благодаря памятникам сфрагистики теперь не только по письменным источникам чётко прослеживается существование тесных взаимоотношений полуострова с его партнерами из Южного Причерноморья, Малоазийского побережья Средиземноморья, Балкан, Адриатики и некоторых других областей. Моливдовулы показывают три основных направления развития межрегиональных контактов – это политико-административные, церковные и финансово-экономические связи.

Важное стратегическое значение региона отражают находки здесь печатей императоров и высших командных чинов византийской армии и флота, а также стратигов, как восточных фем Средиземноморья – Опсикия, Востока, Фракесийцев [Алексеенко 1999: 65-82; Šandrovskaja 1993: 94-96; Stepanova 1999: 57, nr. 21], так и западных – Эллады, Фессалоники, Македонии, Сицилии [Алексеенко 1997: 129-130, № 8; № 9; 2004a, с. 272, №№ 6, 7, рис. 15, 16; Соколова 1991: 211, № 46; Смычков 1999: 75-76; Степанова 2007: 365-366, № 1]. Здесь особо следует отметить и одну из самых ранних печатей с греко-латинской надписью с далёкого африканского побережья Средиземноморья, принадлежавшую одному из прославленных полководцев Юстиниана I, магистру Бизацены Иоанну Троглите [Алексеенко 2009: 350-356][1].

В последнее время эту группу пополнил редкий моливдовулов, владельцем которого являлся стратиг морской фемы Кифалонии (Ионические острова – регион ранее не представленный в Таврике) [Алексеенко 2016: 11, 12, № 5].

Очевидную заинтересованность в Таврике проявляет и византийская церковь. Об этом в первую очередь свидетельствуют находки теперь уже не только в Херсоне, но и в других районах полуострова моливдовулов константинопольских патриархов [Юргевич 1886: 20, 21, № II; Соколова 1991: 210, № 40; Sokolova 1993: 109, note 39; Алексеенко, 1990, с. 25–29; 2004b: 260–264; 2020: 161, 162, № 2], а также булл провинциальных церковных иерархов, среди которых, к примеру, можно назвать известного смирнского епископа Митрофана (860-е гг.) [Алексеенко 2007: 11–16]. Новые сфрагистические находки существенно дополнили и расширили спектор и церковных адресантов Таврики. Теперь в крымском сфрагистическом арсенале появились и печати известных византийских монастырей, таких как Апостолеон в Руфинианах (побережье Пропонтиды), Хрисиас Петра (окрестностей Амасии на северо-востоке Пафлагонии) и Святой Троицы из Борадиона (предместье Константинополя на азиатском берегу Босфора) [Алексеенко 2019: 225–241].

[1] Ныне моливдовул хранится в собрании музея Шереметьевых в Киеве (инв. № Akh-348).

Ещё одним немаловажным направлением внешних сношений региона с другими областями империи являются сфрагистические свидетельства развития связей в области финансов, экономики и торговли.

Находки печатей финансовых, таможенных и налоговых чиновников (VII–XI вв.) безусловное свидетельство привлечения местного административного ресурса к осуществлению имперской политики финансово-экономических коммуникаций в Причерноморском регионе и активном участии Таврики в международной торговой деятельности, обеспечивавшей транзит товаров через полуостров с Севера на Юг и обратно.

Основная составляющая здесь это многочисленные печати главных логофетов, возглавлявших столичное финансовое управление государственного фиска, а также буллы их суббординантов – представителей административного аппарата имперских таможен и региональных диойкитий. Средиземноморский регион в нашем случае представлен моливдовулами диойкита Митилены (о. Лесбос), императорского кандидата Димитрия и коммеркиария Авидоса, императорского спафария Константина [Алексеенко 1997: 125, 128, 129, табл. 6; 2004а: 269, 270, 273. № 4. Рис. 10, 17.]

Анализ данных памятников сфрагистики, происходящих с территории византийской Таврики показывает достаточно широкий круг внешних корреспондентов и представляет нам эту часть Византийского государства как регион где умело сочетались административная, военно-стратегическая и церковная политика империи с интересами экономики, финансов и торговли.

Особо обращает на себя внимание, что достаточно широкая география адресантов главным образом указывающая имена приморских центров или областей[2], в которых главными городами являются известные морские порты, со многими из которых Таврика так или иначе поддерживала связи ещё со времён античности.

Судя по всему, неразрывная связь с морем обеспечила для византийской Таврики развитие взаимоотношений с окружающим миром в первую очередь через непосредственные контакты с приморскими или островными центрами, ведущую роль среди которых, безусловно, играли ближайшие соседи из Южного Понта и Восточных Балкан, но, надо полагать, не последнюю роль здесь играли и средиземноморские области такие как Гелеспонт, Малоазийское побережье, Южные Балканы, Адриатика и, вероятно, некоторые другие регионы, имена которых надеемся со временем откроют новые находки в области византийской сфрагистики.

Библиография

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 122–133.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 65–82

АЛЕКСЕЕНКО Н. Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // Acta Musei Varnensis. Варна, 2004а. Т. II. С. 265–275.

[2] Такое положение для Херсона уже не раз отмечалось [см: Алексеенко 2008: 14; 2014: 76]; аналогичное наблюдение для Сугдеи в свое время сделала и Е. В. Степанова [Степанова 2001: 106].

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 2004. – Харьков, 2004b. С. 260–264.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2007. Т. III: Небесные патроны и земные служители культа. С. 11–16.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // Судакский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 8–15.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. «Militaria Byzantina» в Таврике (по данным моливдовулов) // Боспорские исследования. Керчь, 2009. Вып. XXI. С. 350–356.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Данные моливдовулов как важный источник по истории византийской армии и флота (на примере находок из Херсона) // Военная история России: проблемы, поиск, решения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. (Волгоград, 26–27 сентября 2014 г.). Волгоград. 2014. С. 69–83.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2016. Серия 4. Т. 21. № 5. С. 6–18.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // Боспорские исследования. Керчь, 2019. Вып. XXXVIII. С. 225–241.
АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Перспективы исследований византийских печатей в Крыму // Боспорские исследования. Керчь, 2020. Вып. XL. С. 158–168.
СМЫЧКОВ К.Д. новые находки печатей военно-административных округов их Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1999. С. 75–76.
СОКОЛОВА И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсона // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 201–213.
СТЕПАНОВА Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
СТЕПАНОВА Е. В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
ЮРГЕВИЧ В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсонесе // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14. С. 20–21.
AHRWEILER H. Fonctionnaires et bureaux maritimes à Byzance // REB. Paris, 1961. Vol. XIX. P. 239–252.
SOKOLOVA I. V. Les sceaux Byzantins de Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
STEPANOVA E. New Seals from Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1999. Vol. 6. P. 47–58.
ŠANDROVSKAJA V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // Studies in Byzantine Sigillography. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–98.

Аникеева Т.А.
Институт востоковедения РАН

ЭПИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ОБ ИДИГЕ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КРЫМА (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

Anikeeva T.A.
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow
EPIC CYCLE ABOUT IDIG IN THE TURKISH PEOPLES OF THE CRIMEA (TO THE HISTORY OF STUDY)

Эпический цикл сказаний об Идиге (Эдиге, Идигее, Едигее) в различных многочисленных версиях и вариантах распространен у многих тюркских народов от Кавказа до Сибири и от Крыма до Алтая.

Принято считать, что этот довольно поздний в хронологическом отношении эпос изначально появился в ногайской среде, в Золотой Орде, а потому впоследствии стал общим наследием для многих тюркоязычных народов, прежде всего тех, что входили в состав Джучиева улуса. «Ногайцы — молодое тюркское племя. Оно зародилось на глазах истории. Ногай, могущественный князь в Золотой Орде, предводительствовал мангытами. После его смерти (ок. 1300 г.) мангыты стали называться ногайцами. По-видимому, с течением времени к основному ядру мангытов присоединились многие чуждые роды и племена, и прежнее название племени перестало соответствовать действительности. Тогда имя Ногая послужило для нового названия. Ногайцы имели чрезвычайно интересную историю, которая вся отразилась в их эпосе...» — так писал тюрколог П.А. Фалев в своей оставшейся неизданной работе, посвященной эпическим сказаниям об Идигее (см.: [Аникеева, 2018]).

Безусловно точным является замечание П.А. Фалева об исторической основе эпоса «Идигей» и примыкающих к ним сказаний о Чора-батыре — это события, происходившие в XV-XVI вв. в Ногайской Орде. В центре сказаний эпоса – история мурзы по имени Идигей (Эдиге, Едигей), а также его сподвижников и потомков (это ордынские князья Нурадин/Нурадиль, Муса-хан, Урак и Мамай, Исмаил, Ямгурчи), распри Идигея с золотоордынским ханом Тохтамышем (Токтамысом) и его приближенными — визирем Ямбаем (Джанбаем) из рода кенегес, сыном Кадыр-Берди, Барыном и Сарыном.

После ссоры Тохтамыша с Амиром Тимуром и изгнания Тохтамыша (1395 г.) Идиге был фактическим правителем Золотой Орды долгое время, вплоть до того, как сыновья Тохтамыша вынудили его бежать в 1412 г. в свой Ногайский улус, где он через восемь лет был убит во время сражения с одним из них. Тем не менее, исследователями эпоса (в частности В. Жирмунским) отмечается, что «известная из русских летописей внешнеполитическая деятельность Идиге, в том числе война с Витовтом в 1399 г. и поход на Москву (1408-1409), в эпосе не получила никакого отражения».

Хотя источником эпического цикла сказаний об Идиге является памятник средневековой словесности ногайцев, его бытование зафиксировано в разное время во множестве версий среди других тюркских народов — казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, туркмен, башкир, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и телеутов). По мнению исследователей, это является еще одним доказательством того факта, что сказание об Идигее сложилось в Ногайской орде: «Широкое географическое распространение сказания…

— от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана соответствует исторической рамке, в которой происходили движения ногайцев-кочевников, в особенности после распада ногайского улуса в XVI–XVII вв.» [Жирмунский, 1974]. Кроме того, сказание об Идигее, в свою очередь, породило и другие эпические циклы – посвященные уже потомкам ордынского мурзы и также имеющие свою историческую основу — например сказание об Ураке и Мамае или же сказание о Чора(Шора)-батыре. В сказании «Урак и Мамай» идет речь о раздорах среди потомков Идиге в XVI в. Сын Муса-хана Исмаил (исторический союзник Ивана Грозного) убивает своего брата Урака (см.: [Трепавлов, 2002]). Известно также и о существовании множества локальных кратких преданий, существующих у различных тюркских народов и связанных с кругом персонажей эпоса «Идигей».

Собирание и изучение различных вариантов сказания об Идиге начались с публикации, сделанной писателем Г. Спасским в 1820 г. в журнале «Сибирский вестник» — это была одна из казахских версий сказания. Спустя десять лет польский востоковед А. Ходзько издал на английском языке записанные им у астраханских ногайцев сказания об Идиге [Chodzko, 1842]. Первооткрывателем в области исследования эпического сказания об Идигее называют П.М. Мелиоранского – профессора Санкт-Петербургского университета — он издал в 1905 г. «Сказание об Едигее и Токтамыше». Это издание «киргизского» (т.е. казахского) эпического сказания об ордынском военачальнике и временщике Едигее (Идиге, Идику), записанного Ч.Ч. Валихановым и его отцом Султаном Чингисом в 1841–1842 гг. в Аман-карачайском округе от акына из рода кыпчаков Жаманкула и двух других казахов. Именно П.М. Мелиоранский выделил историческую основу сказаний об Идигее и отождествил главных персонажей эпоса. Ногайские варианты были напечатаны в хрестоматиях М. Османова (1883) и И. Березина, а также в различных переводах или пересказах.

Несколько записей присутствует в собранных В.В. Радловым «Образцах народной литературы северных тюркских племен» (“Proben der Volkslitteratur der nördlischen turkischen Stämme”, 1866-1872): это тексты, полученные от барабинских и омских татар, ряд вариантов — из Бахчисарая и степного Крыма (Карасубазара, Бююк Ходжалар). Некоторые записи получены от ногайцев северного Крыма. Эти тексты были опубликованы, соответственно, в первом и седьмом томах «Образцов...»: они приведены в русской академической транскрипции и немецком переводе [Radloff, 2010]. Это короткие сказания об Идиге, и примыкающие к этому циклу сказания о Чора-Батыре, Ураке (Урак-Мамай мирза) в стихотворной и прозаической форме.

Таким образом, к началу XX в. российскими востоковедами и фольклористами был собран большой объем материала и различных версий этого сказания, включая бытующие на территории Крыма. Однако необходимость изучения и собирания различных версий сказания об Идигее была сформулирована еще П.А. Фалевым в его оставшейся неопубликованной работе[3], посвященной этому эпосу: «А.Н. Самойлович во время своей поездки к ногайцам Ставропольской губ. встречал много певцов, знавших сказание об Эдигее. Но к сожалению он, занятый другого рода наблюдениями, не имел возможности их записать. А там могли быть важные варианты. А.З. Валидов говорил мне, что он встречался со сказаниями об Эдигее у башкир и сделал несколько записей. Но это все случайные встречи и записи, планомер-

[3] Рукопись П.А. Фалева [АВ ИВР РАН. Разряд 2, оп. 4, № 34] — «Ногайское сказание об Едигее». Однако эта рукопись включает в себя и другие материалы по тюркскому фольклору. См.: [Аникеева, 2018].

ного собирания различных вариантов сказания не производилось, почему и нельзя дать полной картины его распространения».

По всей видимости, в исследовательских планах П.А. Фалева было сравнение различных и, прежде всего, сибирских и крымских, версий сказания об Идигее (хотя этим планам не суждено было осуществиться: П.А. Фалев скончался в 1922 г.). Крымские варианты он объединял с так называемой «ногайской» группой сказаний, записанной в Ставропольской губернии (группировке версий сказания у Фалева посвящена отдельная тетрадь в его архиве): «Всякую народную эпическую поэму нельзя представлять как созданную одним певцом и. Одно время. В отношении сказания об Эдигее надо отметить, что оно создавалось не только разными певцами и в разное время, но и в различных местах, или, лучше сказать, в различных средах. Песни Тохтамыша, проникнутые симпатией к несчастному хану, которого преследует его бий, не могли иметь своим авторами (нрзб.) восхваляющих Эдигея. Песни Тохтамыша соединились с песнями об Эдигее и Нурэтдине впоследствии, когда чувства и мысли, волновавшие их творцов, забылись, и сказание составлялось уже под воздействием новых идей. А такое в известной степени искусственное соединение разнородных по происхождению песен и рассказов не могло опереться только на память, о должно было быть поддержано записью (*прим. Фалева: записывание былины самими сказителями - не редкость […]). Эти ранние записи не были однообразны. Пошедшие от них и распространенные сейчас редакции сказания можно разделить на несколько групп. Прежде всего выделяется «ногайская» группа, к которой относят крымские версии, версии М. Османова и И.Н. Березина и моя запись…» [АВ ИВР РАН, разряд 2, оп. 4, № 34].

Свой вклад в изучение эпоса «Идигей» впоследствии внесли практически многие российские востоковеды-тюркологи, чьи исследования сейчас можно назвать классическими: В.В. Бартольд, Г.Н. Потанин, А.Н. Самойлович и др. Одним из наиболее полных изданий различных версий сказаний об Идигее является издание 2016 г. [Суюнова, 2016]: на протяжении XX в. ногайский материал пополнялся новыми записями. В то же время крымские версии сказания, представленные у Радлова и П.А. Фалева, остаются относительно малоизученными.

Библиография

АНИКЕЕВА Т.А. Неопубликованные материалы об огузском книжном эпосе в архиве П.А. Фалева // Тюркологический сборник 2018. М., 2018.

ЖИРМУНСКИЙ В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

СУЮНОВА Н.Х. (ред.). Эдиге. Ногайская эпическая поэма. М., 2016.

ТРЕПАВЛОВ В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

ФАЛЕВ П.А. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разряд 2, опись 4, № 34.

CHODZKO A. Specimens of the Popular Poetry of Persia. London, 1842.

RADLOFF W.W. Proben der Volkslitteratur der nördlischen turkischen Stämme. VII. Theil. Die Mundarten der Krym. Haz. T. Çulha. Istanbul, 2010.

Арутюнян А.Ж.
Ереванский государственный университет

СОБСТВЕННАЯ АЗИЯ ПО ДАННЫМ «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ (АШХАРАЦУЙЦ-А)»

Harutyunyan H. Zh.

OWN ASIA ACCORDING TO THE DATA OF «ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY (ASHKHARATSUYTS)»

В «Ашхарацуйц»-е третьей страной всеобщей Азии названа Собственная Азия (второй в этом списке перечислена Мизия, четвертой – Ликия). Все эти страны были расположены на территории полуострова М. Азия. Впервые в историографии данную страну, упомянутую в «Ашхарацуйц»-е, именует ***Собственная Азия - ἡ ἰδίως καλουμένη Ἀσία*** -первый переводчик фрагментов этого источника К.П. Патканов [Патканов 1877: V,29; Акопян 2015: V,14-17]**.** В армянском тексте «Ашхарацуйц»-а использован топоним ***Арандзнак***, что переводится как ***ἴδιος, καταμόνας*** или ***propius, privatum*** [А. Ширакаци 1979: V,17-21; Ptol. V,II,1-34]. Возможно, топоним ***Изолированная*** четче бы отразил семантику данной армянской лексической единицы. Под названием ***Арандзнак*** подразумевается римская провинция ***Азия***, где в период независимости правили цари династии Атталидов [Климов 2010: 45 и дал.].

В самом начале фрагмента текста армянского источника, посвященного Собственной Азии, авторы (Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци) очерчивают границы этой страны: «Третьей страной Азии является Собственная Азия, которая находится рядом с Мизией, у моря, где расположены столицы Эфес, Измир, Пергам и Трал, которые рядом с ними имеют еще сорок восемь других городов» [А. Ширакаци 1979: V,17]. Итак, «Ашхарацуйц» отделяет Мизию от провинции Азии, а к последней «присоединяет» Эфес, Измир и Трал. Однако это далеко не полный список перечисленных в источнике территорий, находившихся в составе этой провинции. Так, в следующем параграфе текста «Ашхарацуйц»-а упоминается: «[Собственная Азия] имеет маленькую область Людию (Лидия – А.А.), столица которой Сардес, Еолис, Эонию (Иония), которые греческие города, [город] Карию» [А. Ширакаци 1979: V,18; Фролов 1981: 32 и дал.; Starr 1961: 15ff.]. Таким образом, в представленном списке упомянуты как административно-территориальные единицы (Лидия, Эолида, Иония и Кария) так и города Эфес, Измир, Тралл, которые также ошибочно представлены как административно-территориальные единицы. Особняком стоит вопрос Пергама [Strabo. XIII,IV,1-4; Ptol. III,XI,13], который изначально был городом в составе области Мизия, а далее - столицей одноименного государства. Весьма любопытен факт, что в своей «Истории Армении» первый автор «Ашхарацуйц»-а Хоренаци не упоминает ни о Пергаме, ни о царстве, которое впоследствии превратилось в римскую провинцию Азия[4]. Дать однозначный ответ на вопрос, знал ли Хоренаци о существовании этого царства, весьма затруднительно, хотя, на наш взгляд, следующие сведения армянского источника могут стать определенной подсказкой. Речь идет об упоминании области Людия. В «Истории» Хоренаци не просто называет эту область, но и подробно излагает историю Людии (правильнее - Лидия) в бытность ее государством [Хоренаци. II,12 и дал.][5].

[4] Азия у армянского историка представлена как континент.

[5] Это стиль изложения Хоренаци: автор никогда не повторяет то, о чем уже писал в других произведениях.

Расположение областей Эолида, Иония [Greaves 2010: 45; Starr 1961: 131] и Кария точно установлено. К списку общеизвестых топонимов следует добавить названия городов Эфес и Измир. Остается нерешенным вопрос Тралла. В источниках упоминаются фактически два Тралла: а) Тралл, который располагают на месте современного турецкого г. Айдына; б) Карийский Тралл, о котором упоминает Страбон [Strabo. XIV,I,42; Ramsay 1890: 18ff.]. Несмотря на разногласия в упоминаниях античных историков, все они единодушны в том, что оба города находились у бассейна реки Меандр. Если следовать очередности перечислений в тексте армянского иточника (Эфес, Змюрния, Пергам, Тралл), следует заключить, что топонимы представлены в направлении юг-север. Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что в «Ашхарацуйц»-е упоминается лидийский Трал(лис). В продолжении читаем: «Собственная [Азия] [имеет семь гор], пять рек [и десять островов], [остров] Хиос с одноименным городом, еще город Посиду, где есть смола дерева, т.е. маздик. [Острова] Икар и Самос с одноименными городами, [остров] Ков, о котором говорит Лука в «Деяниях», что Эфес платил налоги Артемиде» [А. Ширакаци 1979: V,19].

Итак, кроме перечисленных 48 городов упомянуты также Сарды, Эфес, Измир, Траллис. Далее в тексте упоминаются города Хиос, Посиду, Икар, Самос. Список городов «Ашхарацуйц»-а полностью совпадает со сведениями известных античных историков-географов. Следует оговорить, что армянские авторы не «забывают», что в далеком прошлом эти города основали греки.

«Ашхарацуйц» параллельно сообщает и об островах. Упоминания об островах является органическим продолжением «ашхарацуйц»-овского текста описания Балканской Греции [Арутюнян 2016: 335-345], где речь идет о Кикладах. Сложнее представляется вопрос о. Ков/Кос, о котором упоминают и Птолемей, и Страбон (Κῶς). В «Ашхарацуйц»-е данный топоним употреблен в варианте Ков. Этот факт можно объяснить тем, что в древнеармянском языке буквы **с (ս)** и **в (Վ,վ)** графически похожи. Последняя в древнеармянском имеет и другой вариант написания - **вью (Ւ,ւ)**, а строчную букву **вью (ւ)** графически можно спутать с буквой **в (վ)**. Поэтому топоним Кос, по всей вероятности, по вине переписчиков «Ашхарацуйц»-а превратился в *Ков* (так в арм. яз. называли и называют *корову*) [Петоросян 2018: 158-164]. Далее авторы «Ашхарацуйц»-а пишут: «Здесь (на о. Кос – А.А.) находится могила Евангелиста Иоанна, а также другого Иоанна, которого звали Марк» [А. Ширакаци 1979: V,21]. Не исключено, что часть своей жизни Иоанн Евангелист провел на Косе.

В тексте армянского источника осталось рассмотреть вопрос семи гор и пяти рек на территории государства Собственная Азия. Гор больше семи. Наиболее известны горы Айдина, Латм(ос)а, Ликийские и Мисийские. Далее упомянут М. Олимп [Габелко 2005; Арутюнян 2020: 261], Сипала. Идентичная картина наблюдается при рассмотрении вопроса рек. «Ашхарацуйц» описывает политическое развитие данного полуострова с начала VIII в. до н.э [Ramsay 1890], то есть с эпохи архаики до преобразований Юстиниана (VIв.). Что касается провинции Собственной Азия, то в «Ашхарацуйц»-е описаны границы эпохи Атталидов (283-133 гг. до н.э.) и далее до периода превращения Пергамского царства в римскую провинцию (провинция Азия - Ασία, Asia).

Библиография

АНАНИЯ ШИРАКАЦИ. Избранные труды. Ашхарацуйц. С. 258-312. — Ереван, 1979. (на арм. яз).

АКОПЯН А. А. Ашхарацуйц VII века. Андес амсоря. С. 35-194. — Вена- Ереван, 2015 (на древнеарм. яз.)

АРУТЮНЯН А.Ж. Греция согласно данным «Ашхарацуйц»-а. МАИАСП. № 8. С. 335-345. - Севастополь, Тюмень, Нижневартовск, 2016.

АРУТЮНЯН А.Ж. Мизия (Мисия) по данным «Древнеармянской географии» (или «Ашхарацуйц»-а). Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Матер. междунар. научн. конф. Ч. 2. С. 260-264. - СПб., 2020.

ГАБЕЛКО О.Л. Вифинское царство. - СПб., 2005.

КЛИМОВ О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. – СПб., 2010.

ПАТКАНОВ К.П. Армянская география VII века по р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). - СПб., 1877.

ПЕТРОСЯН В.З. Диахроническая и синхроническая характеристики древнеармянского сонорного звука ւ(ս̧). Вопросы арменистики. 3. С. 158-164. – Ереван, 2018 (на арм. яз.).

ФРОЛОВ Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли - Л., 1981.

GREAVES A.M. The Land of Ionia. Sociaty and Economy in the Archaic Period. - Oxf., 2010.

PTOLEMAIOS. Ptolemaios Handbuch der Geographie. Griechisch- Deutch. Herausgegeben von Stuckelberger A. und Grabhoft G. Einleitung, text und übersetzungю index. 1 teil. buch 1-4. — Basel, 2006.

RAMSAY W.M. The Historical Geography of Asia Minor, Cambr., 1890.

STARR Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100-650B.C. - N-Y, 1961.

STRABO. The Geography of Strabo. Vol. VI. B. XIII-XIV - Cambr., 1929. (LCL).

Балахванцев А.С.
Институт востоковедения РАН

ГРАНИЦЫ ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ: К МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Balakhvantsev A.

THE BORDERS OF THE ACHAEMENID EMPIRE: TOWARDS THE METHODS FOR EVALUATING WRITTEN SOURCES

Казалось бы, что основными источниками, позволяющими во всех подробностях судить о списке областей и внешних границах державы Ахеменидов, являются надписи, высеченные по приказу ее правителей. Если же прибавить к ним данные «отца истории» Геродота, то может создаться впечатление, что вопрос о границах освещен в нарративной традиции с исчерпывающей полнотой. Но так ли это?

При работе с ахеменидскими надписями необходимо иметь в виду, что для достижения впечатления о вечности и неизменности державы эти памятники оперировали не сатрапиями, число и границы которых постоянно менялись, а списком не совпадавших с сатрапиями dahyu – т.е. стран / народов. Этот перечень был сформирован еще в надписи на гробнице Дария I в 490–486 гг. до н.э. и в последующем в точности воспроизводился и другими Ахеменидами, за исключением Ксеркса. Таким образом, ахеменидские надписи просто игнорировали факты отпадения от империи тех или иных территорий [Балахванцев 2006: 367, прим. 6], а иногда – как в случае с Кушем [Morkot 1991: 322, 324, 333] и европейскими скифами – включали в ее состав земли, которые всегда сохраняли свою независимость. Поэтому присутствие какой-либо страны в списке покоренных земель еще не гарантирует, что она действительно входила в состав державы Кира и Дария. Зато отсутствие любых упоминаний о ней в персидских надписях является весомым доказательством в пользу того, что эта территория Ахеменидам никогда не принадлежала.

Отмеченное выше обстоятельство не позволяет безоговорочно принять активно обсуждаемое в последнее время [Nieling 2010: 132-133; Цецхладзе 2014: 217; Tsetskhladze 2019: 138, 142] сообщение Геродота (Hdt. III. 97. 4) о Главном Кавказском хребте как северном пределе Ахеменидской державы. Ведь в ахеменидских надписях ни Колхида, ни Иберия ни разу не упоминаются. Вместе с тем, ряд частных замечаний Геродота о колхах и кушитах (эфиопах) гораздо лучше соотносятся с исторической реальностью, чем данные ахеменидских источников.

Важную роль в уточнении информации из нарративной традиции играет археология. Так, открытие ахеменидского царского дворца в Караджамирли, на северо-западе современного Азербайджана, является неоспоримым доказательством вхождения этой территории в состав империи. С другой стороны, при анализе археологического материала очень легко принять торговые связи с Ираном и культурное влияние Ахеменидов за их политическое господство. Однако ни существование явных следов ахеменидского влияния на материальную культуру Иберии [Licheli 2013: 115-117], ни находки ахеменидских импортов (торевтики, печатей) и даже фрагмента надписи Дария I в Фанагории, ни чеканка боспорских монет V в. до н.э. по малоазийскому стандарту с использованием так называемых «ахеменидских» символов [Балахванцев 2018: 63-64; Балахванцев 2020 (1): 34-36; Балахванцев 2020 (2): 18-20] не доказывают вхождения Иберии – современной Восточной Грузии – и Боспора в состав Ахеменидской державы.

Из всего этого с неизбежностью следует вывод, что только комплексное изучение всех видов источников с учетом особенностей каждого из них может указать нам правильный путь к решению вопроса о границах империи Ахеменидов в различные периоды ее существования.

Библиография

БАЛАХВАНЦЕВ А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. – СПб., 2006. Т. II (XXVII). С. 365-375.

БАЛАХВАНЦЕВ А. С. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2018. Часть 1. С. 61-65.

БАЛАХВАНЦЕВ А. С. Ахеменидское влияние на Боспоре в свете иконографии ранних монетных выпусков Пантикапея // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. – Севастополь, 2020 (1). С. 34-38.

БАЛАХВАНЦЕВ А. С. Еще раз об ахеменидском влиянии на Боспоре: вопросы метрологии ранних монетных выпусков Пантикапея // Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2020 (2). Часть 2. С. 17-21.

ЦЕЦХЛАДЗЕ Г. Р. Боспорское царство: особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. – М., 2014. С. 200-235.

LICHELI V. Caucasian Iberia and Achaemenids // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. – Ростов-на-Дону, 2013. P. 115-118.

MORKOT R. Nubia and Achaemenid Persia: sources and problems // Achaemenid History VI: Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire. –Leiden, 1991. P. 321-336.

NIELING J. Persian Imperial Policy behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosporus in the Last Quarter of the Sixth to Beginning of the Fifth Century BC // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Power. – Aarchus, 2010. P. 123-136.

TSETSKHLADZE G. R. An Achaemenid Inscription from Phanagoria: Extending the Boundaries of Empire // Ancient West and East. – Leiden, 2019. Vol. 18. P. 113-151.

Баранов А.В.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ КРЫМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАССОВОГО И ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ

Baranov A.V.

INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS OF THE PEOPLES OF CRIMEA IN MODERN CONDITIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MASS AND EXPERT OPINION

Актуальным аспектом межэтнических и межконфессиональных отношений в современном Крыму выступает этнополитическая экспертиза. Кроме выражения научных взглядов и политических предпочтений специалистов, экспертиза обладает эффектом «самосбывающегося пророчества». Именно представители социально-гуманитарных наук формируют повестку дня и дискурс оценок этнополитических процессов. С остротой вопросы организации квалифицированной и регулярной экспертизы стоят на Крымском полуострове, где кардинально сменился с 2014 г. идейный контекст оценки этнических проблем.

Среди трудов предшественников следует выделить ежегодные экспертные доклады Института этнологии и антропологии РАН. В них приняли участие В.А. Тишков, В.В. Степанов, Р.А. Старченко, Т.А. Сенюшкина и др. [Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском…, 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму, 2019]. Выполнены исследования идентичности крымскотатарской молодёжи [Макарова, Габдрахманова 2017: 138-153].

Цель работы – определить сходства и различия оценок межэтнических и межконфессиональных отношений на Крымском полуострове по материалам самостоятельных массового и экспертного опроса (весна – лето 2019 г.). Опросы проведены исследователями Кубанского государственного университета (И.В. Юрченко, А.В. Баранов, М.В. Донцова и Н.Н. Юрченко).

Экспертный опрос относится к качественным методам исследований и не может дать статистически репрезентативные результаты. Его задача иная – охарактеризовать мотивы и речевые способы аргументации оценок реальности. Экспертной оценкой может быть только практико-ориентированная, основанная на включённости респондента в изучаемые процессы [Кузьменко 2017: 434-443]. Опрос проводился путём письменных ответов на анкеты. Отбор экспертов учитывал их статусные позиции, степень известности и репутацию в сообществе. Анкеты анонимны, но желающие могли упомянуть фамилию, имя и отчество, выразив согласие на публикацию.

Выборку составили 30 экспертов в г. Симферополе, Севастополе, Ялте и Евпатории. Они, кроме 1 чел., проживают на Крымском полуострове всю свою трудовую биографию. 6 из 29 коренных крымчан переехали на полуостров с Украины до 2014 г. Половина респондентов (15 чел.) является только преподавателями или руководителями образовательных учреждений. 7 из 15 чел. совмещали работу в органах государственной власти и местного самоуправления с преподаванием. 8 из 15 чел. вели только работу в органах государственной власти и местного самоуправления, общественных организациях. Гендерный состав: 18 женщин и 12

мужчин. Средний возраст экспертов – 47 лет (от 32 до 64 лет) выше возраста всего населения [Текущий архив 2019]. Их сосредоточение в крупных городах вызвано работой в учреждениях, принимающих властные решения.

В среднем эксперты оценивают «осведомлённость в области межэтнических отношений и этнополитических процессов» на 3,4 балла из максимальных 5, но специалисты органов власти и местного самоуправления более самокритичны. Осведомлённость основана в большей мере на участии в прикладных научных исследованиях и осведомлённости о факторах и тенденциях развития общества, чем на знании специальных методов анализа и новейших исследований темы [Текущий архив 2019].

Среди показателей межэтнических отношений эксперты придают большое значение уровню религиозности, уровню межэтнического доверия и готовности сотрудничать с представителями других этнических либо религиозных групп, способности воспроизводить культурные образцы своей общности, развитию гражданской идентичности (восприятию себя россиянином), законопослушности, способности толерантно воспринимать иные ценности и традиции, степени устойчивости к влиянию радикальных и экстремистских идей. Данные показатели устойчиво взаимосвязаны. Опрошенные скептично оценивают перспективы развития в ближайшие 5—10 лет. Они считают, что уровень религиозности и приверженности крымчан этническим традициям будет расти, а это может затруднить усвоение российской идентичности, практик и институтов межэтнического доверия и толерантности.

Респонденты оценили среднюю силу влияния уровня экстремизма и ксенофобии на 4,21 балл из 10 возможных. Две трети экспертов полагает, что влияние этого фактора ослабело. Влияние данного фактора на развитие человеческого потенциала крымчан оценивается почти всеми как умеренно-негативное (лишь 4 чел. из 30 оценили влияние как резко негативное). Эксперты придают повышенное значение влиянию международных отношений и политике зарубежных государств в отношении Крыма, информации в федеральных и региональных СМИ, что логично в условиях международной блокады [Текущий архив 2019].

Не менее важна характеристика экспертами положительных факторов. Так, программы гармонизации межнациональных отношений, развития национальных культур, укрепления российской нации оцениваются экспертами по силе влияния на 4,29 баллов из 10 возможных. Но только 20% экспертов считают программы высокоэффективными (40% - малоэффективными, 20% - неэффективными и 20% уклонились от ответа). Для сравнения, влияние программ социальной интеграции мигрантов оценивается в среднем на 3,17 балла, выражен запрос на миграционный контроль (5,17 баллов). Направленность миграционной политики оценивается противоречиво. Относительное большинство опрошенных – 45,8% считает, что миграционная политика смягчается, а 29,2% - напротив, что она ужесточается. Направленность влияния этого фактора воспринимается контрастно, но в целом по выборке негативные и положительные оценки уравновешены [Текущий архив 2019]. Отметим сдержанные позитивные оценки миграционных вопросов крымчанами как при экспертных, так и при массовых опросах [Баранов 2020: 166-186]. Объяснения — в пониженном уровне миграционных потоков в Крыму в сравнении с другими регионами Юга.

Некоммерческие организации, представляющие интересы этнических групп, по мнению опрошенных, имеют влияние на этнополитику на уровне 4,79 баллов (треть экспертов оценивает влияние как пониженное, а 50% - как повышенное). Значительно ниже влияние на этнополитику казачьих обществ (3,33 балла). Влияние деятельности религиозных организаций умеренно ниже, чем этнических НКО – 4,08 балла. Модальность влияния расценивается применительно к этническим НКО положительно 57% респондентов (10% экспертов назвали их

влияние разобщающим население и 33% ушли от ответа). Влияние религиозных организаций оценивается более сдержанно (45,8% положительных ответов, 29,2% отрицательных и 25% нейтральных). Деятельность казачьих обществ считается интегрирующей общество 57% экспертов и разобщающей – 29%. Деятельность казачьих организаций расценивается наиболее противоречиво, что можно объяснить слабостью традиций казачества в Крыму [Баранов: 174]. Направленность влияния этнических, религиозных и казачьих организаций воспринимается одинаково – в качестве умеренно-позитивной.

Состояние межэтнических отношений в Крыму оценивается экспертами в равной степени как «спокойное» либо «внешне спокойное, но существует внутреннее напряжение» - по 45,8% ответов, остальные ответы (8,4%) оценивают межэтнические отношения как «доброжелательные» [Текущий архив 2019].

Характеристика протестного потенциала крымчан предполагала оценку доли жителей различного возраста, готовых принять участие в акциях протеста. Выделялись поколения: молодёжь (18-35 лет), лица среднего возраста (36-55 лет) и старшее поколение (свыше 55 лет). 33,3% экспертов считают протестный потенциал людей среднего возраста и пожилых повышенным в сравнении с молодёжным. Этот вывод объясняют низкой образованностью молодёжи, её политической и общественной пассивностью. Причиной можно счесть и более пожилой, чем по России и в соседних регионах Южного федерального округа, средний возраст жителей Крыма. Среднее значение протестного потенциала экспертами составило для молодёжи 21,7%, совпав с оценкой этого показателя массовой выборкой крымской молодёжи. Среднее значение протестного потенциала лиц от 35 до 55 лет находится на уровне 20,6%, а лиц старше 55 лет – на уровне 21,8%.

Подведём итоги. Экспертный опрос подтверждает, что межэтнические отношения воспринимаются респондентами как равноценный, не изолированный от других фактор этнополитической конфликтности. Причины межэтнической напряжённости и потенциальных конфликтов связываются, прежде всего, с наследием депортаций и негативными международными факторами, информационной войной, с претензиями некоторых этнических организаций на повышенный статус. Признаётся неотложная необходимость повышения квалифицированности госслужащих, регулирующих межэтнические отношения. Состояние межэтнических отношений оценивается экспертами в равной степени как «спокойное» либо «внешне спокойное, но существует внутреннее напряжение». Протестный потенциал крымского сообщества оценивается экспертами на том же уровне, что и при массовых опросах крымской молодёжи. Необходимо продолжить регулярные исследования восприятий межэтнических отношений в Крыму, уделив внимание взаимосвязи этнического, конфессионального и идентичностного факторов, сравнению ситуации в различных муниципалитетах. Полезно дополнить экспертные опросы проведением фокус-групп.

Библиография

БАРАНОВ А.В., ДОНЦОВА М.В., ЮРЧЕНКО И.В., ЮРЧЕНКО Н.Н. Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов. Краснодар, 2020.

КУЗЬМЕНКО Т.В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 434-443.

МАКАРОВА Г.И., ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф. Этнокультурная общность в дискурсе крымскотатарской молодежи и экспертов // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 138–153.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / ред. ТИШКОВ В.А., СТЕПАНОВ В.В. М.; Симферополь, 2016.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за 2018 год / под ред. В.А. ТИШКОВА. М.; Симферополь, 2019.

Текущий архив кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

Белоруссова Т. Е.

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ГРЕКО-ВЕНЕЦИАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В МОРЕЕ В XIV В.

Belorussova T.

GRECO-VENETIAN CONTRADICTIONS IN MOREA IN THE XIV CENTURY

Византию и Венецианскую республику в Средние века связывали тесные, но крайне противоречивые отношения [Nicol 1988: vii]. После Четвертого крестового похода (1202–1204) Венеция значительно расширила свои колонии в Восточном Средиземноморье за счет византийских земель. В число ее владений вошли, в частности, Корон и Модон – транзитные военно-морские базы на юге Пелопоннеса [Tzavara 2012: 188]. По договору от 1265 г. император Михаил VIII Палеолог (1261–1282) признал за Венецией ее владения в Морее [Хвальков 2014: 241], однако Византия не оставляла намерений возвратить утраченные в результате Четвертого крестового похода территории [Page 2008: 98]. Венеция, в свою очередь, тщательно оберегала принадлежащие ей транзитные пункты. В XIV в. старые грековенецианские противоречия в Морее сохранялись. Прибрежные территории Пелопоннеса регулярно страдали от пиратских набегов, которыми промышляли и венецианцы, и греки. Греческие пираты, в первую очередь из Монемвасии, совершали набеги на Корон и Модон, а венецианские – нападали на прибрежные территории греков и захватывали пленных для работорговли [Zakythinos 1932: 86–87]. Перипетии их взаимоотношений в этот период отражают постановления венецианского Сената. Документы первой половины XIV в. сообщают о нескольких конфликтах между византийцами и венецианцами на Пелопоннесе. 8 марта 1334 г. Сенат рассматривал жалобы кастелянов Корона и Модона на частые набеги отрядов с греческих территорий под предводительством Засси (Zassi) из Янницы. Сенат отреагировал на это предписанием двум капитанам республики отправиться в Модон, чтобы изучить ситуацию и избрать меры для обеспечения безопасности в заливе Корона [Thiriet 1958: № 45]. Как правило, в подобных ситуациях республика направляла одно должностное лицо для разбирательств [Thiriet 1958: № 313, 344, 426]. Отправка же двух представителей республики может свидетельствовать о серьезной обеспокоенности Сената ситуацией вокруг Корона и Модона, подвергавшимся постоянным нападениям со стороны греков. Распоряжением Сената от 13 мая 1334 г. кастелянам Корона и Модона была предоставлена свобода действий в отношении Засси, а венецианским купцам запрещалось иметь любые дела с этим «врагом Коммуны» [Thiriet 1958: № 50]. Запрет на ведение торговли в определенном месте или с определенными лицами был обычным венецианским методом давления на противника. В дальнейшем новых постановлений Сената по этому вопросу издано не было, что, вероятно, говорит о стабилизации ситуации. Пиратские набеги греков на венецианские базы Пелопоннеса не были редким явлением. В документе от 10 мая 1356 г. упоминается более раннее распоряжение кастелянов преследо-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90019 «Греко-латинский фронтир на Пелопоннесе (середина XIII–XIV в.): политическое и социокультурное взаимодействие»

вать и расправляться с подданными деспота, которые нападали на Корон и Модон. Сенат заключил, что в настоящий момент подобные действия способны причинить вред интересам республики на Пелопоннесе, поэтому за новыми кастелянами закреплялась свобода в любой момент отменить решение их предшественников [Thiriet 1958: № 294]. Отметим, что в тот период в регионе обострилась турецкая опасность. В 1364 г. в битве у Мегары совместными усилиями Морейского деспотата, Ахейского княжества, венецианцев и ордена госпитальеров был разгромлен турецкий флот [Lock 1995: 326]. Корабли были предоставлены Венецией: еще с 1352 г. венецианцы делили с Ахейским княжеством и папским престолом расходы на защиту прибрежных вод Пелопоннеса [Thiriet 1958: № 256]. Таким образом, локальные греко-венецианские противоречия отходили на второй план перед лицом общего врага. После этих событий в течение двух десятилетий источники не упоминают о конфликтах между венецианцами и греками в этом регионе. Однако 20 мая 1376 г. Сенат вновь одобрил ужесточение мер, направленных против деспота Мистры и его подданных, которые были введены в Короне и Модоне, а также постановил, что кастелянам необходимо дополнительно проконсультироваться с торговым советом, как им действовать в отношении греков, ведущих торговлю в этих венецианских портах [Thiriet 1958: № 578].

Накал в отношениях греков и венецианцев в Морее произошел во время правления в Морее Феодора I Палеолога (1383–1407), который стремился объединить Пелопоннес под византийским началом. Изменение баланса сил на полуострове могло поставить под угрозу венецианские интересы в регионе [Andrews 1978: 14]. Поэтому, когда в 1385 г. деспот и его брат, будущий император Мануил II (1391–1425), обратились к Венеции за помощью против наваррских наемников, обосновавшихся в Ахайе, республика действовала крайне осторожно [Necipoglu 2009: 238]. В постановлении от 18 апреля 1385 г. говорилось, что Сенат не может вынести решения по этому вопросу до получения полной информации от венецианских ректоров Романии [Thiriet 1958: № 693]. Уклончивый ответ позволял венецианцам занять выжидательную позицию и потянуть время в расчете, что ситуация вокруг конфликта деспота и наваррцев изменится. Республика, незаинтересованная в усилении деспотата, стремилась сохранить собственные экономические преимущества. В 1387 г. Сенат принял решение поддерживать дружественные отношения с наваррцами, объясняя это стремлением защитить свои интересы в Наварино [Thiriet 1958: № 719]. Просьба деспота же осталась неудовлетворенной.

Критической точки греко-венецианские противоречия достигли в 1388 г., когда Феодор вместе со своим зятем, афинским герцогом Нерио Аччайуоли захватили перешедший к венецианцам Аргос [Thiriet 1958: № 744]. С декабря 1388 г. по июль 1394 г. деспотат и Венеция находились в состоянии войны. Венецианские дипломаты за этот период неоднократно пытались добиться сдачи Аргоса мирным путем [Thiriet 1958: № 753, 773, 794]. Республика Св. Марка заключила союз с наваррцами Ахейского княжества [Thiriet 1958: № 745, 779, 790] и прекратила торговлю с деспотатом и Афинами, чьим хозяином был Нерио Аччайуоли [Thiriet 1958: №757]. Война продемонстрировала, насколько разные цели имели венецианцы и греки на Пелопоннесе. Лишь османская угроза Морее, усилившаяся с приходом к власти Баязида I (1389–1402), позволила поставить точку в этом противостоянии. Деспот отказался от Аргоса в пользу Венеции, которая, в свою очередь, обещала предоставить Феодору и его семье убежище в случае неблагоприятного исхода будущих военных действий [Zakythinos 1932: 138–139]. 24 июля 1394 г. была восстановлена и торговля между венецианцами и деспотатом, а также достигнуты договоренности по совместной обороне от турок [Thiriet 1958: № 858].

В течение XIV в. греко-венецианские противоречия в Морее неоднократно обострялись, но лишь единожды привели к открытому военному противостоянию. Наиболее серьезным поводом для конфликта между венецианцами и греками оказался территориальный. Венеция, очень серьезно относившаяся к своим морским колониям, изо всех сил стремилась не допустить потерь любой из них. Венецианцы оберегали свои экономические интересы, тогда как деспот стремился к установлению политической гегемонии на Пелопоннесе. Амбиции обеих сторон привели к многолетней войне, которая еще больше дестабилизировала обстановку в Морее. При этом у греков и венецианцев сохранялись общие интересы, и византийская сторона стремилась к сотрудничеству с республикой св. Марка. Венецианское же правительство, озабоченное, в первую очередь, сохранностью факторий и безопасностью торговых путей, обращалась к союзу с греками лишь при острой необходимости.

Библиография

ХВАЛЬКОВ Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. // Античная древность и средние века. 2014. Вып. 42. С. 237–246.

ANDREWS K. Castles of the Morea. Amsterdam, 1978. 274 p.

LOCK P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. 400 p.

NECIPOGLU N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins. Cambridge, 2009. 350 p.

NICOL D. Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988. 425 p.

PAGE G. Being Byzantine. Greek identity before the Ottomans. Cambridge, 2008. 330 p.

THIRIET FR. Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Romanie. Paris, 1958. Vol. 1. 247 p.

TZAVARA A. The Italians in Thirteenth-century Frankish Morea: Some Reflections on Old and New Sources // Liquid and Multiple: Individuals and Identities in the Thirteenth-century Aegean / ed. G. Saint-Guillain, G. Stathakopoulos. Paris, 2012. P. 173–193.

ZAKYTHINOS D. A. Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932. Vol. 1. 335 p.

Бескоровайная Н.В.
ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

РАБОТЫ ЕВГЕНИИ ИВАНОВНЫ ЛОПУШИНСКОЙ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

Beskorovaynaya N. V.
THE ACTIVITIES OF YEVGENIA IVANOVNA LOPUSHINSKAYA FOR THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE IN SEVASTOPOL

Евгения Ивановна Лопушинская хорошо известна как реставратор многих памятников Крыма [Митці України 1992: 841; Наріжна О. Г. 2016]. При этом её работа по обследованию памятников Севастополя и Херсонеса освещена достаточно мало.

В середине 50-х годов XX столетия в Херсонесском музее назрел вопрос консервации памятников по определенному научному перспективному плану. С этой целью в 1957 году была создана реставрационная комиссия, в состав которой вошли как археологи, так и представители Академии Наук УССР и СССР, Министерства культуры, Центральных реставрационных мастерских [Стржелецкий 1969: 34-35].

Параллельно с деятельностью комиссии осенью 1957 года в качестве представителей Инспекции ГАСК Министерства строительства УССР архитекторами Евгенией Михайловной Пламеницкой и Евгенией Ивановной Лопушинской обследован ряд памятников Севастополя, в том числе Херсонесское городище, крепость Каламита и Пещерный храм в Инкермане, генуэзская крепость Чембало в Балаклаве, Памятник затопленным кораблям [Салтанов 2011], Башня ветров [Акты обследования 1957, Д.249: 31-36.], и другие. Работа проводилось совместно с бюро экспертизы Отдела по делам строительства и архитектуры исполкома Севастопольского городского Совета депутатов. Помимо краткого описания памятников была проведена также их фотофиксация, дополненная рисунками.

В ходе обследования Херсонесского городища с 12 сентября по 2 октября 1957 года были осмотрены памятники юго-восточного района: «Бывшие городские ворота юго-восточного участка оборонительных стен Херсонесского городища» (рис. 1), «Башня Зенона», «Башня № 15 (юго-восточный отрезок стены Херсонесского городища) и башня перед ней, примыкающая к протейхизме», «Здание «казарм» у 16-ой куртины северо-восточнее городских ворот», «Башня № 16 и боевая калитка юго-восточного участка стен Херсонесского городища», «Крещальня в Херсонесском городище». Принято решение о консервации всего юго-восточного участка стен городища, а также об установке защитных навесов над башней № 16 и крещальней [Акты обследования 1957, Д.247: 1-40].

В конце сентября 1957 года была обследована Генуэзская крепость в Балаклаве (рис. 2.) [Акты обследования 1957, Д.248],

Архитекторами отмечено, что крепость в плане – четырехугольная с восьмью башнями, из которых плохо сохранились четыре башни и остатки стен. От остальных башен сохранились, по мнению архитекторов, лишь основания. Несмотря на руинированное состояние, учетная документация была составлена на шесть башен крепости, восточный и западный участки стен и т.н. «Здание казарм на территории Генуэзской крепости в г. Балаклаве». По результатам осмотра Балаклавскому Райисполкому предложено покрыть сохранившиеся сте-

ны для предотвращения их от дальнейших разрушений, установить охранную доску и определить охранную зону.

Одновременно в конце сентября – начале октября 1957 года Е.И. Лопушинской и Е.М. Пламеницкой обследованы памятники «Пещерный храм базиличного типа» [Акты обследования 1957, Д. 247: 41-48] и «Крепость Каламита» [Акты обследования 1957, Д. 249: 1-30, 37-45] в поселке Инкерман. Из шести башен крепости, отмеченных в документации, были составлены акты на башни № 1 (рис. 3), 2, 4, а также на стены.

Ранее крепость Каламита и пещерный храм в Инкермане находились в ведении Музея пещерных городов Крыма [Селиверстова 2017: 150]. В акте обследования в частности указывается, что в этот период крепость и храм использовались для экскурсионного показа, но консервационно-реставрационных мероприятий на них не проводилось. Инспекцией ГАСК было предложено Херсонесскому историко-археологическому музею взять памятники под свой надзор и произвести консервацию, формирование охранной зоны и установку охранных досок. Указано также на необходимость восстановления разрушенных лестниц, колоннад и полов в пещерном храме и принятия мер по консервации фресковой росписи.

В этот же период проведено обследование Чоргунской башни в с. Чернореченское. [Акты обследования 1957, Д. 249: 47-48]. Рекомендовано сделать временное покрытие, предотвратив таким образом купол и стены башни от дальнейшего разрушения, расчистить башню от мусора и заложить дверные проемы (в случае неиспользования помещения), установить охранную зону. Внесены предложения Балаклавскому Райисполкому о дальнейшем использовании памятника.

Проведенные мероприятия позволили в 1963 году включить объекты «Крепость Каламита и Пещерный монастырь в Инкермане», «Руины города Херсонеса», «Руины крепости» (г. Балаклава), «Чоргунская башня» в список памятников архитектуры УССР, находящихся под охраной государства [Постановление Совета Министров УССР от 24.08.1963 № 970]. Это в свою очередь давало возможность последующего финансирования исследовательских и консервационных работ на памятниках.

Впоследствии Е.И. Лопушинская вернулась к доследованию крепости Каламита. В 1969-1970 годах она участвовала в подготовке планов и обмерных чертежей крепости, а также в разработке Генерального плана памятника. [Памятник архитектуры V-XV веков Крепость Каламита 1970 Д.41]. Результаты работы конца 1960-х – начала 1970-х годов с интерпретацией строительных периодов крепости были архитектором впоследствии опубликованы. [Лопушинская 1996: 55-61].

Подготовленные Е.И. Лопушинской описания, фотографии и рисунки памятников Севастополя могут быть использованы для понимания степени их сохранности на момент конца 1950-х годов XX века и служить основанием для восполнения утрат при разработке научно-проектной документации. Произведенные ею архитектурные обмеры и результаты шурфовок крепости Каламита выполнены с точностью, которая делает их актуальными и информативными на сегодняшний день.

Библиография

Акты обследования памятников архитектуры IV века до н.э. Херсонесского городища и V-VI веков. Пещерного храма в пос. Инкермане с приложением фотографий // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-308. Оп.1. Д.247. 50 л.

Акты обследования памятника архитектуры XVI в. Генуэзской крепости в Балаклаве с приложением фотографий // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-308. Оп.1. Д.248. 77 л.

Акты обследования памятников архитектуры XV века крепости Каламиты в пос. Инкерман и Чоргунской башни в с. Чернореченское с приложением фотографий // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-308. Оп.1. Д.249. 50 л.

ЛОПУШИНСКАЯ Е.И. Крепость Каламита в Крыму // Архитектурное наследство. - М.: НИИАГ, 1996. - № 41. - С. 55-61.

Митці України : Енциклопедичний довідник // упоряд.: М. Г. Лабінський, В. С. Мурза ; за ред. А. В. Кудрицького. - К.: «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 1992. - С. 841.

НАРІЖНА О. Г. Лопушанська Євгенія Іванівна // Енциклопедія Сучасної України: електронна версія [веб-сайт] / гол. редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін.; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2016. Режим доступа: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=56458 (дата обращения: 27.03.2021)

Памятник архитектуры V-XV веков (Охр. № 307) Крепость Каламита в г. Севастополе. Обмерные чертежи. 1970 // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-308. Оп.2-Д. Д.41.

Постановление Совета Министров УССР от 24.08.1963 № 970. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP630970.html (дата обращения: 26.03.2021).

САЛТАНОВ В. А. Символ Севастополя // Беседы в читальном зале. Морская библиотека им. М.П. Лазарева. 2011. Режим доступа: http://www.sevmb.com/recomend/sevast/p_1_at639_id331 (дата обращения: 26.03.2021).

СЕЛИВЕРСТОВА К. Н. Обстоятельства возникновения Музея «пещерных городов» в Бахчисарае // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 3 (69), № 3. 2017 г. С. 147-159.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф. Опыт консервации руинированных памятников античного и средневекового Херсонеса // Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР: Сообщения НМС по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. - М., 1969. -Вып. 4. - С. 32-40.

Сокращения

НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

НМС – научно-методический совет.

ГКУ – Государственное казенное учреждение.

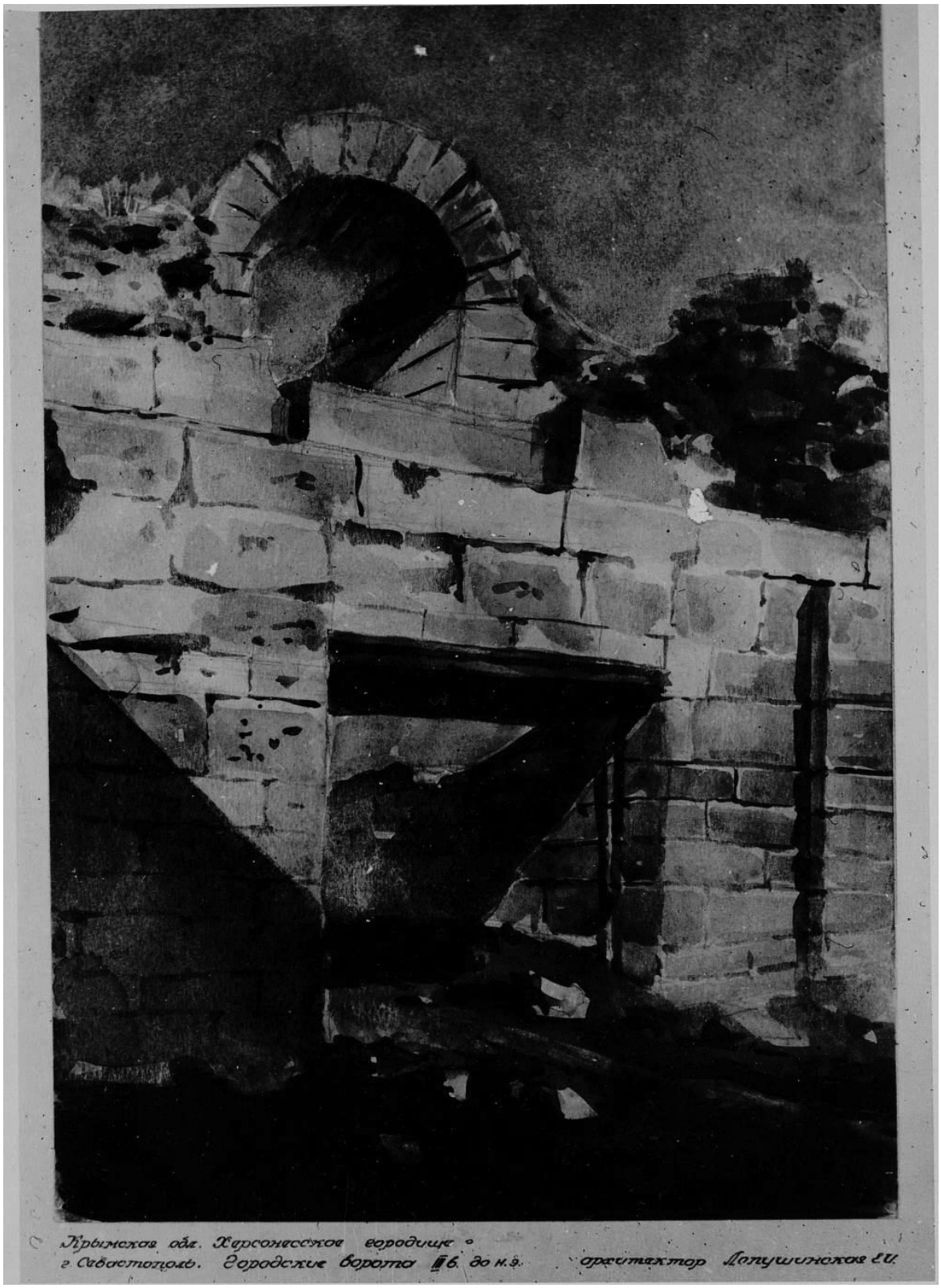


Рис. 1. Городские ворота III в. до н.э. Архитектор Е.И. Лопушинская

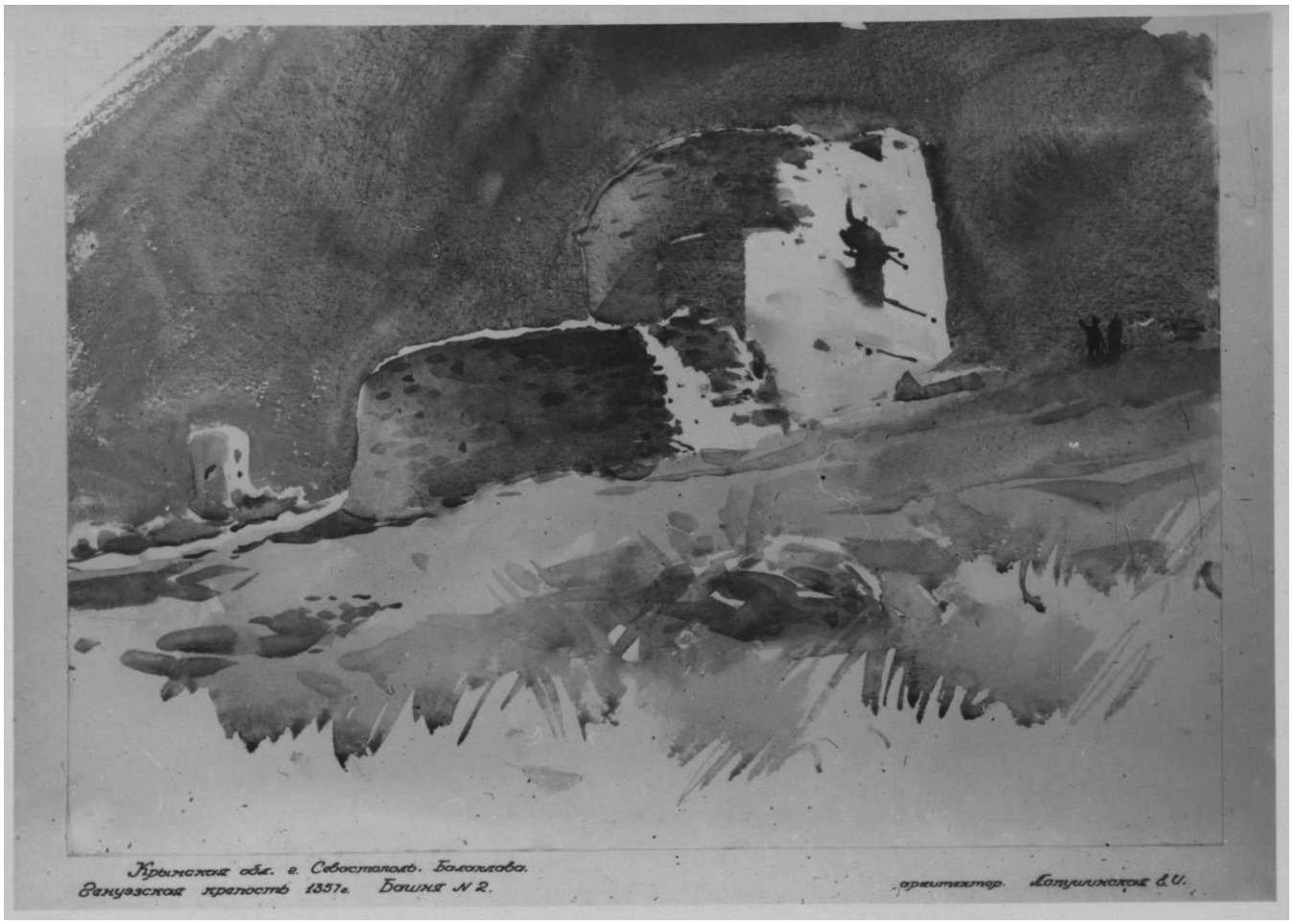


Рис. 2. Генуэзская крепость 1357 г. Башня № 2. Архитектор Е.И. Лопушинская

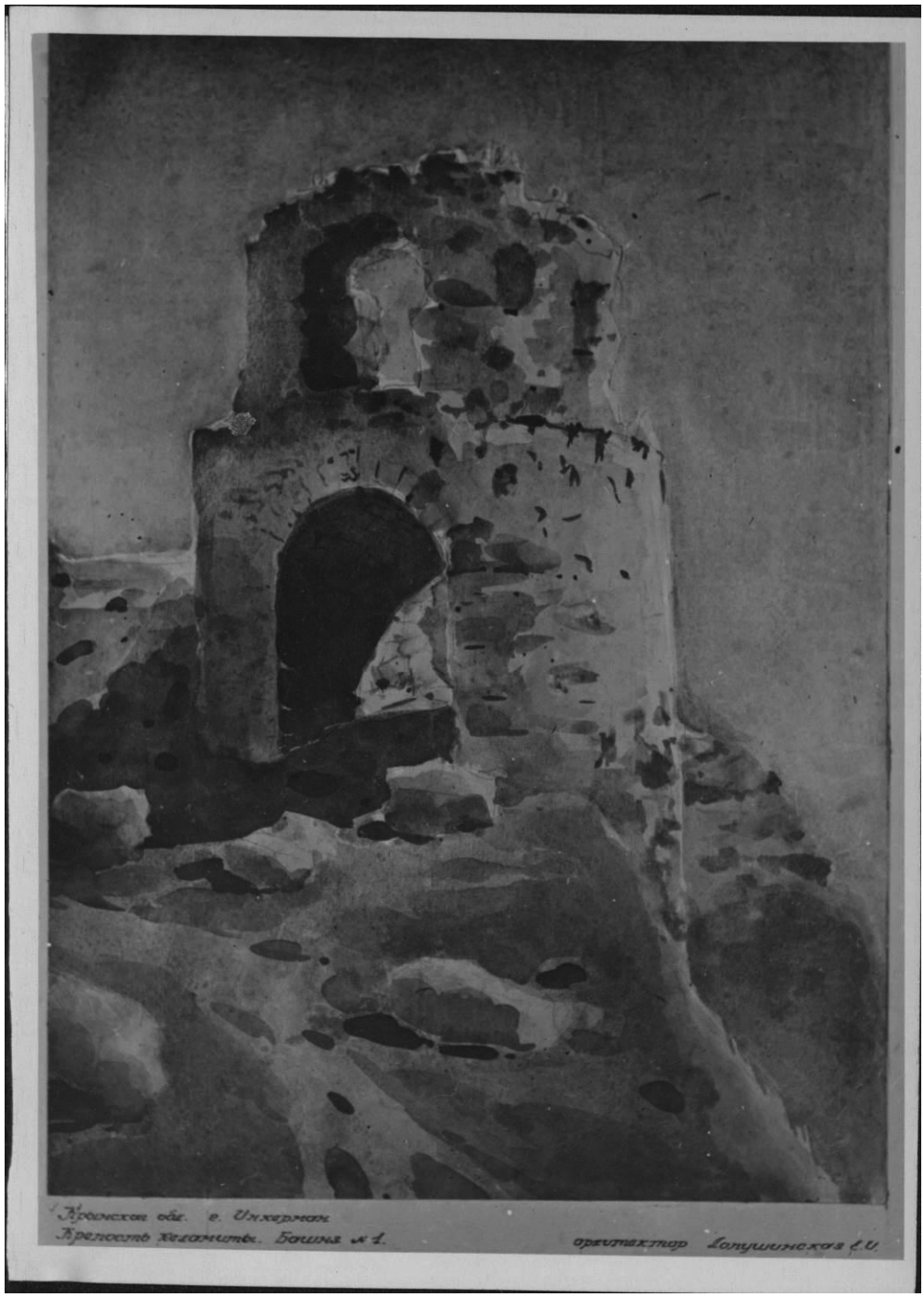


Рис. 3. Крепость Каламита. Башня № 1. Архитектор Лопушинская Е.И.

Бочаров С.Г.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ГОРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА В МАТЕРИАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ОДНОГО ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА)*

Bocharov S.G.

IRRIGATION CERAMICS FOR PRODUCTION OF CITIES IN SOUTH-EASTERN CRIMEA IN THE MATERIAL COMPLEX OF ONE OF THE CENTRAL CITIES OF THE GOLDEN HORDA (TSAREVSKY SITE)

Исследования поливной керамики производства городов Юго-Восточного Крыма ведутся в Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» Севастопольского государственного университета в рамках работ по научной теме «Археологическое изучение крымских территорий Византии, Золотой Орды и Латинской Газарии» [Бочаров 2021а: 16]. Археологические исследования Лаборатории в рамках реализации всех научных тем проводятся с применением полного спектра цифровых технологий по методической схеме, состоящей из четырех взаимосвязанных между собой базовых уровней, где градация материальных источников осуществляется по принципу от общего к частному (общие критерии методической схемы изложены в этом сборнике в статье: «Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова 1475 – 1783 годов в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие исследования»). Изучение поливной керамики составляет значительный объем четвертого уровня изучения археологических источников, который включает фиксацию, атрибуцию и систематизацию каждой индивидуальной или массовой находки.

Организаторы конференции вынесли вопросы, относящиеся к торговым связям Крыма со странами Востока в средневековье как одну из главных тем мероприятия. Обычно, такие связи рассматриваются в контексте поступления восточных импортов на полуостров [Бочаров 2021б: 14]. В докладе я хотел бы показать, что существовал и обратный процесс. В основных городах Золотоордынского государства, где были зафиксированы находки поливной керамики, произведенной в центрах Юго-Восточного Крыма (Судаке, Солхате, Каффе) [Бочаров, Масловский, 2015, с. 189]. В качестве иллюстрации восточного направления торговых связей выбраны сосуды, обнаруженные в ходе археологических исследований Царевского городища, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова города Новый Сарай, второго столичного центра Золотой Орды [Федоров-Давыдов 1994: 20-24].

Царевское городище расположено в Волгоградской области на территории Ленинского муниципального района восточнее села Царев, на левом берегу притока Волги – реки Ахтуба. Фрагменты крымской поливной керамики, публикуемые в этой статье происходят со сводного раскопа, под условным названием, «три усадьбы» (Рис. 1), получены в процессе работ на Царевское городище с 1959 по 1972 гг. и в 1973 г. Поволжской археологической экспедиции под руководством Г. А. Фёдорова-Давыдова [Дворниченко и др. 2002: 72]. Часть материалов

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961-1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея»)

из исследований Поволжской экспедиции храниться в Волгоградском областном краеведческом музее. Глазурованные сосуды крымского производства из этой коллекции стали темой отдельной статьи [Юдин 2015]. Впервые поливная посуда группы «Юго-Восточный Крым» была выделена в керамическом комплексе памятника и опубликована на основе исследований Марийского государственного университета [Зеленеев, Курочкина 2009].

Коллекция, в которой находятся интересующие нас фрагменты крымской поливной керамики храниться в Археологическом музее Казанского федерального университета. В составе коллекции представлены материалы Поволжской археологической экспедиции, полученные с 1963 по 1968 гг. в ходе исследований на шести участках в восточном пригороде Царевского городища (Рис. 1). Сводный из шести участков раскоп получил наименование «три усадьбы» [Федоров-Давыдов и др. 1970: 68-171]. Общая площадь городской территории восточного пригорода Царёвского городища, изученного сводным раскопом, составила около 3000 кв. м. [Федоров-Давыдов и др. 1974: 89, 113]. Культурные напластования, зафиксированные в раскопе датированы периодом с 1340 по 1395 гг. Отдельные группы керамических материалов из этой коллекции уже опубликованы [Федоров-Давыдов и др. 1974; Булатов 1976; Бочаров 2020; 2021б; Валиулина, Бочаров 2020]

Среди всего объема керамических материалов раскопа «три усадьбы», были выделены основные типы поливных сосудов производства городов Юго-Восточного Крыма. Кратко перечислим их – это фрагменты кувшинов, украшенные зеленой глазурью по внешней поверхности тулова (Рис. 2, 1-3), фрагменты аптечных амфор (Рис. 2, 4), фрагменты альбарелло - аптечных сосудов малого размера (Рис. 2, 5), фрагменты штампованных кувшинов (Рис. 2, 6), фрагменты водолеев (Рис. 2, 7), фрагменты монохромных чаш украшенных поливой зеленого и желтого цветов (Рис. 2, 8-10), фрагменты монохромных чаш и тарелок с орнаментом сграффито (Рис. 2, 11-16), фрагменты чащ полихромных с орнаментом сграффито (Рис. 2, 17, 18).

В заключении отметим, что в керамическом комплексе 1340 - 1395 гг. сводного раскопа «три усадьбы» Царевского городища представлены все формы поливных сосудов производства городов Юго-Восточного Крыма, известные по находкам в других городских центрах Золотой Орды [Бочаров, Масловский, 2015, с. 189]. Значительное количество и разнообразие находок такой керамики, отложившихся в культурных слоях столичного центра, иллюстрирует одну из категорий бытовых товаров восточного направления торговых связей Крыма

Библиография

БОЧАРОВ С.Г. Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища // Поволжская археология, 2020. № 2 (32). С. 32-39. doi.org/10.24852/pa2020.2.32.32.37

БОЧАРОВ С.Г. Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII - XV веках в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // «Потемкинские чтения». Сборник материалов V Международной научной конференции (Севастополь, 24-26 марта 2021 г.). Севастополь: СевГУ, 2021а. С. 16-17.

БОЧАРОВ С.Г. Археологические свидетельства торговых связей Дальнего Востока и Восточной Европы в XIV в. (на примере одной группы керамики) // «Потемкинские чтения». Сборник материалов V Международной научной конференции (Севастополь, 24-26 марта 2021 г.). Севастополь: СевГУ, 2021б. С. 14-15.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов Крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология, 2015. № 4 (14). С. 189-201.

БУЛАТОВ Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73-107.

ВАЛИУЛИНА С.И., БОЧАРОВ С.Г. Химико-технологическая характеристика глазурованной посуды гончарной мастерской Царевского городища // Геоархеология и археологическая минералогия-2020. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В.В. Зайкова (Миасс, 19-20 октября 2020 г.). Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс, Челябинск: Изд. ЮУрГГПУ, 2020. С. 130-135.

ДВОРНИЧЕНКО В.В., ЕГОРОВ В.Л., ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленеев. М.: НИО ГИМ, 2002. С. 71-79.

ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А., КУРОЧКИНА С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царёвском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.

ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А., ВАЙНЕР И.С., МУХАМАДИЕВ А.Г. Археологические исследования Царёвского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века /Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А., ВАЙНЕР И.С., ГУСЕВА Т.В. Исследование трёх усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царёвского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–125.

ЮДИН Н.И. Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царёвского городища // Поволжская археология, 2015. № 3 (13). С. 214-227.

Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Восточная часть Царевского городища с указанием раскопа «три усадьбы» (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Рис. 2. Поливная керамика городов Юго-Восточного Крыма из исследований Поволжской археологической экспедиции на раскопе «три усадьбы» Царевского городища. 1-3 – фрагменты кувшинов. 4 – фрагмент венчика аптечной амфоры. 5 – фрагмент венчика альбарелло. 6 – фрагмент тулова штампованного кувшина. 7 – фрагмент тулова водолея. 8-10 – фрагменты монохромных чаш. 11-16 – фрагменты монохромных чаш и тарелок с орнаментом сграффито. 17, 18 – фрагменты чащ полихромных с орнаментом сграффито.

Бочаров С.Г.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДОВ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА 1475 – 1783 ГОДОВ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Bocharov S.G.

STUDYING THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE CITIES OF THE CRIMEAN PENINSULA 1475 - 1783 AT THE SEVASTOPOL STATE UNIVERSITY. FIRST RESULTS AND FURTHER DIRECTIONS OF RESEARCH

Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета в 2021 г. в рамках своих научно-образовательных подразделений учредил научно-исследовательскую лабораторию «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях». Научные работы новой лаборатории в первую очередь направлены на развитие археологических знаний в гуманитарном спектре дисциплин приоритетного развития Севастопольского университета. Вторая из трех главных тем разрабатываемых в Лаборатории (о первой теме см: [Бочаров 2021: 16]) охватывает период с 1475 по 1783 гг. в материальной культуре Крымского полуострова и носит название «Археологическое изучение крымских территорий Крымского ханства и Османской империи».

Хронологический период с 1475 по 1783 гг. для этой научной темы выбран совершенно осознано. В 1475 г. в итоге османских завоеваний на полуострове исчезают генуэзские владения и княжество Феодоро. Их бывшие территории были включены в отдельную провинцию Османской империи. Тогда же Крымское ханство частично утратило свою независимость и стало вассальным по отношению к Турции государством. Эти две державы – Османская империя и Крымское ханство будут определять историческое развитие и как следствие формировать материальную культуры полуострова вплоть до вытеснения Турции из региона в 1774 г. и присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г.

В предыдущий период XIII – XV вв. в материальной культуре полуострова сосуществуют три вектора развития. Первый - традиционный для региона «византийский» и два новых «латинский» (генуэзский) и восточный (золотоордынский, исламский). В XVI – XVIII вв. произойдут изменения во всех трех векторах развития материальной культуры полуострова [Бочаров 2021: 16]. Византийский вектор продолжит существование в материальной культуре греческого (ромейского) населения полуострова, «латинский» прекратит свое непосредственное развитие, но отдельные его проявления сохраняться, главным образом в городах. Восточный (исламский) вектор в материальной культуре получит дальнейшее развитие и в этот период достигнет пика в своем развитии.

Археологические исследования Лаборатории в рамках реализации всех научных тем, в том числе и темы «Археологическое изучение крымских территорий Крымского ханства и Османской империи», проводятся по методической схеме, состоящей из четырех взаимосвязанных между собой базовых уровней (Рис. 1). В предложенной методической схеме градация материальных источников осуществляется по принципу от общего к частному. На всех четырех уровнях изучение археологических источников ведется с применением полного

спектра цифровых технологий. Первый уровень — это изучение исторической географии крымских территорий Османской провинции Кефе и Крымского ханства. Второй уровень в работе с материальными источниками – историко-топографический. Включает в себя реконструкцию исторической топографии городов, поселений, городищ, замков, некрополей и других археологических объектов этих двух государственных образований. Третий уровень, учитываемый в методической схеме - исследование отдельных планиграфических, стратиграфических, архитектурных объектов и их составных частей. Четвертая ступень – фиксация и систематизация каждой из полученных в ходе работ индивидуальных и массовых археологических находок (Рис. 1).

Целью этого доклада является обзор результатов, достигнутых в исследованиях Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ в изучении исторической топографии городов Крымского полуострова XVI - XVIII вв. и определение дальнейшего направления в этом научном поиске.

В Крыму Османской империи достались города Генуэзской Газарии - Кефе (Каффа), Керчь (Воспоро), Судак (Солдайя), Балаклава (Чембало) и два города княжества Феодоро – Мангуп-Кале (Феодоро), Инкерман (Каламита) (Бочаров, 2013: 16). В XVIII в. при крепости Ени-Кале возникнет последний седьмой город (Рис. 2, 2). Сегодня созданы реконструкции исторических генеральных планов городов Кефе [Бочаров 2000: 8], Керчи [Бочаров 2005: 147], Балаклавы [Бочаров 2019: 324], Мангуп-Кале [Бочаров 2008: 195]. В ближайших планах работы Лаборатории опубликовать уже выполненые реконструкции генеральных планов трёх оставшихся позднесредневековых османских городов - Инкермана, Судака и Ени-Кале.

Крымскому ханству на полуострое принадлежали шесть городов (Рис. 2, 1, 3) [Бочаров 2013: 15]. В отличии от османской урбанистики региона пять из шести городов появляются именно в ханский период [Bocharov 2019: 37]. В настоящий момент реконструирован городской пейзаж для Бахчисарая [Бочаров, Сейтумеров, 2017: 23], Карасубазара [Bocharov 2021: 7], Ак-Мечети [Бочаров 2015: 8]. На очереди публикации исторических генеральных планов городов Ор-Капу, Эски-Крым и Гезлёв.

Дальнейшие работы Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ по теме «Археологическое изучение крымских территорий Крымского ханства и Османской империи» будут направлены на завершение подготовки и публикацию монографии по исторической топографии всех городов полуострова XVI - XVIII вв.

Библиография

БОЧАРОВ С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII - 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. канд. дис. Москва: Московский Государственный Университет, 2000. 21 с.

БОЧАРОВ С.Г. Топография османской Керчи XVI – XVIII вв. // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. С. 145-151.

БОЧАРОВ С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп. // Бахчисарайский историко–археологический сборник. Вып. 3. Отв. ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Антиква, 2008. С. 191-212.

БОЧАРОВ С.Г. Историческая топография городов Крымского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV –XVI вв.)». Тезисы докладов., отв. ред. С.Г. Бочаров. Симферополь: Изд. Вендеревских, 2013. С. 15-18.

БОЧАРОВ С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрско-татарские государства. Вып. 7. Казань: Центр Интелектуальных Технологий, 2015, С. 5-10.

БОЧАРОВ С.Г. Балаклава – введение в историческую топографию османского города 1475 – 1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus, 2019. № 6. С. 321-328.

БОЧАРОВ С.Г. Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII - XV веках в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // «Потемкинские чтения». Сборник материалов V Международной научной конференции (Севастополь, 24-26 марта 2021 г.). Севастополь: СевГУ, 2021. С. 16-17.

БОЧАРОВ С.Г., СЕЙТУМЕРОВ Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства. В Средневековые тюрско-татарские государства. Вып. 9. Казань: Логос, 2017. С. 21-30.

BOCHAROV S. Heritage of Golden Horde: the Genesis of Crimean Khanat Towns // Altin Orda ve Merasi. Uluslararasi Sempozyum. Istanbul 25-26 Kasim 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi, 2019. P. 37

BOCHAROV S. Karasubazar – historical topography of the town of the Crimean Khanate in the 16-18 centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 4-16. DOI: 10.17516/1997-1370-0567

Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Методическая схема с четырьмя уровнями градации разработанная в Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» Севастопольского государственного университета и применяемая при исследованиях по научной теме «Археологическое изучение крымских территорий Крымского ханства и Османской империи».

Рис. 2. Политическая карта Крымского полуострова с расположением городов (1774 г.). 1 – Крымское ханство, 2 – Османская империя, 3 – территории Крымского ханства, занятые оседлым христианским населением.

Букатов А.А.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
Аржанов А.Ю.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АМФОРЫ ИЗ ПОДВОДНЫХ РАЗВЕДОК В БУХТЕ КРУГЛАЯ В 2020 ГОДУ

Bukatov A.A.
Arzhanov A.Yu.

MEDIEVAL AMPHORES FROM UNDERWATER EXPLORATIONS IN KRUGLAYA BAY IN 2020

Аннотация. Анализ находок амфорной тары дает важную информацию о торговых связях региона, судоходных маршрутах и интенсивности морской торговли. Основную часть керамического материала, полученного в 2020 г. при шурфовке на свале глубин у западной границы скалистой отмели в бухте Круглая, составляют многочисленные фрагменты средневековых амфор и кровельной черепицы. Значительное преобладание имеют амфоры VIII - IX вв., изготовленные в Северном Причерноморье. Вероятно, находки связаны с разрушением находившихся на месте современной отмели строений. Аналогии рассматриваемым амфорам присутствуют среди археологического материала из Фанагории и ее гавани.

Ключевые слова: бухта Круглая, отмель, подводные исследования, амфоры причерноморского типа.

Abstract. An analysis of the finds of amphora containers provides important information about the region's trade links, shipping routes and the intensity of maritime trade. The main part of the ceramic material obtained in 2020 during the excavation at the depth drop near the western boundary of the rocky shoal in the Kruglaya Bay consists of numerous fragments of medieval amphorae and roof tiles. Amphorae of the 8th - 9th centuries, made on the coast of the Northern Black Sea region, have a significant predominance. Probably, the finds are associated with the destruction of the buildings located on the site of the modern shallow. Analogies to the considered amphoras are present among the archaeological material from Phanagoria and its harbor.

Keywords: Kruglaya bay, sandbank, underwater research, amphorae of the Black Sea type.

Анализ находок амфорной тары дает важную информацию о торговых связях региона, судоходных маршрутах и интенсивности морской торговли. Многочисленный археологический материал из бухты Круглая охватывает практически весь период существования Херсонеса. Начиная с 1960-х годов, о находках в бухте, датируемых средневековым временем, сообщали А.Н. Щеглов [Щеглов 1967], В.И. Кадеев [Кадеев 1964], А. А. Филипенко [Сорокопуд, Филипенко 1999]. В 2002 году у Западного мыса бухты Круглая в 450 метрах от берега, на месте предполагаемого кораблекрушения, были собраны многочисленные фрагменты причерноморских амфор [Лебединский, 2007]. Здесь же были обнаружены два железных якоря. Опубликованные В.В. Лебединским якоря относятся к двум разным подтипам типа Е по классификации Герхарда Капитэна [Kapitan 1984: p.43] (отличаются друг от друга наличием

пятки), датируемым IX–X вв. Подобное обстоятельство позволяет предполагать не только версию кораблекрушения у входа в бухту Круглую, но также и якорную стоянку.

В 2020 году разведки в Круглой бухте проводились вдоль западной границы скалистой отмели, в районе свала глубин. В этом месте была осуществлена шурфовка на площади 2×4 м2, с целью выявления возможных остатков разрушенных строений и определения толщины и структуры слоя донного грунта. Глубина моря на месте шурфовки составляла 1,3–1,8 м по Балтийской системе высот. Не смотря на единичные находки эллинистического времени, основную часть археологического материала составляют многочисленные крупные фрагменты амфор VIII–IX вв. и средневековой кровельной черепицы, а также фрагмент амфоры с клеймом последней четверти VI – первой четверти VII вв., заполненный остатками смолистого содержимого, фрагменты стеклянных рюмок и оконного стекла V–VII вв. Большая часть крупных фрагментов амфор находилась в завале камней и под ними. Видимо, эти предметы связаны с разрушением находившихся на месте современной отмели строений.

Среди публикуемых амфор, №№ 1–4, 6–7 и 9–12 относятся к классу 27 по ХК-95; группа III по В.Н. Чхаидзе [Чхаидзе 2012: с. 136, 147. Рис. 70, 89–92]. Можно отметить, что представлены все типы этой группы.

Глухая горловая часть фрагмента 5 изначально изготовлена без отверстия – на внутренней поверхности «пробки» видны концентрические следы, характерные для гончарного круга. Прямых аналогов обнаружить не удалось. По морфологическим признакам, предмет бытовал синхронно с амфорами МЗР.

Достаточно плохо сохранившийся фрагмент – амфора 8 – относится, скорее всего, к классу 12 по ХК-95. Ее венчик имеет наиболее близкие морфологические аналогии в типе IV, амфорах с рифлением типа «набег волны» или LRA1. При описании этого типа В.Н. Чхаидзе отмечает, что высокое положение ручек характерно для вариантов середины – второй половины VI в. Диаметр венчика (9,8 см) укладывается в приведённые значения диаметров данного типа – от 7 до 13 см. В описании глин нет прямого аналога для глины амфоры 8, но встречаются и тёмно-коричневая с включениями и светло-серая без включений. Глину нашей амфоры можно охарактеризовать как серую в центре оранжевую по краям с многочисленными включениями. Возможно, представленный фрагмент амфоры 8 является имитацией или подражанием типу LRA1. По Dominique Pieri [Dominique Pieri 2012: fig. 2.3, 2.11, 2.12, 2.14, 3] форма венчика амфоры 8 характерна для типа LRA 1B. Поступление амфор LR1 в Крым происходило до середины VII в. [Смокотина 2014: 68, 74]. Аналогию глине амфоры 8 мы видим у Andrei Opaiţ [Andrei Opaiţ 2012: fig.18b] в левантийской амфоре типа LRA2.

Амфора 13 содержала смолистое вещество, в момент обнаружения заполнявшего весь сохранившийся фрагмент. На горловой части сосуда нанесено круглое клеймо диаметром около 30 мм, изображающее бюст императора, фас, вокруг которого расположена надпись + [ЕП]І [П]ТОΛЕМ… . Находка дополняет список из двенадцати экземпляров клеймения [A. Opait, Ch. Diamanti 2014: 55], происходящих из раскопок в Константинополе, Афинах, на острове Геронисос (у северо-западного побережья Кипра), Александрии, Келии и Токры. Большинство из клейменых подобным образом амфор принадлежат типу LRA2/LRA13, который производился преимущественно в регионе Эгейского моря. Два подобных амфорных клейма, произведенных и найденых в Халасарне на Косе, на основе стратиграфии и контекста датируются с последней четверти VI века до первой четверти VII века [A. Opait, Ch. Diamanti 2014: 57].

Аналогии рассматриваемым амфорам из акватории бухты Круглая мы видим среди находок из акватории Фанагорийской гавани [Голофаст, Ольховский 2013: с. 57, рис. 2, 3]. Близ-

кие экземпляры амфор с МЗР из раскопок в Фанагории также представлены Л.А. Голофаст [Голофаст, Евдокимов 2019: с.198, рис.14]. Наиболее морфологически близкие экземпляры могут быть датированы VIII в.

В представленной Е.В. Сухановым хронологии амфор с МЗР типы, морфологически близкие к амфорам 1–4, 6–7 и 9–12 возможно датировать VIII – первой половиной IX вв. [Суханов 2018: Том II, рис. 40]. Визуально состав глины этих фрагментов из акватории бухты Омега близок к глинам первого района добычи сырья по Е.В. Суханову [Суханов 2018: Том II, рис. 46]. Принимая во внимание эту информацию, можно предположить, что обнаруженные в Круглой бухте амфоры 1–4, 6–7 и 9–12 изготовлены, скорее всего, в Юго-западном Крыму. Фрагмент 5 имеет аналогичное происхождение.

Библиография

ANDREI OPAIT, CHARICLEIA DIAMANTI. Imperial Stamps on Early Byzantine Amphoras - The Athenian Agora Examples. RCRF ACTA 43 (2014), pp. 55-61.

ANDREI OPAIT, DOREL PARASCHIV. Rare amphora finds in the city and territory of (L)Ibida (1st–6th centuries AD) // Rei Cretariae Romanae Fautores, acta 42, Bonn, 2012, p.122 (113–124).

DOMINIQUE PIERI. Regional and Interregional Exchanges in the Eastern Mediterranean during the Early Byzantine Period. The Evidence of Amphorae // C. Morrisson (éd.), Trade and Markets in Byzantium, Dumbarton Oaks Byzantine Symposia and Colloquia, Washington D.C., 2012, pp. 27–49.

KAPITAN, G. Ancient anchors – technology and classification / G. Kapitan // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. –1984. –13.1.

ГОЛОФАСТ Л. А., ЕВДОКИМОВ П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Выпуск XXIV. Симферополь, 2019. С.186–216.

ГОЛОФАСТ Л. А., ОЛЬХОВСКИЙ С. В., Амфорная тара из подводных раскопок в Фанагорийской гавани // ПИФК. №2 (40). М., 2013. С. 55–78.

Кадеев В.И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1964 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1.

ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В. Подводные археологические исследования в акватории Гераклейского полуострова. История и современность // Материалы 38-го Международного конгресса по изучению Азии и Северной Африки. Анкара. Турция. 2007. С. 327–329.

СМОКТИНА А.В. Амфоры LR1 на Боспоре // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 68–87.

СОРОКОПУД С., ФИЛИПЕНКО А. О подводных археологических разведках в акватории Севастополя в 1993-1994 годах // Vita Antiqua, 1-1999. С. 71–74.

СУХАНОВ Е.В. Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2018. Том II.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. С. 590.

ЩЕГЛОВ А.Н. Отчёт о расчистке склепа на южном берегу Круглой бухты в 1967 году. // НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д.865.

Быстрицкий Н.И.
Институт востоковедения РАН, Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМОЛОГИИ В ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Bystritsky N.I.

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF SYSTEMOLOGY IN ORIENTAL STUDIES

Применение новейших информационно-коммуникационных технологий уже дало впечатляющие результаты во многих сферах, причем не только в технике и естественных науках, но и в прикладных областях, связанных с хранением и анализом большого объема данных (управление, финансы). В гуманитарных областях эффективное использование возможностей цифровых технологий сталкивается со слабой степенью математизации и формализация гуманитарного знания [Хвостова 2007]. Увлечение гуманитариями вопросами оцифровки и сохранения текстовых и графических источников в ущерб развитию методологических средств, привело к тому, что мы можем говорить о цифровых библиотеках и сводах, нежели о цифровых гуманитарных науках. Оценивая такое положение, некоторые исследователи даже говорят об определенном кризисе в области Digital Humanities [Таллер 2012: 6]. Чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию и открыть широкую дорогу по применению цифровых методов в гуманитарных науках и востоковедении, необходимо вести теоретические и практические исследования, в которых будут сформулированы и проверены системные механизмы формализации и количественной оценки ключевых аспектов знания.

Как показывает практика, для обработки и анализа востоковедческих данных сегодня уже недостаточно математических или формально-логических методов, но следует искать системы постулируемых теоретических закономерностей, верифицированых реальным фактическим материалом. Как показывает опыт смежных дисциплин (прежде всего в области создания автоматизированных систем управления), наиболее эффективная методология работы с плохо формализованными данными – это совмещение создания полномасштабных баз данных с построением исследовательских моделей для их анализа и понимания.

Сейчас перед современными учеными встает задача создания верифицированного исторического гипернарратива, поверяемого надежными базами данных, совместно создаваемых специалистами по различным периодам, регионам и направлениям исследований [Карпов 2009]. Её реализация включает в себя создание и интеграцию ресурсов, необходимых для работы востоковеда по всему спектру исследований, таких как библиографические, просопографические, фактографические, хронологические, географические базы данных, – обеспечивающих систематизацию и обработку основных групп источников. В настоящий момент становится очевидным, что специфика востоковедения как научной дисциплины требует тщательной проработки теоретических основ и принципов формализации, визуального представления и научного анализа фактических данных с последующей проверкой разработанных подходов при решении практических задач [Аликберов 2009].

Перспективный системный подход по цифровизации знания нацелен на комплексное решение следующих задач:

1. Выявление типологии и классификация информационных элементов знания об историческом процессе.

2. Создание методики формализации элементов знания и их терминологическое оформление.

3. Сведение к единому виду и сопоставление различных форм сообщений (фактографических знаний) об одном событии/действии.

4. Формализация фактографических знаний в виде жесткой структурной схемы: действующий объект А – операнд действия – пассивный объект В – обстоятельства. Это позволяет накапливать и обрабатывать исторические данные в едином формате.

5. Установление взаимных связей между фактографическими знаниями (временные, причинно-следственные, типологические, генетические и др.). Как отмечал М. Блок, важной задачей исторического исследования является выявление причинных цепочек событий [Блок 1986: 108–110].

6. Выбор единого формата описания хронологических и пространственных данных, в т. ч. нетривиального типа (интервальных, нечетких и т.п.) [Караваев 1983].

7. Снабжение фактографических знаний пространственными и временными характеристиками (географические координаты и хронологический юлианский день).

8. Задание типологических и значимых характеристик фактографических знаний для возможности их последующей классификации и фильтрации [Kuzenkov 2016].

9. Определение достоверностных (вероятностных) параметров фактографических знаний и их источников [Bystritskiy 2020].

10. Разработка методов описания и обработки вариативных типов информации (различных версий, гипотетических реконструкций и т.п.).

11. Проработка методологии оперирования мнимыми событиями.

12. Создание приложений наглядного представления выборок данных, их группировки, связывания и сравнения (визуализации)

Опыт практической реализации системологических принципов к формализации и анализу востоковедческой информации представлен на основе выборок из базы данных по истории Византийской империи [Быстрицкий 2019]. Дальнейшее перспективное применение и научная экспертиза предлагаемых системологических подходов позволят развить множество новых цифровых методов и инструментов в востоковедении: проверка и конкретизация источников информации, уточнение дат и маршрутов, выявление неявных закономерностей, обоснование исследовательских гипотез, автоматическая генерация нарратива, алгоритмы социального прогнозирования и т. д.

Библиография

АЛИКБЕРОВ А.К. Исторические формы национализма в системно-коммуникационном анализе // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 11–23.

БЛОК М. Апология истории. М.: Наука, 1986.

БЫСТРИЦКИЙ Н.И., КУЗЕНКОВ П.В. Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 13–31.

КАРАВАЕВ Э.Ф. Основания временной логики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

КАРПОВ С.П. Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории. Материалы Международной конференции 29 сентября 2009 г. М., 2009. С. 66–71, 162–166.

ТАЛЛЕР М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

ХВОСТОВА К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история, №3, 2007. С. 66-78.

BYSTRITSKIY N. System approach for digital history // ITM Web of Conferences. 2020. Vol. 33. P. 1–10.

KUZENKOV P., BYSTRICKIJ N. Текущие подходы к накоплению и анализу цифровых данных византийской истории // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications. Belgrade, 2016. P. 232.

Вахонеев В.В.
Севастопольский государственный университет
Дымченко И.В., Сырых О.А., Вахонеева А.А., Матросов М.А.

ПРОЕКТ ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА «ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА»*

Vakhoneev V.V. Dymchenko I.V., Syrykh O.A.,
Vakhoneeva A.A., Matrosov M.A.
PROJECT OF GEO-INFORMATION PORTAL
"UNDERWATER CULTURAL HERITAGE OF CRIMEA"

Изучение объектов культурного наследия в акватории Крымского полуострова приобрело особую актуальность в связи с активным хозяйственным освоением территории, строительством мостового перехода, энергомоста, газопровода, активной деятельностью по добыванию природных ресурсов на шельфе и подготовкой базы для увеличения рекреационного сектора экономики и его туристического потенциала. Вместе с тем активные физические (шторма, течения, абразия берега) и антропогенные факторы приводят к постепенному уничтожению объектов, в связи с чем необходим их постоянный мониторинг.

Подводное культурное наследие в акватории Крымского полуострова богато и разнообразно: памятники представляют собой как затопленные части античных городищ и поселений, так и кораблекрушения периода Великой Отечественной войны. По предварительным подсчетам, проведенным сотрудниками Департамента подводного наследия Института археологии НАН Украины в 2000-х гг., на данной акватории находится не менее 2 тысяч объектов.

Несмотря на то, что для акватории Черного и Азовского морей имеется ряд сводов подводных объектов [Воронов 2008; Ёлкин 2017; Зеленко 2008; Назаров 2003; Окороков 2016], они зачастую имеют многочисленные лакуны и неточные места расположения объектов, приводящие зачастую к путанице. Учитывая это, в Севастопольском государственном университете в 2021 г. Была создана рабочая группа по созданию геоинформационного портала «Подводное культурное наследие Крыма» из историков, археологов и представителей технических специальностей.

Геоинформационные системы в последнее десятилетие заняли видную роль во всех областях археологии. Они обеспечивают пространственную составляющую более традиционных структур баз данных, позволяя эффективно собирать, хранить, анализировать и визуализировать географические данные.

Для подводной археологии внедрение ГИС приобретает большую актуальность, поскольку позволяет эффективно визуализировать данные, не доступные для «неныряющих» специалистов. Более того, использование таких систем в археологии, является одним из лучших инструментов для пространственного анализа как одного археологического объекта, так и целого комплекса разновременных объектов на определенной территории.

Одной из основных целей для первых ГИС в археологии была, безусловно, попытка инвентаризации большого количества археологических объектов. Данная информация была

* Работа выполнена при финансовой поддержке Севастопольского государственного университета в рамках научного проекта №22/06-31 «Геоинформационный портал «Подводное культурное наследия Крыма»

необходима как для самих исследователей, так и для органов охраны памятников. Использование картографических наборов данных стало полезным и понятным способом представления больших объемов непространственных данных. Вслед за такой инвентаризацией последовали проекты по простейшей визуализации археологических объектов с применением статистического анализа распространения находок и моделирования окружающей среды. Это впоследствии позволило проводить работу по прогнозированию выявления новых археологических памятников на основе моделирования палеорельефа.

Подводная археология в последнее время вобрала в себя все новейшие технические средства для изучения морского дна, результаты работы которых могут быть эффективно использованы в ГИС. Арсенал археологов пополнился средствами гидроакустических и геофизических методов исследований, телеуправляемыми подводными аппаратами, способными собирать гигабайты данных в день. Однако, большая часть собираемой цифровой информации в ходе подводных экспедиций остается по большей мере недоступной для археологического сообщества, поскольку в среде археологов очень мало специалистов, способных обрабатывать и использовать полученные ими данные из воды. Именно поэтому большинство археологических ГИС остались в стадии «инвентаризации» при использовании для подводной археологии [Croff 2005].

Наборы данных, получаемые в ходе современных подводных археологических экспедиций, разнообразны. Согласно Правилам проведения археологических работ на участках водных объектов, утвержденных в 2019 г., в составе археологической разведки проводится комплексное дистанционное обследование. Оно включает в себя гидроакустическое обследование поверхности дна многолучевым или однолучевым эхолотом для создания батиметрической карты, гидроакустическое обследование поверхности дна гидролокатором бокового обзора, гидромагнитное обследование для создания карты аномального магнитного поля, профилирование донных отложений акустическим профилографом или георадаром для выявления погребенных объектов. Кроме того, активно используется подводное фотографирование (как аквалангистами, там и телеуправляемыми подводными аппаратами). Нередко археологи принимают участие в комплексных морских экспедициях, где также могут быть собраны данные о типе донных отложений, температуре воды, солености и уровне растворенного кислорода. Эти данные позволяют делать прогнозы о влияние внешних факторов на сохранность археологических объектов.

Все эти типы данных, в целом, легко импортируются в различные программные пакеты ГИС, однако на данный момент таких баз данных достаточно мало. На сайте ЮНЕСКО приведено несколько десятков существующих баз данных объектов подводного культурного наследия (http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/underwater-cultural-heritage/underwater-cultural-heritage/databases/), однако лишь единицы из них работоспособны и информативны в достаточной мере.

При подготовке портала «Подводное культурное наследие Крыма» решаются задачи сбора и анализа научной информации об объектах, создание базы пространственных данных с максимально информативной проработкой категорий, набора картографических подложек, системы поиска и анализа информации, наполнение данной базы актуальными научными данными и, в завершении, создание на основе разработанной базы пространственных данных работоспособного геоинформационного портала.

Для разработки геопространственной базы данных используется система управления базами данных PostgreSQL с расширением PostGIS, обеспечивающим поддержку работы с пространственными данными. В качестве картографических подложек можно использовать от-

крытые картографические сервисы, а также подготовленные в виде отдельных тематических слоев морские навигационные карты. Подготовка таких слоев осуществляется в геоинформационной системе с открытым исходным кодом QGIS. Для ученых-исследователей предусматривается web-интерфейс, для удобного ввода данных об объектах. Для широкого круга пользователей, открытая часть системы предоставляется через геопортал БГП Космос, развернутый на мощностях Севастопольского государственного университета.

Разрабатываемый портал способен содержать значительный массив данных, хранящихся на внутренних серверах университета. На основе анализа опыта аналогичных порталов, крымский портал содержит 24 раздела для каждого объекта (номер, название объекта, вид, учётные данные, тип, датировка, статус, местонахождение, исторические данные, исторические изображения (при наличии), глубина залегания, данные приборного обследования (сонограмма, эхограмма, магнитометрия), батиметрия, план (схема, модель, фотоплан), описание объекта, площадь, информация о проведенных исследованиях, находки, место хранения коллекции, библиография, архивные материалы, фотоматериалы, видеоматериалы.

При этом ряд данных доступен только для отдельных групп авторизированных пользователей (статус, местонахождение, находки).

Функционал геоинформационной системы позволит проводить мониторинг состояния объектов в будущем, что полезно органам государственной власти, уполномоченным в сфере охраны объектов культурного наследия. Публичность геопортала позволит популяризировать научные знания о подводном культурном наследии и научных морских исследованиях, выявлять факторы, негативно влияющие на объекты подводного культурного наследия, прогнозировать процесс формирования археологического памятника, оперативно следить за объектами, раскрывая их рекреационный и научно значимый потенциал.

Уже на стадии проектирование системы открывается большое количество вопросов, требующих открытого и широкого обсуждения морскими археологами. Требуется обратить внимание, на необходимость создания единого классификатора и установления правил описания объектов, разработки единой системы картографического отображения. Установление и введение в действие данных правил, позволит в дальнейшем создать единое информационное пространство, которое позволит создать условия не только для новых исследований, но и позволит использовать самые современные технологии работы с большими данными.

Библиография

ВОРОНОВ С.О. Енциклопедія морських катастроф Украіни. К., 2008.

ЁЛКИН А.В. Атлас затонувших судов Черного и Азовского морей – 2. Тольятти, 2017.

ЗЕЛЕНКО С.М. Подводная археология Крыма. К., 2008.

НАЗАРОВ В.В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох). К., 2003.

ОКОРОКОВ А.В. Свод объектов подводного культурного наследия. Часть 1: Черное и Азовское море. М., 2016.

CROFF K. GIS and Underwater Archaeology // http://www.edc.uri.edu/nrs/classes/NRS409/509_2005/Croff.pdf

Гинькут Н. В.
ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,Севастополь
Иванов А.В.
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,Симферополь
Савеля Д.Ю.
Севастополь

КЕРАМИКА ГЕНУЭЗСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2003 – 2005 ГГ., Г. БАЛАКЛАВА, УЛ. КИРОВА – ИСТОРИЧЕСКАЯ). ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Ginkut N.V.
Ivanov A.V.
Savelya D.Yu.

THE CERAMICS OF THE GENOESE TIME FROM THE SUBURB OF THE FORTRESS CHEMBALO (ON THE RESULTS OF THE RESEARCH IN 2003 - 2005, BALAKLAVA, ST. KIROVA - HISTORICHESKAYA). PRELIMINARY OVERVIEW

В ходе проведенных охранных исследований в 2003 – 2005 гг (рук. экспедиции – О.Я. Савеля, раскопки проводились по открытому листу, выданному на его имя) по ул. Исторической впервые был исследован участок позднесредневековой городской застройки современного города Балаклавы. Полученные данные позволяют сделать выводы касательно исторической топографии важной в планировочном отношении части города (Рис. 1.1). Исследуемая территория расположена вблизи северо-западного участка оборонительных сооружений крепости Чембало с угловой башней Барнабо Грилло (1463г.) и располагавшимися возле нее воротами. Этот участок отделен от них устьем балки Кефало – Вриси, западнее располагалась площадь с важными общественными сооружениями османского периода - кафедральной мечетью Джами-и–Кебир (до 1527 г.), постоялым двором и таможней. В результате, были выявлены остатки конструкций помещений, расположенных на трех террасах, а также контексты, содержащие археологические материалы с XIV- XVIII вв. [Савеля и др., 2006]. Помещения, зафиксированные на нижней террасе, очевидно, представляли первый ряд застройки, ограничивающей площадь с востока, несколько выше по склону, к востоку, располагался следующий ярус жилой застройки, в 7- 8 м выше по - склону терраса с легкой постройкой кефе-хане или харчевни. На том же склоне в 30 м к северу от нее стоял греческий храм Св. Апостолов Петра и Павла. Кроме реконструкции значительного участка городской застройки, впервые выявлены следы производственной деятельности – металлургии и производства поливной керамики (Рис. 1.2-3) [Савеля и др., 2006, л. 5-18; Иванов Савеля , 2004, с. 100-105; Иванов, Савеля 2006, с. 174-176; Иванов, 2011. С. 146-147]

Полученные в ходе раскопок артефакты можно разделить на три основных временных этапа: золотоордынский (начало – 80-е гг. XIV в.) генуэзский (80-е гг. XIV в.- 1475 г.) и османский (1475--XVIII вв.). В данной публикации мы остановимся на обзоре керамических находок, относящихся к золотоордынскому и генуэзскому периодам присутствия в регионе.

При раскопках найдены пять монет, относящиеся к данному периоду: две - золотордынский анонимный пул 750-х гг. х. (1350-е гг.), чекан г. Сарая ал-Джедид, периода Джанибека (1341-1357); две - анонимный пул 782 г. х. (1380/81 гг.), чекан Сарая Нового Времени Абдаллаха (1362-1369) или Токтамыша (1376-1395); пятая - Турция Баязид I, 792- 805 г.х. (1389-1402).9 [Савеля и др., 2006, л. 48-50]

Керамические находки XIV - XV вв. несмотря на фрагментарность, представлены всем спектром типов, характерных для этого периода.

Строительные материалы. В слоях найдены единичные и традиционные для региона немногочисленные фрагменты верхних краев, стенок керамид, встречающиеся на синхронных крымских памятниках XIII-XV вв. [Герцен, Науменко 2009: 394; Воронин и др. 2014: 460–461; Моисеев 2012: 46–48; Паршина, 1974. с. 79-80]; стенок черепицы калиптерного типа - «татарки», бытование которой продолжается и в более позднее время [Науменко, Душенко 2017: 206], а также фрагменты квадратной плинфы, толщиной до 5 см, которая использовалась при строительстве цистерн крепости Чембало. [Адаксина и др. 2003: 48-49]

Тарная керамика представлена фрагментами стенок оранжевоглиняных пифосов, группы II по И.Б. Тесленко 2015, бытующих в Крыму с XIII по XV вв. Место производства сосудов на сегодняшний день пока не определено. [Тесленко 2015 а: 133–135, 145, рис 6, 7; Якобсон 1979: 63]. Амфорная тара также найдена во фрагментах - стенки, ручки, плоские донья, она традиционна для региона. Это - амфоры с дуговидными ручками типа Gunsenin IV (производство Ганос) или Класса 45 по Херсонесской классификации 1995 г. [Güunsenin 1993: 193 – 201; Романчук и др. 1995: 75 –76], сосуды с т.н. бугристой поверхностью и покрытых белым ангобом Класса 52 по Херсонесской классификации 1995 г. [Романчук и др. 1995: 75 –76]. Выше перечисленные типы характерны для памятников Юго-западного Крыма [Науменко, Душенко 2017: 206 - 207]. Также среди тарной керамики присутствует фрагменты ручек, стенок с рифлением сосудов, покрытых темно-красной обмазкой, вероятно производства одного из крымских центров и датируемые XIV в. [Сазанов, Иващенко 1995: 126]. Здесь же были найдены и единичные находки тарных сосудов, изготовленных в технике спирально-жгутового налепа, имеющих двух - трёхслойный черепок, и украшенных лощением, возможно, производства Азака [Масловский 2006: 311–317, рис. 1–3].

Представительной группой материалов, характерные для этого периода, являются сосуды т.н. группы производства Юго-Западного Крыма (ЮЗК): двуручные плоскодонные горшками, кухонными горшками с вертикальным венчиком с бороздками и с шарообразным туловом. Некоторое количество сосудов было декорировано росписью белым ангобом – вертикальными полосами. Эта керамика имеет широкий диапазон распространения – от Подонья до Поднестровья, включая Крымский регион [Тесленко 2014: 495–504; Кравченко 1986: 49; Масловский 2006: 383–385; Герцен, Науменко 2009: 395, рис. 17.4–5; Полевой 1967: 125]. В комплексах памятников Крыма находки этой группы керамики фиксируются со второй четверти XIV в. и доживают до османского завоевания [Тесленко 2014: 502].

Также в слоях присутствует фрагменты горшков т.н. «группы с рельсовидными венчиками» типа 1.1. по И.Б. Тесленко 2015. Появление этой керамики, возможно производства Анатолии, соотносят со временем не ранее середины XV в. [Тесленко 2015 б: 429, 434; Мыц 2002: 157, 166, рис. 24,5; Джанов 1998: 87-88, рис.4,1].

Традиционно для городских структур Крыма этого времени большую долю находок составляет поливная керамика. Для данного участка исследований - это не стало исключением.

[9] Определение монет выполнено к.и.н. Н.А. Алексеенко, авторы выражают ему свою глубокую признательность.

Поливная керамика представлена различными формами сосудов нескольких центров производства.

Прежде всего, необходимо отметить, что при исследовании участка были найдены остатки производства поливной керамики: печной припас и фрагменты полуфабрикатов сосудов. [Савеля и др., 2006, л. 25, 26, 29, 30, 37, 39, 40, 43] Печной припас представлен двумя фрагментами и целой формой треножных подставок (№ ИКАМ 37428/32), использовавшихся при обжиге этого вида посуды (Рис. 2.4-6). Полуфабрикаты – фрагментами сосудов открытого типа (чаш или тарелок), с ангобной подгрунтовкой, но без глазурованного покрытия (№ ИКАМ 37428/30-31). Декор выполнен по ангобу, растительно-геометрического характера (Рис. 2.1-3). Также найдены несколько фрагментов ? чаш, не имеющих ангобного и поливного покрытия, их также можно отнести к заготовкам производства глазурованной посуды (Рис. 3. 4-6). Триподы и заготовки имеют аналогичное глиняное тесто, а также технологически близки к уже известным находкам остатков поливного производства из раскопок крепости Чембало. [Гинькут 2014 а: 314-315, рис. 3] К группе поливной керамики производства крепости Чембало с уверенностью можно отнести несколько фрагментов чаш (Рис. 3. 1-3). Структура глиняной массы, поливное покрытия и орнаментальные композиции идентично материалам производства из крепости. Например, медальон в центре, стилизованные овы, спирали, пальмовые ветви – все это находит прямые аналогии среди как полуфабрикатов, так и среди готовой продукции производства в пределах второй половины XIV – третьей четверти XV в. [Гинькут 2014 а: 317, 322, рис. 4, B-19; 5, B-14; 6, F-12; 7, F-30, 32; Waksman, Ginkut 2015: 219-220, fig 1.]

Помимо выше указанных сосудов в контекстах присутствовали другие типы поливных сосудов, которые, возможно, относились к местному производству, или к другим производственным центрам Таврики. Найдены фрагменты (венчики, стенки, ручки овального сечения, носик, плоские донья) кувшинов, ойнохой, кумана, двуручных сосудов – афтоб, покрытых зеленой и желтой поливой различных оттенков с внешней стороны на ангобную подгрунтовку и бесцветной внутри, Широко распространены в Крыму и за его пределами. Датируются по различным памятникам Причерноморского региона XIV – XV вв. [Масловский 2006: 364-366, рис.23.1, 25. 3,6,7,10-12; Мыц 1991: 100, рис.40]

Поливные сосуды открытого типа, производства крымских центров, представлены фрагментами венчиков, стенок доньев на кольцевых поддонах различных форм. Чаши-миски (как монохромные, так и полихромные), с вертикальным бортиком и слегка отогнутым венчиком, внутренняя поверхность которых украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике «sgraffito» (№ ИКАМ 37428/21) [Гинькут 2001: 53-54, рис. 1.1-3, 2.1-12, 5; Масловский 2006: 355-366, рис. 19, 21.3-5]. Тарелки или блюда с отогнутым краем, внутренняя поверхность которых украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике «sgraffito», некоторые из них с подцветкой коричневыми и зелеными пятнами. [Гинькут 2001: 53-54, рис. 1.23-31, 2.13-21; Масловский 2006: 355-366, рис. 20]. Чаши или тарелки с подглазурной росписью густым ангобом, также датируемые XIV в. [Белинский, Масловский 1998: 210, рис. 15.2,7]. Монохромные чашечки – пиалы, в том числе и орнаментированные. [Кравченко 1986: 67, рис. 25.15; Гинькут 2001: 53-54, рис. 1.4-5, 3.18-20, 32]. Сосуды открытого типа на высокой ножке, декорированного розеткой с полихромной расцветкой (Рис. 2.10) (№ ИКАМ 37428/25). К одному из крымских центров можно отнести и фрагмент дна сосуда на кольцевом поддоне в центре дна с выгравированной двухъярусной монограммой «Михаил» (№ ИКАМ 37428/18) (Рис. 4.6) [Савеля и др., 2006, л. 22], типа 4.3 по В. В. Майко 2019. Исследователи относят производство подобных чаш к мастерским юго-

восточного Крыма и датируют 80-ми годами XIV столетия [Майко 2019: 295, рис. 2.10; 3.8,10]. К крымской группе керамики, возможно даже и производства крепости Чембало или центров юго-западного Крыма, относятся и несколько фрагментов поливных чаш?, имитирующих распространенную в Средиземноморско - Причерноморском регионе византийскую керамику XIV века типа Elaborate Incised Ware, производства Константинополя, Фессалоник и других византийских центров (Рис.4.5) [Гинькут 2014 б: 14-16].

К византийскому кругу импортной поливной керамике можно отнести фрагменты стенок, доньев на кольцевых поддонах чашек-пиал, а также чаш-мисок группы Elaborate Incised Ware, украшенных геометрическим орнаментом и изображением птицы (№ ИКАМ 37428/20) (Рис. 4.1-4; 5.1-6) [Савеля и др., 2006, л. 27, 28, 31, 37]. Производство этой связывают с Константинополем и другими византийскими центрами, находящимися под его влиянием. [Waksman et all 2009: 457-467; Тесленко 2018: 471] Чаши с изображением голубя в сочетании техник champlevé и sgraffito (Рис. 5. 1-2) известны в Фессалонийских мастерских. [Papanicola-Bakirtzi 1999: 190-198, №№ 215-219, 223; Гинькут 2005: 19-21] Датируется керамика этой группы - XIV столетием, пик ее распространения, по мнению исследователей, приходится все же на середину – 80-е гг. XIV в. [Тесленко 2018: 470-471]. Ведущая роль в распространении этой керамики по всему региону принадлежит генуэзским купцам [François 2005: 199-201]. Также отмечается существование локальных мастерских на территории Крыма работавшие в подобной технике исполнения и имитирующие популярный товар. [Гинькут 2014 б: 14-16].

Немногочисленной, но стабильной для причерноморских памятников стала группа керамики, имеющей зернистый черепок с включениями кварцевого песка, шамота и покрытой болотной и желтой поливой грязноватых оттенков по внутренней поверхности, внешняя поверхность некоторых из сосудов – закопчена. Во всех контекстах генуэзского времени этого участка исследований выделяются фрагменты (в большинстве случаев - стенки) кухонных горшков и котлов. [Савеля и др., 2006, л. 33] Эта группа керамики известна по раскопкам Портового района Херсонеса, Чембало. [Сводный отчет 1971: 9; Гинькут 2001: 58-59, рис. 4.29-3]. За пределами Крыма встречается при раскопках Азака и датируется XIV в. [Масловский 2006: 401-402, рис. 37]

К более позднему импорту, производства Изника XV группы «Milletus Ware», поступавшей на полуостров не ранее середины XV столетия, принадлежит несколько фрагментов чаш или блюд (№ ИКАМ 37428/23) (Рис. 4.7) [Савеля и др., 2006, л. 35, 43]. Сосуды украшены растительным орнаментом. На территории полуострова имеют достаточно широкую локализацию – от памятников юго-западного Крыма до восточной части полуострова. [Тесленко 2005: 388, 393-394]

К изделиям специального назначения находок этого периода относятся стенки водопроводных керамических труб, фрагменты пробки для амфоры, сделанной из стенки черепицы, крышки для сосуда, изготовленной из поливной чаши (Рис. 5.6), края поливной шлемовидной крышки с насечками (Рис.2.7) (№ ИКАМ 37428/17), фрагмент плоского дна светильника - плошки, типа А.Н. Масловский 2006 2.II.14, пряслице, сделанное из стенки поливного сосуда (Рис. 2.11) (№ ИКАМ 37428/33) [Савеля и др., 2006, л. 41; Мыц, 2002, с. 154, рис. 19-21, 22.2. Масловский 2006: 351, 368, рис. 15.13, 25.14; Тесленко 2014: 500, рис. 25-26]

Помимо керамических находок среди материалов присутствовали фрагменты мраморной архитектурной детали, стенки стеклянного сосуда с накладными синими нитями ? итальянского производства конца XIII- первой половины XIV в. [Fiorillo 2005: 140-142, Tav. XXXI], тиглей для выплавки металлических изделий и отходы металлического шла, костяная заго-

товка для ?пуговиц, грузила (рис.2. 8-9), фрагмент железной подковы и других железных и бронзовых изделий, а также кости животных, мидий и устриц.

Таким образом, представленный археологический материал генуэзского периода истории бухты Симболон Лимне, укладывается в период с середины XIV столетия до конца XV. Группа керамики Elaborate Incised Ware стабильно встречается на полуостров с середины XIV столетия, что укладывается в найденный на данном участке монетный ряд. Также следует отметить, что к 1344 г. относится и упоминание о существовании нотариуса для регистрации сделок, в 40-е гг. XIV в. начинается строительство крепости. [Адаксина, Мыц 2017: 109]

Весь комплект находок с данного участка по своему видовому составу, представленным центрам совпадает с типологическим рядом из раскопок самой крепости. [Гинькут 2001: 53-59]. Также тождественными являются и свидетельства поливного производства на крепости – это сипаи, заготовки и непосредственно готовые сосуды, идентичные чашам из раскопок крепости. Это свидетельствует о единовременном развитии территорий формировании данного участка как т.н. «посад» крепости Чембало.

Библиография

АДАКСИНА С.Б., КИРИЛКО В.П., МЫЦ. В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. – СПб; Симферополь, 2003.

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. Генуэзская крепость Чембало: основные этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города d XIV-XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 89: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906 -1984). – СПб, 2017. С. 103-139

БЕЛИНСКИЙ И. В., Масловский А. Н. Типологическая характеристика материалов раскопок золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко – археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995 - 1997 гг. - Азов, 1998. Вып.15.

ВОЛКОВ И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов двух амфор//Донские древности. - Азов, 1992. Вып. 1. С. 143–157.

ВОЛКОВ И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор//Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. - К, 2001. С. 130–146.

ВОРОНИН Ю.С., МАЙКО В.В., КУТАЙСОВ В.А. Археологические раскопки Сюрейньского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I//История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 458–479

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ.- 2009. Вып. XV. С. 389–431.

ГИНЬКУТ Н. В. Поливная керамика XIV—XV вв. из раскопок «консульской церкви» Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: Сб. науч. трудов. — Севастополь, 2001 — С. 53–60.

ГИНЬКУТ Н. В. Изображение птиц на поливной керамике крепости Чембало: техника, декор, символика // Символ в религии и философии. —Севастополь, 2005 — С. 19–36.

ГИНЬКУТ Н.В. Производство поливной керамики во второй половине XIV – середине XV вв. в крепости Чембало // МАИЭТ - 2014 а. Вып. XIX. С. 311-344.

ГИНЬКУТ Н. В. Византийская поливная керамика и ее имитации из раскопок генуэзской крепости Чембало // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Тез. докл. и сообщ. - Севастополь, 2014 б. С. 20–21.

ДЖАНОВ А. В. Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов. – Симферополь, 1998. С. 82-89.

ИВАНОВ А.В., САВЕЛЯ О.Я. Исследование постройки османского времени в старой части Балаклавы.// Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. – Киев- Судак – 2004.- С. 100-105.

ИВАНОВ А.В., САВЕЛЯ О.Я. Новые детали исторической топографии средневековой Балаклавы. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции.- Киев-Судак. – 2006. –т.II – С. 174-176.

ИВАНОВ А.В. Средневековый город при Балаклавской бухте: Очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии.// Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. В.Новгород - Старая Русса 2011. С. 146-147.

КРАВЧЕНКО А.А. Средневековый Белгород на Днестре. – Киев, 1986

МАЙКО В. В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // МАИЭТ – 2019. вып XXIV. С. 288-295.

МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика//Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. - Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–473.

МОИСЕЕВ Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька: предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез.докл. и сообщ. - Бахчисарай, 2012. С. 46–48.

МЫЦ В. Л. Укрепления Таврики X-XV веков. - К.,1991.

МЫЦ В. Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50-70-е гг XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней. - Киев, 2002. С.152 - 154.

НАУМЕНКО В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ, 2017, Вып. XXII. С. 187-238.

ПАРШИНА Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика, К.1974.

ПЕРЕВОЗЧИКОВ В. И. Некоторые данные о поливной керамике Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. - Симферополь, 1998. С.160-165.

ПОЛЕВОЙ Л.Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. - Кишенев, 1964. С. 166–181.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995.

САВЕЛЯ О.Я., Иванов А.В., Савеля Д.Ю., Гинькут Н.В. Отчет об охранных исследованиях в зоне строительства гостиничного комплекса по ул. Кирова в 2005 г. (Балаклава) // Научно-архивный отдел ГИАМЗ ХТ. Д. 3785

САЗАНОВ А.В., ИВАЩЕНКО Ю.Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы// Причерноморье в средние века. М., Изд-во МГУ, 1995. Вып. 2. С. 117–130.

Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963-1964 гг.// АДСВ. - Свердловск, 1971. Вып. 7.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. - Киев, 2005. С.385-410.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. -Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495–512.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв.// Генуэзская Газария и Золотая Орда // Stratum Plus, 2015 а. С. 125–163.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. - Симферополь, 2015 б. Вып. II. С. 428-436.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште //МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 459 – 498.

ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Ленинград, 1979.

GÜNSENIN N. Ganos, centre de production d'amphores a Fepooue Byzantine//Anatolia antique (Eski Anadolu). Vol. 2.- Paris, 1993. P. 193–201.

FIORILLO R. La tavola dei d'Angio. Analisi archaelogica di una spazzatura reale Castello di Lagopesole (1266-1315). - Universita degli Studi di Salerno, 2005.

FRANSOIS V. Elaborate Incised Ware: Un Temoin du rayonnement de culture byzantine a l'epoque paleologue// Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. - Киев. 2005. P. 195-208.

PAPANIKOLA-BAKIRTZI D. (Ed.) Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.

TESLENKO, I., Waksman, S. Y. Ginkut, N. Late Byzantine Imports of «Elaborate Incised Wares» in the Crimea and Local Counterparts: Archaeological Contexts and Archaeometric Investigations. In: An acts of 12th International congress on medieval and modern period mediterranean ceramics, Athens, October 21—27, 2018. In print

WAKSMAN S.Y., ERHAN N., ESKALEN S. Les ateliers de céramiques de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2008 // Anatolia Antiqua. – 2009. – XVII. P. 457-467

WAKSMAN, S. Y., GINKUT, N. Late medieval pottery production in South Western Crimea: laboratory investigations of ceramics from Cembalo (region of Sebastopol / Chersonesos). In: Gonçalves, M. J., Gymez-Martinez, S. (eds.). Actas do X Congresso Internacional a cerâmica Medieval no Mediterraneo, Silves — Mertola, 22—27 October 2012. Silves; Mértola: Gráfica commercial de Loulé, 2015. P. 719-723.

Подписи к рисункам

Рис. 1.1 - Историческая застройка исследуемой территории – второй половины XIX-начала XX вв.; 2- Территория археологических исследований 2003-2005 гг.; 3 – План раскопок 2003-2005 гг.

Рис. 2. 1-6 -Печной припас и полуфабрикаты поливной керамики; 7-11- изделия специального назначения.

Рис. 3. 1-3 – Поливные чаши; 4-7 – столовые сосуды без поливы.

Рис. 4. 1-4 Поливная керамика византийских центров; 5-6 – поливные чаши крымских центров; 7 –чаша группы «Milletus Ware» производства Изника.

Рис. 5. Поливная керамика византийских центров

Гончаров Е.Ю.
Институт востоковедения РАН, Москва

КОРАБЛИ НА АНТИЧНЫХ МОНЕТАХ ОТ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ ДО ХЕРСОНЕСА И ФАНАГОРИИ

Goncharov E.

SHIPS ON THE ANCIENT COINS FROM ALEXANDRIA OF EGYPT TO KHERSONES AND PHANAGORIA

Изображения кораблей, как одного из важнейших средств коммуникации в античном мире, представлены на различных памятниках древнего искусства. Они нередки на керамической и металлической посуде, на мозаиках, фресках, надгробных стелах, есть скульптурные композиции. В мелкой художественной пластике различные суда встречаются на монетах от VI в. до н.э. до V в. н.э., иногда даже выпущенных городами, находившимися далеко от морского побережья. По причине обширной географии чеканки таких монет, в своей заметке я ограничусь только Восточным Средиземноморьем (самые древние монеты с кораблями чеканились именно здесь) и некоторыми регионами Черноморского побережья.

Суда гражданского назначения не пользовались популярностью в качестве монетного типа, изредка мы их можем увидеть на провинциальных римских монетах. На рис. 1.2 на такой вёсельной барке восседает Зевс-Серапис в сопровождении богинь Деметры, Тихе, Исиды-Евфении и пса Цербера. В общем композиция восходит к элевсинским мистериям Деметры.

Все остальные изображённые корабли являются боевыми, над их бортами иногда видны воины в шлемах и со щитами (рис. 2.3). На золотых, серебряных и медных монетах от поздней архаики до конца эллинистической эпохи представлены многие типы кораблей, ходивших на вёсельной тяге и под парусом. Из-за маленького рисунка обычно непонятно сколько вёсел и их рядов имеет то или иное судно, то есть, не ясно какого оно типа, поэтому парусный корабль обычно считается биремой, а гребной без паруса галерой или триерой. На рис. 3.6 представлена римская либурна. На ранних шекелях, и их фракциях, финикийских городов над бортами укреплены ряды круглых щитов закрывавших гребцов от обстрела (рис. 2.3-5,7,8, на 5 финикийский триаконтор, с 30 вёслами). Основным маркером боевого корабля являлся его нос, оснащённый тараном (римс. ростр). Последний мог иметь вид кабаней головы с клыками (рис. 3.1), но обычно состоял из трёх металлических пластин, расположенных друг на другом, именно такой таран изображён на большинстве античных монет. Иногда таран представлен сам по себе, без корпуса судна, к которому он крепился, то есть, его изображения было достаточно для обозначения галеры и др. в целом или напоминания о какой-то победе на море. Детальные (насколько это позволяла площадь монетного кружка) его рисунки можно увидеть на медных монетах Арада (рис. 2.9), Пантикапея и Фанагории (рис. 3.15-17). Особое значение ростр подтверждается и захватом их в качестве военного трофея, ритуального обезоруживания корабля, и помещения их на ростральные колонны.

В полном виде древние корабли попадали на монетную гладь не часто, их изображения от носа до кормы чаще можно увидеть на ближневосточных монетах VI-IV вв. до н.э. и провинциальных городов Римской империи (рис. 1.4 и 2.2). Для эллинизма же более характерны изображения прор (передних частей кораблей) или только носа, поскольку он был самой архитектурной частью. На «скулах» носа всегда изображены глаза, одушевлявшие судно, ими

оно как-бы смотрело на море отыскивая путь в порт, но иногда глаза бывают нахмуренные, отыскивая корабли противника. Венчал нос форштевень, продолжение киля, обычно загнутый вперёд или назад (рис. 1.1), но иногда оформленный в виде лебединой шеи (рис. 2.12, 3.4). На шекеле Библа с носа триремы врагов устрашает голова льва, рис. 2.3. Здесь же, на носу или носовой части палубы, впрочем, иногда и на форштевне, помещалась статуарная фигура. Чаще всего она представляла богиню победы Нику, как на арадских монетах на рис. 2.10 и 11 (на первой на носу так же сидит Зевс), но на палубе могла быть и статуя Афины Паллады (рис. 2.6), что позволяет нам вспомнить её покровительство Одиссею. Упоминая Нику нельзя пропустить серебряные монеты македонского царя Деметрия I Полиоркета (рис. 1.8). Хотя они чеканены за пределами рассматриваемого региона, их выпуск связан с впечатляющей морской победой флота Деметрия над флотом Птолемея I в районе кипрского г. Саламин в 306 г. до н.э. Этот тип тетрадрахм входит в число самых красивых монет античности. Самым же известным памятником той победы является статуя Ники Самофракийской стоящей на носу корабля.

Изображения кормы встречается на монетах намного реже, в отличие от прор, хотя именно здесь располагался кормчий — один из главных членов экипажа. Уходящие к корме стороны бортовых досок могли торчать пучком, могли быть связаны или сколочены с ахтерштевнем, но в любом случае на монетах мастера-гравёры штемпелей старались передать их изящно, насколько это позволяли реалии или их мастерство (рис. 2.1 и 3.2).

Обычно рисунок корабля является фокусом той стороны монеты, где он помещён. Но время от времени разные суда становились элементами композиций, где могли и не занимать центрального места. Сначала простых, как на финикийских шекелях и статерах, где они несутся по волнам, переданных зигзагом, иногда в сопровождении крылатого гиппокампа или дельфина (рис. 2.3 и 7). Но в римскую эпоху композиции усложняются, об одной такой, с Зевсом-Сераписом, было рассказано выше, есть и другие примеры, такие как крупная медная монета III в. из г. Эги (Киликия), показанная на рис. 3.5. На ней парусная либурна проходит рядом с маяком, на котором стоит статуя Посейдона.

Традиция давать кораблям имена дошла до нас из древности. Из разных источников нам известны несколько таких имён, например, либурна «Стрела» на алтаре III в. из Херсонеса. Велика вероятность, что на некоторых античных монетах изображены не абстрактные средства передвижения и морских побед, а реально существовавшие суда, например, селевкидские царские галеры или участвовавшие в победных морских битвах.

Несмотря на зависимость античной цивилизации от моря корабельные типы монет не были преобладающими. Точнее, они преобладали регионально, в некоторых городах. Наибольше количество типов монет с кораблями выпустил г. Фесалис (Ликия). Первые изображения боевых кораблей появились там уже на рубеже VI-V вв. до н.э. и чеканились они на протяжении нескольких столетий. Другим регионом в Восточном Средиземноморье является Финикия, среди городов которой, по обозначенному критерию, выделяются Сидон и Арад. Чеканка Сидона серебряных монет разных номиналов с кораблями была настолько массовой, что они сформировали своеобразную моду монетного типа, распространившуюся и на монеты соседних областей. Примером последней являются оболы Самарии, не имевшей выхода к морю (рис. 1.5 и 6). Города Крыма и Тамани только изредка помещали изображения прор и таранов на своих медных оболах, халках и тетрахалках (рис. 3.8-18). Корабельные типы чеканились там с III в. до н.э. по первую половину I в., то есть в тот же период, в какой корабли часто изображались на монетах других городов на берегах Средиземного и Чёрного морей.

Определения монет на иллюстрациях

Рис. 1. 1 — Александрия, Птолемей I (323-282 гг. до н.э.), ок. 312 г. до н.э., статер. 2 — Александрия, Антонин Пий (138-161), 157/8 г., медная драхма. 3 — Аскалон, II в. до н.э., гемидрахма. 4 — Аскалон, I в. 5 — Самария, IV в. до н.э. 6 — Самария, ок. 375-333 гг. до н.э., обол. 7 — Саламин, 350-330 гг. до н.э. 8 — Македония, Деметрий I Полиоркет (294-288 до н.э.), тетрадрахма.

Рис. 2. 1 — Тир, Деметрий I (162-150 до н.э.). 2 — Тир, Антонин Пий. 3 — Библ, ок. 380 г. до н.э., шекель. 4 — Сидон, ок. 453-420 гг. до н.э., ½ шекеля. 5 — Сидон, 372-358 гг. до н.э., двойной шекель. 6 — Сидон, 107-168 гг. 7 — Арад, 400-380 гг. до н.э., шекель. 8 — Арад, 350-320 гг. до н.э., статер. 9 — Арад, ок. 165 гг. до н.э. 10 — ок. 130 гг. до н.э. 11 — Арад, II в. до н.э. 12 — Антиохия, Селевк IV Филопатор (187-175 до н.э.).

Рис. 3. 1 — Фаселис, 530-480 гг. до н.э., статер. 2 — Фаселис, 411-350 гг. до н.э., статер. 3 — Фаселис, 220-190 гг. до н.э. 4 — Фаселис, 167-130 гг. до н.э., статер. 5 — Эги (Αἰγαὶ), Макрин (217-218). 6 — Эги, Транквиллина (241-244). 7 — Синоп, 310-290 гг. до н.э., гемидрахма. 8 — Херсонес, 220-210 гг. до н.э., обол. 9 — Херсонес, 170-160 гг. до н.э., халк. 10 — Херсонес, 170-160 гг. до н.э., халк. 11 — Херсонес, 120-110 гг. до н.э., халк. 12 — Херсонес, 170-160 гг. до н.э., халк. 13 — Пантикапей, 2-ая половина III в. до н.э., обол. 14 —Пантикапей, 125-115 гг. до н.э., тетрахалк. 15 — Пантикапей, 107-100 гг. до н.э., обол. 16 — Боспорское ц-во, Асандр (47-17 до н.э.), обол. 17 — Фанагория, 3-я четверть I в. до н.э., тетрахалк 18 — Боспорское ц-во, Агриппея (Фанагория), 14-37 гг., 8 унций.

Изображения монет взяты из открытых источников в сети Интернет: asiaminorcoins.com, bosporan-kingdom.com, tauriscoins.ru, zeno.ru и других.

Денисова Е.А.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПЛУГА В ХЕРСОНЕСЕ-ХЕРСОНЕ

Denisova E.A.
ON THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF THE PLOW IN CHERSONESOS-CHERSON

Основным источником для изучения пахотных орудий являются железные наконечники – насадки на их рабочие части, поскольку деревянные остовы орудий в археологическом материале не сохраняются. Письменные источники, древние изображения и средневековые миниатюры, иллюстрирующие сельскохозяйственные работы, дают лишь общее представление об их устройстве. По мнению большинства исследователей, наиболее вероятным способом реконструкции пахотных орудий является сопоставление наконечников с этнографическим материалом и их «привязка» к соответствующим этнографическим орудиям [Довженок 1961: 56; Левашева 1956: 23; Нидерле 1956, рис. 60, 61; Чернецов и др. 1985: 223; Краснов 1987/1, рис. 42–45].

По данным ранних письменных источников из орудий пахотного земледелия были известны «рало» и «плуг» («соха» – позднее). В научной литературе под ралом понимается безотвальное пахотное орудие для симметричной обработки почвы. Плуг – орудие для асимметричной пахоты, снабженное односторонним отвалом и способное производить оборот пласта земли. Соха характеризуется как двузубое орудие с высоким прикреплением тягловой силы [Зеленин 1907: 10-12; Довженок 1952: 119, 131; Левашева 1956: 23; Кирьянов 1959: 317-318, 345-346; Чернецов 1972: 137-142; Краснов 1987/1: 4-7; Конецкий 2000: 240]. Согласно Ю.А. Краснову, по наиболее общим функциональным особенностям пахотные орудия можно разделить на две группы: орудия типа рал (собственно рала и сохи простейшего вида) и орудия плужного типа (плуги и сохи с неподвижной полицей) [Краснов 1975: 7].

Время появления плуга некоторые исследователи относят к началу I тыс. н. э. [Нидерле 1956: 313; Кругликова 1975: 165-166], ссылаясь на сообщение Плиния Старшего о тяжелом пахотном орудии, в которое впрягали несколько пар быков. Оно имело широкий лопатовидный «лемех», переворачивающий дерн, и применялось для обработки полей под паром (Plin. Hist. Nat. XVIII.172-173,176). Однако был ли это плуг или тяжелое колесное рало, из текста Плиния не ясно, поскольку он не упоминает односторонний отвал, наличие которого является главной отличительной чертой плуга [Бурский 1937: 75; Haudricourt, Delàmarre 1955; Левашева 1956: 23; Нидерле 1956: 311; Кирьянов 1959: 317; Чернецов 1972: 139; Кругликова 1975: 168; Чернецов и др. 1985: 221; Краснов 1987/1: 126; Шрамко 2012: 49]. Что касается переворачивания дернового пласта, то оно могло достигаться и ралом за счет его наклона, о чем свидетельствуют этнографические [Payne 1947, pl. VII,a; Bratanič 1960: 84] и письменные источники (Col. II.2.25). Колеса также не являются признаком только плуга, т. к. колесными были и некоторые разновидности рал [Краснов 1987/2: 23; Шрамко 2012: 49]. Как было доказано экспериментально Г. Лерх, рало можно превратить в плуг, дополнив его лишь отвалом и чересло́м [Lerche 1994].

Несколько слов следует сказать о чересле. Первое упоминание о нем встречается также у Плиния Старшего, рассматривающего «резак» или «кривой нож», функции которого сводя-

лись к вертикальному разрезанию пластов земли перед тем как ее поднять (Plin. Hist. Nat. XVIII.171). По мнению одних исследователей, наличие чересел в археологическом материале является «бесспорным доказательством бытования плуга» [Довженок, 1961, с. 73]. Однако этнографический и древний иконографический материал свидетельствуют, что чересло ставилось не только перед асимметричными лемехами в плугах с отвалом, но и могло соответствовать пахотным орудиям, предназначенным для симметричной обработки почвы, т. е. некоторым разновидностям рал, не имеющих металлического наконечника, и симметричным ралам с наральником [Haudricourt, Delàmarre 1955, рис. 85, 91; Чернецов 1972: 139; Краснов 1979: 58; Михеев 1985: 36; Краснов 1987/1: 126]. Таким образом, наличие чересла не является свидетельством применения именно плуга. В этой связи представляется слабо обоснованным вывод И.А. Баранова о существовании плуга в Таврике в VIII–X вв. [Баранов 1990: 71]. Отмечая, что в Византии в указанный период плуг еще не известен, исследователь считает появление плуга в Северном Причерноморье «неоспоримым фактом» на основании находки чересла, известного в Крыму в единственном экземпляре [Фронджуло 1968: 143–144].

Итак, в античный период были распространены лишь различные типы рал [Краснов 1971: 47; Чернецов 1972: 139; Бруяко, Северская 2016: 103–104]. В Византии для большей части пахотных земель лучше всего подходил обыкновенный взрыхляющий аротрон (ἄροτρον – греческий термин, обозначающий пахотное орудие вообще) [Литаврин 1960: 14; Краснов 1987/1: 131; Деккер 2014: 402]. Он не поднимал пластов, прорывал неглубокие борозды, разбрасывая землю в обе стороны, и технически – плугом не являлся. Кроме того, не каждый земледелец мог позволить себе иметь плуг или воловью упряжку, и не везде почва годилась для вспашки плугом. Довольно распространенными орудиями оставались ручные инструменты [Антониадис-Бибику, Гийу 1988: 28; Bryer 2002: 107-108; Деккер 2014: 403]. Так, согласно данным «Геопоник», на небольших участках поля, трудных и твердых почвах следовало использовать мотыгу (Геоп. II.23.13).

По принадлежности к тем или иным пахотным орудиям все древние и средневековые наконечники разделяются соответственно на наральники (рабочие наконечники рал), сошники (наконечники сох) и лемехи (наконечники плугов) [Довженок 1961: 56; Краснов 1978: 98–99]. Необходимо отметить, что до недавнего времени большинство археологов называли все наконечники средневековых пахотных орудий сошниками [см., например: Белов 1941: 261; Якобсон 1950: 95; Ляпушкин 1958: 117; Золотарев 1972: 392; Миролюбов 1972: 118–120; Мыц 1991: 108 и др.], что в определенной степени вносило путаницу в существующую терминологию.

Из раскопок Херсонеса происходит 22 железных наконечника пахотных орудий, датирующихся временем от IX до XIV в. Из них только 13 экземпляров оказались доступными для исследования [Денисова 2021]. Все наконечники относятся к отделу втульчатых, т. е. соединялись с деревянной рабочей частью орудия при помощи втулки. По классификационным признакам они делятся на три группы: с овальной в поперечном сечении втулкой и слабовыраженными плечиками (4 экз.); с овальной в поперечном сечении втулкой, широколопастные (6 экз.); с округлой в поперечном сечении втулкой, широколопастные (2 экз.). Один наконечник остался вне классификации, так как его верхняя часть утрачена.

По своим пропорциям и форме двенадцать наконечников (исключение составляет экземпляр типа III,2 по предложенной нами классификации [Денисова 2021]) сопоставляются с восточноевропейскими наконечниками типа IБ2, IВ2, IВ4, IIВ1, IIВ2 по Ю.А. Краснову [Краснов 1987/1: 39–43, 45–47], что позволяет называть херсонские наконечники наральниками. Наконечники первой и второй группы, судя по конструкции втулки (разомкнутой, овальной в

поперечном сечении, с высокими бортами), были принадлежностью орудий с малым углом наклона – рал с полозом, причем благодаря глубокой втулке такой наральник закреплялся на полозе довольно плотно [см.: Кирьянов 1959: 318; Чернецов и др. 1985: 222; Николова 1974: 189–190; Конецкий 2000: 240]. Наконечники третьей группы отличаются округлой в поперечном сечении формой втулки с равной шириной по всей длине, что свидетельствует о работе таких наконечников в наклонном положении, под острым углом к линии движения орудия [Кирьянов 1959: 319; Конецкий 2000: 240]. Следовательно, они не могли соответствовать плугу, сущность пахоты которым состоит в том, что пласт земли, отрезанный в вертикальной плоскости чересломом, подрезается наконечником (лемехом) горизонтально и затем отодвигается в сторону и переворачивается отвалом [Краснов 1987: 159].

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют предположить, что упряжными пахотными орудиями в Херсоне были рала различной конструкции. Археологических свидетельств применения херсонитами плуга для обработки почвы на сегодняшний день нет.

Библиография

АНТОНИАДИС-БИБИКУ Э., ГИЙУ А. Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. Т. 49. 1988. С. 24–39.

БАРАНОВ И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. 168 с.

БЕЛОВ Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 206–267.

БРУЯКО И.В., СЕВЕРСКАЯ Е.П. Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Одесса: Ирбис, 2016. 240 с.

БУРСКИЙ М.И. Введение // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / под ред. и предисл. М.И. Бурского. М.; Л., 1937. С. 7–86.

ДЕНИСОВА Е.А. Классификация наконечников пахотных орудий из раскопок Херсонеса // ХСб. 2021. Вып. XXII (в печати).

ДЕККЕР М. Сельское хозяйство и сельскохозяйственные технологии // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 3. 2014. С. 401–410.

ДОВЖЕНОК В.И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н.э. и в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР. Москва, 1952. Сб. 1. С. 115–159.

ДОВЖЕНОК В.Й. Землеробство Древньої Русі. Київ, 1961. 268 с.

ЗЕЛЕНИН Д. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. 195 с.

ЗОЛОТАРЕВ М.И. Раскопки у «Храма с ковчегом» в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972. С. 392.

КИРЬЯНОВ А.В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362.

КОНЕЦКИЙ В.Я. Изучение древнейших пахотных орудий Новгородской земли // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: материалы научной конференции по археологии Великого Новгорода. 2000. Вып. 14. С. 239–246.

КРАСНОВ Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 1971. № 174. 168 с.

КРАСНОВ Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. 184 с.

КРАСНОВ Ю.А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА. 1978. № 4. С. 98–114.

КРАСНОВ Ю.А. Средневековые плуги Восточной Европы // СА. 1979. № 4. С. 56–71.

КРАСНОВ Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987/1. 237 с.

КРАСНОВ Ю.А. Рало из Бреста // КСИА. 1987/2. Вып. 190. С. 19-25.

КРУГЛИКОВА И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 299 с.

ЛЕВАШЕВА В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова М., 1956. С. 19–105.

ЛИТАВРИН Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. 472 с.

ЛЯПУШКИН И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62. С. 85–150.

МИРОЛЮБОВ М.А. Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. 1972. № 14. С. 118–126.

МИХЕЕВ В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. 147 с.

МЫЦ В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. 164 с.

НИДЕРЛЕ Л. Славянские древности. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 453 с.

НИКОЛОВА Я. Домашният бит и въоръжението в двореца на царевец според археологическия материал // Царєвград Търнов. Дворєцът на българскитє царє прєз втората Българска Държава. Т. 2 / под ред. М. Чакърова. София, 1974. С. 187–390.

ФРОНДЖУЛО М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред.-сост. О. И. Домбровский. Киев, 1968. С. 133–151.

ЧЕРНЕЦОВ А.В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 135–148.

ЧЕРНЕЦОВ А.В., КУЗА А.В., КИРЬЯНОВА Н.А. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 219–242.

ШРАМКО Б.А. Основні етапи розвитку орного хліборобства // Археологія. 2012. № 1. С. 48–54.

ЯКОБСОН А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950. 299 с.

BRATANIČ B. Nekoliko napomena o tehničkoj konstrukciji starog slavenskog pluga // Etnografia Polska. 1960. T. 3. S. 78–120.

BRYER A. The Means of Agricultural Production: Muscle and Tools // Laiou A. E. (Ed.). The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. 2002. Vol. 1. P. 101–113.

LERCHE G. Ploughing Implements and Tillage Practices in Denmark from the Viking Period to About 1800. Herning, 1994. 322 p.

HAUDRICOURT A.G., DELAMARRE M. J.-B. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955. 506 p.

PAYNE F.G. The Plough in Ancient Britain // The Archaeological Journal. London, 1947. Vol. 104. 82–111.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВВ – Византийский временник

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

ХСб – Херсонесский сборник

Дорошко О.П.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ГОНЧАРНЫЕ КАСТРЮЛИ С БИКОНИЧЕСКИМ ТУЛОВОМ I-III ВВ. ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ОКРУГИ: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА

Doroshko O. P.

POTTERY POTS WITH A BICONIC BODY OF THE I-III CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS OF TAURIC CHERSONESOS AND ITS SURROUNDINGS: ON THE QUESTION OF THE PLACE OF PRODUCTION

Многолетние археологические исследования Херсонеса Таврического позволили накопить обширный массовый материал. Поэтому неудивительно, что некоторые группы керамики остались без внимания, в том числе и кастрюли с биконическим туловом, фрагменты которых повсеместно встречаются в слоях I – III вв. Херсонеса и его округи.

Самые ранние находки этих кастрюль римского времени из Херсонеса датируются серединой I в. У таких сосудов венчик отогнут, имеет ребро для упора крышки. Ручка уплощенная, вертикальная, прикреплена к венчику и ребру на тулове (рис. 1, 1) [подр.: Дорошко и др. 2021].

На протяжении всего II в. и в первой половине III в. в Херсонесе бытовали кастрюли с отогнутым, слегка изогнутым или прямым венчиком, без закраины для упора крышки. Ручка петлевидная, уплощенно-овальная, прикреплена под венчиком. Поверхность тулова гладкая, нижняя часть рифленая. Глина плотная, красноватого цвета, с мелким кварцем, небольшим количеством слюды (рис. 1, 2-3). Были распространены два основных варианта: с более глубоким и приземистым туловом [Кадеев 1970: 84, рис. 6, 4; Кутайсов, Труфанов 2014, рис. 18, 1-2]. Они относятся к типу 2 по Дж. Хейсу [Hayes 1983: 122, fig. 7, 81-89]. Это самый распространенный тип кастрюль с биконическим туловом [напр., Крапивина 1993: 101-102, рис. 32, 14, рис. 33, 1; Băjenaru 2013: 62-64, pl. 9, 65, pl. 9, 68; Suceveanu 2000: 89, pl. 35]. Отдельно следует отметить находку кастрюли в погребении начала III в. могильника Бельбек IV [Гущина, Журавлев 2016: 60]. Это невысокий сосуд со сглаженным ребром на тулове с плоским дном. Ручки прикреплены под венчиком и к ребру. Кастрюля интересна тем, что она имеет более массивные стенки, чем известные образцы.

В конце II – первой половине III в. в Херсонесе бытуют еще два типа кастрюль. Первый тип – высокие кастрюли с венчиком, отогнутым почти горизонтально, с небольшой закраиной для упора крышки. Тулово резко изгибается сначала наружу, а затем образует ребро и переходит в округлое дно. Ручка петлевидная, прикреплена под венчиком и ребром на тулове. Цвет глины варьируется от темно-красного до коричневого, с включениями частиц песка, пироксена, окислов железа. Поверхность сосудов покрыта обмазкой темно-коричневого, почти черного цвета [Созник 2005: 246, рис. 6, 60]. Аналогии известны из Афин [Robinson 1959: 58, 67, p1. 14, K 93] и Добруджи [Honcu 2017: 87, Pl. XV, 143]. Второй тип – идентичен вышеописанному, только верх тулова профилирован желобками (рис. 1, 4) [Кутайсов, Труфанов 2014, рис. 23, 1; Созник 2005: 246, рис. 6, 1]. Аналогии ему происходят из Пантикапея [Зеест 1957, рис. 1, 2], Мирмекия [Четверкина 2019: 191, рис. 2, 20], Ольвии [Крапивина 1993: 102,

рис. 33, 8], Истрии [Suceveanu 2000, pl. 36, 4]. Эти кастрюли по составу глины идентичны ойнохоям первой половины II в., местом производства которых считается северо-восточное побережье Эгейского моря [Băjenaru 2013: 57-58].

В этот же период в Херсонесе получили распространение небольшие кастрюли с венчиком, отогнутым наружу и вверх, с закраиной для упора крышки (рис. 1, 5). Сосуд приземистый, со слегка вогнутым дном. Цвет глины варьируется от оранжеватого до светло-коричневого, с включениями редких мелких светлых и темных частиц. Аналогичный сосуд найден в Томисе (Băjenaru 2013: 63, pl. 9, 64).

Еще один вариант представлен кастрюлями с клювовидным венчиком (рис. 1, 6). Дж. Хейс по материалам Кносса датировал их поздним временем (Тип 3) [Hayes 1983: 126, fig. 7, 90]. В Херсонесе такая кастрюля найдена в слое первой половины III в.; она отличается наличием серой обмазки; тесто плотное, красноватого оттенка, содержит включения светлых частиц.

Кастрюли с биконическим туловом ранее считали продукцией местных мастеров: Пантикапея [Зеест 1957: 158-159], Херсонеса [Кадеев 1970: 84], Добруджи [Baumann 2009: 193], Истрии [Suceveanu 2000: 89]. После открытия керамических мастерских на территории Малой Азии такие кастрюли стали относить к эгейскому производству [Klenina 2018: 379-380, fig. 32, 3-7; Opait, Ionescu 2016: 77; Topić 2003: 347-351]. Дж. Хейс предположил наличие двух центров производства: один на территории эгейского побережья, а другой, предположительно, на территории островной Греции [Hayes 1983: 106]. К. Бадженару также выделял два центра производства кастрюль: на территории Малой Азии и в Западном Причерноморье [Băjenaru 2013: 62-64].

Петрографический анализ кухонной керамики, обнаруженной в Фокее, доказал местное производство кастрюль с биконическим туловом [Istenič, Schneider 2000: 343, 347]. Наличие же производственного центра в Аттике не подтвердилось [Istenič, Schneider 2000: 343]. Петрографический анализ кастрюли из раскопок Мирмекия также доказал малоазийское происхождение этой группы керамики, причем в двух различных центрах [Четверкина 2019: 193].

В 2018 г. в результате подводных исследований Фокеи были найдены многочисленные фрагменты кастрюль с биконическим туловом, соответствующих типу 2 по Дж. Хейсу, а также их бракованные формы [Okan at al. 2018]. Глина Фокеи с большим содержанием блесток слюды, кремниевых и известковых частиц [Okan at al. 2018: 175]. Состав фокейской глины полностью соответствует группе 5 керамики Мирмекия [Четверкина 2019: 191, обр. 13]. Два описанных выше типа кастрюль конца II – первой половины III в. с обмазкой темно-коричневого, почти черного цвета относятся к группе 4, глину которой отличает повышенное содержание крупных и мелких включений оксидов и гидроксидов железа [Четверкина 2019: 191, рис. 1, 14, 16, 20].

Форма таких кастрюль развивалась постепенно из сосудов типа lopas, бытующих со 180 г. до н.э. по римское время [Rotroff 2006: 183-186]. Они изготовлены из слегка зернистой на ощупь глины, цвет которой варьируется от охристого до красного, с кварцевыми включениями и редкими включениями частиц слюды. Снаружи сосуды обычно имеют темный цвет глины [Rotroff 2006: 183-186; Кадеев 1970: 84, рис. 6, 5]. Сосуды типа lopas относятся к производству Малой Азии [Rotroff 2006: 186], что также подтверждает происхождение формы кастрюль с биконическим туловом римского времени.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о наличии, по крайней мере, трех центров производства кастрюль с биконическим туловом I – III вв. н.э. Один из них распола-

гался в Фокее, местоположение остальных до сих пор не выяснено; возможно, они находились на северо-восточном побережье Эгейского моря или в Западном Причерноморье.

Библиография

ГУЩИНА И.И., ЖУРАВЛЕВ Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: в 2 ч. Ч. 1. М., 2016.

ДОРОШКО В.В., ДОРОШКО О.П., УШАКОВ С.В. Комплекс находок из раскопок цистерны раннеримского времени в XCVII квартале Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. XXI. 2021 (в печати).

ЗЕЕСТ И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. № 56. 1957.

КАДЕЕВ В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I – IV веках н.э. Харьков, 1970.

КРАПИВИНА В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. К., 1993.

КУТАЙСОВ В.А., ТРУФАНОВ А.А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977-1979 гг.) // ИАКр. Вып. I. 2014.

СОЗНИК В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического // БИ. Вып. VIII. 2005.

ЧЕТВЕРКИНА Е.В. Петрографический и химический анализ античной кухонной керамики Мирмекия // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 2. 2019.

BĂJENARU C. Contextes ceramiques de Tomis. (I). Un ensemble de la fin du IIe – debut du IIIe s. ap. J.-C. // Pontica. Vol. XLVI. 2013.

BAUMANN V.H. Producerea ceramicii locale la Gurile Dunării în secolele I-IV p.Chr. // Peuce S.N. Vol. VII. 2009.

HAYES J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens. Vol. 78. 1983.

HONCU Ș. Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I–III p. Chr.). Constanța, 2017.

ISTENIČ J., SCHNEIDER G. Aegean cooking ware in the Eastern Adriatic // RCRF. Acta 36. 2000.

KLENINA E. Chersonesus Taurica in the Principate. Some Aspects of Economic History According to Archeological Data. Poznan, 2018.

OKAN E., FIRAT M., BAYDAN C. Foça Çanak Koyu Sualtı Araştırmaları: İlk Bulgular // Süleyman Demirel Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. S. 45. 2018.

OPAIȚ A., IONESCU M. Contributions to the Economic Life of the City of Callatis in Light of New Ceramic Finds (2nd-6th centuries AD) // Arheologia Moldovei. Vol. XXXIX. 2016.

ROBINSON H.S. Pottery of the Roman Period: Chronology // The Athenian Agora. Vol. V. 1959.

ROTROFF S.I. Hellenistic Pottery. The Plain Wares // Athenian Agora. Vol. XXXIII. 2006.

SUCEVEANU A. La céramique romaine des Ier-IIIe siècles ap. J.-C. // Histria. Vol. X. București, 2000.

TOPIĆ M. Posuđe za svakodnevnu uporabu grublje izradbe, amfore, terakote i kultne posude iz Augusteuma Narone // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. № 96. 2003.

Дорошко В.В.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
Свиридов А.Н.
Институт археологии РАН, Москва
Язиков С.В.
Институт археологии РАН, Москва

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР ИЗ РАСКОПОК ПОГРЕБЕНИЯ 58 МОГИЛЬНИКА КИЛЬ-ДЕРЕ 1

Doroshko V.V.
Sviridov A. N.
Yazikov S. V.

BRIDLE SET FROM EXCAVATION OF BURIAL 58 OF THE KIEL-DERE 1 NECROPOLIS

Могильник Киль-Дере 1 расположен в Инкерманской долине, на левом берегу реки Черная, на склонах крутого высокого холма, вблизи развилки двух дорог - «президентской» на Севастополь и дороги на Инкерман, к западу от последней. В 2020 – 2021 гг. в связи с прокладкой коммуникаций в зоне реконструкции объездной дороги вокруг Инкермана он исследовался на всей площади. Некрополь функционировал в I – IV вв. Памятник сильно пострадал от грабительских раскопок в последние десятилетия, и к настоящему моменту из исследованных 320 погребений только 20 оказались не разграбленными. Среди них оказалась могила 58. Погребение, было совершено в подбое к востоку от входной ямы, одиночное с конским уздечным набором, которому и посвящается эта публикация. Полностью комплекс погребения планируется опубликовать после завершения реставрационных работ с находками и обработки антропологического материала.

Уздечный набор был положен поверх бедер и таза единственного погребенного в могиле. Остатки кожаных ремней не сохранились и металлические предметы могли менять свое положение по мере проседания грунта.

В петли железных двухсоставных удил пропущены через бронзовые псалии и кольца поводьев (рис. 1, 3). Псалии имеют сложную форму: с одной стороны они имеют округлый выступ с отверстием для петли удил, а с противоположной – выступ для крепления обоймы щечного ремня. Нижняя и верхняя часть имеют треугольную форму с соответствующими вырезами, в которых нетрудно распознать крепление поперечных ремней, охватывающих морду лошади. В то же время, в форме псалий просматриваются пересеченные тамгообразные знаки.

Две литые накладки лежали рядом (рис. 1, 1-2), каждая из них имеет форму вытянутого шестиугольника. Внутреннее пространство украшено сквозным орнаментом в виде тамгообразных знаков. Накладка схожей формы обнаружена во время исследований Чернореченского могильника [Дашевская 1991: 36, табл. 63, 26]. Возле них обнаружен предмет, назначение которого остается невыясненным (рис. 1, 4), исследователи предполагают, что это была подвеска [Oldenstein 1977: 202–203, kat. 885; James 2004: 99, cat. 356; Radman-Livaja 2004: 118, cat. 539], при этом есть прямое подтверждение её использования как элемента сбруи: в погре-

бальном комплексе из Казармишлень и Балаца в Паннонии с останками лошадей она найдена на левой стороне конского черепа [Palagui 1997: 469, fig. 6, 70, 73].

В составе набора присутствуют квадратные ременные распределители, общим числом в восемь единиц. Почти все они находились в скоплении находок вокруг удил. Половина из них имеет вырезы для ремней, в которых они пересекались под прямым углом (рис. 1, 13-16). Другая половина предназначалась только для одного ремня или фиксации ещё одного внахлест (рис. 1, 17-20). Ширина узких ремней должна была составлять около 1,2 см. Подобные распределители известны в нескольких местах римского пограничья и датируются III в. [напр.: James 2004, 99, cat. 350; Radman-Livaja 2004: 118, cat. 540].

В этом же скоплении предметов найдены шесть подвижных накладок с рельефной лицевой поверхностью и скобой, при помощи которой они подвешивались (рис. 1, 7-13). Известны случаи обнаружения подобных накладок и в таких отдаленных от Крыма региона как Нижняя Германия [Nicolay 2005: pl. 83, 194,2, 99,6, 226,4].

Отдельно, на ступнях лежали две округлые пряжки с обоймами и пара наконечников ремней (рис. 1, 21-24). Также к набору должны относиться массивная железная пряжка и бронзовый фиксатор с осью (рис. 1, 5-6). Судя по их ширине, они предназначались для широкого ремня, вероятно того, который соединял псалии снизу.

Псалии и шестиугольные накладки следует относить к т.н. «сарматскому стилю», появившемуся в элементах вооружения и снаряжения римской армии, начиная со второй половины I в. Импульс «сарматской моды» был непродолжительным и длился в течение II в. Территория распространения таких находок концентрируется ближе к зоне контактов с сарматскими племенами, т.е. в Нижнем Подунавье и Юго-Западном Крыму [Костромичев 2016: 135]. Как видим, публикуемый набор не стал исключением.

О том, что погребенный был связан с римской армией, свидетельствует не только уздечный набор, но и меч, который был положен поверх тела. Профиль клинка меча позволяет относить его к типу римских спат Хромовка-Лауриакум, вариант Майнц-Кентербери, датируемый второй половиной II – первой половиной III в. [Miks 2007: 92 - 94, vortaf. B, C, 16]. Остается дождаться реставрации этой находки, чтобы рассмотреть наличие долов на клинке, характерных для этого типа.

Датировать комплекс помогает находка массивной лучковой фибулы со сплошной обмоткой спинки, положенная на грудь погребенного. По аналогичным находкам её следует датировать концом II – первой половиной III вв. [Пуздровский 2007: 193, рис. 200, 5–7]. В целом, наиболее предпочтительной датой совершения погребения в восточном подбое могилы 58 является первая четверть III в.

Обнаружение погребения человека, связанного со службой в римской армии для ближайшей округи Херсонеса, – явление, конечно же, редкое, но куда более неожиданным выглядит тот факт, что расположено оно не у стен города, где до этого были найдены как погребения, так и большая часть надгробий римских военнослужащих, а на крайнем восточном выступе Сапун-горы. К тому же погребенный не был кремирован, что было общепринятым при погребении римских военнослужащих [Webster 1969: 273; Oldenstein 1977: 56], включая Херсонес [Костромичев 2005: 106–107]. Возможно, он был выходцем из среды местного населения, где проживала его семья. Об этом мы можем судить как по положенным рядом с погребенным низке бус, так и захоронению в соседнем подбое (могила 229), двух индивидов, вероятно, женщин, при которых были обнаружены буса, остатки шкатулки и два стеклянных бальзамария.

В тоже время следует отметить, что могильник Киль-Дере 1 находится в пограничной зоне Херсонесского государства, где несли службу римские военнослужащие. В 1,5 км к северо-западу от некрополя расположен хорошо изученный римский военный пост на высоте Казацкая. О том, что солдаты римских постов на гребне Сапун-горы относились к вспомогательным войскам, свидетельствует находка, бронзового диска на высоте Суздальская с упоминанием I Киликийской когорты, которая, как известно, имела смешанный состав из лучников и кавалеристов. Одним из них мог быть погребенный в могильнике Киль-Дере 1. Как известно, отслужив необходимый срок, солдаты вспомогательных войск получали римское гражданство. О том, что в Инкерманской долине моги селиться ветераны римских войск исследователи уже высказывались при изучении обряда кремации в могильнике Совхоз-10 [см. обзор Костромичев 2018: 105]. В могильнике были найдены элементы римского воинского снаряжения, включая халцедоновую вставку фалеры [Костромичев 2016: 105–106, рис. 1, 1]. Посвятивший этим предметам отдельную публикацию Д.А. Костромичев отмечал, что в некрополе они немногочисленны и присутствуют в качестве амулетов большей частью в погребениях женщин и детей [Костромичев 2016: 111]. Обряд положения деталей римского воинского снаряжения в погребения жителей Юго-Западного Крыма (не исключая Херсонесский некрополь) требует специального изучения.

Библиография

КОСТРОМИЧЕВ Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 94-118.

КОСТРОМИЧЕВ Д.А. Тамга солдата: сарматский стиль в римском военном снаряжении // Stratum Plus. 2016. №4. С. 125-138.

КОСТРОМИЧЕВ Д.А. Римское военное снаряжение из могильника Совхоз-10 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. III. Симферополь, 2018. 103-120.

ПУЗДРОВСКИЙ А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

JAMES S. The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final report VII. The Arms and Armour and other military equipment. London, 2004.

OLDENSTEIN J. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römisch-Germanische Kommission. 1977. Bd. 57. 284 s.

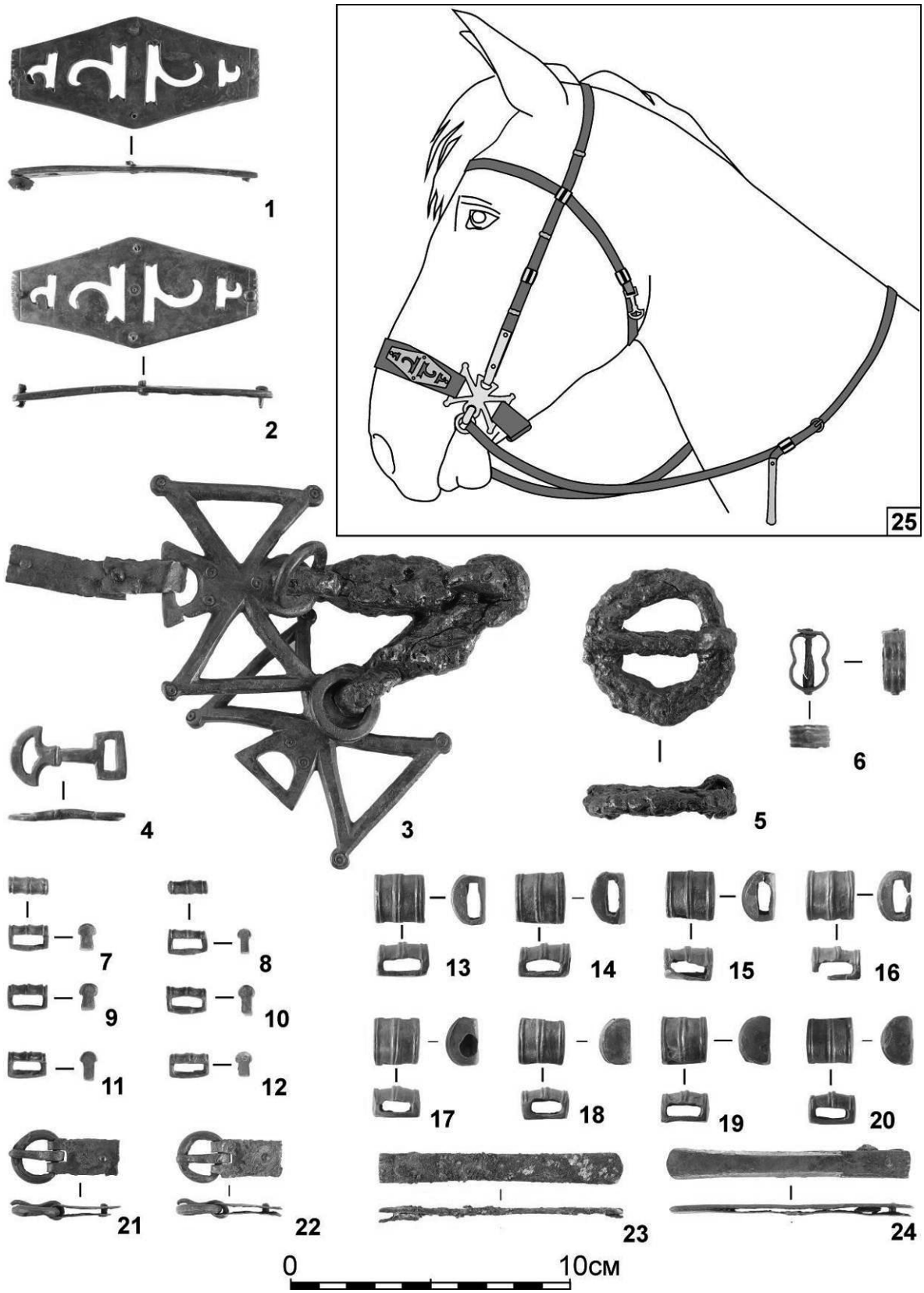
PALAGUI S.K. Reconstructionsmöglichkeit des zaumeuges aus dem wagengrab von Kozármisleny (Pannonia). Roman frontier studies 1995: Proseedings of the XVIth International congress of Roman frontier studies. Oxbow Monograph 91. Oxford, 1997. P. 467-471.

MIKS C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Leidorf, 2007.

RADMAN-LIVAJA I. Militaria Sisciensia. Musei Archaeologiei Zagrabiensis Catalogi et Monographiae. Vol. I. Zagreb, 2004.

NICOLAY. J. Gewapende Bataven. Gebruik en betekenis van wapen- en paardentuig uit niet-militaire contexten in de Rijndelta (50 voor tot 450 na Chr.). Amsterdam, 2005.

WEBSTER G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries AD. London, 1969.



Уздечный набор реконструкция узды 18

Дробышев Ю.И.
Институт востоковедения РАН, Москва

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ДВУХ МАССОВЫХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ

Drobyshev Yu. I.
TO RECONSTRUCT THE HISTORICAL CONTEXT OF TWO MASS MEDIEVAL GRAVES NEAR BAKHCHISARAY

В 2017 г. при исследовании курганной группы на северной окраине г. Бахчисарай, в 1 км к востоку от исторического предместья Ак-Чокрак, археологи обнаружили своеобразные коллективные захоронения. В двух неглубоких ямах вытянутой формы было найдено около 60 беспорядочно лежащих человеческих скелетов, причем все они были без черепов. Специалистам удалось установить, что скелеты принадлежали мужчинам в возрасте от 18 до приблизительно 50 лет, часть из которых, судя по специфическим патологиям костей, была опытными всадниками. Генетический анализ позволил предположить, что останки пятерых мужчин принадлежали выходцам из Европы (исключая Северную) и Передней Азии. Совокупность признаков указывает на то, что погребения являются следствием массовой казни, свершившейся здесь, согласно данным радиоуглеродного датирования, в пределах XIV-XV вв. [Сиротин и др. 2019/1: 293-307; Сиротин и др. 2019/2: 201-209].

В настоящее время затруднительно дать исчерпывающий ответ на вопрос, при каких обстоятельствах погибли люди, захороненные в этих траншеях, но можно попытаться реконструировать исторический контекст данного события.

Скорее всего, все казненные (или, во всяком случае, часть из них) были пленными воинами. Их происхождение дает основания думать, что они могли иметь отношение к европейским факториям Крыма, в частности, обеспечивать их защиту. Отсюда можно предполагать причину их гибели в столкновении с войсками Улуса Джучи (Золотой Орды). Это вытекает из нескольких уже известных нам обстоятельств. Во-первых, среди них выявлены европеоиды, во-вторых, письменные источники сообщают о карательных экспедициях монголов в Крым: темника Ногая (1235?–1299) в 1299 г. и хана Джанибека (1342–1357) в 1344-1346 гг., наконец, в-третьих, отсутствие голов в захоронениях может свидетельствовать о том, что палачи увезли их как доказательства выполненной боевой задачи – обычный прием степных кочевников.

Впервые монголы появились в Крыму в 1223 г., что подтверждается надписью на греческом Синаксаре: «В тот же день пришли впервые татары» [Арх. Антонин 1863: 601]. Следующее нашествие имело место в конце 1239 г., о чем гласит надпись за 26 декабря [Арх. Антонин 1863: 597]. Однако эти даты слишком ранние и касаются только Сугдеи (Судака); они не дают возможности говорить с определенностью о каких-либо расправах в Горном Крыму.

Гораздо ближе географически и хронологически происходили события, связанные с походом Ногая. Из сочинения Рукн ад-Дина Бейбарса известно, что в 1299 г. Ногай находился в окрестностях современного Бахчисарая, где разграбил горное укрепление Кырк-Йер (Чуфут-Кале), наряду с рядом других крымских населенных пунктов, в отместку за злодейское убийство своего внука: «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в Кафе. В 698 году (= 9 окт. 1298 – 27 сент. 1299 г.) было убито в городе Кафе упомянутое лицо, вследствие того, что

дед его Ногай, поразив царя Токту, овладел областями (его) и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его… Тот пришел в Кафу, а это город (принадлежащий) Генуэзским франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от ее жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел, да выпил вино и одолело его опьянение. Тогда они (жители) напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско… Оно ограбило его (город Кафу), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, алланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери (= Чуфуткале), Керчь и др.» [Рукн эд-Дин Бейбарс аль-Мансури аль-Масри 1884: 111-112]. Жестокий характер казни и сообщение источника о пленных, в том числе европейцах, дает определенную почву для предположений о расправе Ногая, но датировка делает их менее весомыми. Тем не менее, мы не можем отрицать вероятность такого сценария.

Если бы речь шла о взятии Кырк-Йера крымским ханом Менгли I Гераем (1445–1515) в 1478 г., то, надо полагать, казненные воины могли иметь иную, не европеоидную, расовую принадлежность.

Остается еще одно важное для истории Крыма событие – поход хана Джанибека, вполне укладывающийся в данную хронологию. В сентябре 1343 г. в Тане (Азаке), подчинявшейся ханам Улуса Джучи, венецианец Андриоло Чиврано убил оскорбившего его монгола, что вызвало ответные убийства и грабежи проживавших в Тане генуэзцев, венецианцев и флорентийцев. Не удовлетворенный мирным разрешением конфликта, Джанибек выгнал из Таны всех европейцев, а в феврале следующего года осадил Каффу – центр генуэзских поселений в Северном Причерноморье, но взять ее не смог, после чего, уже в 1345 г., разгромил генуэзскую крепость Чембало на окраине нынешней Балаклавы10. К сожалению, о перемещениях ордынских отрядов в Горном Крыму нам ничего неизвестно, и мы можем лишь предположить, что путь, по крайней мере, одного отряда, бравшего Чембало, лежал далее вглубь полуострова. Его движение обратно вдоль побережья кажется очень маловероятным, если только воины не должны были вернуться к осажденной Каффе.

Если допустить, что массовая казнь имела прямую связь с походом Джанибека, то остается вопрос, где были захвачены эти несчастные? Ближайшее к месту их гибели укрепление – Кырк-Йер, но оно не подчинялось ни генуэзцам, ни венецианцам. По мнению А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, Кырк-Йер был захвачен монголами между 1342 и 1363 гг., причем авторы возлагают ответственность за это на Джанибека [Герцен, Могаричев 1993: 56-57]. Скорее всего, однако, Джанибек не штурмовал Кырк-Йер, поскольку «крепость была взята Шибаном уже в 1238 г., и, скорее всего, все-таки представляла собой полуавтономное аланское владение, обложенное выходом на манер русских княжеств, который поступал лично ханам» [Зайцев 2013: 499]. Люди могли быть взяты в плен на побережье, может быть, возле Каффы или в Чембало, захват которой джучидским ханом описан в сочинении итальянского историка и путешественника Викентия Формалеони (1752–1797) [Formaleoni 1778: Capitolo XXI; Юргевич 1879: 319-320]. Это событие нашло отражение в сонете № 17 Адама Мицкевича («Развалины замка в Балаклаве») из Крымского цикла: «Где италийский меч монголам дал отпор…» [Адам Мицкевич 1976: 95]. Менее вероятным представляется пленение этих людей в Успенском монастыре в урочище Мариам-Дере, ведущем к укреплениям Кырк-Йера, поскольку монахами они не были. Правда, надежными сведениями о деятельности монастыря в описы-

[10] Подробнее о событиях в Крыму в 1340-х гг. см.: [Карпов 1994: 121-126; Ciociltan 2012: 199-219; Карпов 2015: 8-43].

ваемую эпоху историки не располагают. Если он функционировал, можно, скорее, допустить, что именно его насельники выполнили богоугодное дело по погребению казненных – кочевники этим себя никогда не утруждали.

Возможно, по каким-то причинам было решено не конвоировать пленных дальше и покончить с ними. Что тогда должно означать отсутствие голов? Расположение места казни близ перекрестья путей наводит на мысль, что головы могли быть оставлены там в назидание потенциальным мятежникам, как это делал великий Тимур (1336–1405), складывавший из отсеченных голов пирамиды. Не менее вероятно, впрочем, что головы были увезены в качестве трофеев для представления высшим военачальникам или самому Джанибеку. В этой связи можно также напомнить о монгольском обычае обезглавливания наиболее опасных врагов: считалось, что такая мера предотвращает новое возрождение противника на земле и обессиливает его род.

Итак, вопросов и предположений пока остается больше, чем ответов, но мы надеемся, что вышеизложенные размышления позволят сузить круг поисков и, в конце концов, приведут к разгадке тайны бахчисарайских захоронений.

Библиография

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Сонеты / Издание подготовил С.С. Ланда. Л.: Наука, 1976.

АРХ. АНТОНИН (КАПУСТИН А.И.). Заметки XII-XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Городская типография Х. Алексомати, 1863. Т. 5. С. 595-628.

ГЕРЦЕН А.Г., МОГАРИЧЕВ Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993.

ЗАЙЦЕВ И.В. Кырк-Йер/Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 495-505.

КАРПОВ С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский временник. 1994. Т. 55. № 1. С. 121-126.

КАРПОВ С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в Средние века. Вып. IX. СПб.: Алетейя, 2015. С. 8-43.

РУКН ЭД-ДИН БЕЙБАРС АЛЬ-МАНСУРИ АЛЬ-МАСРИ. Сливки размышления по части летописания хиждры // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1884. С. 76-123.

СИРОТИН С.В., БОГАЧУК Д.С., ВОЛОШИНОВ А.А., ТАРАСОВА А.А., МУСТАФИН Х.Х., АЛЬБОРОВА И.Э. Два необычных захоронения эпохи позднего Средневековья из Бахчисарайского района Республики Крым // Краткие сообщения института археологии. 2019/1. Вып. 256. С. 293-307.

СИРОТИН С.В., БОГАЧУК Д.С., ТАРАСОВА А.А. Археологические исследования коллективных захоронений обезглавленных людей в Бахчисарайском районе (предварительные результаты) // Крым – Таврида. Т. 2. М.: ИА РАН, 2019/2. С. 201-209.

ЮРГЕВИЧ В. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса: Франко-русская типография Л. Даникана, 1879. С. 319-320.

CIOCILTAN V. The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden; Boston: Brill, 2012.

FORMALEONI V.A. Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e delle colonie delgi antichi del mar Nero. Vol. 2. Venezia: Nella tipografia dell'autore, 1778.

Дружинина Н. С.
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

ПРОЕКТЫ РЕСТАВРАЦИИ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ ЕВГЕНИИ ИВАНОВНЫ ЛОПУШИНСКОЙ

Druzhinina N. S.

RESTORATION PROJECTS OF THE SUDAK FORTRESS BY YEVGENIA IVANOVNA LOPUSHINSKAYA

Судакская крепость является уникальным памятником средневековой архитектуры, градостроительства и археологии Крыма. Большая роль в сохранении этого объекта культурного наследия принадлежит известному архитектору-реставратору Евгении Ивановне Лопушинской, под руководством которой в 1960–1980-е годы проводились ремонтно-реставрационные работы. К теме профессионального наследия Лопушинской обращались в публикациях и выступлениях на конференциях Т. М. Мазькова [Мазькова 2013], А. Ю. Манаев (историко-археологический форум «Русь–Европа–Причерноморье–Византия», 2019), Г. С. Педь, М. И. Рейтер [Педь, Рейтер 2008]. Её роль в реставрации Ханского дворца в Бахчисарае изучена Э. Э. Османовым [Османов 2014], а участие в исследованиях церкви Иоанна Предтечи в Керчи – Л. Ю. Пономаревым [Пономарев 2019].

Деятельность архитектора непосредственно в Судакской крепости показана в ряде публикаций, посвящённых истории её исследования, из которых можно выделить статьи Л. А. Апостоловой-Сосса [Апостолова-Сосса 2014] и Л. Пономаревой [Пономарьова 1996]. Самой Е. И. Лопушинской были опубликованы статья «Реставрация крепости в Судаке» [Лопушинская 1976] и монография «Крепость в Судаке» [Лопушинская 1991]. В них содержится фактический материал об истории строительства крепости, о фортификационных сооружениях, а также основные итоги ремонтно-реставрационных работ. Расширить представление о ходе процесса реставрации могут документы из фондов музея-заповедника «Судакская крепость», которые ранее не были введены в научный оборот.

Историко-архитектурный памятник «Генуэзская крепость» был передан в ведение Академии строительства и архитектуры УССР (АСиА) по Приказу Министра культуры СССР Н. А. Михайлова от 22 мая 1958 г. Вскоре после этого крепость на правах филиала вошла в состав Государственного архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей». Это стало следствием обращения директора заповедника Н. И. Кресального к президенту АСиА УССР А. Н. Комару, в котором указывалось на необходимость неотложных мер по ремонту и благоустройству, что было установлено по итогам обследования объекта [Пресловська 2008: 483-490].

Для определения форм разрушенных элементов силами Украинского специального научно-реставрационного управления (с 1980 г. «Укрпроектреставрация») и Институтом археологии АН УССР проводились архитектурно-археологические, архивные и литературно-иконографические исследования. Е. И. Лопушинской была составлена опись технического состояния памятников крепости [Мазькова 2013: 382]. А с 1968 г. начались планомерные реставрационные работы, рассчитанные на 25 лет, которые выполнялись Крымской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Главным архитектором проекта являлась Е. И. Лопушинская. Реставрации подлежали те объекты, исследования по которым

подтверждались установленными научными данными, а на остальных – проводилась консервация [Лопушинская 1976: 9; Лопушинская 1991: 29].

В первую очередь восстанавливались объекты, которые находились в аварийном состоянии. К ним относились расположенные на скалах сооружения Верхнего оборонительного пояса, состоявшие к началу реставрационных работ из нескольких отдельно стоящих прясел и двух башен, от одной из которых сохранилось только основание [Лопушинская 1976: 28]. Для создания устойчивости куртины между башнями Георгиевской и Безымянной № 1 был восстановлен разрушенный нижний участок стены. А сохранившиеся остатки тамбура куртины меду Георгиевской башней и Консульским замком законсервированы. На Георгиевской башне отреставрированы зубцы, отремонтированы поверхности стен и контуры проёмов [Апостолова-Сосса 2014: 39]. Из-за недостатка научных обоснований для воссоздания Дозорной башни реставраторы, защитив остатки железобетонной плитой, оборудовали её под видовую площадку [Лопушинская 1991: 75, 87].

С востока Верхний оборонительный комплекс замыкал Консульский замок. В ходе его реставрации, начатой в 1970 г., были восстановлены подъёмный мост и внутренний двор. На его донжоне в 1975–1980 гг. воссозданы утраченные мерлоны, межъярусные лестницы, полы, камин, детали окон, дверей, интерьеры, камин, плафоны [Лопушинская 1976: 29]. На куртинах и Малой башне Консульского замка отреставрированы мерлоны, отремонтированы поверхности стены и боевого хода [Апостолова-Сосса 2014: 39-40].

В аварийном состоянии также находились участки Западного оборонительного пояса с Угловой башней и Северного оборонительного пояса с башнями Безымянной и Коррадо Чикало. Безымянная трёхстенная башня лишилась устойчивости из-за рухнувшей западной стены, осела, в ней появились вертикальные сквозные трещины, создавшие угрозу обрушения. Была проведена реставрация этих объектов, в частности четырехстенная башня Коррадо Чикало восстановлена с выявлением первоначальной структуры [Лопушинская 1976: 29-30, Пономарьова 1996: 204]. А башня Угловая законсервирована как руина [Апостолова-Сосса 2014: 87].

В ходе многолетних исследований мечети установлены исторические периоды её существования. При реставрации объекта на протяжении 1970–1973 гг. все этапы строительной истории памятника были сохранены без приведения форм к какой-либо одной эпохе [Лопушинская 1976: 29-30; Пономарьова 1996: 204].

Из-за большой степени разрушений Храма на консолях не удалось установить его подлинные формы. Исходя из этого было осуществлено укрепление цокольной части и консервация остатков стен в 1975 г. [Лопушинская 1991: 89].

Узел Главных ворот крепости представляет из себя комплекс оборонительных сооружений, состоящий из башен Якобо Торселло и Бернабо ди Франки ди Пагано, крепостных стен, арочного портала со стрельчатым проёмом барбакана с внешними воротами Баттисто ди Зоальо. От ворот барбакана сохранились только нижняя часть стен, восточный пилон и след западного откоса. В ходе работ над стенами были подняты каменные заборы для преграждения доступа в крепость. В разрушенном состоянии находились башни, особенно с внутренней стороны, где располагалась поперечная стена с догенуэзскими воротами. Её нижняя часть и внутренняя сторона башен скрылись под завалами. Они были надстроены стенками с зубцами без достаточного исторической аргументации, в остальном сооружения сохранили основные первоначальные параметры. Реставрация узла Главных ворот завершилась к 1984 г. [Лопушинская 1991: 23-27; Апостолова-Сосса 2014: 41].

В 1979 г. был разработан проект консервации башни Безымянной № 5, входившей в состав Западного оборонительного пояса. К моменту начала работ сохранились только основание и часть первого яруса башни, полностью закрытого завалами. Объект подвергался разрушению из-за его разбора жителями на строительные материалы [Лопушинская 1991: 30-31]. Исследованиями выявлены и зафиксированы остатки нескольких периодов строительства, достроек и перестроек башни в разное время. Достоверных данных для реставрации башни ни на один из периодов не обнаружено, поэтому авторская группа приняла решение ограничиться консервацией с наглядным выделением сохранившихся остатков каждого из этапов её строительства [Т. 11, кн. 1 1980: 1-3].

В 1980 г. был составлен проект реставрации башни Лукини де Флиско Лавани, которая относилась к оборонительной системы нижнего пояса. Во время его обсуждения на заседании Технического совета института «Укрпроектреставрация» поднимался вопрос, трёхстенной или четырёхстенной являлась башня. О. И. Домбровским выдвигалось предложение о консервации объекта, однако большинство поддержали вариант реставрации. В. Д. Иваненко высказывалось замечание по поводу формы зубцов с указанием на то, что выступающие на них камни могли быть следами «ласточкиного хвоста», а в проекте их предложено восстановить в виде прямоугольной формы [Т. 14, кн. 3 1980: 1-2].

Проект предусматривал устранение аварийного состояния объекта, что включало в себя возведение западной и восточной стен с бойницами, возвращение статической устойчивости, восстановление лестницы, сводов и перекрытий. Для защиты выносов крепостных стен от попадания на них дождевой воды, предлагалось уложить два водомета с южной стороны и один с северной [Т. 14, кн. 3 1980: 1-3].

В 1987–1988 гг. проводились архитектурные исследования башни Безымянной № 6. Объект не сохранился, остался только столб кладки северной стены на высоту двух ярусов со следом амбразуры – в верхнем [Лопушинская 1991: 36-37]. В результате исследователями был получен научный материал для реставрации на последний строительный период [Т. 11, кн. 4 1988: 16-17].

Таким образом, ремонтно-реставрационные работы, выполненные в 1960–1980-х годах под руководством Е. И. Лопушинской, позволили восстановить ряд объектов Судакской крепости. В зависимости от сохранности сооружений и обоснованности научными исследованиями проводилась их реставрация или консервация. Для воссоздания полноты картины процесса реставрационных работ необходимо дальнейшее более подробное изучение и анализ проектной документации, составленной на этот объект культурного наследия.

Библиография

АПОСТОЛОВА-СОССА Л. О. Реставрація комплексу Судацької фортеці // Пам’ятки України. – Київ, 2014. № 7. С. 38-43.

Архив ГБУ РК «Музей-заповедник “Судакская крепость”». Т. 11, кн. 1. Крепость в Судаке. Проект консервации Башни Безымянной № 5. – Киев, 1980.

Архив ГБУ РК «Музей-заповедник “Судакская крепость”». Т. 14, кн. 3. Башня Лукини де Флиско Лавани. Проект реставрации. – Киев, 1981.

Архив ГБУ РК «Музей-заповедник “Судакская крепость”». Т. 11, кн. 4. Башня Безымянная № 6. Комплексные научные изыскания. Архитектурные натурные исследования 1988 г. – Киев, 1988.

ЛОПУШИНСКАЯ Е. И. Крепость в Судаке. – Киев, 1991.

ЛОПУШИНСКАЯ Е. И. Реставрация крепости в Судаке // Строительство и архитектура. – Киев, 1976. № 4. С. 27-30.

МАЗЬКОВА Т. М. Евгения Лопушинская – украинский архитектор-реставратор // Софійські читання. – Київ, 2013. С. 379-388.

ОСМАНОВ Э. Э. Реставрационные работы в комплексе построек Ханского дворца в 1960–1964 гг. // Крымское исторического обозрение. – Казань, 2014. № 2. С. 218-230.

ПЕДЬ Г. С., РЕЙТЕР М. І. Проекти реставрації кримських пам'яток Є. І. Лопушинської // Сугдейский сборник. – Киев–Судак, 2008. Вып. 3. С. 515-518.

ПОНОМАРЕВ Л. Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) // Боспорские исследования. – Керчь–Симферополь, 2019. Вып. 39. С. 275-309.

ПОНОМАРЬОВА Л. Генуезька фортеця у Судаку // З історії української реставрації. – Київ, 1996. С. 204-214.

ПРЕЛОВСЬКА І. М. Нові архівні документи про приєднання генуезької фортеці до державного архітектурно-історичного заповідника «Софійський музей» у 1956–1958 р. // Сугдейский сборник. – Киев–Судак, 2008. Вып. 4. С. 465-493.

Рисунок 1

Рис. 2

Дубровская Д.В.
Институт востоковедения РАН, Москва

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТЕСТАНТСКИХ И КАТОЛИЧЕСКИХ МИССИОНЕРОВ В АСТРАХАНИ И КРЫМУ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Dubrovskaya Dinara V.

PROTESTANT AND CATHOLIC MISSIONARY ACTIVITY IN ASTRAKHAN AND THE CRIMEA IN THE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Северный Кавказ и Крым – области со сложной конфессиональной ситуацией – с середины XVIII в. интересовали католических, а с начала XVIII – и протестантских миссионеров.

Католическая миссия итальянских монахов-капуцинов существовала в Астрахани до 1747 г., когда она была изгнана оттуда российским правительством. На смену ей только в начале XIX в. пришла миссия иезуитов, воспользовавшаяся многонациональным и многоконфессиональным характером населения города, населенного многочисленными христианскими меньшинствами – армянами, поляками, немцами, русскими, французами и голландцами. Миссия иезуитов была создана в первую очередь для окормления армянских «католиков». В 1805 г. в город прибыли отцы Ян Войжвилло (Jan Woyszwiłło) и Мельхиор Малеве (Melchior Malevé), сопровождаемые братом Кшиштофом Родзевичем (Krzysztof Rodziewicz). В последующие годы к ним присоединились братья Жозеф Сурин (Joséf Suryn) и Анри Гильман (Henri Guillemant). Отец Войжвилло, а за ним отец Сурин возглавляли миссию до самого разгона ордена в 1820 г. Миссионеры работали в приходской церкви Вознесения (1761 г. постройки) и распространили свою деятельность на всю губернию, поддерживая и сплачивая разрозненное католическое население через проповедь, причащение и образование. В 1810 г. миссионеры зафиксировали проведение 77 месс и катехизаций и принятие 2 735 исповедей [O Flynn, 2017].

Иначе строилась деятельность протестантских миссионеров на Северном Кавказе и в Крыму.

В начале XIX в. небольшая группа шотландских миссионеров прибыла на контролируемые Россией земли Северного Кавказа с целью евангелизации среди ногайцев, адыгов и других мусульманских народов региона. В целом их усилия оказались мало успешными, но в небольшое число обращенных вошел Александр Иванович Султан Крым (Каты)-Гирей – молодой наследник знаменитой правящей династии Крымского ханства, о котором, кстати, очень одобрительно отзывался даже А. С. Грибоедов. Обращение стало для Гирея началом весьма необычной карьеры: несмотря на свою молодость и отторжение родственников, он посвятил себя распространению христианства среди соотечественников – крымских татар, получив прозвание «Крещеный султан». С благословения Александра I Каты-Гирей отправился в Шотландию и попытался осуществить достаточно широкомасштабные проекты миссионерской работы в Крыму. Эти усилия также не привели к ощутимым результатам, но – как это обычно бывает в миссионерской деятельности – работа воспитанника шотландских миссионеров привела к расширению культурно-просветительских горизонтов и повышению знаний о Шотландии среди крымских татар, ногайцев, адыгов и русских в первой половине XIX в.

Шотландские проповедники проявили необычный интерес к Крыму, и основали несколько Библейских обществ – местных ответвлений Российского Библейского общества, зани-

мавшегося переводом Евангелия на языке нехристианских народов в Акъмесджите (Симферополе) и Кефе (Феодосии). Крым представлялся шотландцам прекрасным плацдармом для распространения в Анатолию, Мингрелию, Абхазию и другие близкие области Кавказа и Азии. Не менее важно было и вести активную работу среди христианского населения Крыма – греков и армян, тюркизированных к тому моменту до такой степени, что они даже считали турецкий своим родным языком [Храпунов, 2017].

В свете этих задач шотландские миссионеры принялись проводить углубленные исследования ситуации на полуострове. Роберт Пинкертон – один из наиболее активных шотландских проповедников в России, внесший значительный вклад в создания Российского Библейского общества и бывший член миссии в Карасе, посетил Крым в июне 1816 г., предварительно наведя подробные справки в Петербурге и пообщавшись там с участником Отечественной войны 1812 г., первым российским генералом из крымских татар генерал-майором Кая-Беем (Кириллом Матвеевичем) Болатуковым, командующим кавалерийскими полками крымских татар. В разговоре с Болатуковым Пинкертон в особенности интересовался отношением к происходящему муфтия Крыма. Болатуков же в свою очередь предоставил Пинкертону письменную блестящую рекомендацию к атаману донских казаков. Болатуков, будучи мусульманином, активно помогал Библейскому обществу, как и его родственники в Крыму. В Крыму Пинкертон активно сотрудничал с местными филиалами библейского общества – участвовал в торжественном открытии Крымского филиала библейского общества в Акъмесджите 12 июня 1816 г. Помимо идеи о проповеди и обращении крымских татар, он интересовался также и миссионерской работой среди тюркоязычных караимов, используя для этого работы, опубликованные по-турецки шотландскими миссионерами [Kirimli, 2004].

Таким образом, подходы католических и протестантских миссионеров к катехизации Северного Кавказа и Крыма значительно разнились: если первые делали ставку на стационарную работу, базирующуюся на приходах, вторые более интересовались работой с переводами Библии, видя в них ключ к обращению местного мусульманского населения.

Библиография

ХРАПУНОВ Н.И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверте XIX в. // История и археология Крыма. - Симферополь, 2017. № 6. С. 263 – 276.

KIRIMLI H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries: The Story of Kattı Geray and Other Baptised Descendants of the Crimean Khans // Cahiers Du Monde Russe. 2004. No. 1–2. Pp. 61–108.

O FLYNN Th.S.R. The Western Christian Presence in the Russias and Qājār Persia, c.1760–c.1870. Boston, 2016.

Евдокимова А.А.
Институт языкознания РАН, Москва

ЗНАКИ АКЦЕНТУАЦИИ В РАЗНЫХ ТИПАХ ПАМЯТНИКОВ В ВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ СФРАГИСТИКИ, ЭПИГРАФИКИ, ПАПИРОЛОГИИ)

Evdokimova A.A.

SIGNS OF ACCENTUATION IN DIFFERENT TYPES OF MONUMENTS IN BYZANTINE TIMES (FOR EXAMPLE, MONUMENTS OF SPHRAGISTICS, EPIGRAPHY, PAPYROLOGY)

При собирании коллекции акцентуированных написей к знакам акцентуации мы относили акут (острое ударение), гравис (тупое ударение), циркумфлекс (облеченное ударение), оба вида придыхания (густое и легкое), а также трему. В итоге, в рамках нашего исследования было проанализировано более 1500 фотографий византийских надписей из разных регионов империи. Среди них акцентные знаки встретились в 705 памятниках из Каппадокии, Константинополя, Киева, Грузии, Болгарии, Северной Греции, Афин, Италии, большая часть которых датируется от X до XV века. Кроме официальных надписей на мраморе в подборке есть граффити, надписи на иконах, фресках, надписи на металлических предметах прикладного искусства и т.д. Одни из этих надписей полностью акцентуированы, другие спорадически. Для анализа было также привлечено 950 папирусов, собранных из разных мировых коллекций. Соотношение акцентуированных папирусов и неакцентуированных варьируется в разных коллекциях, так в собрании Кельнского университета из 420 папирусов 60 акцентуированы [Евдокимова 2010], а в Duke papyrus archive из 1400 папирусов на разных языках среди греческой части содержат в тексте знаки акцентуации только 40 памятников. Сфрагистический материал анализировался из коллекции Dumbarton oaks (https://www.doaks.org/resources/seals), соотношение акцентуированных памятников в этой коллекции отличается в зависимости от века: с VI по VIII век из 3150 печатей акцентуированы 4, в IX-XII вв. из 9320 акцентуированы 120, с XIII по XV век из 381 печатей 18 акцентуированы. Для печатей важной характеристикой акцентуированных печатей является их стихотворный характер.

Во всех собранных категориях памятников по палеографии самих акцентных знаков возможны следующие вариации: акут и гравис могут быть короткими или длинными, тонкими и толстыми, в различных сочетаниях этих признаков. В сфрагистических памятниках и в надписях на прикладных изделиях на металле их функцию может выполнять настолько небольшой знак, что он по форме похож на точку над соответствующей гласной буквой. При этом угол наклона этих обоих знаков по отношению к строке может варьироваться от 75 до почти 15 градусов. Циркумфлекс может быть представлен разной длины волнистой линией, так и вариантами с более острыми очертаниями или небольшим полукругом. Форма циркумфлекса в ряде надписей и печатей совпадает с сокращением, отсюда на сокращениях часто пишется в качестве ударения акут или гравис вместо ожидаемого циркумфлекса.

На основе материала всех собранных памятников были выделены следующие системы акцентуации:

1. Александрийская система акцентуации (два и более ударений в слове, маркировка безударных слогов, ударение дальше, чем третий слог от конца, ударение на первый элемент

дифтонга, ударения на сонорные согласные, гравис как маркер безударного слога, сдвиг ударения влево, ударение на четвертом и пятом слоге от конца слова)

2. Византийская система акцентуации (ударение точно над гласной, не далее третьего слога от конца, четкие правила употребления разных знаков акцентуации).

3. Смысловая система акцентуации, часто маркируются имена или знаковые сокращения, например, КЕ, ΘКЕ, ΘЕ.

4. Сдвиг ударения вправо и маркирование согласных звуков (впервые зафиксирован в документальных папирусах). Отголоски этой системы мы находим в надписях Грузии, а также в фресковых надписях Северной Греции [подробнее см. Евдокимова 2009]. Эта система становится одной из ведущих для сфрагистических памятников [подробнее см. Евдокимова 2021а, Евдокимова 2021б].

5. смешанная система акцентуации, может содержать элементы любой из четырех систем, описанных выше.

Греческие акцентуированные папирусы отличаются тем, что в них представлена не единая система акцентуации [Laum 1928, Тронский 1962, Seider 1967, Turner 1971, Biondi 1983, Hinge, Евдокимова 2010], а несколько: александрийская, дорийская, византийская, смешанная, по смыслу и т.д. Иногда один и тот же папирус может быть акцентуирован по принципам разных систем или в рамках одной, а какие-то из слов - в другой. Среди христианских недокументальных акцентуированных папирусов встречаются, в основном, фрагменты из литургических текстов, акцентуация в которых, как и в ряде фресковых надписях и некоторых граффити из Киева, носит функциональный характер и связана с музыкальной нотацией.

На фресковых надписях ряда церквей в Северной Греции, на Кипре, в Грузии и т.д., расположенных на свитках, которые держат святые, знаки акцентуации использовались как украшения и орнаментальные элементы. В других случаях они могли служить обозначениями музыканальных нотаций или подчеркивать принятое в этой местности церковное произношение маркированных слов.

В отличие от печатей, где сдвиг ударения влево это отдельная система, восходящая к александрийской, в граффити и в фресковых надписях подобный сдвиг происходит при сокращениях, что в ряде случаев маркирует место, где пропущен гласный [подробнее см. Евдокимова 2019]. Фиксация этого и похожих явлений свидетельствует о некоторых функциональных использованиях диакритических знаков, которые при внешнем сходстве с александрийской системой акцентуации, скорее поменяли ее функции.

Встречаются также примеры акцентуации, которые можно объяснить фонологически, как произошедшие под влиянием произношения, среди них появление густого придыхания внутри слова на стыке двух гласных, после дифтонга или гласной на следующей гласной, чтобы избежать зияния, например, δέήσιν или παλαιόλόγος.

Таким образом, в надписях византийского времени, в папирусах и в печатях представлены разные элементы александрийской системы акцентуации, что свидетельствует о ее существовании и в более позднее время. При этом они могли соединяться с элементами византийской системы в одном и том же тексте. Довольно частотно используется и смысловая система акцентуации с выделением ряда лексем логическим ударением, обычно имен и значимых сокращений. Однако, кроме общих тенденций, существуют свои особенности для каждой группы памятников, так для стихотворных легенд печатей почти равнозначными оказываются системы со сдвигом ударения вправо или влево, а в надписях на фресках используются знаки для обозначения музыкальной нотации.

Библиография

ЕВДОКИМОВА А.А. Акцентуированные греческие надписи в Грузии: византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. — М. 2009. — С. 39-43

ЕВДОКИМОВА А.А. Акцентуированные папирусы из коллекции Кельнского университета (предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 21-23 июня 2010 г. СПб.: Наука, 2010. С. 277-295

ЕВДОКИМОВА А.А. Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников // Балканские чтения 15 «Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах». М.: 2019

ЕВДОКИМОВА А.А. Переход с александрийской на византийскую систему акцентуации с лингвистической точки зрения. // V международная конференция по эллинистике памяти И.И. Ковалевой. Тезисы и материалы конференции. Москва: 2019, с. 39-45

ЕВДОКИМОВА А.А. Системы акцентуации византийского времени на материале сфрагистических памятников из коллекции Dumbarton Oaks (https://www.doaks.org/resources/seals), датированных XIII-XV веками. // Кафедра №9. Москва: 2021 (в печати)

ЕВДОКИМОВА А.А. Системы акцентуации в легендах византийских моливдовулов XI-XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks // XIII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Севастополь – Балаклава 28 мая – 3 июня 2021 г. Материалы НАУЧНОЙ конференции. Симферополь 2021 (в печати)

ТРОНСКИЙ И. М. Древнегреческое ударение. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962

BIONDI A. Gli accenti nei papyri greci biblici. — Roma: Papyrologica Castrociquitana, 1983

FOURNET J.-L. Hellénisme dans l'Égypte du Vie siècle. La bibliothèque et l'oeuvre de Dioscore d'Aphrodité MIFAO 115/1 Caire : 1999

LAUM B. Alexandrinishes und byzantinishes Akzentuationssystem // Rhein. Mus. LXXIII 1920 s. 1-34

LAUM B. Das alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri. Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums, 4. Ergänzungsband. — Paderborn: F. Schöningh, 1928

SEIDER. Paläographie der griechischen Papyri. — Stuttgart: Anton Hiersmann, 1967. Bd. 1.

TURNER E.G. Greek manuscripts of ancient world. — Oxford: Clarendon Press, 1971

Жертовская В.К.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

Н.И. РЕПНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОРНОМ КРЫМУ*

Zhertovskaya V. K.
N. I. REPNIKOV - RESEARCHER OF THE MIDDLE AGES IN THE MOUNTAINOUS CRIMEA

Николай Иванович Репников – выдающийся отечественный археолог, с именем которого связано изучение юго-западной части Крымского полуострова, а также развитие и становление крымской археологической науки.

Ученый родился 9 апреля 1882 г. в Санкт-Петербурге. В 1900 г. он окончил коммерческое училище и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Первая поездка Н. И. Репникова в Крым датируется 1902 г. На тот момент в окрестностях Гурзуфа проводилась подготовка к проведению раскопок раннесредневекового могильника Суук-Су, в которой ему предложили принять участие. В 1903-1905 и 1907 гг. Н. И. Репников раскопал 200 погребальных сооружений в Суук-Су, зачистил отдельные погребения в Бал-Готе и Узень-Баше, а также зафиксировал несколько находок из полностью разрушенных могильников в Артеке и Кореизе [Репников 1906; Репников 1907; Репников 1909: 105-111]. Благодаря находкам византийских монет в неразграбленных погребениях, а также публикации материалов раскопок на высоком научном уровне, с подробным описанием всех комплексов инвентаря, сопровождавшихся качественными фотографиями, могильник Суук-Су достаточно долго оставался единственным эталонным памятником для построения хронологии раннесредневековых древностей не только Крыма, но и варваров Центральной и Западной Европы [Айбабин, Хайрединова 2017: 13]. Н. И. Репников отметил, что стратиграфически погребения могильника делятся на два слоя: верхний и нижний. Нижний слой он датировал по монетам V-VII вв. [Репников 1906: 32]. Первые, открытые в Крыму памятники, имевшие близкие соответствия в древностях готов на западе, были связаны исследователем с готами письменных источников.

В 1907 г., под руководством Н. И. Репникова состоялись раскопки Партенитской базилики, отождествляемой на основании эпиграфических и агиографических свидетельств с храмом св. Апостолов Петра и Павла монастыря Иоанна Готского, епископа второй половины VIII в. [Завадская 2006: 300]. В ходе работ были полностью зачищены архитектурные остатки храмового комплекса и северо-западная часть окружной галереи с портиком. Отчет об этих работах остается на сегодняшний день наиболее подробным описанием названного памятника [Репников 1909а: 91-140; Завадская 2006: 301].

Весной 1908 г. Императорская археологическая комиссия командировала Н.И. Репникова для исследований нового участка херсонесского некрополя, сделав его фактически исполняющим обязанности заведующего раскопками Херсонеса. Кроме этого, ему принадлежит первое описание Скельских менгиров в 1907 г., расположенных в Байдарской долине [Абрамова 2020: 343-345].

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

вое описание Скельских менгиров в 1907 г., расположенных в Байдарской долине [Абрамова 2020: 343-345].

Отметим, что ученый не ограничивался изучением исключительно крымских археологических памятников, он также проделал масштабную работу на территории Северо-западной части России. В частности, его вдохновляли памятники Старой Ладоги, исследованием которых он занимался до 1913 г. При этом до 1914 г. молодой ученый числился сотрудником Этнографического отдела Русского музея, куда он поступил на службу в 1910 г., после окончания университета [Королькова 2004: 118-126].

После революционных событий Н. И. Репников смог снова посетить Крым только в 1926 г. Под руководством ученого в 1928 г. на плато Эски-Кермен начала системные раскопки экспедиция ГАИМКа, Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и Центральных государстве реставрационных мастерских (ЦГРМ). В течение месяца на археологическом объекте проводилась активная работа – были зафиксированы вырубной храм с усыпальницей, пещерные храмы «Трех всадников» (XIII в.) и «Успения» (XII-XIII вв.), пещерный храм «Донаторов» (первой половины XIV в.), могильник и усыпальница на главной улице [Абрамова 2020: 344-348]. Данные, полученные в ходе археологических исследований 1928 г. позволили Н.И. Репникову сделать вывод о том, что городище Эски-Кермен это первоначальный Дорос (до того, как он был перенесен на Мангуп). Появление подобной гипотезы вызвало немало обсуждений в научной среде, и спровоцировало рост интереса к данной проблеме. По мнению Н. И. Репникова, на плато выявлены остатки значительного для средневековья готского города с улицами, домами, общественными зданиями и водопроводом. Открытием готского города заинтересовались историк академик С.В. Платонов и немецкие историки, пожелавшие принять участие в раскопках столицы готов. В 1929 г. при содействии С.В. Платонов на плато продолжила исследования экспедиция Н.И. Репникова. Были изучены линия крепостных стен, могильник и комплекс городских ворот. Особенное внимание уделялось системе водоснабжения городища. Тщательно изучив осадный колодец, который находится в восточной части плато, и характер его разрушения, Н.И. Репников сделал вывод о том, что колодец постепенно уничтожался вместе с оборонительной системой Эски-Кермена. По результатам полевых работ появилась возможность разделить исследованные захоронения по типу погребения на 3 группы – подбойные могилы, простые земляные склепы, земляные склепы, а также выделить основные этапы жизни городища. [Абрамова 2015: 110-119]. В августе 1929 г. С. В. Платонов, А. И. Маркевич, И. Э. Грабарь, Л. А. Мацулевич осмотрели Эски-Кермен, а в сентябре пещерный город посетила группа немецких историков. Совместные раскопок не состоялись из-за ареста С. В. Платонова, обвинённого в шпионаже в пользу Германии [Тункина 2008: 249-250]. В 1930, 1932 и 1933 гг. раскопками руководил Ф.И. Шмит. Н. И. Репникова в марте 1931 г. арестовали сотрудники ОГПУ, но в мае выпустили на свободу и он принимал участие в раскопках в качестве рабочего [Тункина 2008: 251]. В 1936 и 1937 гг. раскопки на плато вновь велись под руководством Н. И. Репникова [Айбабин, Хайрединова 2017: 17].

В 1936 г. экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры, которую вновь возглавил Н.И. Репников, занималась изучением жилой части городища у Южных ворот. В ходе работ был обнаружен большой слой горения, который свидетельствует о том, что строения погибли от пожара [Абрамова 2015: 106-124]. Последующая экспедиция 1937 г. подтвердила выводы, сделанные по исследованиям 1936 г. Это была последняя экспедиция на Эски-Кермене в довоенные годы. Исследования возобновились лишь в 70-80-х гг. [Тункина 2008: 250-251]

Н. И. Репников внес весомый вклад в изучение «готского вопроса» и исследование пещерных городов Крыма. Он был ученым-полевиком, поэтому его авторству принадлежит небольшое количество публикаций. При этом огромное количество материала, полученное исследователем остается до сих пор неопубликованным.

Библиография

АБРАМОВА Н.А. Исследование "Пещерного города" Эски-Кермен в 20-30-е года XX века // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Севастополь-Тюмень-Нижневартовск, 2015.

АБРАМОВА Н.А. Уголовное дело № 2782-31 по обвинению Репникова Н.И. и группы лиц в контрреволюционной деятельности // Археологические вести: ИИМК РАН. СПб., 2020.

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). Симферополь: ООО „Антиква“, 2017.

ЗАВАДСКАЯ И.А. О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.

КОРОЛЬКОВА Л.В. Н.И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004.

РЕПНИКОВ Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.

РЕПНИКОВ Н.И. Некоторые могильники области крымских готов / Н.И. Репников // ЗООИД. 1907. Т. XXVII.

РЕПНИКОВ Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 30.

РЕПНИКОВ Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909а. Вып. 32.

ТУНКИНА И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: ИА РАН. М., 2008.

Жигалова Н.Э.
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

МЕСТО ФЕССАЛОНИКИ В ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ*

Zhigalova N.
THESSALONIKI IN THE VENETIAN COLONIAL SYSTEM

Значение Фессалоники как одного из крупнейших экономических, политических и культурных центров Византийской империи возросло в середине VII в., после того как Антиохия и Александрия оказались захвачены арабами [БРАУНИНГ 1999: 23]. На протяжении многих столетий вплоть до XV в. Фессалоника сохраняла статус важнейшего сухопутного и морского торгового пункта империи. Этому способствовало выгодное географическое положение города, который располагался на главной торговой артерии Византии – Эгнатиевой дороге, соединяющей Константинополь с балканскими владениями империи [См.: OIKONOMIDES 1996].

В 1422 г. Фессалоника оказалась в кольце турецкой осады, а в 1423 г. по инициативе горожан была передана Венецианской республике для обеспечения снабжения и защиты города от турецких атак. По словам византийского историка Дуки, венецианцы с готовностью приняли данное предложение, пообещав «защищать город, содержать его в достатке и процветании и превратить его во вторую Венецию» [DUKAS 1958: 247. 19]. Однако, как показал анализ постановлений венецианского Сената, предложение византийцев было воспринято гражданами Республики Св. Марка весьма неоднозначно: «за» принятие Фессалоники под крыло Венеции проголосовало 99 членов Сената, «против» – 45, еще 11 человек воздержались [RÉGESTES 1959: 205. № 1892]. Такой разброс во мнениях можно объяснить тем, что для обеспечения нормального функционирования города требовались значительные вложения: венецианским властям необходимо было договориться с османским султаном Мурадом II о снятии осады, обеспечить непрерывные поставки провизии, а также наладить контакт с греческим населением города. Анализ характера управления Фессалоникой в период венецианского правления, а также мер, предпринятых венецианским правительством для защиты города, позволит определить, насколько успешны были попытки Венеции интегрировать Фессалонику в колониальную систему Республики.

Для управления городом Сенат назначил двух наместников – проведиторов, в обязанности которых входило ведение переговоров с султаном о снятии осады, обеспечение порядка в городе и организация обороны городских стен [Ibid. 207. № 1898]. Видимо, такое назначение оказалось малопривлекательным для потенциальных кандидатов, поскольку в 1424 г. содержание наместников увеличилось до 1000 дукатов в год, что было сопоставимо с выплатами герцогу и капитану Крита [Ibid. 216. № 1933]. Причиной тому, по всей вероятности, послужил инцидент, произошедший с проведитором Никколо Джорджо, которому было поручено отправиться в Адрианополь на переговоры с Мурадом II. Султан не пожелал обсуждать условия снятия осады, а сам Джорджо был арестован при попытке возвратиться в Фессалонику [Ibid. 214. № 1929]. Очевидно, что османский правитель был решительно настроен овладеть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-78-00138 «Этно-религиозные меньшинства в Поздней Византии: проблема интеграции и обособления».

городом, невзирая на многочисленные щедрые предложения венецианцев и вероятность открытого военного конфликта с Республикой.

Венеция, в свою очередь, не была заинтересована в эскалации напряженности во взаимоотношениях с Османским государством, однако отреагировала на данный акт агрессии весьма однозначно: капитану Пьетро Лоредану было поручено направить корабли к берегам Тенедоса и Галлиполи и совершать нападения на турецкие суда, чтобы заставить султана пойти на уступки по вопросу снятия осады с Фессалоники [Ibid. 215. № 1931]. Как следует из венецианских документов, Республика стремилась предотвратить расширение османского влияния на севере Эгеиды, и именно по этой причине необходимо было обезопасить гавань Фессалоники от османского вторжения.

Интерес Венеции к этому региону вполне закономерен, поскольку спокойная обстановка на Геллеспонте гарантировала безопасный проход кораблей к венецианским причерноморским факториям. Как кажется, Фессалоника не рассматривалась венецианцами в качестве одного из основных торговых портов в Эгеиде. Так, традиционный маршрут венецианских судов пролегал через порт Пула в Истрии, о. Корфу, венецианские фактории на Пелопоннесе Корон и Модон; затем корабли отправлялись в Негропонт (Эвбея) и следовали оттуда до Константинополя. Именно Негропонт был основным форпостом Венецианской республики в Эгейском море. Необходимость захода в другие порты (Рагуза, Кларенца, Монемвасия, Хиос, Крит) зачастую обусловливалась военной угрозой или стремлением пополнить запасы воды и продовольствия [КАРПОВ 1994: 54]. Соответственно, Фессалоника находилась за пределами основных торговых маршрутов венецианцев и с экономической точки зрения не имела особой привлекательности для Республики Св. Марка. Это подтверждают слова путешественника Перо Тафура, который, проплывая близ города в 1438 г., отметил, что венецианцы «решили на совете потерять Фессалонику по двум причинам: во-первых, потому что не могли сопротивляться великому могуществу Турка (Мурада II. – Н.Ж.) на суше, а во-вторых, защита стоила им очень дорого и была им невыгодна, ибо порт этот неудобен для торговли» [ПЕРО ТАФУР 2006: 189].

Действительно, постановления венецианского Сената свидетельствуют о значительных суммах, которые ежегодно выделялись на содержание города и укрепление его обороны. В 1429 г. турецкие атаки на город усилились, расходы возросли, а венецианское правительство оказалось не способно организовать греческое население Фессалоники на отпор османам. Наблюдения современников показывают, что обстановка внутри осажденного города была крайне напряженной, и местное население, недовольное политикой латинян, игнорировало попытки венецианцев привлечь горожан для защиты городских стен. Вероятно, на оборону города тратилось недостаточно средств, поскольку в источниках отмечалась нехватка людей и ресурсов для восстановления укреплений. 29 марта 1430 г. Фессалоника была захвачена османскими войсками, а венецианский контингент спешно покинул город на заранее подготовленных итальянских галерах [Ἰ ΩΑΝΝΟΥ ἈΝΑΓΝΩΣΤΟΥ ΔΙΗΓΗΣΙΣ 1958: 38. 27–30].

Ослабевание интереса Венецианской республики к защите Фессалоники, по всей видимости, можно объяснить тем, что венецианские власти посчитали содержание осажденного города нерентабельным предприятием. Рассчитывая на договоренность с султаном, венецианцы надеялись в короткий срок снять осаду и наладить регулярное морское сообщение Фессалоники с Негропонтом. Вряд ли Фессалоника рассматривалась Венецией как основной торговый порт или военная база – вероятно, город был нужен в первую очередь для того, чтобы ограничить османское присутствие на северном побережье Эгейского моря.

Налоговая и социальная политика венецианских властей в Фессалонике натолкнулась на неприятие со стороны греческого населения, что в значительной мере осложнило процесс вхождения города в колониальную систему Венецианской республики. Твердое намерение султана Мурада II овладеть Фессаликой, тяжелое экономическое положение города и явный конфликт венецианской власти и местного населения лишь усугубляли противоречия в венецианском Сенате по вопросу дальнейших вложений в безнадежное, в сущности, дело. Возможно, поэтому «второй Венецией» Фессалонике стать так и не удалось.

Библиография

БРАУНИНГ Р. Фессалоника: уникальный город? // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию ак. Г. Г. Литаврина / Под ред. Б. Н. Флори. М., 1999. С. 23–38.

КАРПОВ С. П. Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

ПЕРО ТАФУР. Странствия и путешествия / Пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006.

DUCAE Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest, 1958.

OIKONOMIDES N. The Medieval Via Egnatia // Via Egnatia under Ottoman Rule (1380–1699) / ed. E. Zachariadou. Rethimnon, 1996. P. 9–18.

RÉGESTES des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. II. 1400–1430 / éd. par F. Thiriet. Paris, 1959.

Ἰ ΩΑΝΝΟΥ ἈΝΑΓΝΩΣΤΟΥ ΔΙΗΓΗΣΙΣ περὶ τῆς τελευταίας ἁλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονῳδία ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Θεσσαλονίκης // Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἁλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονῳδία ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958.

Зайцева Е.С.
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

РИМСКО-ПЕРСИДСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ VI В.: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Zaitseva E.S.

THE ROMAN-PERSIAN CONFRONTATION IN THE EASTERN MEDITERRANEAN IN THE MID. OF THE 6TH CENTURY:THE DIPLOMATIC ASPECT

Восточно-средиземноморский регион в период поздней Античности являлся зоной активных боевых действий. В середине VI в. Персидское государство, возглавляемое Хосровом I Ануширваном, сконцентрировало усилия на расширении границ в западном направлении. Римская империя, в свою очередь, оказалась втянута в военные действия сразу на нескольких фронтах. На Западе Юстиниан I предпринимал попытку вернуть под свой контроль Италию, где после смерти Амаласунты разразился гражданский конфликт, на Востоке же он был озабочен защитой своих владений, страдавших от ежегодных войн с персами. В этих условиях особую роль приобретали не сражения, а умение их избежать с помощью дипломатии, а также должной организации обороны. Для выявления особенностей дипломатической стратегии Юстиниана на восточных рубежах империи рассмотрим обстоятельства заключения соглашений с персами в середине VI в. и предшествующие им переговоры.

Стратегическое значение в юго-восточном Средиземноморье имели четыре крепости, являвшиеся форпостами римлян на персидской границе – Амида, Эдесса, Дара и Петра. К тому же, чуть севернее этих крепостей располагался регион Лазика, где находился порт Фасий – «ключ» к господству во всем Восточном Средиземноморье. Прокопий Кесарийский отмечал: «Хосров заключил с римлянами перемирие с коварной целью, надеясь застать их благодаря этому миру врасплох, причинив им ужасное зло», а именно захватить Дару, выселить из Лазики всех колхов и поселить на их место персов [Proc. BP. II. 28.15–17]. Однако более всего римляне опасались, что «двигаясь из нее [Лазики], они [персы] смогут совершать набеги и посуху, и по морю на местности, расположенные у так называемого Понта Эвксинского, покорить Каппадокию и соседствующие с ней Галатию и Вифинию и затем, не встречая ни от кого сопротивления, внезапным набегом захватить Византий» [Proc. BP. II. 28.23]. Таким образом, овладение портом Фасий обеспечивало бы персам доминирование в юго-восточном Средиземноморье.

В 540-х гг. позиции римлян в восточном Средиземноморье несколько пошатнулись. Император Юстиниан I, всецело поглощенный готскими войнами и разрешением религиозных конфликтов, позволил противнику перегруппировать свои силы для новой атаки на Рим. В начале 540 г. Хосров I захватил Антиохию на Оронте. Чуть позже военачальники Сасанидов осадили Дару в нарушение недавно установившегося перемирия [Proc. BP. II.13.16–27]. В течение следующего года персы захватили Петру [Proc. BP. II.17.3–28]. В 544 г. Хосров I приложил огромные усилия для того, чтобы завоевать Эдессу, что позволило бы овладеть римскими землями за Евфратом. Однако переход именно Лазики под власть римлян предопределил исход военных действий в середине VI в.: «Хосров же убедился, что он не в состоянии воевать против римлян в Колхидской земле, так как они, владея морем, легко посылают туда все, в чем нуждаются, он же вынужден с величайшим трудом длинными и пустынными пу-

тями посылать в свои лагеря даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных» [Agath. IV. 31]. В результате в 545 г. между Римом и Персидской державой был заключен мирный договор сроком на 5 лет. Для обсуждения условий соглашения в посольство к персам отправился Петр Патрикий. Однако шах отказался принять переговорщиков, и приказал им возвратиться в Константинополь, объявив, что вскоре пришлет своего представителя.

Петр Патрикий, vir inlusris, человек незнатного происхождения, сумел построить прекрасную карьеру в Константинополе [RE. 1938: 1296–1304]. В 550 г. он получил ранг патриция и чрезвычайные полномочия для урегулирования отношений с Персией [Proc. BG. IV 11; Menand. Prot. exc. de leg. 4]. Выбор на Патрикия пал отнюдь не случайно. Во-первых, для переговоров с персами традиционно привлекались самые высокопоставленные послы, обычно в ранге иллюстрия (высший среди сенаторских рангов) [Nechaeva 2018: 360]. Во-вторых, прежде чем отправиться на Восток, Петр Патрикий имел возможность повысить свои навыки в ведении непростых переговоров в общении с папой Вигилием [Conc. Coll. Florentiae 1743, IX 50], который был вывезен из Рима, поскольку Юстиниан полагал, что, лишившись поддержки своего окружения, римский епископ скорее отречется от постановлений Халкидонского собора, что позволило бы правителю объединить западную и восточную части империи в религиозном отношении.

Для верного успеха персидской миссии Патрикия Юстиниан I, вероятно, помимо прочего решил воспользоваться удачным стечением обстоятельств. В декабре 546 г. в Константинополь прибыли римские сенаторы. Аристократы и ранее неоднократно бывали в столице в составе дипломатических миссий и, вероятно, имели в этом отношении прекрасную репутацию [Зайцева Е. 2020a: 29–42]. Перед аристократами стояла задача уговорить Юстиниана на скорейшее отвоевание Италии. Однако посланники, вынужденные принимать участие в разрешении религиозного конфликта, длительное время не могли получить ответа на свою просьбу, при этом «находясь в компании с другими знатными аристократами Константинополя – Велизарием, Петром, Юстином, Либерием, Патрицием, Константином» [Зайцева Е. 2020b: 13], то есть с несколькими ромейскими военачальниками, в том числе и Петром Патрикием.

Иностранные послы, пребывающие в Константинополь, часто находились в положении узников [Greatrex G., Lieu S. 2005: 123–134]. Неудивительно, что к сенаторам могла быть приставлена такая многочисленная охрана. С другой же стороны, наличие подобной «свиты» у римских аристократов, вероятно, стоит рассматривать и с более прагматической точки зрения, тем более, что Юстиниан явно намеренно не торопился откликнуться на просьбы аристократов, так что Цетегу пришлось «настойчиво умолять императора» [Proc. BG. III. 35.9–10]. Возникает закономерный вопрос – почему?

Выяснить причину помогает обращение к достаточно высоким требованиям, которые предъявлялись к потенциальным переговорщикам. Они обладали высоким социальным статусом (титулами патриция, caput senatus и рангом vir inlusrtis), который признавался как внутри страны, так и на международной арене. Решающими факторами при назначении чиновников в качестве посланников были, наряду с происхождением, их дипломатические способности, образованность и риторическая подготовка. Теперь же в Константинополе делами заправляли «новые» люди, не обученные риторике. Определенные знания, безусловно, можно было получить на практике, но лучше было заручиться поддержкой более опытных людей. Таким образом, «стража», приставленная к аристократам, могла быть неким подобием совета, местом, где Петр Патрикий, Велизарий и остальные могли консультироваться и римскими посланниками и перенимать их опыт. Учитывая, какое огромное значение для Римской импе-

рии имела Лазика, это вполне допустимое предположение. Привлечение римских сенаторов в качестве консультантов для константинопольских дипломатов себя оправдало. Известно, что согласно условиям договора, заключенного с персами, римлянам удалось оставить Лазику за собой, а также прекратить боевые действия на этой территории в обмен на выплату 2000 фунтов золота ежегодно.

Таким образом, политика римлян в Восточном Средиземноморье основывалась вовсе не на активных боевых действиях с персами, а на попытках договориться с противником. Эта политика в середине VI в. оказалась верной: благодаря переговорам ромеям удалось отстоять Лазику, взять под свой контроль важный порт Фасий и на некоторое время обезопасить свои границы. Вероятно, достичь желаемого результата оказалось возможным отчасти с помощью римских аристократов, во время переговоров с персами находившимися в Константинополе.

Библиография

ЗАЙЦЕВА Е. С. Из Рима в Константинополь: специфика сенаторских посольств второй половины V – первой половины VI в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 29–42.

ЗАЙЦЕВА Е. С. Борьба за Urbs: Юстиниан и сенаторская аристократия Рима // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 5–16.

AGATHIAS. History / ed. by R. Keydell. – Berlin, 1967.

DIGNAS B., WINTER E. Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. – Cambridge, 2007.

GREATREX G., LIEU S. The Roman Eastern Frontier and Persian Wars. – London; New York, 2005. P. II.

LEE A. D. Information and Frontiers. Roman Foreign Relations in Late Antiquity. – Cambridge, 1993.

Sanctorum Conciliorum nova et amplissima collectio / ed. by J. D. Mansi. – Fitense, 1743. T. IX.

MENANDER PROTECTOR. Fragments / ed. by R. C. Blockley. – Liverpool, 1985.

NECHAEVA E. Patterns of Roman Diplomacy with Iran and the Steppe People // Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity. Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750 / ed. by N. Di Cosmo, M. Maas. – Cambridge, 2018. P. 357–368.

PROCOPIUS OF CAESAREA. Works / ed. by J. Haury. – Leipzig, 1962–4.

Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa et al. – Stuttgart, 1938. – Bd. XIX. Hbd. II. Sp. 1296–1304.

Зиганьшин Р.М.
Институт востоковедения РАН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТА ДЕВЫ В ХЕРСОНЕСЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ziganshin R.M.
TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF THE CULT OF THE VIRGO IN CHERSONES: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Там соль земли, там жизни Древо,
Огонь божественный горит.
И до сих пор богиня Дева
На нас загадочно глядит!

Любой, кто интересуется культурой и историей древнего Херсонеса Таврического не может пройти мимо темы культа богини Девы (Партенос, Παρθένος) – главной богини в пантеоне местных полисных богов. Эта тема представляет собой богатейший пласт культуры, без которого невозможно себе представить историю, религию, социальную и политическую жизнь дохристианского Херсонеса. Особо острую дискуссию вызывает вопрос о происхождении культа Девы, исследователи здесь зачастую придерживаются крайних, непримиримых позиций. Проблеме происхождения богини Девы в Херсонесе посвящена многочисленная историография, которую обобщила, например, О.А. Ручинская. В ней она справедливо выделяет два основных подхода: 1) Концепцию таврского происхождения (В.В. Латышев, С.А. Жебелев, Н.В. Пятышева, Ю.А. Бабинов, Д.Б. Шелов, И.Ю. Шауб, Г.М. Николаенко, М.Е. Бондаренко), 2) Теорию греческого происхождения (Э. Диль, В.Ф. Мещеряков, Л.А. Пальцева, В.И. Кадеев, В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, А.С. Русяева, М.В. Русяева, А.В. Шевченко). Она отмечает, что уникальность данного культа была обусловлена во многом стремлением гражданской общины сохранить традиционную идеологию, перенесенную первопоселенцами-дорийцами. Она разделяет мнение В. Ф. Мещерякова, что в Херсонесе культ богини Девы соединил в себе элементы культов Артемиды (с эпиклесами Парфенос и Тавропола), Ифигении, а в первые века н.э. богини Тихе [Ручинская: 56-57]. Т.е. разделяет исключительно греческое происхождение, а если усматривает синкретизм, то, как и, например В.Ф. Мещеряков, исключительно греческий, состоящий из персонажей только греческого происхождения.

О.В. Лапина добавляет к упомянутым выше концепциям третью – Партенос самостоятельное греческое божество, отличное от Артемиды [Лапина: 82]. Она условно выделяет в истории изучения культа Девы в Херсонесе три этапа. 1) XIX в. – 20-е гг. XX в.; 2) 20-е – конец 70-х гг. XX в.; 3) с конца 70-х гг. [Лапина: 70-71]. Концепция таврского происхождения херсонесской Девы особенно ярко проявившаяся на втором этапе исследований объясняется, по мнению И.Ю. Шауба, не столько продолжением добрых традиций прошлого, сколько идеологическим заказом, в соответствии с которым необходимо было всюду, где возможно, обязательно находить местную, отличную от классических образцов, специфику [Шауб 2010: 38-39]. Здесь мы видим как И.Ю. Шауб, сам придерживающийся концепции таврского происхождения богини Девы, критикует следование ей не на основе научных открытий и умозаключений, а идеологическому заказу и конъюнктуре. Он также «льет воду на мельницу» сво-

их оппонентов отмечая, что до нас не дошло ни одного местного мифа о херсонесской богине Деве: все имеющиеся в нашем распоряжении варианты связанных с нею мифов являются либо чисто греческими, либо греческими переосмыслениями, из которых крайне трудно извлечь местный варварский элемент. Однако тот факт, по его мнению, что в Херсонесе имелась пещера Девы, а также весьма вероятная связь этого божества с Гераклом (вторым по значению после Девы божеством Херсонеса) дает возможность сделать вывод о близком родстве таманской Афродиты Апатуры и херсонесской Девы [Шауб 1999: 217]. М.В. Скржинская считает, что таврские верования, записанные Геродотом, греки сначала осмыслили на эллинский лад, а затем приписали свое понимание таврам, ставшими, таким образом, поклонниками богини Ифигении. Ни свидетельства античных авторов, ни археологические находки, ни исторические аналогии с другими колониями, по ее мнению, не дают оснований видеть в верховном культе Херсонеса не только таврское божество, но даже какие-то его характерные черты [Скржинская: 36].

В конъюнктуре авторов второго периода обвиняет также В.М. Зубарь, но с противоположной стороны, считая, что вывод о каком-либо влиянии варварских религиозных представлений на сакральную жизнь греков-херсонеситов должен быть решительно отвергнут как построенный на тенденциозном подходе к источникам, продиктованном сугубо политической конъюнктурой новейшего времени [Зубарь: 10]. И.Ю. Шауб считает справедливым это высказывание относительно советских ученых, но несправедливым в отношении М.И. Ростовцева и ряда других дореволюционных и немарксистских исследователей. И именно политической конъюнктурой объясняет столь яростное отстаивание чистоты эллинской культуры в греческих колониях Северного Причерноморья, столь характерное, по его мнению, для работ украинских ученых [Шауб 2010: 8]. И.Ю. Шауб критически высказывается и о работе Русяевых [Русяева, Русяева], в которой, по его мнению, «ученые дамы из Киева» относительно происхождения культа Девы позволяют себе весьма некорректные высказывания в адрес своих именитых предшественников. Например, академика С.А. Жебелева, академика И.И. Толстого и даже греческого географа Страбона [Шауб 2010: 42]. Сам же И.Ю. Шауб считает, что херсонесская Дева в своих истоках является одной из форм Великого женского божества, которое почитали варвары Северного Причерноморья [Шауб 2010: 44]. Таким образом, здесь мы можем условно выделить украинское направление (школу), рассматривающее исключительно эллинское происхождение богини Девы, и российское, усматривающее в ней местные таврские корни.

О.В. Лапина считает, что именно на третьем этапе исследований более широкое использование источников позволило на новом научном уровне обосновать концепцию о греческом происхождении и сущности культа Партенос [Лапина: 77]. С этим не согласен И.Ю. Шауб, отмечая здесь довольно поверхностное либо гиперкритическое отношение авторов, а также стремление с порога отбросить или замолчать аргументы тех, кто придерживается иного мнения (негреческого происхождения Девы) [Шауб 2010: 39]. И.Ю. Шауб критически рассматривая мнение В.Ф. Мещерякова в своей докторской диссертации почему-то исключил из поля зрения его кандидатскую диссертацию [Мещеряков 1980], а рассматривает только его статью [Мещеряков 1979]. Но сути дела это не меняет. В.Ф. Мещеряков считает вопрос о происхождении культа Девы принципиально важным для понимания эволюции образа богини Девы, ее роли в религии Херсонеса, а также для освещения важной проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья, взаимоотношений греков-колонистов с туземным населением Крыма, этнического состава населения раннего Херсонеса [Мещеряков 1980: 32-

33]. Далее он неоднократно приходит к выводу, что для признания у богини Девы местных таврских корней нет никаких оснований [Мещеряков 1980: 37, 38, 39, 41, 46].

Принципиально важным вопрос о происхождении культа Девы считает также В.М. Зубарь. По его мнению, опровергнута существовавшая долгое время концепция, согласно которой греки, основавшие Херсонес, руководствуясь политическими мотивами, заимствовали у соседних тавров культ их женского божества, которое называлось Партенос. Он отмечает, что сначала Л.А. Пальцева и В.Ф. Мещеряков, а затем А.С. и М.В. Русяевы убедительно доказали греческое происхождение культа главного божества Херсонеса, неразрывно связанного с культом Артемиды и мифами об Ифигении [Зубарь: 16]. Он критически высказывается о сторонниках варварской основы культа богини Партенос, считая, что полностью отсутствуют данные источников о негреческом характере ее происхождения. Считает также невозможным заимствование у тавров, стоявших на более низкой стадии развития, чем греки-херсонеситы, культа их женского божества или только его названия. Мешали этому также их враждебные отношения [Зубарь: 17]. И.С. Свенцицкая, напротив, предполагая греческий характер культа Девы, тем не менее, допускает возможность восприятия черт туземной богини. Этому, по ее мнению, не могли препятствовать «ни примитивность и архаичность таврского культа, ни враждебность тавров». Напротив, эта враждебность должна была способствовать объединению культов: «поклонение местной богине как бы переносило ее покровительство с тавров на херсонеситов». При этом она исходит из характерных для языческих религиозных верований представлений о связи божества и места обитания. Кроме того, по ее мнению, весьма значимым являлось сохранение за верховной богиней Херсонеса только той эпиклезы, которая могла связать ее с местной богиней [Свенцицкая: 46]. Представление о тесной связи божества с местом его обитания вообще характерное для верований древних, породило эллинский обычай, находясь в чужих краях, чтить местных богов. Стремление сохранить связь с отеческими богами и одновременно заручиться поддержкой богов местных приводило при переселении к объединению культов. Отождествление отнюдь не означало полного слияния образов. Именно поэтому могли существовать различные отождествления, а образы богов – объединяться и разъединяться [Свенцицкая: 44].

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда у обеих сторон нет аргументов, которые были бы быть убедительными для противоположной стороны. Каждая считает свои аргументы вполне достаточными, подтверждающими именно их концепцию. При этом, если авторы, условно говоря, российской школы допускают в ходе эволюции богини Девы дальнейшее привнесение в нее греческих элементов, наделение ее некоторым функционалом греческих богинь (и божеств вообще), то украинская школа, за редким исключением, не допускает в ней как никакого местного происхождения, кроме привнесенного греческого, так и наделения ее в процессе эволюции какими-либо функциями, неприсущих греческой культуре.

Вообще, исследования культуры древности скорее являются отражением нашего собственного современного мировоззрения, миропонимания, чем людей того времени. И никакое самое авторитетное мнение, никакая концепция не может претендовать на исключительную абсолютную истину. Касательно темы культа богини Девы у многих исследователей обнаруживается тенденциозность, я бы даже сказал некая догматизация и идеологизация их знаний предмета изучения. (Вспомним, что когда-то одной из главных функций этой богини была именно идеологическая!). Отсюда вытекает необъективность, даже болезненность их суждений относительно своих оппонентов и даже нейтральных авторов, «посмевших» допустить в своих рассуждениях хотя бы малейшее «инакомыслие». Богиня Дева парадоксальным и уди-

вительным образом до сих пор владеет не только умами исследователей, но и их эмоциями. Последнее ученый мир, конечно, не красит! Но это же говорит об остроте проблемы и важности ее изучения для более полного понимания не только социально-политической жизни древнего Херсонеса, но и нашего современного общества.

Библиография

ЗУБАРЬ В.М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев: ИД Стилос, 2005. – 188 с.

ЛАПИНА О.В. Херсонесская Партенос (историографический аспект) // Акра. Нижний Новгород. 2002. С. 70-86.

МЕЩЕРЯКОВ В. Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л. 1979. 104-118.

МЕЩЕРЯКОВ В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV веках н.э.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. - Харьков, 1980. - 337 с.: ил.

ПАЛЬЦЕВА Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе. // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 30-46.

РУСЯЕВА А.С., РУСЯЕВА М.В. Верховная богиня античной Таврики. – Киев, 1999. – 208 с.

РУЧИНСКАЯ О.А. К вопросу о праздновании Парфений и Дионисий в Херсонесе.// История античного мира и средневековья в университетах Украины. Харьков: ООО «НТМТ», 2018, сс. 56-59.

СВЕНЦИЦКАЯ И.С. Некоторые особенности религиозного синкретизма в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси: 1985, сс. 41-49.

СКРЖИНСКАЯ М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. М.: 1991. - 200 с.

ШАУБ И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья //STRATUM PLUS. № 3. 1999. С. 207-223.

ШАУБ И.Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI-IV вв. до н.э.). Дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.06. – СПб.: 2010. - 483 с.

Зоря Р.
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

ВЛИЯНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ И ТАТАРСТАНЕ (1924-1929 ГГ.) НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЛИЦЫ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Zorya R.

THE INFLUENCE OF THE EXPEDITION TO STUDY TATAR CULTURE IN THE CRIMEA AND TATARSTAN (1924-1929) ON THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE CAPITAL OF THE KAZAN KHANATE

Изучение различных аспектов национальных культур, в т.ч. и татарской, имеет богатую традицию. Формирование этой национальной культуры началось в едином золотоордынском государстве и получило свое дальнейшее развитие в тюрско-татарских ханствах. Наиболее близкими в культурном смысле были Казанское и Крымское ханство. Справедливо считается, что первые масштабные научно-исследовательские контакты между Крымом и Татарстаном были установлены в 1920-е годы, когда была организована совместная экспедиция по изучению татарской культуры как в Крыму, так и в Татарстане [Бочаров, Ситдиков 2017: 22-53; Абдуллин, Бочаров, Ситдиков 2017: 12-21].

Одним из активных участников комплексной археологической экспедиции по изучению булгаро-татарских городов, проводившей изыскания на территории современной Республики Татарстан в 1928-1929 гг. был казанский ученый и педагог Н.Ф. Калинин [Ситдиков 2016: 173-176]. Он входил в состав групп, обследовавших Билярское, Джукетаусское городища и казанский кремль [Руденко 2019: 296]. Как следует из сохранившихся архивных материалов, ученый руководил исследованиями на отдельных участках указанных памятников, осуществлял чертежные работы и составил археологический отчет по итогам раскопок в казанском кремле.

Однако к изучению истории, археологии и топографии Казани – столицы Казанского ханства – Николай Филиппович обратился несколькими годами ранее описанных выше событий. Стоит сказать, что в кругах местной интеллигенции интерес к прошлому Казани возрос в первой половине 1920-х гг. Это было связано с началом строительства и прокладки различных коммуникаций на территории города. Необходимо заметить, что до того времени археологические раскопки в Казани были единичны, а собранные в предыдущие годы находки должной научной регистрации не проходили. Во многом благодаря кропотливой деятельности и усилиям Н.Ф. Калинина тема археологии Казани получило свое развитие в последующие годы.

Согласно отчету Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в течении лета 1925 г. общество “занималось вопросом о подземных ходах в Казани и особенно в Кремле” [Отчет 1927: 106]. Совместно с Научным обществом татароведения была создана Комиссия по изучению подземной Казани, в состав которой, в том числе, входил и Н.Ф. Калинин [Калинин 1927а: 33-34].

Исследователь подчеркивал, что для изучения истории города очень важно “…Не пропускать и того случайного материала, который обнаруживается при разного рода ремонтах, прокладках труб и т.д...”. Фактически, Николай Филиппович был одним из первых ученых,

кто начал проводить археологические наблюдения во время строительных работ на территории Казани. К сожалению, подробной отчетной документации, в которой был бы отражен процесс работ, практически не сохранилось. Чуть ли не единственным источником, в котором можно почерпнуть сведения об этих исследованиях, являются сводная таблица из неопубликованной диссертации Н.Ф.Калинина [Калинин 1959: 110-117] и собранные им данные (схематичные планы, разрезы и фотоснимки) [Калинин 1954]. В архиве АИЯЛИ АН РТ сохранились также некоторые полевые дневники ученого.

Материалы, полученные в результате совместных раскопок и индивидуальных наблюдений Николая Филипповича в 1920-х гг. в черте города Казани были переданы на хранение в Центральный музей, о чем свидетельствую сохранившиеся в архиве ИЯЛИ карточки приема и учета находок [Калинин 1954: 12-21]. Опубликованная им в 1927 г. статья, посвященная вопросам топографии казанского кремля, в некоторых моментах не утратила своей актуальности и в наши дни [Калинин 1927б] (Рис. 1). Стоит отметить, что Н.Ф. Калинин – один из первых исследователей, кто помимо письменных источников, начал использовать данные археологии при изучении истории Казани.

На рубеже 1920-1930-х гг. ситуация в науке меняется. Музейным и краеведческим организациям была дана установка заниматься политико-пропагандисткой работой, изучать не “отвлеченное прошлое, а конкретные события, связанные с революционным движением в стране и политической деятельностью советских вождей”. Археологические изыскания были немногочисленны – Центральный музей ТАССР, где осуществлял свои изыскания Н.Ф. Калинин, должен был решать утилитарные, политическо-просветительские задачи [Хакимова 2011: 16]. После 1932 г. археология из самостоятельной науки перешла в разряд вспомогательной источниковедческой дисциплины [Клейн 2014: 68].

Однако Николай Филиппович продолжил начатую работу и был единственным исследователем, кто проводил археологические наблюдения на улицах г. Казани. К началу 1930-х гг. Н.Ф. Калинин уже был известен в научных кругах как специалист по истории и топографии города. Подтверждением этому может служить факт обращения к нему Б.Д. Грекова в связи с подготовкой издания материалов по истории Казанского края, о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве ИЯЛИ переписка [Греков 1931].

В период с 1936 г. по 1938 г. археологические исследования Николай Филиппович не проводил. Причиной тому было увольнение из Центрального музея, случившиеся из-за конфликта и несправедливых обвинений со стороны руководства, которое пыталось привлечь ученого к уголовной ответственности.

В последующие годы Н.Ф. Калинин продолжил археологическое изучение Казани, исследовал Болгарское городище, принимал самое активное участие в работах по составлению археологической карты ТАССР, преподавал в Казанском университете и занимался подготовкой научных кадров [Зоря 2021].

В 1920-1930-х гг. Н.Ф. Калинин сформировался как исследователь и центральной темой в его исследованиях становится изучение истории и археологии Казани. Он был в числе первых ученых, которые начали осуществлять охранные археологические наблюдения во время проведения строительных работ. Во второй половине 1920-х гг. была налажена система приема и учета археологических находок, поступавших в результате археологических работ в Центральный музей ТАССР. В результате изысканий 1928-1929 гг. на территории казанского кремля была прослежена довольно четкая стратиграфическая ситуация. Наработки комплексной археологической экспедиции по изучению булгаро-татарских городов были использованы Н.Ф. Калининым в его последующих исследованиях.

В 1930-е гг. после разгрома краеведческого движения Николай Филиппович был единственным местным специалистом в области археологии и топографии, которой продолжил научные изыскания на территории города. В результате более чем 20 проведенных археологических раскопок и наблюдений, ученому удалось установить приблизительную территорию ханской Казани, определить местоположение некрополей XVI-XVIII вв. и уточнить некоторые вопросы исторической топографии города.

В своих исследованиях Н.Ф. Калинин умело использовал данные археологии и письменных источников. Все скрупулёзно собранные сведения в дальнейшем были учтены при написании исторических очерков по истории города и легли в основу его диссертации. Отдельной заслугой ученого было выделение археологии Казани в качестве самостоятельной темы.

Библиография

АБДУЛЛИН Х.М., БОЧАРОВ С.Г., СИТДИКОВ А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Татарстане в 1924 - 1929 гг. // Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань, 2016. – С. 12-22.

БОЧАРОВ С.Г., СИТДИКОВ А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань, 2016. – С. 22-53.

ГРЕКОВ Б.Д. Письма Н.Ф. Калинину из Ленинграда. 1931 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.4. Ех.13. 10 л.

ЗОРЯ Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2021. С. 30-31.

КАЛИНИН Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. – 1927а. – Т. XXXIII. – Вып.4. – С. 33 – 38.

КАЛИНИН Н.Ф. Где был дворец Казанских ханов// Вестник научного общества татароведения. – 1927б. – № 6. – С. 81 – 96.

КАЛИНИН Н.Ф. Историография и источники к истории г.Казани до XVII в. Часть I. Главы I-II диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Машинопись с авторской правкой. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех.228. 139 л.

КАЛИНИН Н.Ф. Материалы археологических раскопок на территории г.Казани. (Планы, схемы, разрезы, рисунки и фотоснимки). // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех.327. 194 л.

КЛЕЙН Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб., 2014. – 694 с.

Отчет Общества археологии, истории и этнографии с 31 марта 1923 года по 1 апреля 1924 года // ИОАИЭ. – Казань, 1927. – Т. XXXIII. – Вып.4. – С. 105-113.

РУДЕНКО К.А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. – М.: ИА РАН, 2019. - Выпуск V. – С. 277-304.

СИТДИКОВ А.Г. Калинин Николай Филиппович // Мирас – Наследие. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах : в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань, 2016. – С.173-182.

ХАКИМОВА А.З. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг.: Автореф. дисс.канд. ист. наук. Казань, 2011. 28 с.

Зоря Р.
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОХРАНА БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 1930-Х – 1940-Х ГГ.)

Zorya R.

ON THE HISTORY OF THE STUDY OF THE CITIES OF THE GOLDEN HORDE STATE (ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AND PROTECTION OF THE BULGARIAN SETTLEMENT IN THE 1930S – 1940S.)

Археологическое изучение средневековых городов, входивших в систему Великого шелкового пути, занимает важное место в отечественной науке. Регион Поволжья участвовал в международной торговле еще с X в., однако наибольшего размаха этот процесс достиг в XIII-XIV вв. [Рахматуллина 2018: 387]. Самым северным крупным узловым торговым пунктом на северном отрезке Великого шелкового пути был город Болгар – первая столица Золотой Орды и центр Волжской Булгарии [Баранов и др. 2021: 113-117]. Он был хорошо известен в период своего расцвета на всем Евразийском континенте, что отразилось в многочисленных письменных источниках того времени. [Фахрутдинов 1987: 9-25].

Богатое прошлое Болгара на протяжении около 300 лет привлекало внимание представителей творческой интеллигенции. Вклад каждого исследователя ценен и требует своего осмысления при изучении Болгарского городища [Нестеренко, Ситдиков 2021: 35-51].

К числу людей, оставивших заметный след в изучении истории этого памятника, относится Николай Филиппович Калинин (1888–1959) – известный казанский археолог, музейный работник и педагог [Ситдиков, Старостин 2002: 5-6]. В 1930-е гг. Н.Ф. Калинин был едва ли не единственным местным профессиональным археологом, который прошел обучение в Казанском университете и был воспитан в традициях региональных научных сообществ [Зоря 2021: 30]. В архивах ученого сохранились материалы, посвященные вопросам изучения и сохранения Болгарского городища.

В августе 1932 г. по поручению сектора науки ТатНарКомПроса Николай Филиппович посетил музеи в с. Болгары, г. Тетюши, Елабуге и Чистополе и провел инспекцию на Болгарском, Чертовом и Джукетаусском городищах. В его отчете отражены состояние районных музеев и исторических памятников, указаны необходимые меры для поддержания их сохранности [Калинин 1932а: 1-4].

Практически сразу же после возвращения из командировки, Николай Филиппович разработал план по изучению и сохранению памятника. В архиве ИЯЛИ сохранилось несколько версий “Плана”. Так, первоначальный проект, составленный Николаем Филипповичем в октябре 1932 г., был послан в ГАИМК и сектор науки ТатНаркомПроса. Он состоял из 4 разделов, сметы работ и плана-схемы городища с пометками Н.Ф. Калина [Калинин 1932б].

Николай Филиппович обрисовал ряд проблем, которые необходимо было бы решить в процессе исследования. Среди них – изучение роста города и характера городской планировки, вопросы о системе водопроводов и водоснабжении, характере отопления жилищ и об обороне и фортификации города. Ученый обращал внимание на необходимость систематического и комплексного изучения памятника – для этого по его задумке, нужно было привлечь

историков, географов, геологов, почвоведов, зоологов, антропологов, архитекторов и лингвистов [Калинин 1932б: 4-11].

При составлении собственно плана Болгарского городища, ученый использовал чертежи Н. Савенкова (план 1732 г.), А.К. Шмидта (план 1827 г.) и Штрауса (план 1869 г.). Кроме того, им были учтены материалы исследований В.Ф. Смолина. Н.Ф. Калинин систематизировал имеющиеся данные и отметил участки, где ранее были зафиксированы следы построек. Согласно данным, полученных в период личных наблюдений 1932–1945 гг. на памятнике, ученый нанес на план точки скоплений керамического материала и места обнаружения различных археологических предметов. Многие объекты, обозначенные на этом документе, были подвергнуты исследованиям в последующие годы. Несмотря на недостаточную археологическую изученность памятника на момент составления плана, Николаю Филипповичу удалось обозначить основные участки городища. Всего им было выделено 10 отдельных районов [Калинин, 1932б: л. 5-11] (рис. 1). Начало археологических работ было запланировано на 1933 г., однако осуществить намеченные планы в установленный срок не удалось.

В 1934 г. при Центральном музее ТАССР прошло совещание музейных работников и представителей ГМ Народов Востока в Москве, на котором Н.Ф. Калинин представил второй вариант проекта. По структуре он не сильно отличался от плана 1932 г. В нем более подробно расписана методика проведения полевых работ, отмечена необходимость привлечения аспирантов и студентов в работах археологов. Существенным отличием является лишь отсутствие четкого графика проведения раскопок на при сохранении общей последовательности работ, указанных в предыдущем варианте проекта [Калинин 1934: 15-16].

Хоть этот план и получил одобрение ГАИМК, но до 1938 г. воплощен в жизнь не был. Основная причина была довольно банальной – отсутствие какого-либо финансирования и подготовленных кадров в Казани, за исключением самого Н.Ф. Калинина. “Средства и кадры” были выделены в связи с намечавшимися работами по строительству Куйбышевского гидроузла на р.Волге – перед археологами была поставлена задача археологического обследования территорий, попадавших в зоны затопления [Збруева, Смирнов 1939: 192].

Николай Филиппович принял участие в первых пяти полевых сезонах в совместной Болгарской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова (1938–1940, 1945–1946 гг.). В 1942 и 1943 гг. ученый провел самостоятельные археологические работы на памятнике и составил акт осмотра городища, высказал принципиальную идею о создании проекта-постановления об объявлении Болгарского городища историческим заповедником и проекта инструкции о мерах его охраны. [Калинин 1942: 5].

При рассмотрении проведенных в 1938-1946 гг. исследований, можно сделать вывод, что они осуществлялись, в основном, согласно составленному в 1932-1934 гг. Н.Ф. Калининым плану. Поставленные ученым вопросы и обозначенные перспективные направления в некотором роде определили ход дальнейшего изучения памятника. Так были обследованы район цитадели, где зафиксированы наиболее ранние слои городища, открыта линия булгарского водопровода, в области Голландского и Британкина озер выявлены следы гончарного и металлургического производства, произведено обследование фортификационных сооружений, исследован некрополь у Греческой палаты и подтвержден факт существования армянской колонии.

Ученый внес значительный вклад в дело музеефикации, охраны и изучения Болгарского городища. Благодаря этой работе был составлен первый пространственный анализ топографии памятника и предпринята попытка реконструкции его планировочной структуры. Мно-

гие годы именно работы Н.Ф. Калинина определяли стратегию археологических исследований памятника по изучению объектов, локализованных на его планах.

Библиография

БАРАНОВ В.С., ВАЛЕЕВ Р.М., СИТДИКОВ А.Г., ХАЙРУТДИНОВ Р.Р. Древний Болгар в истории и культуре Евразии // Город Болгар: история изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2021. С. 106-180.

ЗБРУЕВА А.В., СМИРНОВ А.П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла (1938–1939 гг.) // ВДИ. 1939. № 4 (9). С. 192-202.

ЗОРЯ Р.С. К биографии ученого: деятельность Н.Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН. 2021. С. 30-31.

КАЛИНИН Н.Ф. Отчет о командировке в районы Татарии по поручению сектора науки Татнаркомпроса с 4 по 16 августа 1932 г. по запросу состояния и сохранности исторических памятников и работы музеев. 1932а г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.2. Ех.40. 7 л.

КАЛИНИН Н.Ф. План и оглавление к плану Болгарского городища составлен Н.Ф. Калининым. 1932б г.// АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех.14. 13 л.

КАЛИНИН Н.Ф. План археологических работ на Болгарском городище в 1934-1937 гг. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп.1. Ех.16. 16 л.

КАЛИНИН Н.Ф. Акт комиссии осмотра Болгарского городища и его исторических памятников. 1942 г. // АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 1. Ех.42. 5 л.

НЕСТЕРЕНКО И.М., СИТДИКОВ А.Г. История изучения и сохранения города Болгара // Город Болгар: история изучения и сохранения / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2021. С. 35-59.

РАХМАТУЛЛИНА Ч.З. Великий шелковый путь в Среднем Поволжье (по археологическим материалам из Болгарского городища) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара). Материалы всероссийской (с международным участием) конференции. Самара, 2018. С. 385-388.

СИТДИКОВ А.Г., СТАРОСТИН П.Н. Николай Филиппович Калинин. 1888 – 1959. // Выдающиеся ученые Казанского университета. Казань: КГУ, 2002. 24 с.

ФАХРУТДИНОВ Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 9-33.

Иванов А.В.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

ПЛАНЫ ХЕРСОНЕСА, ИНКЕРМАНА И АХТИАРСКОЙ ГАВАНИ СНЯТЫЕ В 1772Г. ПРЕМЬЕР-МАЙОРОМ С.Н. БУРНАШЕВЫМ

Ivanov A.V.

PLANS OF CHERSONESOS, INKERMAN AND AKHTIAR HARBOR TAKEN IN 1772 BY PRIME MAJOR S. N. BURNASHEV

Настоящее сообщение посвящаю 250 - летию
овладения Крымом Российской армией
под командованием кн. В.М. Долгорукова.

До настоящего времени корпус картографических материалов военной кампании 1771-76гг. на Крымском полуострове должным образом не систематизирован, в научный оборот введены только отдельные представляющие его документы, межь тем они содержат уникальную информацию о регионе накануне его присоединения к Российской империи, в том числе о его исторической топографии и памятниках предшествующих эпох. Способствуя восполнению историографической лакуны, обратимся к картографическому наследию и личности офицера русской армии С.Д. Бурнашева13 (рис.1) – первого отечественного картографа снявшего планы городища Херсонеса Таврического и ряда других исторических объектов региона. По его личному свидетельству «В бытность мою в Крыму снял геометрически большую часть Крымских гор и Ахтиярскую гавань, план которой имел в 776г. счастие поднести Государю Наследнику…» [Бурнашев 1901: 45]14. В настоящее время автору известны три плана относящихся к ЮЗ Крыму, составленных С.Д. Бурнашевым в 1772-75гг., хранящихся в фондах РГВИА, РГДА (г. Москва), и РНБ (г. СПб.).

Основное внимание уделим Плану положения Ахтиарской гавани 1772г. хранящемся в РГВИА15 (рис. 2) и до настоящего времени, не привлекавшего внимания исследователей. Рукописный план размеры 85 на 51 см выполнен пером и тушью на тонкой, но плотной бумаге, и отличается высочайшей тщательностью исполнения и проработки деталей. Ориентация плана северная, масштаб 200 саж. в дюйме. В правом нижнем углу листа вне рамки авторская подпись «делал Вологодского полку подполковник Степан Бурнашев». Документ богато оформлен аллегорическими изображениями с воинской и исторической символикой, вензелями царствующих особ, декорирован барочными картушами, заключен в орнаментированную рамку.

План снабжен пространной аннотацией указывающей, что картограф акцентировал внимание именно на древностях покоренных земель, ставших теперь доступными для просве-

[13] Бурнашев Степан Данилович 1743-1824, из дворян Курской губернии, военный инженер, картограф, дипломат, автор географических и политических трудов, участник Русско - Турецких войн 1869-74 и 1787-92 гг. Правитель Курского наместничества, губернатор Курской губ. в 1792-99 гг., кавалер орденов Св. Георгия III и IVст., Св. Владимира I ст. Св. Анны IIст. генерал- майор, тайный советник, член Правительствующего Сената.

[14] Остается открытым вопрос, являются ли топографические штудии личной инициативой инициативного офицера, отнюдь не освобожденного от исполнения прямых служебных обязанностей, или он имел на то указание вышестоящих чинов. Отметим, что все известные планы выполнены им собственноручно без указания как на поручения начальствующих лиц, так участия в их составлении подчиненных.

[15] План положения Ахтиарской гавани 1772г. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 23543.

щенных россиян: «План положению Ахтиарской гавани при Черном море на западном берегу Крымского полуострова межь развалин двух бывших городов Херсониса Таврического и Ахъяра из которых первый достоин примечания по своей славной древности и что он взят был Великим князем Владимиром киевским в 988г. где он воспринял христианский закон взял в супружество греческую цесаревну Анну, а второй по своему неприступному положению, ибо лежит он на одном высоком камне изнутри коего высечены не только камеры для житья, но и церкви греческие в коих остались невредимы престолы, жертвенники и архитектурное алтарей украшение выработанное из того же самого камня несоставляя. Снят во время пребывания Российских войск в Крыму по его занятию в последнюю турецкую войну подполковником и кавалером Бурнашевым в 1772г.»

На плане представлена территория от русла р. Бельбек на севере до совр. бухты Песочной на западе и р-на. Инкермана на востоке. Детали сложного рельефа переданы густотой штриховки, представлены лесные массивы на Мекензиевых горах в поймах рек Бельбека и Черной (без названия) и сравнительно небольшие участки возделанных земель. Кроме древних поселений на плане присутствуют существовавшие на тот момент деревни Бельбек, Ак-Яр, и Уч-Кую (без указания названий) с русским редутом при ней. Отдельно отметим, что на северном (Константиновском) и Южном (Александровском) входных мысах Ахтиарской гавани уже присутствуют русские батареи16. Точность нанесения береговой линии уступает близким по времени съемкам, выполненным флотскими гидрографами, однако дает достаточно адекватное представление об акватории Ахтиарской гавани и прилежащих к ней участков побережья.

Абрис стен городища Херсонеса, несмотря на довольно мелкий масштаб изображения, передан весьма тщательно и довольно близко к реальности, отмечено 17 башен – тринадцать прямоугольных, и четыре круглых (соответственно III, V, VIII и XVII), три воротных проезда в куртинах №4, 6, и № 16, к В от башни XIV. Внутри городища внимание акцентируется на возвышенных элементах рельефа в его западной части. Городскую планировку и внутригородские сооружения план за редким исключением не фиксирует, кроме двух построек - отмеченной №1(?) в районе главной площади древнего города и находящейся на западном берегу в створе центральной улицы городища (о них ниже). На западном входном мысу Карантинной бухты отмечена отдельно стоящая башня.

Уникальным элементом документа следует считать рисунок общего вида городища Херсонеса выполненный вероятно с Девичьей горы, помещенный в барочный картуш, в нижней четверти листа. Воспроизведена видимая часть городских укреплений - от куртины №20 и башни XVII (Зенона) до башни V и скрывающейся за возвышенностью куртины №3 на западе городища. Зарисовка вполне согласуется с планом, изображены двенадцать башен, соответственно девять видимых прямоугольных, три круглых, и арка воротного проезда в куртине №6 к СЗ от башни VIII. Рельеф городища, в его западной возвышенной части, передан несколько гипертрофировано. Планировка и постройки на внутригородской территории также не воспроизведены, исключая крупную руину с обращенным на запад разрушенным порталом, соответствующую постройке №1 зафиксированной на плане17, и упомянутую отдельно стоящую башню при входе в Карантинную бухту.

[16] Автор уже касался данного вопроса [Иванов 2020: 117], но считает необходимым еще раз отметить, что укоренившаяся в историографии связь строительства первых русских укреплений при Ахтиарской бухте с деятельностью А.В. Суворова в 1778г. требует пересмотра.

[17] Как на плане, так и на зарисовке местоположение представленного объекта соответствует крестообразному храму на главной площади города, однако в аннотации к рассматриваемому плану этот объект не отмечен, в то

Миниатюрный план Инкерманской крепости поименованной Акъяр так же весьма детализирован, начертание рва стен и шести башен передано весьма близко к реальности. Внутри крепости показана постройка, отождествляемая с открытым раскопками в 1985г. помещением (башней?) с колодцем, упоминаемым в сочинении Э. Челеби. На дороге, ведущей к крепости из долины, изображена отдельно стоящая башня с воротным проездом, разобранная уже к 1787г. Вдоль подножия Монастырской скалы и в тальвеге балки Гайтани показана застройка, на плато брисы кварталов верхнего форштадта и располагавшаяся там мечеть. Собственно деревня Ак-Яр также присутствует на плане, на своем историческом месте, однако как поселение без названия.

Весьма соблазнительно представить рассматриваемый документ как старейший из известных планов Херсонесского городища, но указанное звание и место службы его автора заставляет отказаться от данного предположения. Несмотря на указанную дату 1772г. план не мог появиться ранее производства С.Н. Бурнашева в чин подполковника в 1775г. При том что, в картографическом собрании РНБ имеется план древнего Херсонеса18 также его авторства и также датированный 1772г. Однако, свое звание на нем картограф указывает как премьер-майор19, следовательно, он выполнен раньше и на сегодняшний день именно его следует считать старейшим из известных. Мы опустим его подробное описание, поскольку он опубликован [Тункина 2002: 481, рис. 120]. Абрис городских стен на обоих планах, передан сходным образом, отметим, что более крупный масштаб плана из РНБ позволил воспроизвести некоторые детали, в частности показать протейхизму перед западным фронтом стен и, как уже было отмечено, местоположение руин трех христианских храмов.

В фондах РГДА20 автору представилась возможность ознакомиться с третьим планом авторства С.Н. Бурнашева «Аккуратный план положению Ахтиарской гавани с лежащими при оной древними городами Алмаром21 и Херсоном с показанием расположенных от российской армии постов во время турецкой войны в 1772 г.», «снимал и сочинял премьер – майор Бурнашев». План выполнен в масштабе 2 версты в дюйме, имеет южную ориентацию, оформление его заметно скромнее, абрис побережья и бухт и характер местности переданы сходным образом с планом описанным выше. На нем также присутствуют Херсонес и Инкерман, в этом случае местные древности отнюдь не являются центральными его объектами.

время как на плане Херсонеса 1772 г. из собрания РНБ (см. ниже) выполненном в большем масштабе, касательно двух построек в районе центральной площади и упомянутой постройки на западном берегу (вероятно, западной базилики) присутствует пояснение «основания христианских храмов» - похоже, автор был не чужд размышлениям о локализации на территории городища объектов связанных с Корсунской легендой.

[18] «План развалинам древнево Херсонеса Таврикийскаго, снятой геометрическим в 772 году во время пребывания российских войск в Крыму московского легиона премьер-майором Бурнашевым». ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 243/2, л. 63.

[19] В чин премьер – майора С.Н. Бурнашев был произведен в октябре 1772г. за отличия в предшествовавшей кампании. Вверенный ему в командование двухтысячный отряд легкой кавалерии и егерей, действовавший изолированно от главных сил армии, форсировал Генический пролив, совершив стоверстный марш по Арабатской косе, взял штурмом крепость Арабат, принудил к сдаче крепости Керчь и Еникале, действовал на Тамани и снова в Крыму. Зимой 1771-72г. приняв под командование Курский пехотный полк, зараженный сибирской язвой, успешно подавил эпидемию [Бурнашев, 1901, с.44-46].

[20] Аккуратный план положению Ахтиарской гавани… РГДА ф.192, оп.1, №15.

[21] На рассматриваемом плане Ак-Яр (здесь искаж. Алмар, Алхиарская бухта) снова ошибочно помещен на месте Инкермана. Более того Инкерманом поименован собственно исторический Ак-Яр, также дер. Уч-Ккую обозначена как Бельбек, сам Бельбек (точнее Бельбек-Тама) нанесен на карту без названия, вероятно ошибки присутствовали в исходных полевых материалах картографа и по мере работы над картами приняли систематический характер.

ем военный документ, назначение которого показать дислокацию воинских контингентов российской армии из состава Брянского и Ряжского полков с приданной им артиллерией и казаками, контролирующих побережье вокруг Ахтиарской бухты и ее сухопутную округу до р. Бельбек, расположение опорные пунктов с полевыми укреплениями, прикрывающих вход в бухту батарей, и значимых для армии коммуникаций - дорог и мостов с указанием их состояния.

Судя по приведенной выше цитате из послужного списка картографа, есть основания полагать, что его картографическое наследие, относящееся к Крымскому полуострову не ограничиваться представленными планами и, возможны новые небезынтересные архивные находки.

Библиография

БУРНАШЕВ С. Н. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г. - СПб. 1901. 64с.

ИВАНОВ А.В. Город Чурч и пролив Андал. Бухты Севастополя и Гераклейский полуостров накануне присоединения Крыма к России. Историческая топография и топонимика. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6-10 октября 2020 г.). - Севастополь. 2020. с. 111-117.

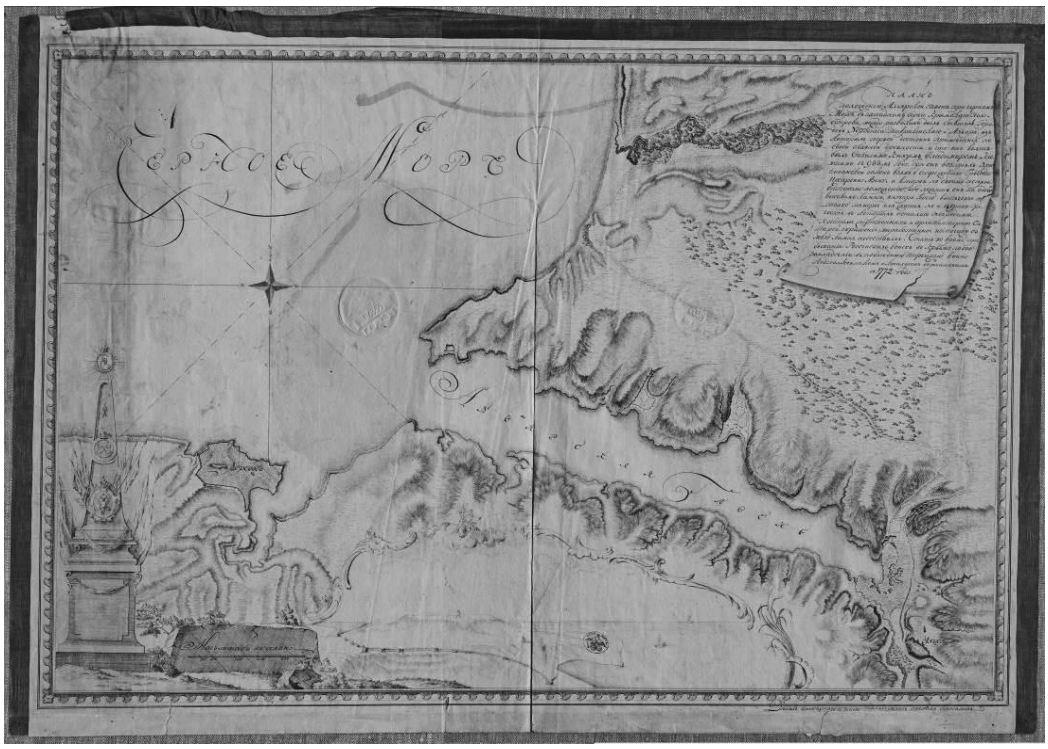
ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX вв.) - СПб. 2002. 676с.

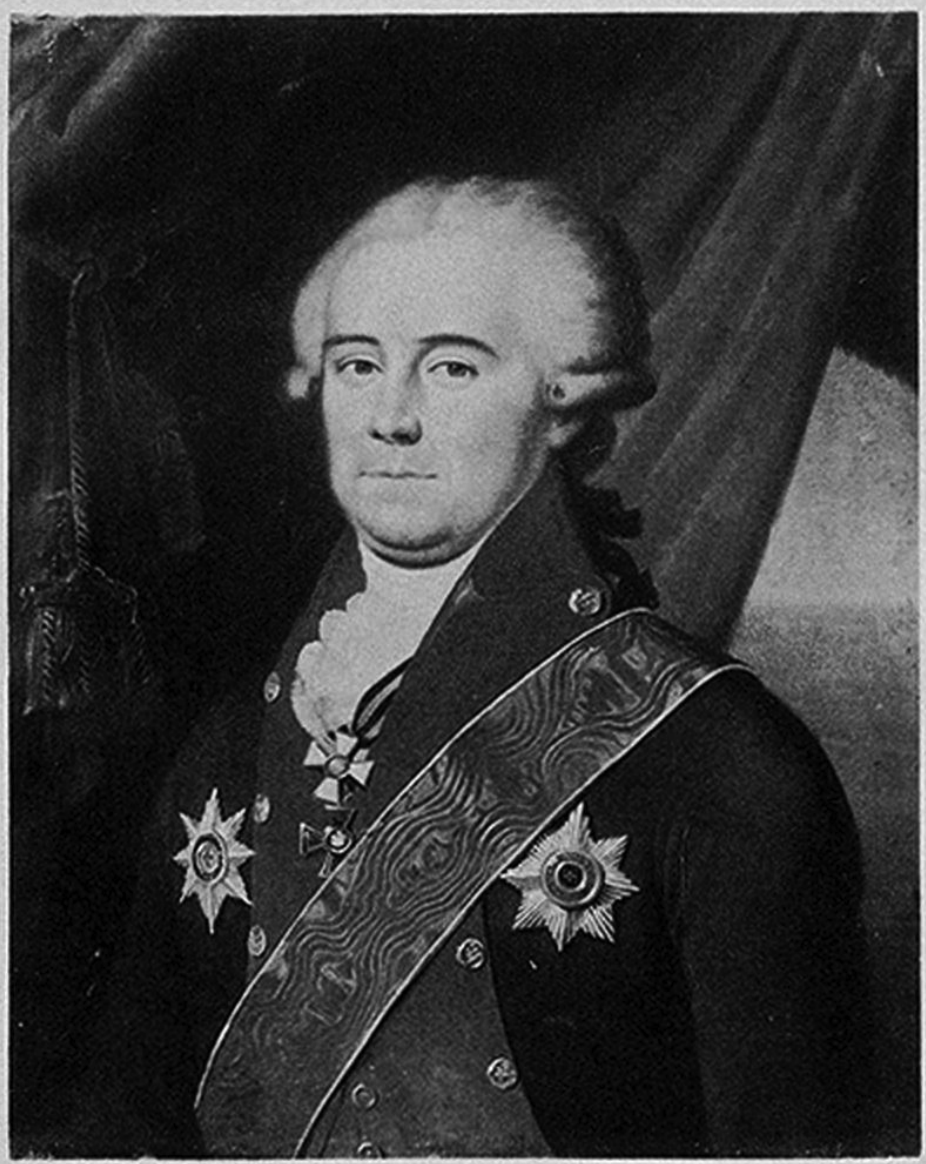
Сокращения

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГДА – Российский государственный архив древних актов.

РНБ – Российская национальная библиотека.





Степанъ Даниловичъ
Бурнашевъ

Калинина Т.М.
Институт всеобщей истории РАН, Москва

МОРЕ ХАЗАР В ТРУДАХ АРАБСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕОГРАФОВ

Kalinina T. M.
SEA KHAZAR IN THE WORKS OF ARAB MEDIEVAL GEOGRAPHS

В трудах арабских географов IX–X вв. название мореХазар встречалось по отношению как Каспийскому морю, так и Черному.

Каспийское море арабские географы (ал-Хорезми, ал-Баттани, Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, ал-Мукаддаси и многие другие) хорошо знали и подробно описывали, называя по прибрежным областям и странам морем Джурджана, Табаристана, Дейлема, Гиляна, Хорезма, а также Хазар [Буниятов, Велиханова 1988].

Ал-Мас‘уди внес изрядную путаницу в понятие «море Хазар», описывая его как бассейн, омывающий Баб-ва-л-Абваб, Мукан, Дейлам, Абаскун и другие области и города вокруг Каспия [Maçoudi 186I: 262–263; BGA VIII: 60]. Он рассказал о походе русов на прибрежные области Каспия около 300 г.х. (912 г.), утверждая, что море Хазар соединяется рукавом с морем Понт, по которому прошли русы. Тем не менее ал-Мас‘уди сопроводил этот рассказ фразой: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказываний того, кто утверждает, будто море Хазар соединяется с морем Меотис и проливом Константинополя со стороны Меотиса и Понта» [Maçoudi 1863: 18–24]. Ал-Мас‘уди считал, что моря Понт и Меотис – это одно и то же море и названия их равнозначны, но море Меотис (Понт ?) одной своей стороной сообщается с морем ал-Баб-ва-л-Абваба «через пролив и протекающие здесь великие реки. Это ввело в заблуждение некоторых составителей книг о морях и обитаемой земле, и они утверждают, что море Бунтус, озеро Майтас и море ал-Хазар – это одно море» [Maçoudi 1863: 67]. Для ал-Мас‘уди не было сомнений в том, что море Хазар – это Каспий, тем более, что он сам совершил плавание от Абаскуна до Табаристана.

В X в. ал-Истахри описывал Каспий, называя его морем Хазар [BGA I P. 6]. Ни он, ни его младший современник Ибн Хаукал не знали ни Черного, ни Азовского морей, полагая и показывая на картах, что Средиземное море, проходило от Гибралтара большим водным бассейном до Антиохии, где оно поворачивало к северу и продолжалось как Константинопольский пролив мимо столицы Византии и стран славян, впадая в Окружающий океан на севере [BGA I: 217]. Ибн Хаукаль показывал и рассказывал о рукаве, который соединял Константинопольский пролив с рекой Итиль, в свою очередь впадающей в Каспий [BGA II-2: 331, 387, 388].

Ряд авторов называл морем Хазар Черное. В «Книге путей и стран» Ибн Хордабеха есть сведения о фемах и местностях вокруг Византии, восходящие к несохранившемуся сочинению выкупившегося в 845 г. из византийского плена Муслима ибн Абу Муслима ал-Джармы [BGA VI: 105; Ибн Хордадбех 1986: 98]. Он занимал высокое положение в ас-Сугуре, знал население Византии и ее земли и написал о ней сочинение [BGA VIII: 190–191]. При описании фем Византии, по его данным, море Хазар касалось границ Фракии, Диррахии, Пропонтиды, защитной стены от моря Хазар до моря Сирии (здесь – Эгейское) [BGA VI 1889: 105; Ибн Хордадбех 1986: 98]. (Сведения повторили Кудама ибн Джа‘фар, автор труда «Худуд ал-‘Алам, Йакут). Ибн Хордадбех писал, что попасть в Константинополь можно было через про-

лив, который идет «вниз по течению от [полу]острова моря Хазар и тех местностей, и подняться вверх от моря Эгейского [BGA VI: 104, Ибн Хордадбех 1986: 97]. Понятно, что во всех случаях имеется в виду Черное море.

Слово «остров» в арабском языке означает также и «полуостров», поэтому многие исследователи считали, что название море Хазар здесь объясняется хазарскими владениями в Крыму и Приазовье уже в VIII в. [Бартольд 1963: 826; Новосельцев 1999: 109, 158. Примеч. 134, 135; Бейлис 1962: 22; Ибн Хордадбех 1986: 279. Примеч. 70; Göckenjan H., Zimonyi 2001: 33].

Прочие арабские географы IX–X вв. (Ибн ал-Факих, Кудама ибн Джа'фар, Ибн Руста, ал-Баттани) называли Черное море бахр ар-Рум, бахр ар-Руми, Понтос (Бунтус или, с ошибкой в диакритике, Нитас), Меотис (Майтас или Майутис) по античной традиции.

Ал-Мас уди, как и Ибн Хордадбех, писал, что некоторые фемы соприкасаются с «морем Хазар, т.е. Майтас, а море Майтас многие люди называют морем ал-Хазар. Однако оно лишь связано с ним, потому что море Хазар – это то, на котором находятся места обитания 'аджамов, такие, как Баб-ва-л-Абваб, Мукан, ал-Дайлам, Абаскун, побережь Джурджана и ал-Хумма, побережье Амула – столицы Табаристана» [BGA VIII: 178–179]. Здесь автором подчеркнуто, что море Хазар – это на самом деле Каспийское. Оговорки ал-Масуди о том, что море Меотис (+Понт), т.е. Черное море –это море Хазар, вероятно, связаны либо с книгой ал-Джарми (о котором ал-Мас'уди привел непосредственную информацию), либо с трудом Ибн Хордадбеха, где присуствует информация из труда ал-Джарми.

Исследователи дискутируют, имело ли место глобальное проникновение хазар на полуостров в конце VII–начале VIII вв., были ли Боспор и территория бывшего Боспорского царства частью Хазарии или Византии, или совместным византийско-хазарским владением, или особой специфической зоной [обзор литературы см.: Могаричев и др. 2017: 401–404], что объяснило бы наименование Черного моря морем Хазар.

Византийские писатели Прокопий Кесарийский, Евагрий Схоластик, Феофан Исповедник, патриарх Никифор, Константин Багрянородный, Иоанн Скилица и др. называли Черное и Азовское моря только античными именами Понт Эвксинский и Меотида. По данным византийских источников и археологических данных, граница распространения хазар в VII в. достигла земель севернее Черного моря, но не территории Крыма [Сорочан 2006: 175–176]. Археологические материалы VII–VIII вв. свидетельствуют о преобладании в Крыму местного населения (не хазар), о контроле Византии над архонтией Боспор, городами Судак, Херсонес, Партенит, о принадлежности Южного берега Крыма Византии [Могаричев и др. 2017: 25–113]; в VIII в. и Боспор не был частью Хазарии, хотя платил ей дань; ни Херсонес, ни Таматарха не были хазарскими [Чхаидзе 2008: 264–268; Флёров 2012: 264–270]. Хотя в восточной части Керченского полуострова найдены салтово-маяцкие поселения VIII – первой половины X в, которые тяготели к Боспору и пролегали по Керченскому проливу, а часть их располагалась на побережье Азовского моря [Пономарев 2020: 210], но это слабое присутствие пришлого населения на востоке Керченского полуострова едва ли было причиной названия всего моря как Хазарского, даже если пришлые кочевники были хазарами.

Итак, ответить на вопрос, почему араб Муслим ал-Джарми, высокопоставленное лицо в ас-Сугуре, побывавший в византийском плену, хорошо осведомленный о Византии и окружающих областях и народах, при рассказе о византийских фемах и в других фрагментах оперировал понятием море Хазар в отношении Черного, пока невозможно. Может ли быть, что археологи ошибаются, и Крым в большей своей части в VIII в. все же был хазарским? Но не исключено, что будучи образованным человеком, ал-Джарми воспроизвел античное пред-

ставление о подземной связи Понта и Каспия, которое принимал, например, Аристотель, и поэтому назвал Черное море традиционным именем Каспия.

Библиография

БАРТОЛЬД В. Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Соч. М., Наука, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 810–858.

БЕЙЛИС В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. М., Наука, 1962

БУНИЯТОВ З.М., Велиханова Н. Каспийское море в арабских источник ах // Изв АН ССР. 1988.№ 2–4. Серия Истории, философии и права.

ИБН ХОРДАДБЕХ. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., Сазанов А.М., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII–середина X вв.): вопросы истории и археологии. М., 2017.

НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., Наука, 1990.

ПОНОМАРЕВ Л.Ю. Салтово-маяцкие памятники центральной и северной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. М., 2020. Т. 17. С. 175–227.

СОРОЧАН С.Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // ВЕДС. М., 2006. Материалы конференции. Т. XVIII. С. 172-178.

ФЛЁРОВ В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2012.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

BGA I: Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / Leiden, 1870.

BGA II-2: BGA II-2 – Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.

BGA VI: BGA VI – Kitâb Al-Masälik Wa'l-Mamãlik auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordädhbeh, accedunt excerpta e Kitâb Al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, Brill, 1889

BGA VIII – Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, Brill, 1894.

GÖCKENJAN H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ǧayhānī-Tradition. Wiesbaden, 2001.

MAÇOUDI. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. Vol. I .

Катюшин А.Е.
НИЦ истории и археологии Крыма ФГАО ВО
«КФУ имени В. И. Вернадского», Симферополь

БАЛКА БИЛЬДЕРАН – ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ОКРЕСТНОСТЕЙ ЭСКИ-КЕРМЕНА*

Katyushin A.

BILDERAN RAVINE AS A PART OF HISTORICAL-CULTURAL LANDSCAPE OF THE VICINITY OF ESKI-KERMEN

Городище Эски-Кермен расположено сегодня вдали от населённых пунктов и крупных транспортных магистралей. Теперь это значимый туристический объект Российской Федерации. В тёплое время года здесь проходят многочисленные экскурсии. В долинах, окружающих гору, ведётся активная сельскохозяйственная деятельность, но постоянного населения в этих местах практически нет, и в «мёртвый» сезон люди здесь появляются сравнительно редко.

В средневековье эта местность была довольно плотно населена. Первые систематические археологические исследования находящегося на плато горы одноименного городища выявили систему мощных оборонительных укреплений и «многочисленные остатки скученной городской жизни». Древний город стоял на пересечении дорог, связывавших районы Внешней гряды Крымских гор с важнейшими пунктами Юго-Западного Крыма через долины Шули и Каралез [Равдоникас 1932: 34]. Гарнизон средневековой крепости Эски-Кермен контролировал неширокий проход в горах с севера, распадавшийся у её подножья на несколько путей, ведших на юг и юго-восток.

Лежащая к югу от Эски-Кермена лесистая возвышенность отделена от находящейся ещё южнее Шульской долины крутыми скальными обрывами. Спуск в долину через эти обрывы возможен благодаря нескольким проходам между скал. Один из них находится недалеко от верховий балки Бильдеран, по которой до недавнего времени шли дороги от Эски-Кермена к обрыву в Шульскую долину. В свою очередь, к этому месту из д. Терновка (прежнее название - Шули) до сих пор идёт проезжая грунтовая дорога.

Балка Бильдеран привлекла внимание археологов благодаря мощному роднику, помеченному на современных картах как «Бильдран-Чокрак», бьющему в её верхней части. В конце двадцатых годов прошлого века на поле недалеко от Южных ворот Эски-Кермена были найдены фрагменты керамического водопровода, который, по предположению сотрудников экспедиции ГАИМК, мог, скорее всего, пролегать именно от этого родника. В 1929 г. в 127 м. к северу от источника действительно был найден участок водовода, состоявший из 27 керамических секций, соединённых между собой при помощи известкового раствора. Водовод был смонтирован в защитном каменном коробе и пересыпан песком. Общее направление конструкции позволяло надеяться, что трубы были проложены вплоть до начала древней подъёмной дороги к Южным воротам Эски-Кермена, откуда вода могла, по мнению Н.И. Репникова, подаваться непосредственно в город. [Репников 1932a: 194-195; Репников 1932b: 132-133].

* Публикация выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Водопровод планировалось не только обнаружить и изучить, но и восстановить в целях дальнейшего использования его для орошения близлежащих долин [Репников 1932b: 195; Репников, Шмит 1932: 48].

Раскопки, произведённые в последующие годы с целью исследования продолжения водопровода в сторону городища, не принесли ожидаемых результатов. В ходе работ были найдены лишь разрушенные части каменных обкладок труб. Предполагаемого входа трубопровода непосредственно на Эски-Кермен не было обнаружено. Не увенчались успехом поиски каких-либо гидротехнических сооружений возле начала подъёмной дороги к Южным воротам городища [Веймарн 1935: 47-57].

Исследования непосредственно на каптаже источника в верховьях балки Бильдеран не были доведены до конца из-за постоянно прибывающей воды и значительной глубины залегания предполагаемого древнейшего накопительного и водоотправного сооружения под натёчным грунтом. Это сооружение и питаемый им водопровод Репников относил, по предварительным данным, к раннему этапу строительства средневекового Эски-Кермена, то есть, как полагал исследователь, к V-VI вв. [Репников 1939-1940: 68-69]. Сейчас время возникновения крепости принято относить, все же, к концу VI в. [Айбабин 2014: 240]. Необходимо отметить, что время постройки и функционирования гидротехнических сооружений в балке Бильдеран нуждается в уточнении с применением современных научных методик.

Параллельно с исследованиями гидротехнических сооружений, в 1932 г. сотрудниками ГАИМК в 10-12 м. к югу от родника Бильдран-Чокрак были обнаружены руины двух прямоугольных помещений небольшого размера, определённые как остатки землянок-палаток времён Крымской кампании 1854-1855 гг. Вероятно, эти строения являлись сторожевым постом у источника воды, рядом с проходившей здесь проезжей дорогой. Следы основного военного лагеря находятся на карнизе обрыва в Шульскую долину в 100-150 м. от упомянутых землянок [Веймарн 1935: 59-60, 71-72]. По всей видимости, лагерь и предполагаемый сторожевой пост в балке принадлежал французской армии [Репников 1939-1940: 68]. Присутствие экспедиционных войск в рассматриваемом районе подтверждает также находка металлической кокарды артиллериста французской армии, сделанная годом ранее недалеко от балки Бильдеран [Веймарн 1935: 54].

Надо отметить, что окрестности Эски-Кермена, Шульская долина, Каралез и Чоргунь находились под контролем русской армии на протяжении всей обороны Севастополя – это был левый фланг императорских войск, обращённый к неприятельским позициям за рекой Чёрная. В источниках по истории Крымской кампании несколько раз упоминается селение Черкес-Кермен, находившееся в непосредственной близости от Эски-Кермена. Здесь войска Меншикова останавливались на привал в ходе «флангового движения к Бахчисараю» в сентябре 1854 г. [Дубровин 1900/I: 344]. В тот раз главные силы русской армии спустились с Сапун-горы и, перейдя реку Чёрную по Трактирному мосту, поднялись «по весьма крутой дороге» к селению Черкес-Кермен [Тотлебен 1863/1: 231]. Ущелья возле Эски-Кермена воспринимались как относительно безопасный неглубокий тыл, куда, в случае затруднений сообщения с войсками на передовой, отступали отдельные соединения. Там же располагались и резервы. Так, в Черкес-Кермен в ноябре 1854 г. были отправлены подразделения Гусарского полка Е. В. В. Кн. Николая Максимилиановича, а в декабре – Владимирский пехотный полк [Журнал военных действий, 2010: 105, 127]. Согласно диспозиции к сражению у реки Чёрной 4 августа 1855 г. в местностях, прилегающих к рассматриваемому району, происходили манёвры ударных и резервных частей русской армии во время этого дела [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 93 слл.].

Французский бивак на карнизе над Шульской долиной и в балке Бильдеран мог появиться уже после взятия Севастополя союзническими войсками 30 августа 1855 г. В это время главнокомандующий русской армией в Крыму Д.М. Горчаков сконцентрировал оборону в ущельях рек Бельбека и Качи, Каралезской долины и на других путях, где противник мог бы развить наступление вглубь Крымского полуострова. В свою очередь, ранней осенью 1855 г. в Байдарскую долину вошёл французский корпус генерала де Салля. Оттуда французы силами нескольких батальонов пехоты, сопровождаемых артиллерией и кавалерией, производили рекогносцировки в Шульской долине и предпринимали рейды к русским аванпостам в окрестностях горы Мангуп и верховьях Бельбека. При этом противник укреплял дороги и горные проходы. Однако в октябре того же года французы полностью прекратили вылазки и отступили обратно в Байдарскую долину, где стали готовиться к зимовке [Тотлебен 1872/2. Отд. 2: 278-279].

В первой половине XX в. дороги в балке Бильдеран ещё использовались. Вблизи родника Бильдран-Чокрак находились старые чаиры и огороды колхозников Черкес-Кермена. Источник использовался как водопой для выпасаемого здесь скота [Веймарн 1935: 58].

Сейчас балка заросла лесом. Никакая хозяйственная деятельность здесь давно не ведётся. Но всё ещё видны следы выравнивания грунта на дне балки и прорубленные в скале террасы под старую дорогу на Терновку. Возможно, новые археологические исследования находящихся здесь объектов с применением современных методик позволит в будущем уточнить датировку керамического водопровода и время возникновения обустроенной дороги в верховьях Бильдерана.

Библиография

АЙБАБИН А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX.

ВЕЙМАРН Е. В. Отчёт о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931-1933 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117.

ДУБРОВИН Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I-III. Спб. 1900.

Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь – декабрь 1854 года / сост. А. В. Ефимов. Симферополь, 2010.

РАВДОНИКАС В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т.12. Вып. 1-8.

РЕПНИКОВ Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма / Архив ЛОИА. Ф. 10. Д. 10 (копия рукописи) 1939-1940.

РЕПНИКОВ Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. 1932a. Т. 12. Вып. 1-8.

РЕПНИКОВ Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок // ИГАИМК. 1932b. Т. 12. Вып. 1-8.

РЕПНИКОВ Н. И., ШМИТ Ф. И. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма // Сообщения ГАИМК. 1932. № 9-10.

ТОТЛЕБЕН Э. И. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1-2. СПб., 1863-1872.

Кашовская Н.В.
Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург

«ЕВРЕЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА КРЫМА И ДАГЕСТАНА: АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ»

Kashovskaya N. V.
"JEWISH EPIGRAPHY OF CRIMEA AND DAGESTAN: ARTIFACTS OF CULTURAL RELATIONS»

Со второй половины XIX в. в ученой еврейской среде прибрежный древний город Дербент и горное дагестанское селение Маджалис приобрели широкую известность в связи с находкой А.С. Фирковичем древнейших манускриптов Торы. По приданиям, т.е. задолго до этого события, со времен средневековья Прикаспий, горы Кавказа приобрели для еврейской диаспоры значение, как одного из самых значительных мест расселения [Рашковский 2015: 51-61]. В фундаментальном труде А.С. Фирковича «Сэфер авней зиккарон» («Книга памятных камней») эти, две, дагестанские древние рукописи, более известные как «Маджалисский документ» и «Дербентский свиток», были парадоксально соединены в увлекательнейшую историю открытия древнейших крымских надгробий [Федорчук 2006: 76; Вихнович 2012: 131-133; Кашовская 2015: 199-200; Кашовская 2017: 239-277; Кашовская. 2018: 219-221, 229-232]. Пространные приписки на полях манускриптов рассказывали подробно о переселении, именно, предков караимов из библейской Самарии в Крым через Кавказ.

Все же, одни из самых ранних сведений о горских евреях на Восточном Кавказе имеются в так называемом «Кембриджском Анониме» (или «Список Шехтера»), датируемом X в., который с комментариями был опубликован Норманом Голбом и Емельяном Прицаком [Голб, Прицак 2006: 46, 129, 132, 134].

Даже сейчас, спустя 180 лет, любой исследователь, который, так или иначе, но коснулся истории происхождения иудейских общин Кавказа, Крыма, их контактов, вынужден признать скудность письменных источников. В такой источниковедческой реальности важны любые свидетельства, т.к. их почти не сохранилось, а те исторические рассказы и путевые заметки путешественников, документальные сообщения, существуют, большей частью, как вкрапления и до сих пор не собраны.

В свое время грузинский ученый-семитолог Нисан Бабаликашвили отмечал на кладбище Чуфут-Кале надгробные памятники [Бабаликашвили 1986: 5-12], которые выполнены были по подобию склепов из Мцхеты. Он предпринимал не одно путешествие в Крым на старые кладбища Солхата (Старый Крым), Чуфут-Кале. Стараясь понять или объяснить эти параллели, Бабаликашвили искал их в языке и стилистических формулах эпитафий для разного исторического времени – XI-XIX вв. [Бабаликашвили 1986: 5-6]. Действительно, надгробные тексты XIX в. с кладбищ горного грузинского селения Лайлаши и крепости Чуфут-Кале по набору имен, вступительным и заключительным формулам, евлогиям обнаруживают некоторое сходство. Эпитафийную и архитектурно-типологическую аналогии можно объяснить только наличием контактов. О контактах грузинских и крымских иудейских общин свидетельствует принятое в 1853 году Императорским Сенатом Положение, согласно которому с одной стороны караимам Крыма «дозволено» переезжать на восточный берег Черного моря, а еврейским-раввинистическим общинам – ограничено [Сборник старинных грамот и узаконе-

ний…1890: С. 163]. Само появление этого Положения говорит об инициативности со стороны караимов и о непрерывающихся связях общин двух исторических регионов. Караимы в Грузии стали известны с XIII в., причем, оседали они в западно-грузинских землях [Лернер 2008: 155-156]. Переселение караимов в Крым в XIII веке происходило, в том числе, с кавказских берегов.

В течение ряда лет был накоплен огромный эпиграфический материал с еврейских надгробных памятников Тамани, Кавказа (Грузия, Азербайджан, Дагестан) и Крыма, который демонстрирует не только социальную общность еврейских диаспор, но и единую культурно-религиозную традицию.

Надгробный памятник – это изображения и тексты. Эпитафии, когда их содержание не регламентировалось требованиями религии, нагружались определенным и глубоким смыслом. Практикой вырабатывался такой стиль поминального стиха, который был способен через художественные, но символические образы, усилить выражение скорби и почтения. В эпитафию включались ламентации, элегические формулы и евлогии, которые должны были способствовать упокоению души умершего на небесах и присоединению его к совокупности душ еврейского народа. Общими в текстах в этой широкой географии еврейского мира стали эвфемизмы, особенно такому слову как «умер»: его замещают оборотом «присоединился /к своему народу/», или «ушел в вечность». Непременным атрибутом эпитафии стало благопожелание «Да будет его/ее душа завязана в узле жизни /вместе с душами праотцов и праведников/» [Хвольсон 1884: 230]. Еврейская эпитафия ставит умершего в контекст всей еврейской истории, сравнивает и сопоставляет его с библейскими героями и патриархами.

Общины не были разобщены, традицию не разрывали ни моря, ни горные отроги; замкнутая жизнь поселений только консервировала общую традицию. В эпитафиях наблюдаются как разнообразные, так и общие начальные формулы, и употребление различных способов счисления по еврейскому традиционному календарю: ליצירה – от Сотворения мира, – לבע– считать по Большому кругу от Сотворения мира, – לפ"ק – по Малому счислению.

Зафиксированные стилистические, языковые параллели говорят о сохранении единой языковой письменной традиции (ивритской), которая сохраняла себя вплоть до конца XX века. Стилистические обороты эпитафий, как и подбор евлогий, становятся, особенностями еврейской эпитафии, ими определяется ее содержание и структура и, именно, они сближают еврейские общины Дагестана с остальными регионами диаспоры.

К сожалению, отмечаем, что исследование эпиграфического наследия становятся всё более затруднительными вследствие разрушающихся памятников, кладбищ. Но оно не исчерпано, в сочетании с другими нарративами.

В докладе будет рассмотрен еще вопрос о проблемном происхождении «керченско-таманских» эпитафий на могильнике Табана-Дере крепости Мангуп, завязанных на открытиях А.С. Фирковича. Время Фирковича в Дагестане и, конкретно, в Маджалисе фиксируют надмогильные памятники семей раввина Хануки бен Хаима и его сына Рафаэля бен Ханука, тех, кто встречал его приезд в селение.

К 40-м годов XIX в. контакты между областями Восточного Кавказа и Европейской России становятся уже постоянными. Заметно возросло число путешественников, посетивших Восточный Кавказ. По мере окончания Кавказской войны и расширения экономических связей России с Кавказом в этот регион стало прибывать все больше русских евреев. В еврейских газетах стали публиковаться статьи этих «корреспондентов с мест». В этих уже совершенно иных, по акценту, сообщениях путешественников о Восточном Кавказе того времени, упоминаются евреи далекого Дагестана, в контексте присоединения этого края к России и что

только, под влиянием евреев-ашкеназов они стали изучать Талмуд: Кавказская война познакомила евреев двух диаспор много ближе.

Внимательное изучение эпитафий этих важных некрополей дополняют, в иных случаях, восстанавливают историческую картину жизни общин горских евреев Дагестана, но представленные исторические свидетельства «по истории и географии хазар» из колофонов свитков и связь их с надгробными надписями из Чуфут-Кале и Мангупа по-прежнему остаются дискуссионными.

Библиография

Библия. Кн. Самуила1 25:29

БАБАЛИКАШВИЛИ Н. О нескольких еврейскоязычных караимских эпиграфических памятниках на Чуфут-Кале. //Семитологические штудии. Тбилиси, III. 1986. С.5-12

ВИХНОВИЧ В.Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб. 2012. 365 с.

ГОЛБ Н., ПРИЦАК Е. Хазарско-еврейские документы X в. Москва-Иерусалим, 1997. 240 с.

КАШОВСКАЯ Н.В. Эпиграфическая экскурсия в горное селение Лайлаши //Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 г.). М., 2014. С.84-87

КАШОВСКАЯ Н.В. Иудеи в историческом пространстве Дербента и его округи. По данным личных исследований //Дербент – город трех религий. Махачкала. 2015. С.198-204

КАШОВСКАЯ Н.В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики. XXII. Симферополь, 2017. С. 239-277

КАШОВСКАЯ Н.В. Исследователь А.С. Фиркович и его трансформация взглядов на караимскую историю // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX-первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб. 2018. С. 213-233

ЛЕРНЕР К. Евреи Грузии. От эллинизма до позднего феодализма. Иерусалим. 2008.

РАШКОВСКИЙ Б.Е. Дербент (Баб-ал-Абваб) в средневековой еврейской литературе //Дербент – город трех религий. Дербент. 2015. С. 51-61

Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов // Сост. З.А. Фиркович. СПб, 1890.

ФЕДОРЧУК А.М. Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция. М., 2006. С 77-87.

ХВОЛЬСОН Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте. СПб., типография императорской АН. 1884. 527 с.

Конкин Д.В.
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

НОВАЯ ВЛАСТЬ И ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВАКУФЫ В КРЫМУ ПОСЛЕ 1783 Г.[23]

Konkin D. V.

NEW POWER AND TRADITIONAL INSTITUTIONS: WAQFS IN CRIMEA AFTER 1783

Вакуф – особый вид мусульманской благотворительности, до настоящего времени распространенный в странах, где ислам является государственной религией. В Крыму в период ханства вакуфы стали неотъемлемой частью культурного и религиозного ландшафта, сформированного, прежде всего, с учетом исламских традиций. В опубликованных документах, описаниях неоднократно встречаются упоминания о различного рода вакуфных имуществах, судебных решениях, в которых фигурирует данный институт [см., например: Рустемов 2017: 69, 70, 98, 110, 111 и т.д.; Биярсланов 1889: 41; Лашков 1894: 77, 101, 115; Эвлия 2008: 107, 164, 195 и др.]. В то же время все подобные сведения имеют отрывочный характер. Описи и реестры вакуфных имуществ ханского времени отсутствуют, поэтому введение в научный оборот новых вакуфных документов является актуальной задачей в изучении истории Крыма, в особенности, если сравнить их с объемом посвященных вакуфам опубликованных источников в Турции.

В связи с ограниченным объемом доступных данных общее количество учрежденных в Крымском ханстве вакуфов неизвестно. В литературе встречаются самые разные и весьма приблизительные оценки: «большинство земель Крымского полуострова» [Частно-вакуфное владение…1892: 15], «не менее 300 тысяч десятин» [Воскресенский 1904: 41], 30 % плодородных земель на полуострове [Fisher 1978: 77-78], 460 000 гектаров [Wiilliams 2016: 16]. Но неизменно исследователи отмечали большое значение, которое вакуфы играли в жизни крымского общества.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. имперская власть обязалась «охранять и защищать» новых подданных, их «имущество, храмы и природную веру» [ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15708: 898]. Относилась данная декларация и к вакуфам. Известно, что с самого начала российская администрация предпринимала публичные демонстрации своей лояльности к местному мусульманскому населению [см. Ибнеева 2009: 321-32; Трепавлов 2018: 129, 169-171; Бессарабова 2012: 158]. К числу подобных «ритуальных» действий можно отнести и пожертвование императрицей Екатериной II во время своего путешествия в Крым денежных средств в размере 583 руб. 83 коп. в пользу вакуфов нескольких мусульманских учреждений г. Бахчисарая: Хан Джами, Кебир Джами и Зинджерли медресе [ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 147: 126-127, 149]. Отдельно было предусмотрено 102 руб. для мутевелли.

[23] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время»)

Но при внешнем блеске и толерантности в имперской конфессиональной политике Екатерины II присутствовало и внутреннее противоречие. Проблема состояла в отсутствии квалифицированных знаний об исламе, дефиците профессиональных экспертов, способных, в частности, качественно коммуницировать с мусульманским духовенством и адекватно оценивать местные традиции, а затем и предлагать власти варианты адаптации исламских законов и институтов к условиям внутрироссийской правовой, культурной, конфессиональной действительности. Научное профессиональное востоковедение только начинало формироваться в России [см. Тольц 2013: 13-14], поэтому порой для бюрократического описания и юридической фиксации крымской исламской повседневности имперские законодатели стали применять лекала привычной и понятной для российских чиновников православной церковной организации. Например, в ключевом для крымского землевладения указе от 9 ноября 1794 г., который предоставлял старожильческому населению право владения земельными участками, отдельно объяснялась новая специфика прав собственности мусульманского духовенства. К данной категории были отнесены женатые и холостые «Эфендии и Муллы», вместе с назначенными еще «Ханом из духовенства Кадыями, то есть Судьями» и их дети «Челебии», все они не имели дворянского достоинства, но владели «по их прежнему праву» землями, деревнями, садами и прочими угодьями. Владельческие права этой социальной группы российским законодателем были объяснены с помощью знакомых и понятных указов, регламентировавших особенности землевладения православного духовенства. В результате статьи Соборного Уложения 1649 г., ограничивавшие вотчинные права патриарха, православных митрополитов, епископов и монастырей, спустя почти 150 лет стали прецедентом для нового закона, касавшегося мусульманского духовенства в Крыму, при том, что особенности землевладения, обрядовая традиция, специфика организации духовной иерархии обеих конфессий радикально отличались [ПСЗРИ-1. Т. 23. № 17265: 585-586].

Стремление объяснить непонятное привычными символами и терминами коснулась и вакуфов, которые изначально стали восприниматься российской администрацией как «мечетская собственность». Позднее данная оценка была уже официально закреплена указом Николая I, где духовные вакуфы были объявлены «неприкосновенной собственностью» мусульманского духовенства [ПСЗРИ-2. Т. 4. № 2761. П.п. I.1.], частные вакуфы согласно тому же указу по пресечению рода владельца должны были поступать в казну [ПСЗРИ-2. Т. 4. № 2761. П.п. I.1]. Оба пункта не соответствовали исламским правилам в отношении данного благотворительного института [см.: Маргинани 2010; Ван ден Берг 2005: 121-123; Беккин 2008: 105-107], но зато были понятны российскому законодателю. Позднее николаевский указ без изъятий был включен в универсальный Свод законов Российской империи 1857 года и практически без изменений продолжал оставаться действующим законом вплоть до распада Российской империи. Нужно заметить, что с похожими затруднениями в квалифицированном юридическом описании норм шариата и адата российская бюрократия сталкивалась и на Кавказе [Бобровников 2002: 147-154], и в Центральной Азии [Сартори, Шаблей 2017].

В российский период истории Крыма вакуфные имущества были впервые документально зафиксированы в рамках единого реестра. Правда из архивных документов известно, что изначально существовала некая опись от 1785 г., составленная таврическим муфтием Мусалар эфенди, также упоминается вакуфная опись 1811 г. муфтия Сеит Муртазы эфенди [ГАРК. Ф. 315. Д. 198: 1]. Но исходя из отзыва еще одного крымского муфтия Сеит Джемиль эфенди все это было ни что иное, как выписки о вакуфах из кадиаскерских книг [ПСЗРИ-2. Т. 10-2. № 8435: 990].

Первые же подробные описи вакуфных земель были составлены в 1821 г. губернским казенных дел стряпчим Криницким по инициативе таврического губернатора А.Н. Баранова, но касались они только частных вакуфов [Частно-вакуфное владение...1892: 17]. Затем попытки учета вакуфных имуществ проводились неоднократно. Окончательные же данные были собраны учрежденной в 1885 г. в Симферополе «Особой Комиссией о вакуфах» и опубликованы отдельными изданиями. Согласно собранным данным в 1893 г. в Крыму оставалось 87 909 дес. 139 5/12 саж. духовновакуфных земель [Ведомость…1893: 294]

Таким образом, несмотря на искаженную фиксацию понятия вакуф в российском законодательстве и значительно сократившееся количество вакуфного имущества после 1783 г., нужно отметить, что благодаря действиям российских властей данный институт был сохранен в Крыму, и продолжал выполнять свои духовные и благотворительные функции. Вакуфы в имперский период оставались важным условием материального благополучия таврического мусульманского духовенства, гарантией сохранения конфессиональных учебных заведений, инструментом поддержки обезземеленного крымскотатарского крестьянства.

Библиография

БЕККИН Р.И. Институт вакфа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 3. С. 105-114.

БЕССАРАБОВА Н.В. Взаимоотношения Екатерины Великой с подданными во время путешествия в Крым // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М., 2012. С. 196-225.

БИЯРСЛАНОВ М. Выписи из кадиарскаго сакка (книги) 1017-1022 хиджры (1608/9-1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского правления // ИТУАК. Симферополь, 1889. № 8. С. 41-51.

БОБРОВНИКОВ В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

ВАН ДЕН БЕРГ Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [пер. с гол.]. М., 2005.

Ведомость духовным вакуфам в Крыму, составленная Высочайше учрежденною Особою Комиссиею о вакуфах в 1893 году. Симферополь, 1893.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. Симферополь, 1904. №7-8 (апрель). – С. 24-49.

ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 147, 198.

ИБНЕЕВА Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.

ЛАШКОВ Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. (продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1894. № 24. С. 72-137.

МАРГИНАНИ Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. Ч. 1. Т. I-II. Кн. XV. О вакфах М., 2010. 808 с. URL: https://web.archive.org/web/20150316100420/http://constitutions.ru/?p=9286

[ПСЗРИ-1]. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.

[ПСЗРИ-2]. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1830-1881.

РУСТЕМОВ О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь, 2017.

САРТОРИ П., ШАБЛЕЙ П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Кавказской степи // Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей. М., 2017. С. 296-338.

ТОЛЬЦ В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.

ТРЕПАВЛОВ В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018.

Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь, 2008.

FISHER A. The Crimean Tatars. Stanford, Calif., 1978.

WIILLIAMS B.G. The Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putins Conquest. New York, 2016.

Краснодубец Е.М.
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
Анкушева П.С.
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск
Институт минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, г. Миасс
Блинов И.А.
Институт минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, г. Миасс

ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТИЛЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Krasnodubets E. M.
Ankusheva P. S.
Blinov I. A.

FRAGMENTS OF HELLENISTIC TEXTILES FROM THE NECROPOLIS OF TAURIC CHERSONESOS

Археологический текстиль и пряжа в Херсонесе, как и во всем регионе Северного Причерноморья, довольно редко сохраняется ввиду губительного воздействия климатических факторов и геологических особенностей грунта. Почти также плоха сохранность тканых изделий из Эгейского региона. В последние годы немногочисленность изучаемого материала побудила исследователей античного текстиля обратить свое внимание не только на сами ткани, но также и на их минерализованные следы, часто образующиеся в результате контакта с металлическими изделиями [Busana, Gleba 2018: 333], либо костями. Это направление исследований позволяет расширить наши знания о технологии древнего ткачества.

Всего в Северном Причерноморье известно около десятка фрагментов греческого текстиля: в коллекции Государственного Эрмитажа хранится около семи фрагментов тканей V–I вв. до н.э., найденных на Боспоре [Букина 2008: 33]; три фрагмента, относящихся к IV в. до н.э. происходят из курганного могильника Ак-Кая24 [Крупа 2000: 113, 116, 117, 120].

Из погребений херсонесского некрополя римского времени, исследованных в 1908 г. Р.Х. Лепером, происходят несколько образцов шелковой ткани [Крупа 2000: 113, 114, 116, 118]. Несколько депаспортизированных фрагментов текстиля римского и средневекового времени и три клубка ниток из растительных волокон римского времени, закрепленных в процессе горения, обнаружены в ходе раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Фрагменты же эллинистического текстиля до сих пор зафиксированы лишь в двух случаях. Среди исследованных при охранных раскопках А.Н. Щеглова и Л.Г. Колесниковой в 1963 году погребений некрополя у Песочной бухты в двух урнах с кремациями конца IV – первой половины III в. до н.э. (№ 1 и 10) сохранились фрагменты кальцинированных костей с отпечатками и остатками ткани25 [Стоянов 2004: 227; 2020: 936, рис. 5.2; Щеглов 1975: 111, 115, рис. 3.1].

[24] Образцы комбинированной S-Z крутки из растительных волокон, природа которых, к сожалению, осталась не определена [Крупа 2000: 113, 116, 117, 120].
[25] Там же описаны фрагменты кожаной обуви [Щеглов 1975: 115], которые не были сохранены.

Кремация проводилась прямо на месте: автор раскопок отмечал большое количество пепла и угольков в грунте засыпи [Щеглов 1975: 111, 115], а относительно хорошая сохранность и темный цвет костных останков позволяет судить о низких температурах горения. Исследуемые фрагменты тканей служили для заворачивания праха (и, возможно, перегоревших вещей) перед его помещением в урну. Аналогичный способ погребения по обряду кремации проиллюстрирован в описании похорон Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера (Илиада 23, 252–254; 24, 795–796) [Kolonas 2017: 536, 537]; археологически он фиксируется повсеместно в античных некрополях от субмикенского периода [Kolonas 2017: 533, 534] вплоть до кремаций из римских некрополей Аквилеи, Помпей и др. [Busana, Gleba 2018: 345; Gleba 2017:19].

Нахождение в щелочной среде в непосредственном контакте с костными остатками при ограниченном доступе воздуха обеспечило кальцинирование нитей и в таком виде они сохранились до сегодняшнего дня.

Описание текстильных образцов[26]:

Урна 1.

Фрагмент текстиля (рис. 1.1–6), сохранившийся в контакте с кальцинированной костью человека. Размер фрагмента 11 х 6 мм. Нити системы 1 толщиной 0,4-0,5 мм слабой Z-крутки, плотность 12 н/см. Нити системы 2 аналогичной толщины и крутки, структура не читается. Можно предположить тканую структуру текстиля полотняного переплетения.

Урна 10.

В выборке представлены 4 фрагмента текстиля (рис. 1–2), сохранившиеся в контакте с кальцинированной костью человека[27]. Размеры каждого из фрагментов не превышают 15 мм. Текстиль на всех фрагментах имеет одинаковые характеристики: сбалансированное полотняное переплетение, расчетная плотность 18 х 16 н/см. Нити основы и утка одинаковых характеристик: толщина 0,3–0,4 мм со средней Z-круткой.

Исследование волокон с помощью электронной микроскопии (рис. 2.9–12) позволило установить, что нити из обоих погребений состоят из сильно минерализованных волокон, которые представлены прямыми микротрубками диаметром от 5 до 20 μm с гладкой поверхностью, тонкими стенками и пустым центральным каналом (рис. 2.10–11), некоторые из них составляют пучки (рис. 2.12). На одном из участков образца из урны 10 на волокнах зафиксированы поперечные коленообразные утолщения (сдвиги) (рис. 2.11), которые позволяют предположить лубяную природу волокна (лен).

Органическое вещество замещено силикатом Ca, Al с примесью Mg и Na. Состав минерального вещества, замещающего нити, идентичен веществу, слагающему подложку. Замещение растительного (древесного) материала происходило скорее всего при высоких температурах в восстановительных условиях. Так, в защитной атмосфере угарного газа при температуре 1600°C при прокаливании кварцевого песка и древесного угля происходит замещение клеточных структур древесины карбидом кремния. При таком замещении клеточная структура очень хорошо сохраняется [Лебедев и др. 2020: 22–29].

[26] Исследование выполнено в Институте минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН (г. Миасс). Анализ основных технологических характеристик нити выполнен при помощи оптической микроскопии (бинокулярный микроскоп STEMI 2000 CZ). Исследование элементарных волокон на сканирующем электронном микроскопе Tescan Vega 3 SBU с ЭДА Oxford Instruments. Аналитик И.А. Блинов.

[27] По морфологическому анализу определяются как черепные кости человека, половозрастная идентификация невозможна ввиду фрагментарности и недостаточного количества фрагментов. За консультацию благодарим сотрудников ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Данилову С.А. и Якимовскую А.Д.

В контексте мировой истории текстиля льняные ткани предшествуют шерстяным. Самые ранние фрагменты льна на Ближнем Востоке датируются VII тыс. до н. э., в Египте обнаружены льняные ткани и семена льна V тыс. до н. э. [Burke, Chapin 2015: 20]. Лен обыкновенный (или лён посевной (linum usitatissimum) [Nosh 2014: 17], несмотря на трудоемкость процесса выращивания и обработки волокна (Pliny, Nat. 19.1–3), широко распространился в Юго-Западной Азии, на Кавказе и в Средиземноморье, в том числе, в некоторых регионах Греции.

Ранее считалось, что греки научились у финикийцев изготавливать льняные ткани примерно в начале I тысячелетия до н.э. [Gleba 2018:15; Букина 2008: 29]. Однако исследования археологического текстиля последнего времени позволяют говорить о том, что культивирование льна (Linum usitatissimum) в Эгейском регионе известно по меньшей мере с последней четверти II тысячелетия до н.э. [Kolonas 2017: 538, 539]. А в классический период выращивание льна уже становится неотъемлемой частью хозяйственной отрасли всего региона. Фрагменты льняного текстиля в погребениях греческих некрополей встречаются даже чаще, чем шерстяные (в первую очередь, из-за лучшей сохранности в почвах). Таким образом, распространенность подобных тканей позволяет исключить их из числа редких [Kolonas 2017: 535; Nosh 2014: 21]. Кикладский остров Аморгос, по всей видимости, даже дал топонимное название сорту производимой там льняной ткани (Аристофан. Лисистрат 735–738) [Nosh 2014: 24–26, 38].

На Боспоре льняные ткани зафиксированы для первых вв. н.э. [Герцигер 1973: 87, 97, кат. 33], однако природа их происхождения остается неясной: были ли они привозными или местными? Отсутствие письменных данных о культивации льна в Северном Причерноморье в античное время подкрепляется выводами современных растениеводов о том, что местные дикорастущие эндемические виды (лен Палласов (Linum pallasianum), лен крымский (Linum tauricum) и др.) не пригодны для производства текстиля.

В Херсонес раннеэллинистического времени льняная ткань, вероятнее всего, была импортирована, что должно было определить ее более высокую стоимость, нежели домашней шерсти местного изготовления, которой отдавалось предпочтение в силу достаточного наличия сырья [Герцигер 1973: 87]. Некоторые современные ученые предполагают, что лен в основном был импортирован из Египта, причем основой этого импорта были не ткани для одежд, а канаты и парусина [Nosh 2014: 22]. В то же время, анализы текстильных волокон показывают, что нити египетского и ближневосточного льна, за редким исключением, имеют S-крутку. [Орфинская, Толмачева: 78; Busana, Gleba 2018: 340, 341; Gleba 2017:22, 24; Shamir, Miszk 2016: 128]. Тогда как нити льняных тканей из Греции и Италии имеют Z-крутку [Kolonas 2017: 534]. Эти отличия, вероятно, напрямую связаны с разными способами прядения. Однако само по себе направление скручивания нити не может рассматриваться как убедительное доказательство импорта [Busana, Gleba 2018: 340, 341]. Возможно, лен завозился в форме сырья и прялся на месте, либо готовые полотна могли быть привезены не только из Египта, но также из Греции, либо Колхиды (Strabo XI. 2, 18).

Наши суждения о домашнем текстильном производстве в Херсонесе эллинистического времени в основном опираются на анализ находок многочисленных грузил для вертикального ткацкого станка, пряслиц, веретен и некоторых других инструментов для прядения и ткачества: эпинетронов, челноков. Эти данные позволяют нам лишь примерно оценить толщину нити и плотность плетения – в зависимости от диаметра веретена и веса грузил. Исходя из ориентации древнего животноводства в регионе на овцеводство, широко распространено предположение о преобладании производства шерстяных тканей [Герцигер 1973: 87]. При этом ввиду исключительной малочисленности находок древнего текстиля большая часть ин-

формации о тканях остается недоступной. Это касается в первую очередь сведений о характеристиках плетения и орнаментации, способах окраски, сырьевых источниках волокон растительного происхождения, необходимых в первую очередь для веревок, канатов, мешков и парусов. Определенно, рассмотренных образцов из некрополя Херсонеса недостаточно для уверенных заключений в вопросе о происхождении льняных тканей в Крыму. Тем не менее, крайне важен сам факт использования льняных тканей, зафиксированный в Северном Причерноморье доримского времени пока только в Херсонесе.

Библиография

БУКИНА А.Г. Сиреневые овцы или Слово о тканях античной Греции // Мода в контексте культуры. Сб. ст. третьей научно-практической конференции. Труды СП6ГУКИ. СПб, 2008. Т. 177, Вып. 3. С. 28–34.

ГЕРЦИГЕР. Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 71–100.

ЛЕБЕВ А.С., СУЗДАЛЬЦЕВ А.В., АНФИЛОГОВ В.Н., ФАРЛЕНКОВ А.С., ПОРОТНИКОВА Н.М., ВОВКОТРУБ Э.Г., АКАШЕВ Л.А. Карботермический синтез, свойства и структура ультрадисперсного волокнистого SiC // Неорганические материалы. М., 2020. Т. 56, № 1. С. 22–29.

КРУПА Т.Н. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.э. – IV ст. н.э. (за матеріалами Криму) // Археологія. К., 2000. № 3. С. 112–122.

СТЯНОВ Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V–I вв. до н.э.: дис. … канд. ист. наук. СПб, 2004. 315 с., илл.

СТОЯНОВ Р.В. Расписная и чернолаковая керамика из эллинистического некрополя Херсонеса Таврического (по материалам раскопок 1963 г.) // ВДИ. М., 2020. Т. 80, № 4. С. 929–942.

ОРФИНСКАЯ О.Ф., ТОЛМАЧЕВА Е. Г. Предварительные результаты исследования текстильного материала из фиванской гробницы Чаи (тт 23): к вопросу о выработке методики изучения древнеегипетского археологического текстиля // Египет и сопредельные страны. 2016. Вып. 4. С. 64–110.

ЩЕГЛОВ А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. М., 1975. Вып. 143. С. 109–116.

BURKE B., CHAPIN A. P., Bronze Age Aegean cloth production: a cottage industry no more // Woven threads: patterned textiles of the Aegean Bronze Age. Oxford, Philadelphia, 2015. P. 17–42.

BUSANA M. S., GLEBA M. Textile production and consumption in Roman Venetia (Italy): preliminary results of the study of mineralised fibres and textiles // Textiles and dyes in the Mediterranean Economy and Society. Altino, 2018. P. 333–349, pl.

GLEBA M. Textiles in pre-Roman Italy: from a qualitative to a quantitative approach // Origini. Roma, 2017. Vol. XL. P. 9–28.

GLEBA M. Textile cultures in Europe 1200–500 BC: a view from Greece // Arachne. 2018. Vol. 5. P. 14–23.

KOLONAS L., SARRI K., MARGARITI C., VANDEN BERGHE I., SKALS I., NOSCH M.-L. Heirs from the Loom? Funerary textiles from Stamna (Aitolia, Greece). A preliminary analysis // Aegaeum. Hesperos. The Aegean seen from The West. Vol. 41. Liège, 2017. P. 533–542, ill.

NOSH M.-L. Linen Textiles and Flax in Classical Greece: Provenance and Trade // Textile Trade and Distribution in Antiquity. Wiesbaden, 2014. P. 17–42.

SHAMIR O., MISZK Ł. Textile fragment from a well in The Nea Paphos Agora. A preliminary report // Studies in Ancient art and civilization. Krakow, 2016. Vol. 20. P. 125–130, pl.

Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Урна 1: 1–2 Макрофотографии фрагмента (ширина кадра 10 мм (1) и 5 мм (2)); 3–6 – Структура волокон текстиля при различных увеличениях; Урна 10: 7–10 Макрофотографии фрагмента 1 (ширина кадра 10 мм (2, 3), 6.5 мм (4)).

Рис. 2. Урна 10: 1–4 Макрофотографии фрагмента 3 (ширина кадра 10 мм (2), 3 мм (3, 4)); 5–8 Макрофотографии фрагмента 4 (ширина кадра 10 мм (1), 6,5 мм (2), 3 мм (3, 4)); 9–12 Минерализованные волокна нитей текстильного образца под различными увеличениями.

Сокращения

ВДИ – Вестник древней истории

КСИА – Краткие сообщения ордена Трудового знамени института археологии АН СССР

Кузенков П.В.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

ЗАЧЕМ ГОСУДАРСТВУ УЧЁНЫЕ? ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКО-АРАБСКИХ ОТНОШЕНИЙ IX–X ВВ.

Kuzenkov P. V.

WHY DOES THE STATE NEED SCHOLARS? FROM THE HISTORY OF BYZANTINE-ARAB RELATIONS, 9TH–10TH C.

Вопрос о том, нужны ли науки и учёные мужи для государства и общества, казалось бы, давно стал риторическим. Со времён древних цивилизаций развитие как практических, так и теоретических научных знаний является важнейшей предпосылкой для культурного и политического развития. Однако время от времени даже в самых высокоразвитых обществах, обладающих древними культурными традициями, возникает потребность в артикулированном выражении доказательств пользы от научной деятельности — занятии достаточно элитарном и ресурсоёмком.

Античная Греция по праву считается родиной профессиональной науки в современном смысле этого слова. Эту репутацию «премудрого народа» греки унаследовали и в арабской традиции. Так, Сумама ибн Ашрас (ум. 828), один из лидеров багдадских мутазилитов, отмечал «образованность басрийцев, мудрость греков и ремёсла китайцев» [Джахиз 1993: 86]. Амр ибн аль-Джахиз (776–868), излагая теорию о богозаданных «природных свойствах» народов, посвятил грекам следующий пассаж: «Каждый народ … преуспевающий [в том или ином деле], не достиг бы такого совершенства и предела, если бы его не побуждал к этому Аллах Всевышний и не ограничил теми качествами, которые соответствовали бы [его] занятиям и отвечали бы их значению: ибо у кого различные устремления … и кто не имеет для этого ничего и не подготовлен к этому изначально, тот не сможет преуспеть и достигнуть вершин совершенства, как это удалось китайцам в ремеслах, грекам в мудрости (хукм) и литературе (адаб), арабам в [поэзии и сноровке], Сасанидам в государственном устройстве или тюркам в военном деле. Разве ты не видишь, что греки, которые искали во всём причинные связи, сами не были ни купцами, ни ремесленниками, ни землепашцами, ни земледельцами, ни строителями, ни садоводами; они не отличались ни непреклонностью, ни накопительством, ни бережливостью, ни работоспособностью. Их правители предоставляли им свободное время и необходимые средства для жизни, и они, когда принимались за свои исследования, были сосредоточены, преисполнены сил и не отягощены ненужными мыслями. Так они создали различные механизмы, орудия и музыкальные инструменты, которые дают полное отдохновение и покой после тяжёлого труда и радость, снимающую бремя забот. Они создали такие полезные и нужные вещи, как архимедовы весы, безмены, астролябии, часовые механизмы, малку, медиатор, циркуль, а также различные виды флейт и арф. Им принадлежит честь создания таких наук, как медицина, арифметика, инженерное дело и музыкальная композиция, изобретение таких военных машин, как камнемёт (манджаник = μαγγανικόν), баллиста (аррада), паук (рутайл), черепаха (даббаба), нефтемёт (алат ан-наффат) и ещё много, что долго было бы перечислять. Они были преисполнены мудрости, но не деятельности, делали чертёж приспособления, создавали первые его образцы, но сами хорошо пользоваться ими не могли; они указывали, но сами за них не брались; они питали страсть к науке, но отвращение

к работе. Что же касается китайцев, то они знают толк в литье, ювелирном деле, отливке, плавке, чудесных красках, не имеют себе равных в искусстве вытачивания, камнетёсном деле, изобразительном искусстве, ткацком ремесле, каллиграфии — словом, имеют высокую культуру прикладного искусства во всём, за что бы они ни брались, независимо от тонкостей ремесла, разнообразия изделий и различной их ценности. Если греки, зная во всём причинные связи, не приступают к делу, то китайцы, не зная первопричины, берутся за работу, потому что первые — мудрецы, а вторые — искусные исполнители» [Джахиз 1993: 91 - 92].

В отличие от западных народов и славян, восточные авторы обычно разделяли древних греков (йунани) и византийцев (руми). И любопытно, что среди свойств последних у авторов IX в. мудрость не значилась. Например, Ибн аль-Факих аль-Хамадани (около 900 г.) приводит такое описание сирийцев: «Они поселились в местопребывании румов и восприняли их мягкость, их искусство и их мужество» [Куббель, Матвеев 1960: 84]. А у Табари в «Истории пророков и царей» (912 г.) цитируется хадис Мухаммада о нравах народов, где арабы и византийцы характеризуются так: «Была разделена зависть на десять частей и девять пришлось на долю арабов, а одна часть на остальные народы. Было разделено высокомерие на десять частей, и девять пришлось на долю румов, а одна часть на остальные народы» [Куббель, Матвеев 1960: 101].

Гордость византийцев была общеизвестна. Она основывалась прежде всего на осознании их преемства величайшему государству античного мира — Римской империи. Даже тёмные века, приведшие к резкому сокращению территории Византии, не поколебали уверенность ромеев в том, что они и только они суть подлинные римляне. Но в IX веке одного политического величия (да и то былого) явно не хватало для выстраивания отношений с огромным и богатым Халифатом, бывшем на пике своего расцвета. И здесь на первый план неожиданно выступили учёные.

Анонимный византийский историк X в. приводит любопытный рассказ из времён императора Феофила (829–840) и халифа аль-Мамуна (813–833). Один юноша попал в плен к арабам и стал рабом. Однажды его хозяин завёл разговор о том, что повелитель правоверных глубоко интересуется науками, и юноша заявил, что хотел бы посмотреть, что именно он изучает. Мамун узнал об этих словах и пригласил молодого человека во дворец. Выяснилось, что юный раб владеет геометрией глубже, чем лучшие придворные мудрецы. При этом скромный юноша заявил, что он всего лишь ученик, и притом далеко не лучший. Учитель же его, философ Лев, ведёт скромную и незаметную жизнь. Щедро одарив раба, Мамун отпустил его на родину с письмом к учителю, которого пригласил в Багдад, суля щедрые дары и славу. Опасаясь прослыть иностранным агентом, Лев немедленно доложил о письме халифа компетентным органам в лице логофета дрома Феоктиста. Императора, узнав, что в его государстве живёт всемирно признанный учёный, немедленно приблизил его и предоставил возможность преподавать публично, выделив для этого здания одного из столичных храмов.

Между тем Лев Философ ответил халифу на вопросы по геометрии, астрономии и другим наукам, добавил «ради эффекта» (так в источнике) и некоторые предсказания. Горячо желая видеть мудреца, Мамун направил к Феофилу послов с письмом: «Хотел я сам прибыть к тебе, исполняя долг близкого друга. Но, поскольку данная мне от Бога власть и находящийся у меня в подчинении весьма многочисленный народ не позволяют этого, то прошу прислать мне, хоть на краткое время, того знаменитого в философии и других науках мужа, что есть у тебя, дабы он преподал свою науку мне, пламенно в неё влюблённому. Не откажи мне по причине различия в вере и национальности, но, приняв во внимание, кто тебя просит, лучше исполни

просьбу как кроткий и добрый друг. За это я предоставлю тебе сто кентинариев золота, а также прочный мир».

Но ни перспектива «вечного мира», ни 6,5 тонн золота (30 млрд рублей по нынешним ценам) не соблазнили императора. Феофил заявил, что не следует передавать иностранцам «знание сущего, коим гордится и за что чтим всеми ромейский род» - и отказался выпускать учёного [Продолжатель Феофана 2009: 122–125].

Рассказ этот, безусловно, легендарен. Но Лев Математик (вскоре поставленный в митрополиты Фессалоники), действительно, стал знаменит, причём не только как теоретик, но и как инженер, чьи хитроумные творения, наподобие «Соломонова трона», играли важную роль в дворцовом церемониале, поражая иностранных послов [Новиков 2006: 324–325; Лиутпранд 2005: 107 - 108]. А вслед за училищем Льва появились школа Фотия и т.н. университет кесаря Варды.

Мероприятия византийских властей по поддержке науки и образования открыли новую страницу в истории византийской культуры, т.н. Македонское возрождение, или «Первый гуманизм» [Lemerle 1971]. И уже на рубеже X–XI столетий арабский энциклопедист Бируни признавал: «Румы обладают глубокими сведениями и искусством в геометрии и в астрономии и крепко держатся логических аргументов. Если им ставят задачу и требуют доказательств, они не станут прибегать к басням тех, кто основывается на божественном озарении и вдохновении. Я уже не говорю об их познаниях в науках философских, богословских, естественных, а также в ремеслах» [Бируни 1957: 66].

«Мягкая сила» Византии и высокий престиж её культуры и науки стал одной из важнейших причин ориентации на её цивилизационную парадигму со стороны окрестных молодых народов, в том числе Болгарии и Руси.

Библиография

БИРУНИ, Абурейхан, Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент, 1957. – 486 с.

ДЖАХИЗ, Абу Усман Амр ибн ал-, Послание ал-Фатху б. Хакану // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку, 1993. – С. 56–103.

КУББЕЛЬ Л.Е., МАТВЕЕВ В.В. (пер.). Арабские источники VII–X веков [по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары]. – М.; Л., 1960. – 399 с.

ЛИУТПРАНД Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / / Пер. И. В. Дьяконова. – М., 2005. – 192 с.

НОВИКОВ Н.Е. Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 // KANIΣKION: Юбилейный сб. в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. – М., 2006. – С. 318–362.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ФЕОФАНА. Жизнеописания византийских царей / Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 2009. – 399 с.

LEMERLE P. Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. – Paris, 1971. – 327 p.

Курылев К.П.
Российский университет Дружбы народов, Москва
Шпаковская М.А.
Российский университет Дружбы народов, Москва

ИТАЛИЯ - РОССИЯ - КРЫМ

Kurylev K. P.
Shpakovskaya M. A.
ITALY – RUSSIA - CRIMEA

Крым издревле занимал важное место на пересечении между Средиземноморьем и Евразией. Исторически так сложилось, что на территории Крыма издавна жили, оставив свой культурный след многие народы разных цивилизаций: тавры, киммерийцы, скифы, греки, готы, византийцы, евреи, армяне, генуэзцы, венецианцы, татары и русские.

Среди народов, заселявших Крым, были генуэзцы и венецианцы, имевшие на Черноморском побережье свои колонии, в том числе и в Крыму - Чембало (Балаклава), Лупико (Алупка), Солдая (Судак), Черкио (Керчь), Каффу (Феодосия), которая превратилась в важнейший городской центр региона, во многом благодаря своему географическому положению.

Небольшой исторический ракурс мы сочли необходимым сделать, исходя из того, что именно эти провинции современной Италии - Генуи и Венеции - первыми заговорили о признание итогов Референдума 2014 г. Не будет преувеличением сказать, что нынешние усилия, предпринимаемые регионом Венето, столица Венеция, в поддержку Крыма, являются своего рода «возвращением к прошлому», точнее – к той земле, где когда-то широко присутствовали предки жителей этого итальянского региона. [Бертолази]

Совет региона Венето первым в Европейском союзе в мае 2016 г. официально признал Крым частью России [Consiglio regionale]. Соответствующая резолюция была принята вопреки позиции ЕС и Запада в целом. Поскольку ЕС считал и считает Крымский референдум незаконным, продолжая проводить свою секционную политику, со стороны Венето нужна была большая смелость, для принятия альтернативного решения. Как отмечалось в принятой в мае 2016 г. резолюции Венеции Регион признает легитимным проведение референдума и возвращение Крыма в состав России. Эти провинции поддержали политику России, в отношении Крыма и Севастополя, как исконно русских земель. [Протопопов 2014]. Следующими итальянскими регионами, которые признали Крым частью России стала Лигурия, Ломбардия - все они высказали свою позицию - признать Крым частью России, и требовать отмену антироссийских санкций. [Бертолази]. Позиция регионов показательна также и потому, что Венеция является одним из самых экономически развитых регионов Италии. [Курылев, Шпаковская 2020; Consiglio regionale].

Говоря о причинах такой позиции со стороны Совета Венето, как правило отмечают ряд факторов, с которыми сложно не согласиться. Во-первых, большие экономические убытки, нанесенные из-за режима санкций, которые коснулись, прежде всего, таких отраслей, как агропродовольственный сектор и мебельный, традиционно востребованные в России. Такая политика этих северо-западных провинций совершенно отчетливый прагматический характер. Проект Лиги Севера, созданный еще в 1980 г. в Ломбардии Умберто Босси - итальянским политическим деятелем, лидером и идеологом партии, стремится добиться автономии и незави-

симости своих северных провинций. Северная Италия традиционно является наиболее развитым в экономическом плане регионом Италии, вносит значительную часть налоговых поступлений в общеитальянский бюджет и поддерживает идею федерализации Италии с закреплением преференций в пользу северных областей. Так, по результатам референдума по вопросам автономии, который прошел в Венето в октябре 2017 г., «за» проголосовали 98% чел. При явке около 60% избирателей [Бертолази].

Вице-премьер страны Маттео Сальвини заявил в феврале 2021 г. в ходе межпартийных консультаций по формированию правительства Марио Драги Сальвини, что «мы стали первой партией в Европе, признавшей переход Крыма в состав России. Мы стали первой партией, чей лидер и представители побывали в Крыму. Мы настаиваем на необходимости укрепления отношений между РФ и ЕС», - заявил тогда советник по иностранной политике лидера «Лиги Севера» Джанлука Савоини. Все три региона, потребовавшие отменить антироссийские санкции, играют не последнюю роль в развитии итальянской экономики. [Дудина]

Кроме того, не следует забывать также о таком факторе, как русской общины в Италии. По состоянию на 2019 г. ее численность достигала около 40 тыс. человек и хотя вряд ли можно назвать ее крупной, тем не менее, отсутствие в ее среде оппозиционных группировок также вносит свою определенную позитивную окраску. Так, например, персональная страница лидера Совета молодых российских соотечественников Дарьи Бырсану в Facebook состоит в основном из публикаций российского МИДА и аффилированных с ним ведомств. На странице в Facebook Татьяны Рябченко, координатора парадов" Бессмертного полка", ежегодно организуемых 9 мая, в России, регулярно знакомит читателей с публикациями группы "Россия без либералов", в которых содержится резкая критика российской либеральной оппозиции. Нельзя сказать, что все члены российской диаспоры разделяют их взгляды, однако именно официальные представители российской диаспоры встречаются с итальянскими официальными лицами и отражают мнение общины. Также в Италии, есть и украинская община, значительно превышающая по своей численности (примерно в шесть раз) российскую. Однако, по мнению, итальянской исследовательницы F.A. Vianello, она состоит преимущественно из женщин среднего возраста, работающих в качестве домашней прислуги, и является по ряду причин, в основном, экономического характера менее активной.

Экономическая синергия между Италией и Россией основана на сильной взаимодополняемости их экономик: Италия является лидером в производственном секторе, Россия является крупным экспортером углеводородов. Традиционно, еще в 70-е, 80-е гг. а также и в 90-е гг. XX в. и в XXI в. Италия и Россия имели развитые деловые связи в различных секторах экономики - от автомобильного и энергетического секторов до автомобилестроения, текстиля, мебели, фармацевтических товаров и др. Несмотря на введенные санкции в России функционирует более 400 итальянских предприятий, восемь банков и несколько юридических фирм. Кроме того, в 2014 г. в Челябинске начал работу СП по производству металлоконструкций "СПК-Чимолаи" компаний ЗАО "КОНАР" и Cimolai. СП участвует в проектах по заказам группы "Газпром" и "Транснефть". В 2015 г. итальянская компания Gruppo Manni запустила в г. Волжский завод по производству сэндвич-панелей, применяемых в строительстве.

Согласно данным Coldiretti (Ассоциация итальянских фермеров), санкции против России и контрсанкции России оказали негативное влияние на итальянскую экономику, особенно в сельскохозяйственном секторе, снизив экспорт в Россию на 50%. Вплоть до 2014 года Италия была шестым по величине экономическим партнером России, и снижение ее экспорта в Рос-

сию на 11,8% в 2014 году, 25,4% в 2015 году и 5% в 2016 году было характерно для страны, переживающей хроническую экономическую стагнацию. [Giovanna De Maio]

Если говорить об экономических взаимоотношениях, то конечно режим санкций, к которым присоединилась Италия, негативно сказался в целом на двусторонних отношениях. Однако, взаимодействие малого и среднего бизнеса усилилось. По данным агентства ООН по техническому сотрудничеству ITC, в 2017 и в 2018 годах годовой объем итальянского экспорта в целом в Россию достиг 8,9 млрд долларов, это на 22% больше, чем в 2016-м. Впрочем, эти показатели все еще далеки до рекордного 2013 года, когда объемы поставок итальянских товаров в РФ достигли 14,3 млрд долларов [Грамматчиков] Тем не менее, с 2017 года торговый обмен между Италией и Россией снова увеличился (с 27 до 36 млрд. евро). Итальянские компании экспортируют свои товары в Россию через Сербию или Белоруссию (которые не подпадают под санкции) или переносят свое производство в Россию. Более того, итальянские компании заключили ряд соглашений со своими российскими коллегами, особенно в области электроэнергетики, технологических разработок и научных исследований. [Giovanna De Maio]

В 2016 г. прибытие 18 парламентариев и бизнесменов из пяти регионов Италии (Венето, Лигурия, Ломбардия, Тоскана, Эмилия-Романья) в Крым явилось тогда поистине прорывным моментом в вопросе установления контактов европейцев с Крымом. Были подписан меморандум о породнённых городах между главой администрации города Симферополя Геннадием Бахаревым и представителем муниципалитета города Падуя, входящим в состав делегации. Этот визит был важен не только с политической точки зрения, что, безусловно, само по себе важно. Главное, что было достигнуто - этот визит положил начало налаживанию сотрудничества с представителями итальянского бизнеса, в разных сферах.

С момента возвращения Крыма в Россию прошло более семи лет, но доверие между Россией и Западом до сих пор не восстановлено. Тупиковая ситуация на Донбассе, военно-политическая поддержка Россией Сирией и другие шаги России на международной арене, нацеленные на отстаивание Россией своих национальных интересов, все это оказалось особенно неблагоприятным в общем контексте взаимоотношений между Россией и ЕСЮ, что наложило негативных опечаток на экономические отношения между Италией и Россией.

Отсутствие негативной исторических памяти между Италией и Российской империй /СССР/ Россией (не считая участия Италии в гитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны) дало возможность развивать стабильные отношения между странами в экономических областях, поддерживать прочные политические связи между двумя странами, активно развивать культурное сотрудничество. После распада Советского Союза Италия открыто способствовала сближению России с евроатлантическим сообществом в рамках стратегии, широко разделяемой различными итальянскими политическими силами. В этой связи Италия решительно поддержала создание в 2002 году Совета Россия - НАТО, учредительный акт которого был подписан в Италии по инициативе тогдашнего премьер-министра Сильвио Берлускони (Pratica di Mare). Поддерживая эти инициативы, Италия проявила некоторый скептицизм в отношении расширения НАТО и Восточного партнерства ЕС, ориентированного на постсоветские страны.

В то же время, после государственного переворота на Украине, правительство Италии проводило политику двойных стандартов. С одной стороны, Италия осудила Россию за признание референдума и присоединение Крыма к России, за поддержание ополченцев Донбасса, участвовала в мероприятиях НАТО (План действий по обеспечению готовности) по развертыванию сил альянса в Польше и странах Балтии.

С другой стороны, Италия настаивала на том, чтобы боевые части НАТО были размещены на временной, а не на постоянной основе, и выступала против отправки оружия в Украину для предотвращения эскалации конфликта. Италия также поддержала меры укрепления доверия как в рамках ОБСЕ (во время ее председательства в 2018 году), так и возобновление работы Совета Россия - НАТО (деятельность которого была приостановлена после возвращения Крыма в состав России). Итальянские политики никогда не прерывали отношений с Россий даже в тех случаях, когда западные лидеры других стран строго следовали логике евроатлантической солидарности.

По мнению ряда зарубежных исследователей (Orenstein & Kelemen 2017) и некоторых других авторов (например, Germani & Iacoboni 2017) Италия является «троянским конем» политики России в ЕС. Даже при центрально-левых проевропейских правительствах в 2014-2018 годах позиция Италии по отношению к России была гораздо более дружественной, чем позиции большинства членов ЕС.

Премьер-министр Италии Маттео Ренци стал первым европейским лидером, посетившим Кремль после Крымских событий. В целом, по мнению Анна Пеллегатта, среди ведущих западных стран итальянская политическая элита представляет собой "странное исключение", демонстрируя открыто дружественные связи с Москвой. [Giovanna De Maio]

Статус «привилегированного партнерства», неоднократно озвученный на уровне глав государств и официальных представителей России и Италии, по мнению ряда экспертов, в настоящее время не соответствует реальному уровню отношений. Более подходящее определение уровню современных отношений между двумя странами скорей всего можно определить как «лучшие среди худших» по сравнению с другими партнерами в ЕС или как прагматичное сотрудничество, которое так и не удается реализовать на общеевропейском уровне. [Алексеенкова]

Меж тем, можно уверенно констатировать - политический диалог России и Италии последовательно восстанавливается после кризиса 2014 - 2015 гг.

Библиография

БЕРТОЛАЗИ Э. Италия - Крым: история и современность. URL.: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/2c1/3_2019_1_25_33.pdf (Дата обращения 15.02.2021)

КУРЫЛЕВ К.П., ШПАКОВСКАЯ М.А. Политика Италии в отношении присоединения Крыма к России Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6-10 октября 2020 г.). Том 2 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников - М.: ИВ РАН, 2020. - С.149-154.

ГРАММАТЧИКОВ А. Возвращение по-итальянски // Эксперт. 2019. 3.06.2019. URL.:https://expert.ru/expert/2019/23/vozvraschenie-po-italyanski/ (Дата обращения 16.03.2021)

Итальянские инвесторы в Крыму намерены заняться фермерством // Крым Экспресс. URL.:https://crimeapress.info/italyanskie-investoryi-v-kryimu-namerenyi-zanyatsya-fermerstvom/ (Дата обращения 15.02.2021)

Итальянцы в Крыму: делегация европейских политиков бросила вызов логике санкций// RT на русском. 14.X.2016. URL.:https://russian.rt.com/article/326171-italyancy-v-krymu-delegaciya-evropeiskih-politikov-brosila (Дата обращения 14.03.2021)

ДУДИНА Г. Никогда не получал от России ни рубля, ни литра водки. Вице-премьер Италии Маттео Сальвини отрицает получение финансирования из Москвы // Коммерсантъ. 10.07.2019. URL.:https://www.kommersant.ru/doc/4026670 (Дата обращения 16.02.2021)

GIOVANNA DE MAIO. Italy and Russia, the link is increasingly close. // ResetDialogues 11 мая 2019. URL.:https://www.resetdoc.org/story/italy-russia-link-increasingly-close (Дата обращения 10.03.2021)

FRANCESCA ALICE VIANELLO. Migration of Ukrainian Nationals to Italy: Women on the Move // Ukrainian Migration to the European Union. Springer Open. Centre of migration research. 2016.
URL.:https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/27938/1002061.pdf?sequence=1#page=165 (Дата обращения 12.02.2021)

АЛЕКСЕЕНКОВА Е. Россия и Италия: без прорывов // РСМД. 5 июля 2019. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-italiya-bez-proryvov/#detail (Дата обращения 21.03.2021)

ПРОТОПОПОВ А.С. Исторические параллели // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. №. 4. – С. 21 -24.

Orenstein, Mitchell & Kelemen, Daniel (2017). Trojan Horses in EU Foreign Policy. Journal of Common Market Studies 55(1): 87-102.

GERMANI, LUIGI SERGIO AND JACOPO IACOBONI (2017). Italy: Is the Turn to Russia Reversible? In Polyakova, Alina et. al. (eds.), The Kremlin's Trojan Horses: Russian Influence in Greece, Italy, and Spain. Washington: Atlantic Council, pp. 11-19.

Кущ Т.В.
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

КЛЮЧ К ГЕЛЕСПОНТУ: ОСТРОВ ТЕНЕДОС В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКО-ВЕНЕЦИАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIV В.

Tatiana V. Kushch

THE KEY TO THE HELESPONT: TENEDOS IN THE CONTEXT OF BYZANTINE-VENETIAN RELATIONS IN THE FOURTEENTH CENTURY

Остров Тенедос, лежащий у входа в Дарданеллы (Гелеспонт), в силу географического положения и навигационных условий с древности имел важное стратегическое значение. Он был удобен для судов, направлявшихся к понтийским берегам, как стоянка, где можно было пополнить запасы воды и переждать непогоду [Gertwagen 2013: 49]. Его положение позволяло также контролировать проход в Дарданеллы и, соответственно, в Мраморное и Черное моря, что превращало остров в военный форпост. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Тенедоса, когда в Восточном Средиземноморье столкнулись интересы нескольких государств, стремившихся к политическому и экономическому доминированию там.

Изменение геополитической ситуации в регионе после Четвертого крестового похода привело к появлению новых акторов средиземноморской политики и торговли, вступивших между собой в борьбу за территории, рынки и сферы влияния [Jacoby 2012: 94]. Тенедос, как и многие другие эгейские острова, после 1204 г. оказался в руках венецианцев. Новые владельцы возвели здесь крепость, прекрасно сохранившуюся до наших дней. Восстановленной в 1261 г. Византии удалось вернуть остров лишь в 1305 г. благодаря действиям генуэзского пирата Андреа Мориско, который захватил Тенедос и передал его императору [Nicol 1988: 222]. Потеря важного военно-стратегического объекта оказалась весьма болезненной для Венецианской республики, стремившейся контролировать морские пути в регионе. В дальнейшем она неоднократно предпринимала попытки его вернуть. Анализ политики Серениссимы по возвращению потерянного «ключа к Дарданеллам» интересен не только в плане изучения динамично менявшейся геополитической ситуации в Восточном Средиземноморье, но и для характеристики византийско-венецианских отношений XIV в., о чем и пойдет речь далее.

Не располагая достаточными военными ресурсами, Венеция избегала открытого военного конфликта с Византией из-за Тенедоса и пыталась вернуть его себе путем политических интриг. Подходящий момент настал в 1352 г., когда обострились отношения между византийскими соправителями Иоанном VI Кантакузином (1347–1354) и Иоанном V Палеологом (1341–1391). Неблагоприятным внешнеполитическим фоном нараставшего между ними конфликта была генуэзско-венецианская война за контроль над черноморской торговлей, начавшаяся в 1350 г. [Balard 1978: 79–82]. Венецианцы предложили Иоанну V Палеологу займ в 20 тыс. дукатов в обмен на временное владение Тенедосом, который они просили передать им до окончания войны с генуэзцами. Чтобы предложение показалось молодому императору более привлекательным, ему сразу выдали 5 тыс. дукатов, взяв в качестве залога некий драгоценный камень [Nicol 1988: 277]. Однако сделка сорвалась, поскольку в тот период верх одержал Иоанн VI Кантакузин. Венецианцы также проиграли генуэзцам и в июне 1355 г. заключили с ними мирный договор.

В дальнейшем вопрос о передаче венецианцам Тенедоса рассматривался в основном на дипломатическом уровне. Так, в марте 1362 г. венецианские послы в Константинополе настаивали на передаче их республике острова, якобы обещанного ей еще 10 лет назад, и предлагали заплатить за него 20 тыс. дукатов и заложенную когда-то Анной Савойской императорскую корону [Régestes 1958: № 355, 358]. Однако император отклонил их предложение. О Тенедосе речь вновь зашла в марте 1363 г. на переговорах в Венеции с византийскими послами, которым напомнили о сумме, которую василевс задолжал республике [Nicol 1988: 301]. Впрочем, и эта попытка заполучить остров дипломатическим путем не принесла успеха.

Заставить Иоанна V Палеолога выполнить данное им когда-то обещание удалось лишь во время его поездки в Италию (1369–1371), куда император прибыл для обсуждения вопросов унии церквей и военной помощи против турок. На обратном пути его задержали в Венеции, потребовав, чтобы он погасил свои долги перед республикой. В безвыходной ситуации Иоанн V вынужден был подписать договор об уступке республике Тенедоса в обмен на 25 тыс. венецианских дукатов наличными, шесть галер и заложенную его матерью императорскую корону стоимостью в 30 тыс. дукатов [Loenertz 1958: 221–222]. Однако его сын и соправитель Андроник IV, которого он на время своего отсутствия оставил править в Константинополе, отказался сдать остров венецианцам. Андроника в этом поддерживали генуэзцы, не желавшие перехода острова в руки их главных торговых конкурентов. Иоанна V Палеолога выручил его второй сын, заплативший по венецианским счетам отца, после чего император без объяснений отменил сделку с венецианцами по Тенедосу.

Во вспыхнувшей вскоре очередной византийской междоусобице Тенедосу оказалась отведена роль приза, который каждая из сторон обещала своим союзникам. В 1373 г. был раскрыт заговор Андроника IV, которого лишили наследства и бросили в тюрьму, откуда он бежал, найдя убежище у генуэзцев Галаты [Кущ 2011: 37]. В отместку последним император Иоанн V разрешил венецианцам использовать Тенедос как наблюдательный пункт для слежения за передвижениями генуэзцев [Régestes 1958: № 541, 545]. Конфликт между отцом и сыном перерос в открытую войну (1376–1379). Андроник IV занял столицу и заточил отца в тюрьму, а Тенедос уступил своим союзникам – генуэзцам. Тем, правда, так и не удалось утвердиться на острове. Из темницы Иоанн V установил контакт с венецианцами, попросил их помощи в организации побега и обещал им Тенедоса в качестве платы [Vita Caroli Zeni 1940: 13. 38–40]. Генуэзцы, попытавшись вступить во владение островом, натолкнулись на сопротивление местных жителей, поддерживавших Иоанна V, а уже в октябре 1376 г. Тенедос оккупировали венецианцы. Из плена Иоанн V сумел выбраться лишь в 1379 г. и, судя по всему, без помощи венецианцев. Однако Тенедос для Византии был уже потерян. За него разгорелась так называемая Кьоджская война (1379–1381) между Венецией и Генуей. Договор, подписанный ими в Турине в 1381 г., решил судьбу Тенедоса, но уже без участия Византии [Gertwagen 2013: 39].

История борьбы Венеции за Тенедос позволяет сделать несколько наблюдений. Обращает на себя внимание тот факт, что республика не решилась военным путем вернуть себе остров, отдав предпочтение союзническим отношениям с Византией. Как и подобает торговой державе, Венеция выбрала дипломатический путь решения «тенедосского вопроса», воспользовавшись для возобновления торга моментом политической дестабилизации империи. Византия же, видя интерес республики к острову, предпочитала оттягивать решение проблемы, держа таким образом Венецию на крючке. Но с ослаблением империи «ключ от Дарданелл» в итоге выпал из ее рук, превратившись в яблоко раздора для двух извечных соперниц – Венеции и Генуи.

Библиография

КУЩ Т.В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 35–40.

BALARD M. La Romanie Génoise (XII-e – début du XV-e siècle). Genova, 1978. Vol. 1.

GERTWAGEN R. Venice, Genoa and the Fights over the Island of Tenedos (Late Fourteenth and Early Fifteenth Centuries) // Studi Veneziani. 2013. T.67. P. 35–87.

JACOBY D. The Eastern Mediterranean in the Later Middle Ages: An Island World? / Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean Worlds after 1150 / ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. Oxford, 2102. P. 93–118.

LOENERTZ R.-J. Jean V Paléologue à Venise (1370–1371). Revue des études byzantines 1958. Vol. 16. P. 217–232.

NICOL D. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988.

Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie / éd. par F. Thiriet. Paris, 1958–1961. Vol. 1–3.

VITA CAROLI ZENI / Rerum italicarum scriptores, XIX, 6. Ed. L.A.Muratori. Re-ed. G.Zonta. Bologna. 1940.

Ланник Л.В.
Институт всеобщей истории РАН, Москва

Место Крыма в переустройстве Восточной Европы в условиях гегемонии Центральных держав в 1918 г.

Lannik L.V.
Place of Crimea in the reconstruction of Eastern Europe under the hegemony of the Central Powers in 1918

История недолгого триумфа Германии и ее союзников в финале Великой войны до сих пор исследована недостаточно. Влияние интервенции Центральных держав на совокупность конфликтов на постимперских российских пространствах до сих пор недооценивается, искусственно подчиняясь логике шедших параллельно, но принципиально иных процессов. С учетом апостериорного знания Брестский мир, связанная с ним серия договоров и создававшаяся на их основе модель устройства Восточной Европы остаются в рамках клишированных фраз о «передышке», «похабном мире» и т.д. В действительности, вплоть до 29 сентября 1918 г., а зачастую и позже в краткосрочность германской гегемонии и первой за XX столетие оккупации огромных пространств между Балтийским и Черным морями и по их берегам было сложно поверить. Расчеты многих политических деятелей и большинства местного населения строились на том, что экспансия Центральных держав – это всерьез и надолго.

Первая германская оккупация Крыма, продолжавшаяся около 8 месяцев, пока не удостоилась специализированной монографии ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Фактология политической жизни Крыма кажется хорошо известной на основе многочисленной мемуаристики, фонд которой продолжает пополняться, а также ряда работ, затрагивающих в том числе этот период, но не концентрирующихся именно на германской оккупации [См., напр.: Пученков 2013]. Первая попытка дать историю оккупантов, а не оккупируемых применительно к событиям в Крыму в 1918 г. носит обзорный характер и нуждается в дополнении [Ланник 2020: 368-382]. Геополитический анализ перспектив оккупации, не сводящийся к перечислению различных квазигосударственных проектов под эгидой Германии, фактически не проводился [См., напр.: Ланник 2021], хотя для этого есть источниковые возможности. Речь не идет о фантомах сплошной немецкой колонизации полуострова, возникавших впоследствии и во Второй мировой войне, а именно роли Крыма в долгосрочной модели гегемонии Германии и союзных ей государств в Причерноморье, в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, а затем и во всей Евразии. Условием к этому была бы победа Центральных держав в Великой войне. С конца 1917 г. полагали, что на Восточном фронте она уже одержана, а на Западном и других фронтах последует в ходе кампании 1918 г. Информация о провале последних наступлений Австро-Венгрии и Германии, о критическом положении болгарской и османских армий на периферийных фронтах поступала на Восток (и даже в Берлин) с опозданием, а потому мираж будущего диктата и интеграции всех лимитрофов Российской империи в пространство создаваемой Срединной Европы продержался до развала Четверного союза.

Основным германским ведомством, контролировавшем становление кайзеровской гегемонии в Причерноморье, была вовсе не Ставка во главе с Э.Людендорфом и тем более не правительство или различные аннексионистские группировки, а Адмиралштаб и его эмиссар

в регионе: вице-адмирал А. Хопман. Из его письменного наследия на русском языке до сих пор не опубликовано ничего, хотя с момента публикации мемуаров прошло почти столетие [Hopman 1925], а его важнейшие доклады и дневниковые записи стали достоянием общественности полвека назад [Baumgart 1971; Epkenhans 2004]. Занимая пост главы межсоюзной Навигационно-технической комиссии, Хопман прибыл в Одессу почти сразу после ее взятия 13-14 марта 1918 г. австро-германскими войсками. Столь же быстро он переехал оттуда в начале мая 1918 г. Севастополь, сразу же верно оценив роль этого пункта при решении задачи восстановления транспортных потоков во всей черноморской и азовской акватории.

Благодаря его целенаправленным усилиям, умению договариваться с различными ведомствами и конкурирующими за наследство Российской империи местными группировками, стремлению реально оценивать перспективы всего за несколько месяцев Севастополь, а вместе с ним Крым был превращен в административно-транспортный хаб. Через него координировались потоки людей, продовольствия и сырья, необходимые для продолжения войны испытывающими острый дефицит Центральными державами. Шла репатриация военнопленных (главным образом из Центральных держав), первичное перераспределение беженцев, вынужденных выбирать свою государственную принадлежность, проходила переброска на новые плацдармы германской экспансии в Закавказье. Хопман развивал активную деятельность по установлению контактов и переориентации якобы проантантовских сил на юге России, особенно Добровольческой армии, на сотрудничество с Германией. Это позволило бы наладить дополнительный экспорт зерна, а затем нефти и иных видов сырья с Северного Кавказа и Закавказья. Несмотря на тяжелые конфликты Хопмана с Людендорфом [Baumgart 1966] и недопонимание с главой германской миссии в Грузии Ф. Крессом фон Крессенштейном [Baumgart 2020] неуклонно росла группировка кайзеровских войск, предназначенная для взятия Баку, а затем для парирования чрезмерной османской экспансии в Закавказье. Прочный контроль над Крымом сопровождался постоянными торгами вокруг судьбы и полуострова, и остатков Черноморского флота. На них претендовали Украинская держава, Османская империя, Болгария, Дон, Советская Россия. Отношения с каждым из этих элементов создававшейся в Восточной Европе Брестской системе международных отношений для Кайзеррейха были крайне важны, но не менее насущным был и баланс между ними, а потому вопреки полной неопределенности в официальном статусе Крыма и правительства Сулькевича, как-либо делиться контролем Германия не собиралась ни с кем из союзников. Все проекты федерации, будущего «возвращения» или создания национальных автономий так и остались проектами. О политике и планах Австро-Венгрии и Османской империи применительно к Крыму в 1918 г. известно немногое [Bihl 1966; Kirimal 1952], однако тенденция германских ведомств к блокированию любых попыток оспорить их военный контроль над полуостровом очевидна. Вплоть до прибытия первых кораблей Антанты 26 ноября 1918 г. несмотря ни на Мудросское, ни на Компьенское перемирия хозяевами Крыма оставались А. Хопман и глава оккупировавшего остров 52-го генерального командования генерал Кош.

Характерно, что блестящие результаты для общего хода Великой войны давали германский контроль над Крымом и балансирование им между интересами союзников Кайзеррейха давал не только на стадии наращивания экспансии на Востоке, но и в критический момент ее свертывания. Благодаря Хопману, работе Натеко и относительно налаженному (в кратчайшие сроки!) судоходству в Черном море удалось осуществить быструю переброску дополнительных германских войск морем в Румынию, а оттуда на Македонский фронт. Это сорвало выступление первой на стороне Антанты, дало возможность подавить Владайское восстание в Болгарии и обеспечить благополучное отступление австро-германских войск через Сербию.

Это же привело к систематическому и успешному выводу введенного в Грузию контингента, избежавшего интернирования. Сравнительно успешно удалось эвакуировать и скопившиеся в Константинополе после крушения периферийных фронтов австро-венгерские силы. Относительный порядок в Крыму привел к тому, что германские сухопутные войска были вывезены с полуострова в конце ноября – начале декабря 1918 г. быстро, организованно и с минимальными потерями, существенно ранее других оккупантов вернувшись на родину для демобилизации.

Библиография

ЛАННИК Л.В. После Российской империи: Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Ланник Л.В. Реструктурирование постимперских пространств: уроки и последствия опыта 1918 г. // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 144-151.

ПУЧЕНКОВ А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013.

BAUMGART W. Ludendorff und das Auswärtige Amt zur Besetzung der Krim 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1966. Bd. 14. Hf. 4. S. 529-538.

BIHL W. Österreich-Ungarn und die Krim 1918 // Archiv für österreichische Geschichte. 1966. Nr. 125. S. 291-303

FRIEDRICH Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914-1946 / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

HOPMAN A. Das ereignisreiche Leben eines ‘Wilhelminers’. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.

HOPMAN A. Das Kriegstagebuch eines deutschen Seeoffiziers. B., 1925.

KIRIMAL E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918. Emsdetten, 1952.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

Лебединский В.В.
Институт востоковедения РАН, Москва
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Татарков Д.Б.
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Двухшорстнов В.И.
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Пронина Ю.А.
Институт востоковедения РАН, Москва

ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВМЕСТНОЙ СИРИЙСКОРОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИССИИ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2020-2021 ГГ.

V.V. Lebedinsky, D. D.B. Tatarkov,
V.I.. Dvukhshorstnov, D. Yu.A. Pronina
UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE JOINT SYRIAN-RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL MISSION IN THE FIELD SEASON 2020-2021

Подводно-археологические исследования проводились Севастопольским государственным университетом совместно с Институтом востоковедения РАН и Департаментом древностей и музеев Министерства культуры САР при поддержке Министерства обороны РФ в территориальных водах Сирийской Арабской Республики в акватории города Тартус в соответствии с Рабочим планом полевого сезона 2020-2021 гг., подписанного на основании Договора об учреждении совместной сирийско-российской миссии для проведения исследовательских подводных работ в акватории г. Тартус от 08.10.2019 №13/2019. К настоящему времени проведено два сезона полевых работ.

Целью исследовательских работ был поиск, обследование и фиксация подводных археологический объектов в акватории г. Тартус, островов Арвад, Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд, населенного пункта Хараб Маркия.

Содержание исследовательских работ:

проведение водолазного поиска с последующим водолазным обследованием выявленных объектов:

район акватории, прилегающий к населенному пункту Хараб Маркия;

район акватории, расположенный напротив устья реки Эль Хасейн;

район акватории вокруг острова Арвад;

район акватории вокруг островов Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис, Макруд.

проведение обследования телеуправляемым необитаемым подводным аппаратом ТНПА выявленных подводных объектов в глубоководном районе (Т-19\3) акватории западнее островов Арвад, Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис, Макруд.

Районы проведения работ и полученные результаты:

Район TN Mar – район акватории, прилегающий к населенному пункту Хараб Маркия.

В данном районе обследованы остатки крепостных сооружений, относящихся к римскому периоду. Они представляют собой остатки крепостной башни, возможно, небольшой крепости, стоящей на оголовке древнего мола, выдающегося в море. Вероятно, в древности дан-

ное крепостное сооружение защищало гавань и могло использоваться как маяк. Обнаружен фундамент, состоящий из каменных блоков размером 100 х 50 см, размер строения 16 на 16 метров, обнаружены фрагменты 4-х мраморных колонн, в центре строения зафиксировано углубление прямоугольной формы.

Район TN – район акватории, расположенный напротив устья реки Эль Хасейн. В данном районе обнаружены фрагменты керамики, амфор Античного и Средневекового периодов. Это дает возможность предположить, что в древности здесь осуществлялась перегрузка товаров с крупных морских судов на лодки для доставки на берег. Кроме того, данный район мог использоваться как район якорной стоянки торговых судов.

Район T Arw – район акватории острова Арвад. На острове Арвад располагался древний финикийский город-государство, упоминаемый в библейских текстах. Город существовал со II тысячелетия до н.э. и был крупным торговым центром Восточного Средиземноморья. Остров был защищен мощной крепостной стеной, сложенной из крупных каменных блоков. В настоящее время крепостные стены частично обрушились в море, также под водой находятся древние причальные сооружения. В 2020-2021 гг. проводилось обследование гидроакустических целей, выявленных в результате разведки 2019 года. В защищенной гавани обнаружены остовы трех судов, два из которых – современные, датировка третьего - уточняется. Восточнее северного мола острова обнаружены останки судна конца XIX- начала XX вв., обнаружена паровая машина (котел) и фрагменты обшивки. С юго-восточной стороны острова зафиксирована древняя якорная стоянка с многочисленными фрагментами керамических и мраморных сосудов, фрагментами керамических крышек саркофагов, базальтовых снарядов металльного орудия требюше, архитектурных фрагментов.

Район T Abb – район акватории островов Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис и Макруд. На юг от острова Арвад протянулась группа необитаемых островов, которая входила в систему древней морской навигации, являясь естественной защитой от ветров западных направлений. Кроме этого, на островах Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд обнаружены остатки древних каменоломен, относящихся к финикийскому и римскому периоду. На острове Эль Фанар найдены остатки некрополя финикийского периода. На острове Эль Фарис обнаружены остатки сооружений, которые предположительно могут являться храмовым комплексом финикийского периода (возможно, божества Мелькарта). На каждом из островов обнаружены древние пристани.

Район T 19/3 – глубоководный район акватории западнее островов Арвад, Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис и Макруд. В данном районе проводилось обследование гидроакустических целей, выявленных в результате разведки 2019 года. Обследование производилось с помощью телеуправляемого необитаемого подводного аппарата ТНПА «Марлин 350». В результате исследований были выявлены остатки кораблекрушения, относящегося к концу XIX – первой половине XX вв.

Графическая информация о районах проведения исследований содержится на рис. 1.

Технические средства и суда, использовавшиеся для проведения исследований:

гидролокатор бокового обзора «Гидра» H5s7E (рабочая частота 700 кГц), производитель ООО «Экран», Россия;

гидролокатор бокового обзора высокого разрешения «Гидра» H5se3 (рабочая частота 300 кГц) со встроенным промерным эхолотом (рабочая частота 700 кГц), производитель ООО «Экран», Россия;

гидролокатор бокового обзора «Гидра» H5se1 (рабочая частота 100 кГц), со встроенным промерным эхолотом (рабочая частота 400 кГц), производитель ООО «Экран», Россия;

телеуправляемый необитаемый подводный аппарат «Марлин-350», производитель АО «Тетис Про», Россия;

комплект навигации, производитель NovAtel.

водолазные суда и спасательный буксир Черноморского флота Министерства обороны Российской Федерации.

В результате проведенных исследований были получены следующие результаты:

поднято для изучения 55 предметов;

предварительно обследованы древние пристани на островах Арвад, Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фанар и Макруд;

обследованы под водой остатки крепостных и причальных сооружений (скопление обработанных каменных блоков) в акватории острова Арвад;

предварительно обследованы древние сооружения на островах Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фанар и Макруд, представляющие собой каменоломни финикийского и римского периода, некрополь финикийского периода, предположительно храмовый комплекс финикийского периода;

обследовано крепостное сооружение и, возможно, маяк порта римского периода у населенного пункта Хараб Маркия, обнаружены 4 мраморные колонны (не поднимались);

обнаружено пять кораблекрушений – XIX – XX вв., датировка еще одного уточняется.

Поднятые археологические предметы в количестве 55 ед. переданы в Департамент древности и музеев провинции Тартус для дальнейшей камеральной обработки и изучения.

Осенью 2021 года планируется продолжение и расширение исследований в данной акватории.

Исследования выполнялись при финансовой поддержке внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в рамках научного проекта 46/06-31.

Лобков А.Е.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

СЛОВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: О КРЫМСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Lobkov A.E.

WORD IN THE DIALOGUE OF CULTURES: ABOUT THE CRIMEAN LOANWORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

В августе 1929 г. в газете «Красный Крым» была опубликована статья А.Г. Горнфельда «Крымское слово в русском языке», посвященная отголоскам крымских географических названий в русском языке [Горнфельд 1929]. О превращении топонимов и этнонимов в имена нарицательные Горнфельд уже писал в большой работе «Страны и народы в языке», вошедшей в сборник его трудов «Муки слова: статьи о художественном слове» (1927) [Горнфельд 1927]. Интерес к этой теме, по собственному признанию Горнфельда, у него возник после прочтения статьи академика С.Ф. Платонова «География в языке» (1925).

Специально для центральной крымской газеты Горнфельд подготовил небольшую статью, в которой раскрывается географическая родословная некоторых слов русского языка, связанных с Крымом.

Крым не был чужд ученому. Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941) родился в Севастополе и закончил гимназию в Симферополе. Затем он учился на юридическом факультете Харьковского университета, а параллельно изучал теорию словесности на филологическом факультете под руководством А.А. Потебни, чьим верным учеником он оставался на протяжении всей жизни. В 1891–1893 гг. Горнфельд обучался в Берлинском университет, где испытал сильное влияние М. Лацаруса и Х. Штейнталя, много размышлявших о воплощении в языке этнической и индивидуальной психологии. С 1893 г. Горнфельд жил в Петербурге, сотрудничал со многими журналами и издательствами, зарекомендовав себя ярким литературным критиком, переводчиком и представителем психологического метода в литературоведении.

В статье «Крымское слово в русском языке» Горнфельд рассматривает крымские топонимы, приобретшие нарицательный характер в русском языке: «язык ведь создание деловое, практическое, – и материал для своего роста берет какой под руку попался: назовет вещь по месту, откуда она впервые пришла, а потом продолжает так называть ее, хотя давно утеряна ее связь с ее месторождением. Сделав таким образом от имени собственного нарицательное, язык еще исковеркает его на свой лад, а ученым приходится потом с трудом доискиваться, откуда произошло такое общеупотребительное, но по корню своему странное слово» [Горнфельд 1927].

Горнфельд указывает на три крупных торговых и культурных центра средневекового Крыма, имевших тесные контакты с Русью – Солдайя (Сурож), Кафа и Херсон (Корсунь), имена которых приобрели новые значения в русском языке.

Солдайя или Сурож (современный Судак) в XIV–XV вв. был крупным торговым городом, в который съезжались европейские и восточные купцы для взаимного обмена товарами. Не имея опоры в собственном производстве, «сурожане» выступали активными торговыми посредниками между Севером и Югом, поставляя на московский рынок ценные восточные

товары. «Гости-сурожане», так называли в русских документах того времени купцов, прибывших из Сурожа, так и ведущих с ним торговлю, а Азовское море (а иногда и Черное) именовалось Сурожским морем. История становления и развития торговых отношений с Москвой подробно рассмотрена в работе В.Е. Сыроечковского [Сыроечковский 1935].

Несмотря на упадок торговли с Крымом в XVI в., русский язык продолжал хранить отголоски прежнего господства крымской торговли. Во многих городах России вплоть до начала XX в. существовали суровские ряды или суровские лавки (магазины). В них торговали суровским (сурожским) товаром – «шелковый, бумажный и легкий шерстяной» или суровщиной – «суровской или сурожский товар, шелковый, бумажный, что ныне красный, аршинный товар» [Даль 1882: IV, 372]. Торгующих этими товарами купцов, согласно словарю В.И. Даля, в XIX в. все еще продолжали называть сурога – «купец, торгующий в розницу суровским товаром. Слово это указывает на то, что названье суровского товару, т. е. шелкового, вышло не от суровый, а от сурожский, т. е. от Азовского моря, откуда и сурожанин, то же, сурога, стар. Суровской ряд, мск. сурожской, шелковый, частью бумажный» [Даль 1882: IV, 372].

Если первоначально купцы везли на Русь восточные шелковые ткани, то с течением времени значение слова сурожский расширилось и стало означать самые разные ткани и изделия. Так, в описании торговых рядов Гостиного двора Санкт-Петербурга в XVIII в. упоминается и «ряд суровской, в котором продаются Голландские и Швабские полотна, кружева разные, шелковые материи, всякие ленты, чулки, шляпы, при том обои и прочее» (Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга).

Дядя хочет, чтобы я лавку в Андреевском рынке открыл. Суровскими товарами да мелочами торговать буду (Лейкин Н.А. Биржевые артельщики).

Мы направились в суровский магазин купить мне длинные чулки, на которые мне надо было сменить мои носочки (Лихачев Д.С. Воспоминания).

Другим важным торговым центром была Кафа (нынешняя Феодосия). В ней процветала торговля жемчугом. Кафимское зерно или кафимский жемчуг высоко ценился и широко использовался в русском прикладном искусстве.

У нас жемчуг всякий: гурмицкий, скатный, кафимский, половинчатый, купи, молодец, авось у тебя рука легка! (Полевой Н.С. Корень зла)

Да приданого ж: серьги бриллиантовые трои, ожерелье бриллиантовое на шею да жёмчуга кафимского пять фунтов крупного, низан на двенадцать ниток (Мельников-Печерский П.И. На горах).

Плетеное украшение со сложным узором, украшающее праздничные пояса или шнуры, скрепляющие грамоты, а также в виде орнамента присутствующим на различных изделиях мастеров из Кафы, получило название кафимского узла.

Поясы с҃щеннослужебные: первои поясъ тканъ из цвѣтных красного и желтого шолковъ, репьи с крс҃тами по концамъ того пояса 4 кисти с кафимскими узлами и с ворворки (Словарь русского языка XI–XVII вв.).

В дальнейшем первоначальное значение кафимского узла получило расширение, приобретя смысл «крайне запутанной ситуации».

Кафимский узел. Да и кто разберет путаницу у нелогических и отчасти дурно развитых людей, каков ты (Достоевский Ф.М. Письма).

Известны также были на Руси кафимский изюм, неотъемлемый компонент постных блюд, и кеффекил – мылящая глина, широко применяемая в качестве моющего средства как местным населением, так и шедшая на продажу за пределы Крыма.

Средневековый Херсон (Корсунь русских летописей) сыграл важную роль в становлении христианства на Руси. Отсюда отправлялись первые православные миссионеры и приходили на русские земли предметы церковного культа. М.Н. Сперанский пишет, что «слава Корсуни, как одного из источников культурных приобретений для Руси, довольно долгое время остается устойчивой в русском быту». Однако со временем «самое имя “Корсунь” и представление о ней утрачивает свой определенный конкретный смысл и содержание, ставши употребляться в общем значении для обозначения высокого качества предмета: “корсунский” – становится синонимом: замечательный, превосходный, редкий, искусный» [Сперанский 1928: 372–373].

Равносторонний крест получил на Руси название «корсунчик»: При хате имелись дощатые сени, над дверями которых новые наемщики тотчас же по водворении водрузили небольшой медный литой крест из тех, что называют «корсунчиками» (Лесков Н.С. Печерские антики).

В современном русском языке суровский ряд, кафимский жемчуг и корсунчики вышли из живого употребления. Однако память о крымской земле продолжают хранить Сурожская епархия в Англии и Корсунская епархия во Франции.

Еще один крымский топоним приобрел нарицательное значение – балаклава, слово, пришедшее в русский язык в начале 1990-х гг. из английского языка. Это вязаная шапочка, закрывающая голову, шею и плечи (сейчас ее носят спецназовцы, военные, грабители, альпинисты и лыжники). Возникновение слова балаклава обычно связывают с холодной осенью 1854 г., когда британские солдаты, стационированные в Балаклаве во время первой Крымской войны, вязали себе теплые капюшоны.

Но следователь махнул рукой и по его команде люди в балаклавах, с ломами и кувалдами взломали входную дверь и проникли в помещение (Новая газета, 23.01.2019).

Конечно, не только крымские географические названия обогатили русский язык. После присоединения Крыма к России в 1783 г. русский язык стал усваивать татарские названия самых различных предметов и еды, как общетюркского происхождения (буза, чалтык, чигирь, чинар, шашлык, аут и др.), так и сугубо крымского бытования (тыртыр, чагир, чапра, мселес, инжир, айва, султанка, катавлаг, сурук, чатал, малич и др.).

Приведем в качестве примера несколько крымских слов из словаря Даля: балык – «крупная кефаль, рыба Mugil Cephalus»; копага – «самая мелкая кефаль (голавль)»; хамза (хамса) – «местный анчоус, рыбка Engraulis encrasicholus»; тальян – «сеть, опускаемая на дно моря и подымаемая с четырех шестов, когда надойдет рыба».

Естественно, что в Крыму, омываемом водами Черного и Азовского морей, сложился специфический рыбацкий лексикон. В словаре рыбацких слов А.А. Клыкова с пометой «Крым» указаны: агиз – «передняя часть дальяна, заграждающая ход рыбы вдоль берега»; берберка – «лещ»; бунент – «западный ветер»; дальян – «название скипасти у рыбаков Севастополя и Балаклавы»; ливарить – «поднимать из воды сети для выборки улова», лобанья икра – «икра самой крупной кефали»; парагди – «крючковое орудие для лова камбалы»; сирокко – «юго-восточный ветер»; тальян – «четырехугольная сеть для лова стайной рыбы» [Клыков 1968].

Большой известностью в России пользовались сорта крымских яблок синап (кандиль-синап и сары-синап) и челеби, упоминание которых нередко можно встретить и в произведениях литературы.

– А эти румяненькие – «синапы», – продолжала объяснять Чумакова. – Они у нас до самой весны сохраняются. Мы ими на Новый год ёлки убираем... (Павленко П.А. Степное солнце).

Особенно прекрасен был цвет ее лица, – матовый, ровный, подобный цвету крымского яблока (Бунин И.А. Заметки о современниках).

А.Г. Горнфельд затронул важную тему – «отражение крымской географии и истории в русской фразеологии». И хотя вклад Крыма «в питательную среду русской литературы – русский язык», по его собственному признанию, «микроскопический», требуется серьезная работа по выявлению крымских слов и их системному изучению. Представленные в статье слова указывают на долгие и тесные культурно-экономические связи разных народов Крыма с Россией. И даже если они прерывались, то крымское слово, вошедшее в русский язык, продолжало хранить память о месте его породившем.

Библиография

ГОРНФЕЛЬД А. Крымское слово в русском языке // Красный Крым. 18 августа 1929. №187. С. 3.

ГОРНФЕЛЬД А.Г. Страны и народы в языке // Муки слова: статьи о художественном слове / Предисл. В. Десницкого. М.-Л.: ГИЗ, 1927. С. 206–223.

ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882.

КЛЫКОВ А.А. Краткий словарь рыбацких слов. 2-е изд. М.: Пищевая промышленность, 1968. 120 с.

СПЕРАНСКИЙ М.Н. «Корсунское» чудо Козмы и Дамиана // ИпоРЯС. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. I. Кн. 2. С. 358–375.

СЫРОЕЧКОВСКИЙ В.Е. Гости-сурожане // ИГАИМК. Вып. 127. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 124 с.

Лобода А.Ю.
НИЦ «Курчатовский институт», Москва
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

МЕТАЛЛ СЕРЕГ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА ИЗ ПЛИТОВОЙ МОГИЛЫ 2/2019 НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН*

Loboda A.Yu.

METAL OF EARRINGS IN THE FORM OF A QUESTION MARK FROM A SLAB TOMB 2/2019 ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU

В 2019 году совместной экспедицией ИАК РАН и НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского под руководством Э.А. Хайрединовой и А.И. Айбабина на плато Эски-Кермен были исследованы плитовые могилы первой половины XIV в., расположенные на участке кладбища перед главной базиликой. Среди прочих находок в одной из могил (2/2019) были обнаружены изделия из золота - пара серег из круглой в сечении проволоки в виде знака вопроса, украшенные двумя жемчужинами. Их элементный состав был исследован методом рентгенофлуоресцентного анализа в НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского и подробно описан в отдельной работе [Антипенко и др. 2020]. Сплав серег представлял собой высокопробное золото (ок. 92,5%) с примесями серебра (ок. 4,5%) и меди (ок. 3,5%).

Серьги в виде знака вопроса имели широкое распространение в эпоху Золотой Орды на территории от Дуная до Иртыша [Владимиров 2018; Руденко 2015; Федоров-Давыдов 1966; Каримова 2012: 150-151]. Предметы золотоордынского культурного круга попадают к христианскому населению Юго-Западного Крыма со второй половины XIII в., когда эта территория переходит под протекторат золотоордынской администрации [Герцен, Науменко 2016: 40-41].

Ввиду широкого территориального охвата золотоордынского влияния и малого количества опубликованных данных о составах золотых украшений, говорить об особенностях элементного состава драгоценных изделий Золотой Орды сложно. Часть исследователей предполагает использование золотоордынскими мастерами металла уральских [Лихачёв 1876: 23], зауральских [Акбулатов 1999: 61] и алтайских [Кызласов 1969: 46-47] месторождений, другие допускают использование импортного золота, переплавку монет [Таиров 1995: 28-29; Ганиев 2006: 113; Лебедев, Кожевин 2009: 53-54] и даже византийских, европейских или восточных золотых сосудов [Смирнов 1946: 112-114; Казаков 2001: 8-9].

На основе данных об элементном составе металла драгоценных золотоордынских украшений, проанализированных разными исследователями, можно сделать вывод о крайне высоком разбросе используемых мастерами сплавов. Золотая фольга подвесок с Лаишевского и VI Алексеевского селищ содержала в составе от 30 до 74 % золота [Руденко 2011: 78], бляшки с Селитренного городища - от 62 до 88 % золота [Ковалева 2020].

Серьги в виде знака вопроса известны на территории Болгарии. Подобные изделия распространяются здесь с XIII в. под влиянием степных кочевников [Владимиров 2014: 228]. Две серьги из города Силистра выполнены из 24-каратного, то есть чистого золота, одна - из 14-каратного металла (около 58,5 % золота). Серьга из г. Велико-Тырново изготовлена из золота

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

каратного металла (около 58,5 % золота). Серьга из г. Велико-Тырново изготовлена из золота 20-22 карат (около 88-91,6 % золота). Серьга из Цитадели мыса Калиакра выполнена из 22-каратного золота (около 91,6 % золота). [Владимиров 2018]. К сожалению, полноценная оценка данных составов затруднена, так как содержание легирующих компонентов сплавов серег не известно. Тем не менее, можно отметить широкий диапазон каратности составов драгоценных сплавов, используемых для изготовления серег одного типа.

Массовое производство серег в виде знака вопроса из различных сплавов было налажено в ювелирных мастерских Золотой Орды, однако известно, что появление подобных украшений на Руси связывают не с прямым импортом, а с появлением аналогичных серег, создаваемых местными ювелирами [Владимиров 2018: 16]. Распространение украшений нового типа в значительной мере предполагает появление не только самих изделий, но и в первую очередь моды на них. Значительная разница в составе золотых сплавов серег в виде знака вопроса с территории Болгарии, а также разница в содержании золота в различных драгоценных изделиях на территории, подконтрольной Золотой Орде, могут быть связаны с местным производством нового типа украшений из старого металла, имеющего хождение на данной территории.

Драгоценные металлы и изделия из них более раннего периода, обнаруживаемые на плато Эски-Кермен, как правило, связывают с Византией. Ее влияние на материальную культуру городов Юго-Западного Крыма бесспорно и продолжалось много столетий, вплоть до усиления во второй половине XIII в. Золотой Орды [Айбабин 2014: 240].

До X века византийские золотые ювелирные изделия отличаются высокой степенью чистоты сплава – в металле содержится, в среднем, около 92 – 98% золота [Oddy, La Niece 1986: 25]. Сплавы, используемые в ювелирном деле Византии после X века, содержат, в среднем, около 80% золота. В Крым изделия византийских мастерских поступали, прежде всего, через Херсонес, о чем свидетельствуют находки золотых солидов и византийских драгоценных изделий на территории городища [Залесская 2011: 89-102]. Предметы с территории Херсонеса датируются X – XI вв. и содержат около 90 % золота, содержание легирующих примесей неизвестно.

Таким образом, одной из характерных черт византийских золотых изделий является высокая чистота металла, сохраняющаяся вплоть до XII в.

Близость состава металла серег, найденных на плато Эски-Кермен, ранним византийским сплавам (22 карата – ок. 91,7% золота) позволяет высказать предположение, что для изготовления типичных для золотоордынской среды серег в виде знака вопроса, местные ювелиры использовали более ранние византийские изделия, что и определило высокую чистоту золотого сплава.

Библиография

АЙБАБИН А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.

АКБУЛАТОВ И. М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). Уфа, 1999. 102 с.

АНТИПЕНКО А. В., ХАЙРЕДИНОВА Э. А., МАНДРЫКИНА А. В., ЛОБОДА А. Ю., ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю., ЯЦИШИНА Е. Б., АЙБАБИН А. И. Золото и его имитация в средневековых изделиях из Эски-Кермена // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 78–84.

ВЛАДИМИРОВ Г.В. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII-XIV вв.): происхождение и ареал распространения // Поволжская археология. 2014. №1 (7). С. 223-232.

ВЛАДИМИРОВ Г.В. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань: Изд-во Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, 2018. 128 с.

ГАНИЕВ Р. Т. Восточно-тюркское государство в VI–VIII веках. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 150 с.

ГЕРЦЕН А. Г., НАУМЕНКО В. Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–49.

ЗАЛЕССКАЯ В. Артефакты византийского Херсонеса в историко-культурном контексте // Наследие византийского Херсона. – Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. С.89-102.

КАЗАКОВ Е. П. О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2000–2001. No. 11. S. 7–24.

КАРИМОВА Р.Р. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 136-152.

КОВАЛЕВА К. С. Материалы к изучению изделий из цветных и драгоценных металлов Селитренного городища: химический состав // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 328–347.

КЫЗЛАСОВ Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 212 с.

ЛЕБЕДЕВ В. П., Кожевин А. Е. О находке динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // Тезисы докладов и сообщений XV Всероссийской нумизматической конференции. Ростов-на-Дону, апрель 2009 г. М., 2009.

ЛИХАЧЁВ А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. СПб., 1876. Вып. 1.

РУДЕНКО К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.

РУДЕНКО К. А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 218 с.

СМИРНОВ А. П. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 1946. № 1 (15). С. 112–120.

ТАИРОВ А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1995. (Препринт).

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.

ODDY A., LA NIECE S. Byzantine Gold Coins and Jewellery. A Study of Gold Contents // Gold Bulletin. 1986. No. 19. P. 19–27.

Лоргина Т.В.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический, Севастополь
Прохорова Т.А.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический, Севастополь
Рубаненко Н.В.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический, Севастополь

«ОПИСАНИЕ ИРАКЛИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА» З.А. АРКАСА В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КНИГИ

Lorgina T.V.
Prokhorova T.A.
Rubanenko N.V.

"OPISANIE IRAKLEISKOGO POLUOSTROVA"["DESCRIPTION OF THE HERACLIUS PENINSULA"] BY Z.A. ARKAS IN THE FUND OF THE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE STATE MUSEUM-RESERVE "TAURIC CHERSONESOS": ORIGIN, HISTORY OF USE AND FEATURES OF THE BOOK

Имя Захария Андреевича Аркаса (1793–1866), российского морского офицера, генерал-лейтенанта, историка и археолога, хорошо известно в отечественной историографии [Геннади 1870: 42; Захарий 1976; Мурзакевич 1867: 492–494; Тункина 1993; Тункина 2002: 518–519; см. подробнее: Малиновская 2013: 7–9]. В последние годы литература о жизни и деятельности Захария Андреевича и всего рода Аркасов дополнилась новейшими исследованиями, в которых раскрыты малоизвестные страницы семейной биографии благодаря публикации материалов Государственного архива Республики Крым и Архива города Севастополя [Малиновская 2013].

Сын греческого переселенца, преподавателя древних языков и истории, З.А. Аркас получил классическое образование, окончил Николаевское штурманское училище и в 1816 г. был произведен в мичманы. На службе в 41-м флотском экипаже он участвовал в русско-турецкой войне, отличился при взятии крепости Варна, за что награжден орденом Св. Анны 3-й степени. После нескольких лет службы в 1839 г. оставил службу во флоте в чине лейтенанта. Поселившись в Севастополе, З.А. Аркас одновременно принял на себя обязанности смотрителя штурманской роты, председателя Севастопольского статистического комитета и попечителя местной Петропавловской церкви, а затем последовательно состоял председателем комиссии по построению храма Св. Владимира, инспектором девичьего училища дочерей нижних чинов черноморского ведомства, инспектором севастопольского карантина и, наконец, в 1851 г. был назначен директором Севастопольской морской офицерской библиотеки с восстановлением в действительной военной службе. З.А. Аркас не только произвел ряд важнейших преобразований в библиотеке, но и перед осадой Севастополя в годы Крымской войны перевез ее в Николаев, что спасло ее от гибели [Афанасьев 1885: 30–32]. В Николаеве Аркас прожил до самой смерти.

За время своей службы Захарий Андреевич сделал успешную военную карьеру, однако его личность известна крымским историкам в первую очередь благодаря вкладу в историче-

скую науку. Его перу принадлежат немногочисленные, но весьма весомые сочинения по археологии и истории греческих колоний Северного Причерноморья [Аркас 1853; Аркас 1848]. Среди них особенно выделяется «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса», напечатанное в «Записках Императорского Одесского общества истории и древностей», а после смерти автора изданное отдельной брошюрой [Аркас 1879].

Переизданию сочинения предшествовала работа по созданию проекта «христианского музея» в Херсонесе. Идея создания музея христианских древностей возникла в 1876 г. после того, как к исследованию Херсонеса приступило Одесское общество истории и древностей. Известно, что 17 - 24 февраля 1876 г. обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой ходатайствовал об отпуске средств из хозяйственных сумм Синода - по 1000 руб. ежегодно - «на раскрытие остатков древнего церковного архитектурного искусства и на составление из найденных предметов христианского музея, с поручением этого дела Императорскому Одесскому обществу истории и древностей». Отношением № 2365 от 27 февраля 1876 г. Обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой уведомил Общество о согласии Синода, получив которое Общество приступило к раскопкам в декабре 1876 г. Для этой цели был создан раскопочный Комитет, состоящий из Н.Н. Мурзакевича, П.О. Бурачкова, настоятеля монастыря игумена о. Анфима и военного инженера-полковника К.Е. Геммельмана. Найденные предметы античного периода должны были быть отправлены в Музей Общества, а христианские древности - в «христианский музей» Херсонеса.

Средства на сооружение и обустройство здания музея планировалось получить из пожертвований и от продажи книги З.А. Аркаса «Описание Ираклийского полуострова и древностей его», изданной специальным тиражом его братом Главным командиром Черноморского флота Н.А. Аркасом в 1879 г. Для этой цели из Николаева в Херсонес было доставлено 450 экземпляров книги. Контроль за сбором средств и распространением книг был возложен на иеромонаха Маркиана [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 448. Л. 13, 13 об., 14]. Продажа изданий началась 9 сентября 1879 г., и согласно рапорту иеромонаха Маркиана, к 21 сентября 1879 г. было выручено 34 рубля. По сообщению Н. Аркаса, с 3 октября начался сбор пожертвований, и к 22 ноября 1879 г. удалось собрать 131 руб. К 27 ноября 1879 г. на счете будущего музея было 225 руб. В 1880 г. собранных сумм значилось всего 588 руб., что оказалось недостаточным для устройства музея [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 448. Л. 71, 76, 90, 109, 185].

Недостаток средств привел к тому, что музей так и не был оборудован должным образом. Несмотря на то, что план с получением средств от продажи книг оказался несостоятельным, сочинение З.А. Аркаса все же обрело вторую жизнь. Один экземпляр данного издания хранится и в научной библиотеке Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Этот экземпляр представляет интерес по нескольким причинам, главная из которых – наличие помет и маргиналий разного характера. Примечательно, что в книге не сохранился оригинальный переплет и обложка. На титульном листе присутствуют многочисленные знаки библиотечной обработки. Библиотечный шифр менялся пять раз. Печать библиотеки коричневыми чернилами размещена ближе к корешку, имеет свой современный вид - BIBLIOTHECA CHERSONESSITANA. Под печатью указаны два инвентарных номера: № 89 в послевоенные годы был изменен на №1272, что совпадает с данными в действующей инвентарной книге научной библиотеки. В правом верхнем углу стоит пометка «Ie», красным карандашом под фамилией автора указано – «издан[ие] 2-ое».

Безусловно, такое количество библиотечных и владельческих помет, появившихся в разное время на титульной странице издания, свидетельствует о том, что книга не раз меняла

свое положение в фонде. Это можно объяснить как возрастом издания, так и непростой судьбой самой библиотеки, пережившей две эвакуации и множество переездов.

За титульным листом был размещен папье-плюр для защиты фотопортрета генерал-майора З.А. Аркаса, наклеенного на 2-й ненумерованной странице. Папье-плюр, должно быть, был поврежден или изношен и впоследствии срезан, вероятно, во время реставрации книги. На обороте этого листа расположена более ранняя печать библиотеки – «Библиотека Государств[енного] Херсонесского музея» с действующим инвентарным номером – №1272. Другие штампы библиотеки Херсонесского музея сохранились на странице 17 – более ранний «Библиотека Государств[енного] Херсонесского музея» и сменивший его «BIBLIOTHECA CHERSONESSITANA». Там же расположены оба, устаревший и действующий, инвентарные номера.

Более половины страниц книги покрыты пометками, есть маргиналии. Пометки сделаны простым карандашом, реже цветными – красным и синим. В основном это вертикальные и горизонтальные линии, выделяющие абзацы и предложения, наиболее интересные для читателей.

На странице 14 расположена маргиналия, позволяющая по почерку идентифицировать первого владельца книги Карла Казимировича Косцюшко Валюжинича. Слова «Город этот по-видимому был построен неправильно в беспорядке» прокомментированы в сноске, сделанной рукой К.К. Косцюшко-Валюжинича и расположенной внизу страницы. Содержание сноски: «наоборот: все улицы расположены идеально - правильно». Уже много позже другой читатель научной библиотеки оставил еще одну надпись на этой странице, уточнив расположение насыпи. На странице 15 в левом нижнем углу Карл Казимирович указал синим карандашом год – «1902 г.».

На странице 18 и 19 напротив текста, в котором перечисляются строения древнего Херсонеса, пока не известный нам читатель внес свои пометки простым карандашом. Исследователь работал с планом древнего Херсонеса, вклеенным в книгу, и сопоставив содержание карты с текстом, выявил ошибку в нумерации объектов на плане, что и отразил в своих пометках. На страницах 19 и 20 имеются отметки, сделанные красным и синим карандашом. После страницы 20 пометки и маргиналии в тексте отсутствуют.

В конце книги расположено 9 таблиц с литографиями, изготовленных литографией главного управления Черноморского флота и портов М.В. Рюмина. Перечислим их: «I. Топографический план Гераклейского полуострова» (на плане есть отметки синим карандашом); «II. План развалин нового Херсонеса» (таблица расчерчена простым карандашом на квадраты); «III. Виды нового Херсонеса»; «IV. Планы древнего Херсонеса»; «V. Планы и виды древнего Херсонеса» (простым карандашом указаны распространенные названия мест); «VI. Развалины Чембало»; «VII. Виды и планы укрепления Феодоро»; «VIII. Виды древностей, иссеченных в южных скалах Инкерманской долины»; «IX. Херсонский монастырский мыс». Два из перечисленных девяти планов (II и VI) хранятся также и в чертежном фонде научного архива Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», однако имеют иную нумерацию – VI и X соответственно, что отвечает порядку их расположения в первоиздании сочинения на страницах ЗООИДа.

В 1896 г. по заказу Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича издание было переплетено в типографии и переплетной мастерской Д.О. Харченко, о чем свидетельствует счет, сохранившийся в научном архиве музея-заповедника [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 46. Л. 182]. По всей видимости, книга приобреталась ранее для пополнения фонда библиотеки музея, так как личный штамп Карла Казимировича на самой книге отсутствует. Многочисленные пометы,

оставленные в книге, свидетельствуют об интересе к произведению, что сказалось и на сохранности экземпляра. Затеки воды на книжном блоке, многочисленные надрывы страниц, следы ремонта и впоследствии утеря переплета, заказанного Косцюшко-Валюжиничем.

В XX в. книга подвергалась ремонту, большая часть страниц была укреплена плотной бумагой. Оригинальный переплет заменен на переплет из синего ледерина. На верхней крышке переплета наклеена фотография Свято-Владимирского собора, снимок сделан в послевоенные годы. Качество выполненных переплетных работ указывает на работу непрофессионала, однако они способствовали сохранению книги – интереснейший экземпляр в составе книжного собрания музея-заповедника.

Библиография

АРКАС З.А. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту, безымянного автора с местами, назначенными на меркаторской карте Черного моря, последней описи, 1836 года капитан-лейтенанта Манганари 1-го // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 114–150.

АРКАС З.А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсониса // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 245–271.

АРКАС З.А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсониса. Николаев, 1879. 29 с.

АФАНАСЬЕВ Д.М. Севастопольская морская офицерская библиотека // Морской Сборник. 1885. № 6. С. 1–59.

ЗАХАРИЙ АНДРЕЕВИЧ АРКАС: Материалы к биографии З.А. Аркаса / Сост. А. Топоров. Николаев, 1976. 4 л.

МАЛИНОВСКАЯ Е.С. Захарий Андреевич Аркас // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / Отв. ред. С.А. Ермишина. М., 2013. Выпуски 3–4. С. 7–23.

МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. З.А. Аркас. [Некролог] // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 492–494.

ГЕННАДИ Г.Н. Справочный словарь русских писателей и ученых. Т. 1. Берлин, 1870. 364 с.

ТУНКИНА И.В. Неизвестный клад херсонесских монет 1844 г. // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С. 76–78.

ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 518–519.

Майко В. В.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

НОВЫЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ КРЕСТЫ С ГРАВИРОВАННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ

Maiko V.

NEW MIDDLE EAST BYZANTINE CROSSES WITH ENGRAVED IMAGES FROM MEDIEVAL SUGDEJA

Ближневосточные сиро-палестинские, но, в целом, византийские энколпионы Сугдеи с гравированными изображениями, выполненными в «штриховой» манере, неоднократно становились предметом специальных исследований [Майко 2014: 167]. До недавнего времени их количество составляло три экземпляра.

Оборотная створка первого из них с изображением Богородицы в позе Оранты была найдена М.А. Фронджуло при осмотре разрушенных погребений некрополя Судак-II на юго-западном участке посада Сугдеи [Майко 2014: 450, рис. 182, 3] (Рис, 1, 1). Надпись повреждена в древности и состояла, вероятно, из пяти букв ПЕ..РО. Наиболее приемлемый вариант реконструкции – имя Апостола Петра (Πέτρο)ς. На известных автору подобных энколпионах изображение этого Апостола помещались только на боковых лучах с легендами Πέτρος или Πέτορς [Дончева-Петкова 2011: 65, обр. 11, 140; 2011: 74, обр. 13, 173б]. Оборотная створка второго креста была обнаружена И.А. Барановым в слое пожара второй половины XIII в. на полу каменного жилого дома на северо-восточном участке посада средневековой Сугдеи [Майко 2014: 450, рис. 182, 2]. Верхний луч изделия обломан в древности, что не позволяет произвести атрибуцию изображения. Третий фрагмент с изображением Богоматери с легендой МР ΘΥ и Святых на боковых лучах был найден на территории Сугдеи в подъемном материале [Майко 2014: 450, рис. 182, 1].

К этой небольшой коллекции необходимо добавить еще один экземпляр, хранящийся в фондах музея-заповедника «Судакская крепость» (МЗСК КП-738/48). Он был обнаружен в 2018 г. в подъемном материале в районе христианского храма, исследованного в 1995 г. у подножия горы Полвани-Оба. Высота его вместе с креплениями составляет 9,3 см при максимальной ширине 5,3 см (Рис. 1, 2), что соответствует крупным мощевикам. На кресте помещено гравированное изображение Святого юного возраста в позе Оранта с длинными изогнутыми ладонями. Надпись на верхнем луче НОАННС не оставляет сомнений в атрибуции фигуры, как Святого Иоанна. Орнаментальное оформление верхней и нижней части одежд, в том числе с использованием точечного орнамента и штриховки, находит аналогии во многих образцах подобных изделий. Отметим горизонтальную полосу, украшающую левый край нижней части одеяния, заполненную чередующимися крестами. Характерной особенностью энколпиона являются две стилизованные пальмовые ветви в виде вертикальных лепестков, заполненные противопоставленными горизонтальными полосами. Сверху и снизу лепестки украшены концентрическим орнаментом в виде двух кружков, только имитирующих, в данном случае, круглые гнезда для вставок. Оформление боковых лучей рассматриваемой группы энколпионов стилизованными пальмовыми ветвями встречается достаточно часто, в том числе, и для мощевиков с изображениями Святого Иоанна. Тем не менее, точных аналогий данному варианту нам неизвестно. Достаточно часто встречаются случаи, когда пальмовая

ветвь дополняется одинарной или двойной христограммой. Нам известен только один экземпляр с изображением Святого Георгия, происходящий из материалов Софийского Национального археологического института и музея Болгарской академии Наук, где стилизованная пальмовая ветвь другого варианта украшена по бокам одинарными концентрическими кружками [Дончева-Петкова 2011: 81, обр. 15, 178а].

Нет сомнений и в том, что крайняя лаконичность надписей имени Святого Иоанна на восточных византийских энколпионах и неопределенность иконографических признаков, не позволяет безошибочно идентифицировать этого Святого. Лишь на уникальных изделиях надпись определяет Иоанна как Иоанна Богослова или как Иоанна Предтечу. Б. Питаракис, в случае изображения юного лица и помещения Богоматери на оборотной стороне, идентифицирует большинство фигур, как Святого Иоанна Богослова [Pitarakis 2006].

Византийские энколпионы с гравированными рисунками в настоящее время неплохо изучены и достаточно полно опубликованы в обобщающих каталогах и монографиях [Асташова, Петрова, Сарачева 2013; Дончева-Петкова 2011; Залесская 1988: 93-104; Пескова, Строкова 2012; Pitarakis 2006]. Иконография схематично изображенного на них Святого Иоанна детально проанализирована [Пескова, Строкова, 2012: 35, 36]. Отмечено, что мощевики с изображениями именно этого Святого, которые в целом датируются не ранее первой половины XI-XII вв., одна из частых находок. Хорошо известно, что эти кресты отличает универсальность лицевых изображений и отсутствие каких-либо индивидуальных черт. Изготавливали их, как в крупных специализированных мастерских, так и в более мелких, существовавших при монастырях в местах особого почитания отдельных Святых [Пескова, Строкова, 2012: 36].

Совершенно очевидно, что массовость производства этих предметов личного благочестия обусловила наличие очень близких стилистических и иконографических групп. Вместе с тем, исходя из технологии ручного производства, каждое изделие имеет свои индивидуальные черты и абсолютно подобных экземпляров, выполненных одним штампом, практически не встречается. Верно и то, что, несмотря на крайнюю схематичность многих изображений, все они выполнены квалифицированными и опытными мастерами [Залесская 2013: 102-105].

Второй фрагмент (МЗСК КП-740/17) (Рис. 1, 3), обнаруженный в 2013 г. в подъемном материале в восточной части средневековой Сугдеи представляет собой фрагмент верхнего луча креста, максимально сохранившейся высотой 2,9 см, шириной 2,7 см при толщине 0,2 см. На окончании луча помещена греческая надпись ГЕОРНОС, подчеркнутая двумя параллельными заштрихованными линиями, которая не оставляет сомнений в том, что пред нами изображение Святого Георгия. От последнего, к сожалению, сохранился в нижней части луча только нимб.

Это первый в Сугдее фрагмент редкой категории христианских ближневосточных византийских гравированных изделий в виде нагрудных односторонних, массивных, прямоконечных, с расширяющимися концами крестов. Петля на нашем экземпляре не сохранилась. Наиболее типологически близкий экземпляр присутствует в коллекции Б.И и В.Н. Ханенко [Пескова, Строкова 2012: 146, № 53]. На нем так же изображен Святой Георгий с аналогичным нимбом в нижней части луча. В трехрядной надписи в имени Святого присутствует лишняя буква. Концы креста по краю так же орнаментированы. По мнению авторов публикации и фигура Святого, и надпись выполнены неуверенной рукой. Типологически близкий крест с именем Святого Феодора и с крайне схематическими изображениями известен и в коллекции Государственного Эрмитажа [Залесская 1998: 41, № 46].

Исходя из сложившейся в Византийской империи политической ситуации, способствовавшей оживлению торговых и культурных контактов, время проникновения на относительно широкие территории, в том числе и на Крымский полуостров, гравированных энколпионов и крестов относится, вероятно, ко второй половине X – первой половине XI в. Именно в это время после возрождения разрушенных арабами ближневосточных Святых мест, паломники начинают активно посещать православные христианские центры Сирии, где получают разнообразный литургический инвентарь и предметы личного благочестия [Залесская 1988: 98]. Этот процесс продолжается и на протяжении второй половины XI-XII в. [Пескова 2009: 285-312]. Этим же временем, на основании нумизматического материала датируют время появления подобных энколпионов на Балканах, в Добрудже, на юге Болгарии [Дончева-Петкова 1991: 53, табл. I, 1б] и на Руси [Куницький 1990: 106-116]. Находки гравированных энколпионов и крестов в слоях XIII-XV вв. объясняется, чаще всего, длительным периодом их бытования [Пескова 2009: 302].

Библиография

АСТАШОВА Н. И., ПЕТРОВА Л. А., САРАЧЕВА Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. Москва: РИП-холдинг, 2013. 319 с.

ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА Л. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. № 8. 1991. С. 51–65.

ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV в.). София, 2011. 751 с.

ЗАЛЕССКАЯ В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV - XVI вв. Л., 1988. С. 93-104.

ЗАЛЕССКАЯ В. Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки. СПб., 1998. С. 12-59.

ЗАЛЕССКАЯ В. Н. Особенности иконографии византийских крестов-энколпионов XI–XII вв. (традиции и практика благочестия) // Византия и византийское наследие в России и в мире: тез. докл. XX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2013. С. 102-105.

КУНИЦЬКИЙ В. А. Близькосхідні енколпіони на території південної Русі // Археологія. № 1. 1990. С. 106–116.

МАЙКО В. В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 467 с.

ПЕСКОВА А. А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // Archeologia Abrachamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. С. 285-312.

ПЕСКОВА А. А., СТРОКОВА Л. В. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.-Киев, 2012. 224 с.

PITARAKIS B. Les croix-rel-iquaires pectorales Byzantines en bronze / Cahiers Archéologiques. Paris: Picard, 2006. T. XVI. 447 p.

Список иллюстраций

Рис. 1. Ближневосточные византийские энколпионы с гравированными изображениями средневековой Сугдеи: 1 – из раскопок М.А. Фронджуло; 2 – из подъемного материала 2018 г.; 3 – из подъемного материала 2013 г.

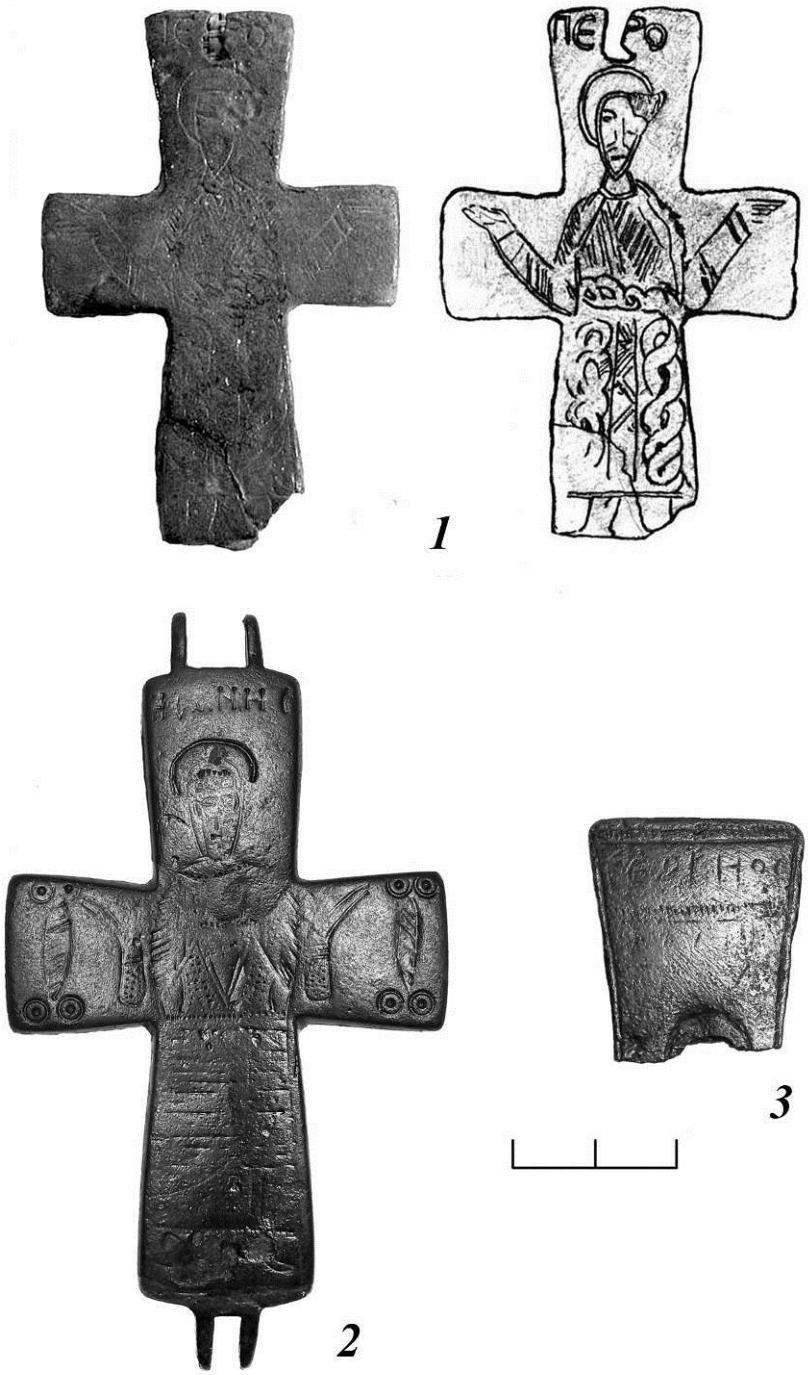


Рис. 1

Маковская Д.В.
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Косов Г.В.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

КЛЮЧЕВЫЕ ПАТТЕРНЫ ВИКТИМИЗАЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ОБЩНОСТИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ*

Makovskaya D.V.
G.V. Kosov
KEY PATTERNS OF VICTIMIZATION OF THE CRIMEAN TATAR COMMUNITY OF THE CITY OF SEVASTOPOL

Аннотация. В статье выделяются ключевые паттерны виктимизации крымскотатарской общности города Севастополя. Формулируется наиболее операциональное в контексте исследования понимание комплекса жертвы. Выделяются ключевые детерминанты, способствующие закреплению комплекса жертвы, сформированного депортацией 1944 года в массовом сознании крымских татар. Обозначается опасность данной тенденции и необходимость ее преодоления.

Ключевые слова. Крымские татары, комплекс жертвы, массовое сознание.

Summary. The article examines the consolidation of the victim complex caused by the deportation of 1944 in the mass consciousness of the Crimean Tatars. The most operational understanding of the victim complex in the context of the research is formulated. The key determinants are highlighted that contribute to the consolidation of the victim complex formed by the deportation of 1944 in the mass consciousness of the Crimean Tatars. The danger of this trend and the need to overcome it are indicated.

Key-words. Crimean Tatars, victim complex, mass consciousness.

Изучая закрепление комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар, проживающих на территории Крыма, необходимо кратко остановиться на феномене виктимизации. В наиболее общем смысле термин «victimization» означает приобретение статуса потерпевшего или регистрацию в качестве потерпевшего, т. е. виктимизация – это процесс превращения человека в жертву преступления, конечный результат данного процесса [Ривман 2002: 80]. В контексте нашего исследования одним из операциональных является определение, предлагаемое в рамках социальной педагогики, которая толкует виктимизацию как «процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы неблагоприятных условий социализации» [Журлова 2010: 14]. Применительно к этническим группам выделяют следующие факторы виктимизации:

1. объективные факторы – особенности исторического развития, этнокультурные условия, специфика социальной, экономической и политической жизни;

2. мезофакторы – этническое самосознание, особенности национального характера;

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-411-920003 «Детерминанты и механизмы закрепления сформированного депортацией 1944 года комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар города Севастополя и инструменты его преодоления»

1. объективные факторы – особенности исторического развития, этнокультурные условия, специфика социальной, экономической и политической жизни;

2. мезофакторы – этническое самосознание, особенности национального характера;

3. субъективные факторы – психологические свойства людей, влияющие на их способность к адаптации [Одинцова 2012: 27].

В нашем исследовании мы исходим из того, что виктимность этнических общностей является массовой виктимностью. К этому социальному явлению относится виктимность интегративных жертв (аддитивная виктимность) или интегративная виктимность [Ривман 2002: 73]. Проявления групповой виктимности могут быть свойственны отдельным категориям людей, выделяемым по различным качества и свойствам, в том числе по этнонациональной принадлежности.

Виктимологические аспекты этничности могут проявляться в качестве характеристик социальной среды жизнедеятельности этнических субъектов, способствующих формированию у них комплекса жертвы, в том числе в контексте уязвимости к совершаемым по отношению к ним деликтам, основанным на этнической неприязни. Этническая принадлежность способна выступать в качестве маркера социальной группы, демонстрирующей виктимное поведение по отношению к реальному или сконструированному врагу, раскрываясь через реализацию комплекса жертвы.

Наиболее операциональным для нашего исследования является определение комплекса жертвы, предложенное в работе Е.Н. Велешко «Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов». На его основе применительно к этническим общностям мы будем рассматривать комплекс жертвы как совокупность реализующихся в социальных проявлениях психологических реакций, которые возникают вследствие влияния травмирующих исторических контекстов и общественно-политических условий развития социальных, в том числе этнических, общностей, а также представлений о них, и формируют у них поведение жертвы как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. В роли условного «врага» выступает контактирующий этнос, государство, внешние субъекты. Они могут рассматриваться в коллективном сознании этнической общности как совершившие преступление по отношению к демонстрирующему виктимное поведение этническому субъекту.

Для поведения жертвы характерна агрессия по отношению к окружающему миру и идентифицированному преступнику, которого она стремится наказать. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причиненный явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этнической общности будет носить агрессивные компенсаторные черты и сопровождаться требованиями сатисфакции.

При этом, используя методологические основы социального конструктивизма, мы можем говорить о виктимности, как социальном феномене и качестве социальной реальности, выступающем как характеристика определенного общественного состояния. Соответственно, комплекс жертвы может конструироваться через внедрение различных деструктивных версий восприятия прошлого и восприятие социально-политической действительности.

На данный момент мы можем говорить об присутствующих признаках закрепления комплекса жертвы, сформированного депортацией 1944 г., в массовом сознании крымских татар. Они проявляются несмотря на масштабные комплексные меры, направленные на реабилита-

цию и обустройство крымских татар, проживающих на территории Крымского полуострова, предпринятые российским руководством.

Безусловно, депортация 1944 года является одним из наиболее травмирующих событий этнической истории крымских татар, которая оставила огромный деструктивный след в судьбе этого народа. Но помимо этого существуют ряд детерминант, которые способствуют сохранению и закреплению комплекса жертвы в массовом сознании этого народа. В первую очередь к ним можно отнести активное влияние на массовое сознание данной этнической общности, которое реализуется на различных публичных площадках и Интернет-ресурсах, многие из которые финансируются со стороны внешних субъектов.

Необходимо отметить и присутствие в массовом сознании контактирующих этносов негативных стереотипов, связанных с ролью крымскотатарской общности в Великой Отечественной войне, их перенос на современные межэтнические отношения.

Значительную роль играет присущая крымским татарам противоречивость этнического статуса, в которой субъективное восприятие ими своего статуса не соответствует его реальному измерению. Во многом это определяется присутствием в истории этого народа собственной государственности на территории Крымского полуострова. Кроме того, большим влиянием обладают изменения внутриэтнической стратификации, ценностных ориентаций, трансформации отношения к элитным группам, связанные с встраиванием крымскотатарской общности в политико-правовое пространство Российской Федерации.

Закрепление в массовом сознании комплекса жертвы несёт в себе риски развития межэтнической конфликтности на полуострове и, что наиболее важно, способствует замыканию в себе, в своих этнических границах одного из наиболее этнических групп полуострова, без участия которых невозможно продуктивное устойчивое развитие данной территории. Соответственно, преодоление данной тенденции должно обладать серьезной значимостью для государственных и общественных структур.

Библиография

ЖУРЛОВА И.В. Социально-педагогическая виктимология. Мозырь: Мозырьский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина; 2010. 172 с.

ОДИНЦОВА МА. Психологический анализ факторов виктимизации белорусов и россиян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2012. № 45. С. 26–31.

РИВМАН Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: 2002. 304 с.

Мальцева Д.А.
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Сафонова О.Д.
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Тузова П.Р.
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

БРЕНДИНГ КРЫМА: СИМВОЛЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Maltseva D.A., Safonova O.D., Tuzova P.R.
CRIMEA BRANDING: SYMBOLS OF IDENTITY IN THE STRUCTURE OF TERRITORIAL STRATEGIC GOVERNANCE

2020 год бросил глобальные вызовы мировому сообществу: социально-политические отношения, экономика, туризм и другие сферы общественных взаимодействий испытали на себе существенное влияние ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19. В первой половине 2021 года границы между государствами по-прежнему преимущественно закрыты. В контексте происходящих событий актуализируется вопрос использования имеющихся ресурсов для стимулирования внутреннего туризма, что приобретает особую академическую и практическую значимость для дальнейшей реализации политики Республики Крым. Можно утверждать, что одним из основных рычагов переориентации туристских потоков на курорты полуострова выступает брендинг территорий. Одновременно с этим стоит отметить, что Крым нуждается в брендинге не только по причине необходимости привлечения туристов; у региона отчетливо прослеживается потребность в конструировании новой идентичности, что видится возможным посредством использования исследуемого инструмента.

Несмотря на то, что программы брендинга территорий в России реализуются уже не первое десятилетие, имидж отдельных территорий формировался стихийно. Заимствование зарубежного опыта брендинга территорий наблюдалось в России при проведении крупнейших мировых спортивных мероприятий, однако разработка национальных стратегий и концепций в этой области представляется академически не достаточной [Корнилова, 2019: 388–403].

Брендинг территории включает в себя использование следующих базовых инструментов:

– стратегические инструменты, направленные на конструирование стержня бренда с учетом основных характеристик и особенностей территории. К числу стратегических инструментов относятся миссия территории и слоган, ее отражающий;

– рекламные инструменты;

– PR-инструменты;

– символические инструменты (наличие единого визуального стиля, транслирующего символическую политику территории: герб, флаг, дизайн сувенирной продукции и др.).

Использование указанных инструментов актуально в процессе реализации основных этапов брендинга: исследования внутренних ресурсов, таких как географическое положение, развитие инфраструктуры, общее благосостояние, экологическая обстановка, компетенции территории и др., внешних аспектов – политико-экономических трансформаций, социокультурных интенций, общественных запросов и представлений, а также в рамках осуществления механизмов оценки и контроля.

Опираясь на исследование классических моделей территориального брендинга, обозначим наиболее релевантные для республики Крым. В первую очередь, это модель колеса бренда, где в центре находится содержание бренда, на которое «нанизываются» остальные составные части бренда, например, «ценности», «индивидуальность» (эмоциональные результаты использования бренда), «атрибуты» (физические и функциональные характеристики, фирменный стиль) [Бурцева, Кузнецов, Ворожцов, 2009]. Затем, видится возможным преобразование модели капитала бренда государства К. Динни в модель капитала бренда территории [Динни, 2013]. Капитал, в соответствии с данной концепцией, складывается из внутренних и внешних факторов. Первые делятся на «врожденные» (ландшафт, культура) и «приобретенные» (уровень лояльности, поддержка искусства). Внешние активы делятся на «активы, оцениваемые через опыт других людей» (восприятие имиджа, изображение региона в иностранной культуре) и «рассредоточенные активы» (послы бренда, диаспора, экспорт). Академический интерес вызывает также концепция создания бренда на основе конкурентной идентичности С. Анхольта, нашедшая свое отображение в модели шестиугольника бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди [Anholt, 2007]. Основная идея концепции заключается в том, что имидж территории невозможно сконструировать искусственно, в его основе лежат вполне осязаемые, измеряемые параметры. При ориентации на эту модель в дискурсе осуществления брендинга Крыма необходимо помнить о том, что разрабатываемые стратегии должны охватывать все шесть направлений развития, обозначенных автором.

Особое значение в контексте создания бренда территорий приобретает разработка фирменного стиля, включающего два основных аспекта: фирменный стиль для туристов и его конфигурацию для местных жителей. Визуальные элементы бренда способствуют формированию доверия со стороны целевой аудитории и существенно повышают его узнаваемость. Рассмотрим классические элементы визуализации. Герб – официальная символика региона, необходимая для внешнего позиционирования, однако не фиксирующаяся в форме смысловых паттернов в сознании населения. Обратная ситуация с логотипами, подходящими для массового тиражирования. Элементы фирменного стиля, которые украшают упаковки продуктов, сайты, форму сотрудников различных организаций, в том числе муниципальных органов, имиджевая продукция региона и др. являются крайне актуальными инструментами продвижения на современном этапе. По мнению авторов данного исследования, в вопросах разработки фирменного стиля для Крыма представляется эффективным использование цветов триколора – цветов не только флага республики, но и флага страны – возможного инструмента консолидации общества при формировании новой идентичности.

Подводя итоги, дадим иллюстрации ассоциативного ряда символических элементов и паттернов, возникающих при упоминании Крыма, который приводит к выдвижению элементов фирменного стиля различных объектов, подвергающихся классификации:

– бренд географического места (Черное море, гора Ай-Петри)

– бренд объекта (Керченский мост, МДЦ «Артек», «Ласточкино гнездо»);

– бренд производителя на территории происхождения («Массандра», «Коктебель»);

– бренд места давнего исторического события (Херсонес);

– уникальная характеристика города как бренд (Севастополь).

Помимо этого, видится уместным использование картографического изображения полуострова в фирменном стиле, как это уже было реализовано при создании логотипа региона. Эффективной представляется популяризация логотипа и стиля посредством размещения на транспорте, в общественных местах, на униформе сотрудников и др. В контексте возможной

реализации политики новой искренности, построенной на преодолении барьера между властью и населением, оптимальным способом продвижения бренда территории может выступить диалог с жителями и туристами посредством использования общественных пространств с дальнейшим масштабным освещением подобных событий в медиа.

Таким образом, очевидным является тот факт, что, обладая колоссальным потенциалом, территория Крыма должна продолжать форсировано и качественно продвигаться. Вне зависимости от выбора конкретной модели брендинга, отчетливо видна необходимость генерирования и распространения фирменного стиля, основанного на разработке уникальной культурно-исторической, политической и экономической модели продвижения региона с учетом формирования новой идентичности. Бренд региона – комплексный продукт эффективного развития территории и ее окружения, а также инструмент обеспечения ее глобальной конкурентоспособности на современном этапе. [Баженова, 2013: 120–125].

Библиография

БАЖЕНОВА Е.Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra Economicus. 2013. Том 11. №3. Ч. 2. С. 120–125.

БУРЦЕВА Т.А., Кузнецова А.В., Ворожцов С.Н. Управление региональным брендом // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. №1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.mavriz.ru/articles/2009/1/4778.html (дата обращения: 14.01.2021)

ДИННИ К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2013. 380 с.

КОРНИЛОВА К.С. Территориальный брендинг как инструмент развития региона (на примере Республики Крым) // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. №2. С. 388–403.

ANHOLT S. Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan. 2007. 147 p.

Мариино Иван
Фонд «Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa»,
Неаполь, Италия

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ 90-ЫХ ГОДОВ XX в*.

Marino Ivan

CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 90S OF THE 20 th C.

Предлагаем читателям некую ретроспективную хронику некоторых страниц конституционной истории, точнее конституционных реформ в России в начале 90-ых годов.

Не трудно себе представить как перед разработчиками Конституции1 в самом процессе ее создания представляется много проблем чисто политического характера - это всевозможные страстные политические баталии, непримиримая борьба в достижении сложных компромиссов и т. д..

Но здесь нас немного заинтриговал другой аспект, то есть хотели разобраться в том, какого рода проблемы могут еще оказаться перед ними в процессе разработки, редактирования и окончательного уже формулирования качественных норм Конституции.

Потенциальные возможные (позволим себе такой термин) «дефекты» конституционных норм могут быть многочисленными в разнообразных отношениях и понятно, что на это и самое главное во время разработчик Конституции обязан обратить не менее особое внимание. Но мы не хотели о них абстрактно предполагать, а хотели конкретно и предметно их «экстраполировать» из стенограмм тех дебатов среди разработчиков Конституции в начале 90ых годов, определить и оживлять для возможных будуших дискуссий.

В основном мы постарались разобраться в этих проблемных вопросах и на них обратить должное внимание на момент тогда когда они замечались, на ходу, прямо и сразу самыми разработчиками Конституции, буквально из их реальной практики, непосредственного опыта создания конкретной конституционной нормы.

* Автор хочет выразить благодарность Проф. у Вере Иерарди, доценту курсов русского языка и спецсеминаров «секторальные языки: русский язык в СМИ, русский язык для политологов» Государственного неаполитанского Университета “Università degli Studi di Napoli “L’Orientale” за бесценные советы.

[1] Употребляются в отечественной литературе и соответственно многократно встречались нами и другие определения: авторы Конституции, составители Конституции, творцы Конституции, создатели Конституции, отцы-основатели Конституции, проектанты Конституции, конституционные законодатели, участники конституционного процесса 1990-1993 гг.. И кстати встречаются и более оригинальные определения: «архитекторы Конституции». (Ю. М. Батурин: См.: Конституционные этюды. М., 2008, ст. 18.). В России в начале 90ых годов процесс создания Конституции начался в парламентской «Конституционная Комиссия» (далее - КК), но в результате нашел свое совершение на президентском «Конституционном Совещании» (далее – КС). Соответственно в данной статье будем указывать по обстоятельству, были они, членами КК, либо участниками КС. Но надо еще иметь в виду, что по мимо соответствующих проектов КК и КС, были предложены в разной степени более сорока (!) проектов Конституции. (Перечень проектов Конституции РФ опубликованных в издании «Из истории создания Конституции Российской Федерации» Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы. В 6 томах (10 книгах). - 41 проектов. См.: Том 6, ст. 1027). Объект нашего анализа представлял все проекты вместе взяты. И мы целенаправленно обратились не только к членам КК и к участникам КС, но и ко всем остальным участникам тогдашних конституционных процессов, то есть к разработчикам многих других проектов Конституции, уже вне заваимости от того, была принята конституционная норма в конечном итоге или нет. Нам была важна в данной статье сама общая работа разработчиков конституционных норм. Следовательно логично и последовательно решили употреблять в основном понятие: разработчики Конституции.

разработчиками Конституции, буквально из их реальной практики, непосредственного опыта создания конкретной конституционной нормы.

Эти все моменты, то есть размышления, впечатления, наблюдения тех, которые участвовали в процессе рождения и развития конституционных норм и поэтому тех, которые это знали на своем собственном опыте, к великому счастию застенографированы! И в большей степени еще и опубликованы. Документы, материалы, но особо стенограммы КК32 и КС33 стали предметом нашего скрупулезного анализа.

И здесь хотели сразу подчеркивать, как для нас было не важно определить, что допустим некие слабые моменты, неудачные формулировки и т. д. замечались нами именно в проекте КК, либо в проекте КС, либо еще где-то в других предложенных проектах Конституции в рамках тех конституционных реформ.

Мы не собирались в этой статье дать наше предпочтение по отношению к конституционным нормам допустим одного из проектов Конституции КК либо КС и еще не были намерены занять позиции относительно разнообразных отдельно-взятых предложенных оценок разработчиков каждой конституционной нормы.

Нам единственно, было важно уточнить - какие именно тогда виделись, обнаруживались разработчиками конституционных норм в начале 90ых годов возможные слабые моменты в конституционных нормах.

В этом смысле мы более конкретно поставили лишь перед нами задачу уточнить - чем впринципе разработчики конституционных норм тогда руководствовались, что их особо настораживало, какую озабоченность проявляли, чего опасались, к чему стремились. Более конкретно например, какие высказывались редакционные пожелания, как отклонялись некоторые поправки как не имеющие нормативного выражения, какое было тогда и по каким именно причинам переформулирование некоторых статей. И соответственно какие были их аргументы и контраргументы в этом плане и неменее важно как тогда они представляли себе возможные соответствующие последствия возможного возникновения такого рода «дефектных» конституционных норм.

Не секрет, что разработка текста Конституции – дело особо сложное, тем более, что в этом нужно внести не простые, глубокие прогностические усилия. Точнее требуется внимательное прогнозирование всевозможных проблем, которые могут вообще возникнуть в результате когда Основной Закон войдет в силу, значит в сложной во всех отношениях фазе его практического применения.

Представляет подобный аспект неким метафорическим образом В. Д. Зорькин: «автор нормативного текста должен чувствовать себя в определенном смысле шахматистом: он должен предугадывать ходы правоприменителей, направленные на то, чтобы нивелировать положительный эффект разрабатываемого им нормативного регулирования».34

Конечно, совершенно понятно, что разработчик Конституции как конечный результат разработанной им конституционной нормы должен поставить перед собой цель - добиться

---

[32] См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная Комиссия. Стенограммы, материалы, документы. (1990-1993 гг.). Под общей редакцией О. Г. Румянцева. В 6 томах. М., 2007.

[33] См.: Конституционное Совещание. Стенограммы, материалы, документы (29 апреля – 10 ноября 1993 г.). Под общей редакцией: С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М., 1995.

[34] См.: В. Д. Зорькин. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011, ст. 193.

того, чтобы в результате она получила максимально единообразное понимание, толкование и применение.

Но и тогда он должен последовательно постараться тогда, в фазе ее создания, достичь ее максимальной ясности.

Каждому разработчику конституционных норм, конечно известно что, в каждой статье есть в большей или меньшей степени не только общая, но и собственная логика развития и что, за тем потенциал конституционной нормы будет эволюционировать в какой-то мере в непредсказуемой динамической перспективе в зависимости от сложной комбинаций многих разных и иногда независимых факторов. Как известно и принято говорить: Основной Закон не остается на бумаге, а будет жить своей жизнью. Но вместе с этим с другой стороны все таки, нельзя не учесть, что в развитии вот этих процессов от него и точнее от того как конституционная норма будет установлена на бумаге если не все зависит, но все таки не мало и зависит. Приводим в этой связи любопытный и оригинальный комментарий на КС С. А. Филатова, который начал обсуждать предложенные конституционные нормы исходя из других научных принципов. После выступления Б. А. Страшуна, который в обсуждении спорной статьи Конституции и термина «публичная власть» сделал определенное предложение: «Но я думаю, чтобы не вдаваться нам во все эти споры, эту последнюю фразу просто исключить. И все», отреагировал именно он и попробовал адаптировать «максиму» инженеров к конституционной материи: С. А. Филатов (Председательствующий): «Согласны? Я тоже так считаю. Вы знаете, есть такое правило. У инженеров оно хорошо применяется. Если на бумаге получается, то и в жизни может получится. Но если на бумаге не получается, то в жизни точно никогда не получится».35 И в конце концов нельзя сказать, что «конституционный инженер» Филатов не прав особо в той части где подчеркивается, что разработчик должен постараться, чтобы все получилось удачно на бумаге, и тогда и в реализации, в применении может быть и получится!

Бывший член Конституционного Суда В. О. Лучин, (кстати, тогда был научным консультантом проекта Конституции РФ группы народных депутатов РСФСР «Коммунисты России»),36 обоснованно иллюстрирует как вообще желательно должно быть: «Конституционные нормы в целом отличаются точностью и выверенностью, четкостью и ясностью формулировок. Уже в процессе подготовки проекта Основного закона происходит как бы предварительное толкование его норм, устраняются возможности их неоднозначной, тем более противоречивой интерпретации».37

О сложностях процесса разработки конституционных норм, член Рабочей группы К.К. Р. И. Пименов тогда сделал очень интересный и дальновидный анализ общего характера: «Работа над формулировками – очень утомительная и неблагодарная работа. Сначала рождается нечто приблизительное. В процессе коллективного обсуждения выясняется, как по-разному понимается написанное разными участниками обсуждения. А ведь участники обсуждения – это еще не все возможные читатели Конституции. Мы-то уже привыкли друг к другу и поднаторели в политических терминах, мы легче поймем «что хотел сказать автор». А сколько

[35] Заседание рабочей комиссии (22 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание, Том 19, ст. 19.

[36] Тогда В. О. Лучин, доцент кафедры государственного права Московской высшей партийной шлолы. Среди других научных консультантов были: Авакьян Сурен Адибекович, Ковачев Димитер Атанасьевич, Крылов Борис Сергеевич. См.: Из истории создания Конституции..., Том 5, ст. 548.

[37] См. В. О. Лучин. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. 2002, ст. 106.

читателей будет у Конституции! Они еще многоразличнее станут толковать написанное. И надо исключить различие в возможных толкованиях».38

Уже в самом начале конституционного процесса тогда ясно осознавались возможные риски возможного возникновения не качественной разработанной конституционной нормы. И в частности было яркое представление как было экспоненциально опасно установить в Конституции возможные двусмысленные положения. Например, о работе КК в начале 90ых годов, ответственный секретарь самой КК, О. Г. Румянцев, в его ретроспективном анализе подчеркивает: «Понимая, что не только неверные концептуальные подходы, но даже малая ошибка в высшем законе страны будут многократно усилены нормативными актами, изданными на его основе, Комиссия стремилась к наиболее полному обнаружению и устранению двусмысленностей».39

Вот сразу выделяется одна из основных потенциальных проблем – это возможные противоречия в Основном Законе. М. А. Митюков например на КС обозначил объективную констатацию факта: «Конечно, самая хорошая Конституция та, в которой нет противоречий». Правда после этого, юрист-«катастрофист» почему-то добавил субъективную уже оценку (наверное тогда в той конкретной дискуссии на КС был намерен кого-то спровоцировать) и добавил: «Но нам никогда, наверное, не удавалось за все существование конституционного строя принять Конституцию, в которой не было хотя бы одного противоречия». 40

Тогда определенную проблему представляли расплывчатые формулировки. Для примера, по мнению А. А. Котенкова на КС: «защита конституционного строя» - очень расплывчатое понятие». Он видимо так переживал за это, что, для того, чтобы уговорить в этом смысле коллег по КС, даже возобновил «призрак» до того существовавшего Комитета Государственной Безопасности: «Как вы помните, у нас существовало Управление защиты конституционного строя КГБ».41

Другой возможный слабый момент норм Конституции поднимал на КС А. И. Вольский, который обращаясь к С.С. Алексееву подчеркнул проблему возможного разночтения конституционных норм: «Вот обратите внимание, разночтение нельзя допускать в Конституции. Сергей Сергеевич, вот первая часть статьи 73, страница 103 первого тома. «Президент непосредственно производит назначение на высшие государственные должности или представляет...». – «или» в Конституции абсолютно недопустимо. Из-за расширительного толкования это нужно снять».42

Участник КС М. А. Митюков в 1990 по отношению к проекту КК дал следующий комментарий: «Высокий уровень абстракции этого закона порождает много двусмысленностей...».43 Он еще о проекте Конституции КК добавил: «И наконец, по поводу языка проекта

---

[38] Мнения о конституционном процессе. Как мы обустраиваем Россию?. См.: Конституционный Вестник. 1990. N.2. С. 115. См. еще: Из истории создания Конституции..., Том 1, ст. 830.

[39] См.: О работе Конституционной Комиссии (1990 – 1993 гг.). Из истории создания Конституции ..., том 3/1, ст. 27.

[40] Заседание Государственной Палаты КС (28 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., том 20, ст. 56.

[41] Заседание рабочей комиссии... (2 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание... Том 16, ст. 66.

[42] См.: Заседание группы представителей товаропроизводителей и предпринимателей... . (11 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание, Том 6, 422.

[43] Конкретный содержательный пример приводит Митюков: «Вот статья 4.2.5. часть 2. Тут написано: «На территории республик законы и другие нормативные акты Российской Федерации исполняются государственными органами Федерации и Республик. Сразу возникает вопрос, что на территории якобы субъектов федерации действуют две системы органов власти – органы федерации и республик или как-то по-другому надо понимать?...».

вообще. Надо сказать, что техника изложения, понятийный аппарат проекта Конституции нечеткий и двусмысленный».44

Вообще Митюков тогда многократно останавливался на тех, которые он считал слабые места основного потенциального конкурента, то есть проекта Конституции КК: «... С точки зрения юридической, президентский выполнен более квалифицированно, изложен ясным, доступным языком, четко прописывает многие положения в отличие от размазанного проекта Конституционной Комиссии, который сложно читать и о котором некоторые остряки в парламенте говорят, что к нему нужно пристегнуть трех профессоров, чтобы они растолковывали, что же там имелось в виду».45

Участник КС Л. М. Энтин, после принятия Конституции уже, остановился на один проблемный содержательный аспект Основного закона. Он вначале дал свой комментарий о принципе разделения властей: «Вряд ли было бы целесообразно в рамках Конституции дополнять принцип разделения властей не только федерализмом, но еще и местным самоуправлением» и дальше он раскрыл суть проблемы: «Перегрузка одного и того же понятия различным по значимости и направленности содержанием, тем более в рамках конституционного текста, вряд ли была оправданна. Каждому положению следовало найти в Конституции свое собственное место».46

Эксперт КК В. И. Лафитский, которому было предложено подготовить заключение по вопросу о степени готовности проекта Конституции, который дорабатывался на КС, к всенародному голосованию, дал следующий строгий комментарий: «Многие нормы нуждаются в редакционной доработке. В том виде, в котором они существуют, они вряд ли будут восприняты избирателями. Необходимо сделать текст Конституции более простым и доступным. Для этого необходимо убрать лишние детали, изложить нормы более четко и ясно, стереть налет технократической обработки конституционных норм...».47

В процессе разработки Конституции тогда на КС кем-то поднималась и проблема, того как Конституцию нельзя написать в стиле диссертационной, монографической работы. В частности, когда А. В. Маслов сделал конкретное предложение относительно статуса автономных округов и областей, тогда М. А. Митюков сразу на это отреагировал: «Это идея, конечно, теоретически блестяща для диссертации, монографии, но сейчас нынешняя проблема взаимоотношений поставила этот вопрос остро...».48

В то время заметилась и проблема в общем языковой стилистики и в частности конкретного подбора слов. Например, Л. В. Побединская на КС останавливалась на конкретном примере: «Мне непонятно, мы пишем академический труд или Конституцию для народа? Ведь не все понимают, что такое петиция. Хоть в скобках, хоть как. Мне кажется, в Конституции не

Стенограмма заседания Совета Национальностей ВС РСФСР от 16 ноября 1990 г.. См.: Из истории создания Конституции..., том 1, ст. 566.

[44] И дал свое конкретное объяснение: «Иногда к одному и тому же содержанию приводятся разные понятия. Допустим, органы законодательства (часть первая статьи 1.2), представительные органы (часть 4 статьи 1.2.), хотя имеется в виду одно и то же... В разделе первом статьи имеют названия, в остальных разделах почему-то они их не имеют. Одни раздели начинаются преамбулами, другие их не имеют. Все это вызывает впечатление незавершенности документа». Стенограмма заседания Совета Республики ВС РСФСР от 1 ноября 1990 г. См.: Из истории создания Конституции ..., Том 1, ст. 431.

[45] Интервью с Митюковым. Куранты. 1993. 2 июня. См.: Из истории создания Конституции... Том 4/2, ст. 978.

[46] См.: Л. М. Энтин. Разделение властей. Опыт современных государств. М. 1995, ст. 163.

[47] Воспоминания. См.: Из истории создания Конституции..., том 6, ст. 826.

[48] Заседание Государственной Палаты КС (28 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание, том 20, ст. 150.

должны быть заумные академические слова. И так понятно, что обращение есть обращение». 49

В. Е. Гулиев на КС дал свое видение относительно того вопроса, какой необходим характер конституционных положений: «Мы все-таки, мне кажется, должны стремиться к тому, чтобы составить, документ регулятивного характера, регулятора общественных отношений, Основной Закон государства без попыток вносить туда элементы философско-правового трактата, или учебника, или руководства к действию, руководства к изучению».50

Члены КК, участники КС и все участники тогдашних конституционных процессов в начале 90ых годов сталкивались в общем и со следующими еще разнокачественными проблемами: двоякие нормы, нормы сложны и трудные для восприятия, неточности, проблемы недостаточной согласованности между определенными положениями конституционных норм. Встречалась например корявость, бессистемность некоторых конституционных норм, еще ситуация когда конституционная статья не вписывалась в общую логику главы Конституции или самой Конституции и ситуация концептуальной непроработанности норм.

Некоторые из разработчиков Конституции обращали внимание на конкретные функциональные проблемы, например: неработающие нормы, иррациональные, аморфные положения, многозначность некоторых терминов.

Еще ими встречались пассивные нормы, т.н. «мертвые нормы», которые действуют, но не реализуются в конкретных правоотношениях, несовершенные, малоэффективные нормы, еще лаконичные положения. Иногда выделялась некоторая лозунговость отдельных положений.

Достаточно часто они особо обращали внимание на проблемы декларативных норм. Приводим здесь один конкретный пример, Парламентский Центр предложил политико-правовой анализ относительно раздела 1. «Гражданин» Проекта Конституции РФ (Проект «0» группы С. М. Шахрая) и пришел к следующему выводу: «Данный раздел, как уже отмечалось выше, содержит много декларативных положений, неточностей. Изложенный материал необходимо серьезно доработать как с концептуальной точки зрения, так и с точки зрения изложения...».51

В. М. Савицкий на КС обсуждая предложенный Минсоцразвитой текст статьи 43 Конституции, также обратил внимание на некоторые конституционные положения, представляющие, по его мнению, подобного рода проблему их декларативности: «Просто это не в стиле Конституции. Это первое и самое главное. И по содержанию это, не нормы права. Это принципы, это декларации, это намерения, но ни к чему они не обязывают... Что значит «семья является естественной ячейкой общества»? Для чего это в Конституции? Для чего нужно писать, что социальная политика Российской Федерации разрабатывается во имя укрепления семьи?».52

Еще встречались в указанных предложенных проектах Конституции проблемы относящихся чисто к сфере языковой, значит к сфере самого русского языка. Вообще разработчиков Конституции должна постоянно тревожить и лингвистическая проблема. В то время в том

---

[49] Заседание рабочей группы..., (22 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., том 19, ст. 38.

[50] И добавил возможный выход из положения: «Потом юристы и политологи напишут комментарий к Конституции, и там будет сказано, что такое партия, что такое профсоюзы». См.: Заседание группы представителей федеральных органов государственной власти... (7 июня 1993 года). Конституционное Совещание..., Том 2, ст. 52.

[51] Материалы Парламентского центра: М2-92-00098: Апрель 1992. (Ь). (1992).10 с. (Фонд Парламентской Библиотеки). См.: Из истории создания Конституции..., том 5, ст. 857.

[52] Заседание группы представителей федеральных органов государственной власти (9 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание... Том 4, ст. 73.

числе встречались например: технически не совершенны, трудночитаемы и малопонятные нормы, редакционные и технические погрешности, отступления от простых лексических, орфографических и синтаксических норм современного русского языка. Еще несовершенства, стилистические погрешности. Бывали терминологические неувязки, но еще и тавтологии и лаконичные нормы.

Само собой, что норма Конституции должна быть качественно совершенной в том числе и по форме и по содержанию. Естественно она должна быть написана в полном соответствии со всеми требованиями грамматики русского языка. Как обоснованно отмечает А. С. Пиголкин о нормативно-правовых актах вообще: «Тексты нормативно-правовых актов должны быть лингвистическим образом языка и стиля. Окончательно отработанный и принятый нормативно-правовой акт не должен вызывать к себе критического отношения с языковой точки зрения».53

Более конкретно, например, В. Б. Исаков в КК дал свой комментарий о самом проекте КК: «В пункте этого плана предложение дополнить обязательно «Институт русского языка», потому что, несмотря на всю подготовительную работу, в проекте Конституции масса стилистических шероховатостей и на завершающей стадии он должен лингвистическую экспертизу пройти».54

В. И. Лафитский, эксперт КК о проекте КС, написал о крайне не удачной редакции текста: «Об этом свидетельствует не только большое число стилистических погрешностей, но и отсутствие необходимой унификации терминов».55

Еще одна конкретная возможная проблема это синонимы. Интересно Б. А. Золотухин на КС на этом и остановился: «Коллеги, нельзя же в юридических текстах употреблять синонимы. Это же юридическая техника, все должно быть унифицировано».56

Обратилось тогда внимание и на то как избежать архаичные термины. В. М. Савицкий на КС выступил по проблемам возможной терминологии: «В нашем законодательстве вообще нет такого термина «повинность», тем более «личная повинность». Это средневековый термин, барщина. ... В Конституцию такую фразу? Но «личная повинность» - просто такой архаичный термин».57

Обсуждалась проблема возможных повторов. На КС следили специально за тем, чтобы не было повторов: М. А. Митюков немного экстравагантно, но описывал на кого было возложена данная задача внутри самой КС: «Дело в том, что разработчики, точнее, не разработчики, а рабочая группа, которая, как говорится, больше похожа на мусорщиков, вычищая текст, руководствовалась тем, чтобы в проекте не было повторов». 58

Ю. И. Скуратов (Министерство безопасности Российской Федерации) на КС предупредил о возможных последствиях в случае использования многократных повторов: «Ситуация складывается довольно серьезная в том смысле, что мы положения, фактически эти же, по-

---

[53] Об этом, см.: В. М. Сырых, Теория государства и права. М., 2001, ст. 188.

[54] См.: Стенограмма пленарного заседания КК от 29 июля 1992 г. Из истории создания Конституции..., Том 3/3, ст. 158.

[55] Два «согласованных» проекта Конституции (сравнительно-правовой анализ). См.: Из истории создания Конституции... Том 4/2, ст. 950

[56] Заседание группы представителей местного самоуправления... (11 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание, Том 6, ст. 255.

[57] Заседание группы представителей федеральных органов государственной власти (9 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание... Том 4, ст. 40.

[58] Заседание Государственной Палаты... 28 октября 1993 г.. См.: Конституционное Совещание..., том 20, ст. 58.

вторяем четыре раза в Конституции. Применительно к статье 62 и три раза применительно к отдельным видам подразделения Федеративного Договора. Это приводит к большому утяжелению конституционного материала».59

Естественно перед разработчиками Конституции еще конечно были более «классические» проблемы касательно юридического качества конституционных норм, например: конституционные дисфункции, юридически бессодержательные положения, юридические погрешности, правовые коллизии, правовые ошибки, нормы постоянно создающие правовые конфликты.

Обсуждались тогда еще иные проблемы как например проблема новых правовых понятий которые могут появляются в Конституции, еще отсутствие правовой чистоты конституционной нормы и нормы Конституции без юридической четкости.

Кто-то на КС попробовал бороться с «не юридизированными» терминами. На КС поступило предложение: «Текст поправки. После слов «принимает Конституцию Российской Федерации» дополнить словами: «и провозглашает ее высшим законом нашей страны». И здесь сразу выступил после того М. А. Краснов и по этому поводу сделал вывод: «Дело в том, что это абсолютно не «юридизированный» термин. Основной Закон – это еще туда сюда, и то с этим можно спорить. Поэтому я лично против принятия этой поправки».60

На подобного рода проблем, обратил внимание материал «Предложение о теоретических предпосылках и принципах подготовки проекта Конституции России (материалы для пояснительной записки)» о проекте Конституции А. А. Собчака, который зафиксировал нужный метод работы: «конституционные положения должны быть «классическими» юридическими нормами (нормами-принципами, регулятивными и охранительными предписаниями) – категорически-строгими, четкими, формулируемыми в соответствии с выработанными технико-юридическими приемами (по типу «не иначе как» и т. д.)...».61

Иногда разработчики конституционных норм обрашали внимание на чистоту конституционного текста, например С. М. Шахрай на КС предложил следующий вывод: «Попробуйте поставить вопрос иначе: можно сказать, что Российская Федерация – многонациональное государство? Нельзя. Но за этими чисто языковыми оборотами и поворотами есть еще и требования юриспруденции – чистота текста, тем более конституционного текста, должна быть на высоте».62

Обращалось иногда внимание на проблему юридической стилистики текста Конституции. С. А. Пономарев на КС предложил: «Я предлагаю взять за основу проект Конституционной Комиссии, потому что с точки зрения стилистики президентский проект – это литература, а не законодательство».63

---

[59] См.: Заседание группы представителей федеральных органов государственной власти ... . (10 июня 1993 года). Конституционное Совещание ..., Том 5, ст. 40.

[60] Заседание группы представителей местного самоуправления... (7 июня 1993 г.). См.: Конституционное Совещание... Том 2, ст. 238.

[61] Предложения о теоретических предпосылках и принципах подготовки проекта Конституции России (Материалы для пояснительной записки). Папка с пометкой от руки «Проект Собчака – пояснительная записка – материал для пояснительной записки. См.: Из истории создания Конституции..., том 6, ст. 689.

[62] Заседание группы представителей органов государственной власти... (10 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., Том 5, ст. 122.

[63] Заседание группы представителей органов государственной власти республик... (8 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание, том 3, ст. 150.

Но помимо этих указанных проблем, дала о себе знать тогда и иная особо специфическая практика, то есть: в некоторых случаях проявлялось у кого-то желание и попытка заимствования иностранных терминов.

На КС например интересно развивался оригинальный дебат по этому поводу, М. А. Нахапетов дал такой комментарий: «... все термины, какие бы они ни были, если они не будут понятны людям, исключить, дать его редакторской группе подумать, чтобы написать по-русски и по человечески... Я думаю, найдутся литературные силы, которые будут привлечены, чтобы это написать по русски». За тем выступил и прямо затронул суть проблемы Б. С. Страшун: «Послушайте, Марлен Александрович, а Вы уверены, что все понимают термин «континентальный шельф»?».64 Тогда в общем обсуждался и особо проблемный вопрос иностранной терминологии, например в некоторых подготовительных документах относительно проекта Конституции КК, (точнее в Проекте концепции подготовленном Рабочей группой КК) на это обратилось внимание: «Важное соображение: язык реформы. Президент РСФСР – первый глава российского государства, избранный непосредственно народом. Российским народом. А потому и язык реформы должен быть российским, а не чужеземным. Уж если и заимствовать иностранную терминологию, так ту, которую можно почерпнуть из богатой истории российского конституционного реформаторства, где заимствования были, встречаются подходящие слова и люди по крайней мере знают их по книгам. Администрация, по-русски – «служба». Мэр – «городской голова». Префект – «правительственный чиновник».65

Среди попыток внести в Конституцию иностранные слова, например было предложение (Предложения от граждан и иных организаций) добавить в проекте Конституции КК слово «апартеид»: «Изменить: осуществление геноцида и апартеида, насилия, терроризма, а равно их пропаганда как и пропаганда войны запрещается». 66

На КС обсуждалась возможность добавить в текст Конституции слово «спонсорство»: М. А. Петровский на КС предложил:67 «Поэтому необходимо в Конституцию будущего заложить такие аспекты, как: государство поощряет меценатство, спонсорство и предпринимательство граждан». Но важнее отметить, что в начале 90ых годов, это уже намного более существенно, была даже попытка конституционализации слова импичмент. Проект Конституции Российской Федеративной Республики В. К. Мешавкина гласил: «Любое должностное лицо России, в т. ч. обладающее судебной неприкосновенностью, может быть подвергнуто импичменту...».68

И еще, как нам кажется, можно принести среди возможных других особо значительный и показательный пример относительно нормы проекта Конституции предложенной от «Демократической России»: «Все законы и законодательные акты, в дальнейшем – билли, касающиеся налогов и иных поступлений в бюджет, принимаются Национальным Собранием...» и

---

[64] Заседание рабочей группы... (29 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., том 20, ст. 157.

[65] Материалы и документы, связанные с подготовкой проекта Конституции РФ. Проект концепции исполнительной власти в РСФСР от 1 июля 1991 г. См.: Из истории создания Конституции..., том 2, ст. 252.

[66] Автор поправки: Кравченко А.А.. Таблица поправок к проекту Конституции представленному на шестом Съезде народных депутатов Российской Федерации. Материал секретариата Конституционной Комиссии к пленарному заседанию Конституционной Комиссии от 29 июля 1992 г.. См.: Из истории создания Конституции... Том 3/2, ст. 957.

[67] Заседание группы представителей органов государственной власти..., (9 июня 1993 года), Конституционное Совещание. Том 4, ст. 160.

[68] Проект Конституции Российской Федеративной Республики В. К. Мешавкина. См.: Из истории создания Конституции ..., Том 5, ст. 380.

далее «Каждый билль, принятый Национальным Собранием или Сенатом.....».69 Напрашивается вопрос - что это такое Билль на российской территории? Как в России этот «билль» мог быть воспринят?

Другой значительный эпизод, уже в августе 1990 года, значит в самом начале конституционных реформ американские юристы вообще постарались «пролоббировать» в Основном законе России некоторые стандартные американские термины, например, в частности Рапашинский Анджей прямо предложил: «... я временно буду использовать стандартные американские термины, касающиеся федерализма. Так, «штат» используется в качестве составляющей части Российской Федерации...».70

Еще более любопытно отметить, как было предложение В. А. Тихонова на КС назвать Россию немного по-американски: «Совершенно никакой беды не будет, если наше государство будет называться Соединенные Республики России».71 Но, внимание, внимание!, было еще намного более радикальное предложение Е. Кожокина, заместителя председателя Государственного комитета РФ по национальной политике назвать Россию: Соединенные Штаты России.72

Эти предложения не были восприняты в конечном итоге и некоторые из них остались только на уровне стенографического отчета тех дискуссий на соответствующих заседаниях. И к великому счастью не реализовалась, если немного комплектовать вместе некоторые вышеуказанные предложенные положения из разных проектов, та парадоксальная ситуация при которой: сегодня в Соединенных Штатах России мог бы приниматься билль об импичменте!

Но есть еще перед разработчиками Конституции существенная проблема не простого решения количественного содержания текста Конституции.

Напрашивается вопрос: какой оптимальный вариант содержания текста в этом плане? Вопрос конституционных вопросов! Конечно этот вопрос также был тогда по разному затронут. У М. В. Баглая в этом вопросе были четкие намерения, он на КС дал всем тот нужный ориентир: «Уважаемые коллеги, я, в сущности, ничего не хочу сказать, а хочу провозгласить здесь один принцип, который стал бы для нашей работы главным. Напомню слова замечательного Антуана Сент-Экзюпери: «Совершенство начинается не тогда, когда еще что-то можно добавить, а тогда, когда уже ничего нельзя отнять». Вот чем надо руководствоваться. Нельзя без конца наполнять мудрыми вещами эту Конституцию. Нужно оставить тот минимум, без которого нельзя обойтись».73

Другой участник группы представителей органов государственной власти Республик на КС: (Не представился), почему - нет, решил ссылаться прямо на Наполеона и попробовал усовершенствовать и тогда оптимизировать даже известную его «аксиому»: «И, наконец,

---

[69] Проект «Демократической России», внесенный РХДП и ПКД 30 марта 1992 г.. См.: Из истории создания Конституции..., Том 5, ст. 753.

[70] См.: Меморандум от 18 августа 1990 г. Олегу Румянцеву. См.: Конституционный Вестник. 1990. N. 2. С- 91 – 105). См. Еще: Из истории создания Конституции. Том 1, ст. 925.

[71] В. А. Тихонов, Президент Лиги кооператоров и предпринмателей: Заседание группы представителей товаропроизводителей... (10 июля 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., Том 17, ст. 227.

[72] См.: Соединенные Штаты России. Интервью с Е. Кожокиным. Московский комсомолец. 1993. 17 нояб., См. еще: Из истории создания Конституции..., Том 4/3, ст. 996.

[73] Заседание группы представителей политических партий... Конституционного Совещания. См.: Конституционное Совещание, том 4, ст. 270.

Наполеон говорил: «Пишите Конституцию коротко». Правда, он говорил «и неясно», но давайте напишем коротко, чтобы она была ясная».74

Это факт, что в процессах разработки текста Конституции могут возникнуть известные проблемы: могут создаваться лакуны Конституции, т. н. пробелы. Но есть одно но, одновременно с этим, надо учесть, что все и вся нельзя урегулировать в Конституции. Интересно отметить, как А. Я Слива на КС конкретным примером поставил свои точки над «i»: «Попытка записать в Конституции «размер» костюма главы самоуправления не удается».75 Необходимо видимо в этом вопросе найти по возможности самое взвешенное решение, оптимальное равновесие, разумный баланс.

Эксперт КС В. Е. Чиркин об Основном законе, уже после его принятия, обратил внимание в принципе на некоторые общие закономерности: «Особенно важно избегать его перегруженности. Нельзя злоупотреблять излишней детализацией и тем более включать в основной закон нормы, по существу не имеющие конституционного значения (например, о градостроительной политике, о начислении пенсии, о порядке продажи и перепродажи нефти и автомобильного топлива, как это сделано в Конституции Бразилии 1998 г)».76

А дополнительно Чиркин решил еще несколько весомых и очень конкретных примеров перегруженности Конституции уже принести прямо из той российской практики: «... Конституция РФ перегружена положениями, которые по своей природе не нуждаются в конституционном закреплении и обычно находят отражение в Уголовно-процессуальном кодексе (положения о подсудности, о праве на суд присяжных по определенным делам, о возможности бесплатной юридической помощи адвоката, о том, что обвиняемый не должен доказывать свою невиновность, о том, как толковать неустранимые сомнения в виновности лица, о допустимости доказательств, о праве не свидетельствовать против супруга, близких родственников и др.)».77

На КС прямо на эту проблему обратил внимание В. С. Гришкин и конкретным провокационным примером, взятым прямо из своего «арсенала» указал, что решение некоторых вопросов не дело разработчиков Конституции: «... И не нужно нам развивать Уголовный Кодекс в Конституции и писать, какие преступления тяжкие, какие – менее тяжкие, за какие преступления нужно расстреливать, за какие – не нужно».78

И последнее - хотим останавливаться над потенциальной проблемой особых конституционных норм с оригинальным названием: «каучуковые формулировки».

В. Б. Исаков относительно проекта КК например указал на возможные вредные последствия в случае установления подобных норм: «Раздел содержит ряд каучуковых формулировок, позволяющих в зависимости от политической конъюнктуры посягать на права и свободы граждан (например, ст. 13 п. 3, ст. 25 п 3 и др.)».79

Ну в общем, только каучуковых норм, в которые как принято считать в литературе, официальным толкованием может быть вложено практически любое содержание, не хватало!

---

[74] Заседание группы представителей органов государственной власти республик... (16 июня 1993 года). См.: Конституционное Совещание, том 10, ст. 83.

[75] Заседание рабочей группы... (27 октября 1993 года). См.: Конституционное Совещание..., Том 19, ст. 395.

[76] См.: В. Е. Чиркин. Конституция российская модель. М., 2002, ст. 37.

[77] В. Е. Чиркин. Конституция российская модель. М., 2002, ст. 106.

[78] См.: заседание группы представителей органов государственной власти республик ... (11 июня 1993 года). Конституционное Совещание..., Том 6, ст. 185.

[79] Предложения, замечания и поправки члена КК РФ В. Б. Исакова от 23 марта 1992 г. См.: Из истории создания Конституции ..., Том 3/1, ст. 1045.

Действительно, нам кажется, прав кто замечает, что разработать Конституцию не благодарная работа, а вообще добавим: это целое искусство!

В заключении – как нам кажется, выяснилось как разнопрофильных проблем и объективных трудностей перед разработчиками Конституции просто мириада, включая и «каучуковые нормы» не только теоретически, но вообще на конкретном практическом уровне.

Эти все потенциальные «дефекты» конституционных норм в силе создать очень серьезные проблемы и тогда желанное единообразное понимание, толкование и применение конституционной нормы может оказаться реально под вопросом.

Точно только одно, в общем в результате смогли просто констатировать, что в принципе в этом сложном процессе разработки Конституции накапливаются и переплетаются кроме известных проблем политико-конституционного плана, и в том числе многочисленные не менее значительные, но может быть менее изученные проблемы другого разнообразного характера.

Создание Основного Закона действительно дело особое ответственное и очень деликатное.

Это конечно, не только в России, а вообще везде. Естественно специфический историко-политический контекст конституционных реформ в каждом конкретном случае играет огромную роль. Ни для кого не секрет, что в России например политико-конституционный процесс прошел и драматическую фазу (события 3 и 4 октября 1993 года – расстрел легитимно избранного Парламента). И это сильно отразилось в самом окончательном тексте Конституции. Уже в 1992 году О. Г. Румянцев всех предупредил, что «борьба за власть будет обостряться и вопрос о новой Конституции может стать жертвой этой борьбы».80

Некоторыми экспертами признается как в Основном законе РФ присутствуют недостаточно ясные конституционные положения, даже сам Президент РФ Б. Н. Ельцин, то есть в некоторой степени отец-основатель Конституции 1993 года обратил внимание на проблему юридического качества некоторых статей Конституции: «разработка Конституции происходила в условиях жесточайшего политического противостояния. Это не могло не сказаться на юридическом качестве отдельных статей».81 Хотя он не возложил ответственность полученного результата на разработчиков окончательного текста Конституции, то есть на участников своего президентского КС, но все таки сам факт его самопризнания имеет свое значение.

Немного после указанных известных событий 3, 4 октября 1993 года, уже практический на «финиш» тех конституционных процессов, КС приняло решение провести окончательную редакторскую работу текста проекта Конституции. Точнее было принято Решение N. 16 (рекомендательное) от 1 ноября 1993 года Комиссии конституционного арбитража КС, в котором устанавливалось: «Учитывая наличие в проекте Конституции редакционных неточностей, грамматически неудачных формулировок, затрудняющих толкование конституционных норм, Комиссия конституционного Арбитража рекомендует: провести тщательную редакторскую проверку текста проверка Конституции и на ее основе внести редакционные поправки, устранив грамматические, стилистические и юридико-технические огрехи...».82

Дальше Президент РФ Ельцин издал распоряжение от 5 ноября 1993 г. N. 717-рп «О завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации»: «... принимая во внимание необходимость редактирования текста проекта Конституции Российской Федерации...

---

[80] См.: Из истории создания Конституции..., Том 3, ст. 42.

[81] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1994 года. – М., 1994. С. 11.

[82] Председательствующий на заседании академик В. Н. Кудрявцев. См. Конституционное Совещание..., Том 20, ст. 466.

«Образовать группу по редактированию проекта Конституции Российской Федерации... Возложить на группу83 стилистическое и технико-юридическое редактирование проекта Конституции Российской Федерации, одобренного Конституционным Совещанием, разрешив вносить в проект изменения и дополнения, не имеющие концептуального характера». 84

Работа этой группы по редактированию проекта Конституции Российской Федерации также оказалась как и вес конституционный процесс под воздействием определенного развития событий в том политическом конфликте. Группа в результате внесла не столько редактированных изменений не имеющие концептуального характера, сколько изменений вот именно прямого политического характера. Председатель рабочей группы КС и Руководитель Администрации Президента РФ Филатов так доложил Президенту РФ Ельцину (сопроволительная записка С. А. Филатова): «6 – 7 ноября 1993 г. работа над проектом Конституции продолжалась с участием ведущих филологов и юристов-редакторов. Вместе с редакционными, языковыми правками приняты уточнения по ряду статей, дополняющие и усиливающие их содержание».85 На самом деле все было намного более существенно и за этими словами Филатова стояли правки «группы Цивилева» концептуального характера, политически ориентированные против Парламента, то есть против одного из двух конфликтующих государственных органов в той драматической конфронтации.86 И в результате в известной уже сопроводительной записке Президенту Ельцину Филатов смог написать исторические слова: «По моему мнению, текст проекта готов для опубликования». С. А. Филатов - 8 ноября 1993 г.

Этот единственный, кстати среди многих возможных, приведенный нами конкретный эпизод той хроники конституционной истории и точнее в частности эпизод о группе по редактированию проекта Конституции РФ лишь, чтобы показать как фактическая обстановка политического, исторического контекста в рамках которого происходит конституционный процесс, конечно не может не повлиять специфическим, определенным образом на него. Но мы, все таки хотим особо подчеркнуть, что лишь исходили из одного конкретного опыта, и в частности из опыта России, но все равно для того, чтобы попытаться находить те которые скорее всего представляются как общие закономерности в тех проблемных вопросах в процессе создания любой Конституции вообще.

Разработка Конституции это не только дело политиков, юристов-конституционалистов. Свою ценную и конструктивную роль должны во время играть: филологы, языковеды, линг-

---

[83] Участвовали в группе: Абросимова Е. Б., доцент Государственногой Академии Управления, Воеводенко Н. К., старший редактор издательства «Наука», Караулов Ю. Н., Директор Института русского языка РАН, Нерознак В. П., заведующий кафедрой теории словесности Московского Государственного лингвистического Университета, Хан Пира Э. И., доцент Московского государственного педагогического Университета, Цивилев Р. М., помощник Руководителя Администрации Президента РФ. См.: Конституционное Совещание, Том 20, ст. 468.

[84] См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ – 45. Ст. 4378. См. Также: Конституционное Совещание..., Том 20, ст. 468.

[85] Сопроводительная записка С. А. Филатова Президенту РФ Б. Н. Ельцину к проекту Конституции РФ подготовленному для опубликования. См.: Конституционное Совещание, Том 20, ст. 471.

[86] (сопроволительная записка С. А. Филатова): Филатов проиллюстрировал третью правку: «Глава 2 «Права и свободы человека и гражданина» наряду с главой 1 приобрела статус неприкосновенной для Федерального Собрания (статья 64). Сейчас она может быть изменена только Конституционным Собранием или всенародным голосованием...». И еще он проиллюстрировал шестую правку: «С тем, чтобы предотвратить возможное затягивание парламентом рассмотрения представленной Президентом кандидатуры Председателя Правительства, и для Президента, и для Государственной Думы установлен срок в одну неделю соответственно для внесения предлдожения и для его рассмотрения (статья 111) по одной кандидатуре». В этих двух правках ярко выражается некий кредит недоверия по отношению к Парламенту. См.: Конституционное Совещание, Том 20, ст. 471.

висты, юристы-редакторы, корректоры, переводчики и еще и другие подобного рода профильные специалисты.

Наша задача – просто поставить их вниманию то, что мы считали востребованным содержательным материалом, то есть проблемные вопросы затронутые в данной статье и с одной целью: чтобы вышеуказанные специалисты уже более предметно в содержательном плане могли подходить к теоретическому осмыслению и к специализированному решению поставленных общих практических проблем.

Меньшиков М.Ю.
Институт археологии РАН. Москва
Волошинов А.А.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КЫРК-АЗИЗЛЕР (Г. БАХЧИСАРАЙ)

Menshikov M.Yu.
Voloshinov A.A.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF RELIGIOUS SYNCRETISM ON THE TERRITORY OF THE MUSLIM NECROPOLIS KYRK-AZIZLER (BAKHCHISARAI)

В ходе археологических работ в 2018 году на мусульманском могильнике Кырк-Азизлер, в границах раскопа 4 и раскопа 1, были исследованы площадки, на которых располагалось несколько подпрямоугольных и овальных в плане ям. Это объект 4 на раскопе 1 и объекты 1-5 на раскопе 4, ориентированные по склону, в направлении север-юг, северо-восток-юго-запад. Еще одна яма (объект 5 раскоп 1) располагалась к юго-западу от указанной площадки на небольшом удалении. Все объекты локализуются к югу от могильника, занимающего вершину и склоны возвышенности, и имеют периферийное положение по отношению к границам кладбища (Рис. 1). При этом ямы располагаются всего в нескольких метрах от ближайших могил (Рис. 2, 5).

Стенки объекта 4 на раскопе 1 и объектов № 1, 2, 3, 4 и 5 на раскопе 4 обожжены, а в некоторых случаях, возможно, были предварительно обмазаны глиной. В заполнении объектов 3 и 4 на раскопе 4 найдены фрагменты печины и встречен керамический материал, позволяющий датировать объекты в пределах XIV-XV вв. Такая датировка позволяет говорить о том, что данные объекты были созданы после того, как в середине XIV в. жизнь на расположенном рядом поселении прекратилась. Близкое расположение с кладбищем позволяет предположить, что функционирование данных ям каким-то образом с ним связано.

На дне нескольких ям обнаружены костные останки животных, имеющие следы кухонной разделки. Так, в яме объекта 5 раскопа 1 были найдены кости баранов и одной особи КРС87. В яме объекта 4 раскопа 4 обнаружены кости МРС, КРС.

В яме объекта 3 (Рис. 3) найдены кости молодой лошади без ребер со следами разделки, а также кости крупного рогатого скота и кости собаки. По мнению Л.В. Яворской, кости лошади, до того, как их захоронили, какое-то время пролежали на дневной поверхности, останки собаки были уложены поверх.

Выявленные на окраине кладбища объекты мало напоминают обычные хозяйственные ямы, мусорные или санитарные захоронения останков животных. Аккуратная форма ям, обожженные стенки, расположение костей на дне ямы с последующей засыпкой и наличие следов разделки на костях позволяют предположить, мы имеем дело с остатками единоразовой трапезы, помещенными в специально подготовленную яму (за исключением объекта 3).

[87] Здесь и далее все определения археозоологических останков выполнены к.и.н. Л.В. Яворской.

Корреляция результатов археологических раскопок с известными историческими и этнографическими данными позволяет высказать предположение, что в этом случае мы имеем дело с остатками обрядовой трапезы, которая является результатом синкретических воззрений местного населения в XIV-XV вв., а, возможно, и в более позднее время. Несмотря на то, что ислам в основе своей является монотеистической религией, жестко отрицающей поклонение всем кроме единого Бога, в нем, особенно в рамках ханафитского течения, прослеживается религиозный синкретизм, который позволил современному исламу вобрать в себя некоторые культы местных доисламских религий. Безусловно, они были значительно переработаны и приведены в формат адатов, которые, с точки зрения духовных наставников, исповедующих ислам ханафитского мазхаба, не противоречат нормам шариата. Одной из ярких синкретических черт является наличие в ханафитском исламе святых [Сызранов 2007: 164-168], в том числе отвечающих за вызов дождя [Басилов 1970: 18]. На основании исторических данных и этнографических источников хорошо известно о существовании такого обряда у татар и других исламизированных тюркоязычных народов. Многие авторы, описывая этот обряд, приводя некоторые различия в нюансах, сходятся в общем: существует два ключевых момента для проведения обряда моления о дожде – это могила святого, к которому можно обратиться с этой просьбой и коллективное приобретение и принесение в жертву животного. Если в регионе была могила досточтимого человека, который может помочь в таком молении, то обращение могло быть к нему как коллективным с принесением жертвы, так и более упрощенным, когда о небесной влаге просили только женщины [Давлетшина 2017: 17]. Если же могилы святого, к которому можно обратиться с просьбой о дожде, нет, то проводится коллективная молитва с жертвоприношением. Местом такой молитвы является территория кладбища ниже по течению реки.

При коллективном жертвоприношении для вызывания дождя приобретается жертвенное животное, чаще всего это баран, но известны также случаи принесения в жертву коз и коров, особенно у народов центральной Азии [Древние обряды... 1968: 61]. В разных хадисах упоминается разный список жертвенных животных, что ведет к дискуссии в исламе даже в настоящий момент. Наиболее традиционными для жертвоприношения считается восемь парных животных: верблюд-верблюдица, корова-бык, коза-козел и баран-овца. Но в некоторых хадисах к жертвенным животным относятся также любые животные, которых дозволено употреблять в пищу мусульманину, включая курицу и яйцо. Кроме того, существует устойчивое правило о том, что жертвенное подношение от одного человека - это баран или овца, а группа людей может сложившись деньгами приобрести более крупное и дорогое животное. Дальнейшее проведение обряда происходило полностью под эгидой ислама, хотя по мнению многих этнографов данный обряд восходит своими корнями к доисламским религиозным представлениям. Такой синкретизм у татар стал возможен в первую очередь благодаря тому, что татары в большинстве своем являются последователями ханафитского мазхаба, в котором велико значение адатов.

У тарских татар этот обряд фиксировался еще в конце XX в. В своей публикации А.А. Абрамова приводит детальное описание такого обряда. После того, как жертвенное животное зарезано муллой сам мулла и наиболее уважаемые люди начинают вращаться вокруг себя и обращаться к небу с молитвой. Возможно, данный аспект относит нас к суфийской традиции, которая оказала огромное влияние на исламизацию татар еще в самом начале в XIV в. А.А. Абрамова пишет, что шкуру и голову жертвенного барана отдавали мулле, если он отказывался, то их закапывали вместе с костями в чистом месте. Отдавать кости собакам или выбрасывать их было категорически запрещено. [Абрамова 2001: 189-190].

Как отмечает в своей работе А.А. Абрамова, вызов дождя связан с погребальной церемонией [Абрамова 2001: 191]. Эта связь чрезвычайно широко распространена у многих народов и в настоящее время. По мнению осетин разрушение палкой костей в склепе может вызвать дождь, на Северном Кавказе у тюркоязычных народов нередко археологов, раскапывающих курган, обвиняют в том, что из-за них случился дождливый год или затяжные дожди на какое-то время. Камни, изъятые из адыгских погребений, купают в реке для вызова дождя [Лакунова, Тайсаев 2016: 84]. Поэтому кладбище является идеальным местом для проведения такого обряда. С одной стороны оно является «чистым местом», а с другой позволяет утилизировать кости жертвенного животного, совершив обряд их погребения и выразив таким образом уважение к принесенной жертве.

О наличии культа, связанного с вызовом дождя на кладбище Кырк-Азизлер известно как из исторических, так и из этнографических источников. И.С. Журьяри, в описании кладбища Кырк-Азизлер (Кырк-Лар) пишет, что оно «по воззрению местных татар, считается каким-то священным местом, так как, во время продолжительной засухи, они приходят сюда молить пророка ниспослать дождь» [Журьяри 1890: 109, 110].

Действительно, на вершине холма, где располагалось кладбище Кырк-Азизлер, согласно нескольким планам, изготовленным во время экспедиции, находился Азис [Башкиров, Боданинский 1925: рис. 1; Веймарн 1979: Л. 22, 30]. Вероятно, именно к нему и приходили с молением о дожде. Открытая на Кырк-Азизлере жертвенная площадка находится всего в 200-250 м от Азиса, обозначенного на упомянутых планах значком в виде квадрата (Рис.1).

Чуть удаленное и изолированное место расположения ям с костями животных у некрополя Кырк-Азизлера является не случайным. В данном случае кости погребены в чистом месте, где никто не ходит. Вероятно, участок кладбища Кырк-Азизлер, на котором совершены погребения костей животных, был неудобен для развития кладбища, так как находился близко к древней дороге. Сам некрополь располагался выше по склону, а объекты с костями животных находились ниже кладбища и ближе к руслу реки.

Этнографическая параллель прослеживается в изученном и опубликованном обряде вызывания дождя у казанских татар [Давлетшина 2017: 16]. В качестве одного из таких почитаемых мест являются остатки кладбища с надгробиями XII-XIV вв. в д. Б. Атряси «Изгеләр зираты» (кладбище святых) [Давлетшина 2017: 17]. В данном случае мы видим даже близость семантики названия с кладбищем Кырк-Азизлер. Проводимый на этом кладбище обряд вызывания дождя имел два варианта. В случае если в обряде на могиле святого участвовали только женщины, жертвоприношение не совершалось, а в случае коллективной молитвы о дожде казанские татары, как и их соседи, приносили в жертву животное, кости которого зарывались в месте, где никто не ходит [Давлетшина 2017: 17].

Следует в рамках данной статьи привести и иные точки зрения на захоронения костей животных на кладбище. В отдельных случаях останки барана обнаруживаются в погребениях, где они замещают людей, являясь заполнением кенотафа [Федоров-Давыдов 1998: 35; Васильев 2007: 104]. Однако, в нашем случае это мало вероятно, так как, во-первых, ямы с костями распложены за пределами основного массива погребений на некрополе Кырк-Азизлер. А во-вторых, скелеты баранов, подменяющие человека в погребении, располагаются в анатомической сохранности. В нашем же случае кости в яме расположены хаотично и имеют следы кухонной разделки, что позволяет утверждать, что мясо все-таки было употреблено в пищу. Маловероятно, чтобы обряд погребения в кенотафе животного, подменяющего тело, сопровождался поеданием его плоти.

Помимо этнографических источников существуют и исторические свидетельства такого обряда у татар. Об использовании магии от имени Бога и принесении мусульманами в жертву животного для вызывания дождя существует рассказ, приведенный В.Г. Тизенгаузеном в своей работе и процитированный Д.В. Васильевым [Васильев 2007: 105].

Опубликованный В.Г. Тизенгаузеном пример и этнографические данные показывают, что традиция вызывания дождя с использованием жертвенных животных стабильно существовала в татарской среде, начиная с золотоордынского времени вплоть до XX в., что по хронологии вполне совпадает с периодом бытования мусульманского некрополя Кырк-Азизлер.

Интересно, что даже в советское время при формировании образа нового исламского святого, одной из его важных способностей являлось умение вызывать дождь [Аликберов и др. 2018: 298].

В других регионах, которые в разное время также входили в состав ордынского государства и были исламизированы будучи в составе Золотой орды, также сохранились отголоски подобных верований. Ханафитский мазхаб позволил включить в ислам общие более ранние традиции кочевых народов, объеденных тюрко-монгольским миром. Несмотря на многие общие традиции, все же подобный формат моления о дожде характерен именно для татарских народов тюркоязычной группы. У казахов, которые во время молитвы о дожде, также могли приносить в жертву барана, козу или корову, шкуру жертвенного животного вешали на шесте над полем [Древние обряды…1986: 61]. Многими авторами отмечается общность культа святых для исламизированых потомков тюркских кочевых народов [Сызранов 2007: 164-168]. По мнению авторов публикации о сибирском исламе и ряда других исследователей [Селезнев и др. 2009: 129-130] культ святых является отражением суфийского влияния. В культуре святых мест таких как «астана» в Казахстане [Селезнев и др. 2009: 131], «аулия» или «авлия» в Астраханской области [Сызранов 2007: 165] и Туркмении (личные наблюдения одного из авторов статьи) присутствует коллективная трапеза после молитвы на месте могилы святого. Пища для трапезы состоит из пожертвований правоверных. Оставшиеся после трапезы кости, у казахов, как и у татар, непринято выкидывать или отдавать собакам. Кости должны быть закопаны в землю в чистом месте [Селезнев и др. 2009: 131].

Вторгаясь в область сакрального, археологу надо быть чрезвычайно осторожным в интерпретации материальных следов, которые могут иметь и более прозаичное объяснение, не связанное с духовной жизнью. Очевидно, что дальнейшие исследования территории, примыкающей к могильнику, позволят проверить правильность теории и тех связей, которые предложены в данной работе. Одна из ее целей – обратить внимание будущих исследователей памятника на этих непривлекательные и, как нам казалось на первый взгляд, обычные мусорные ямы.

Обнаруженные на мусульманском кладбище захоронения костей животных в отдельных ямах, на наш взгляд, вполне укладываются в исламскую ханафитскую традицию татар и маркируют так называемую «чистую» территорию примыкающую непосредственно к самому некрополю, на которой могли захораниваться остатки сакральной трапезы после совершения обряда моления о дожде. Изученные в ходе раскопок 2018 г археологические объекты хорошо пересекаются как с историческими письменными известиями о синкретизме ислама у татар и традиции вызывания дождя [Васильев 2007: 105], так и многочисленными этнографическими источниками [Абрамова 2001; Селезнев и др. 2009; Давлетшина 2017 и т.д.].

Библиография

АБРАМОВА А.А. Элементы обряда вызывания дождя тарских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. - Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. - С. 189-194.

АЛИКБЕРОВ А.К., БОБРОВНИКОВ В.О., БУСТАНОВ А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры . 2-е изд., испр. и доп. / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.

БАСИЛОВ В. Н. Культ святых в исламе. М., «Мысль», 1970. 144 с.

БАШКИРОВ А., Боданинский У., 1925. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый восток. № 8–9. С. 295–311.

ВАСИЛЬЕВ Д. В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань. 2007. 201 с.

ВЕЙМАРН Е.В. Материалы к археологической карте. Бахчисарайский район // НА ГБУ РК БИКАМЗ. Архив Е.В. Веймарна, 1979. Д. 15/42.

ДАВЛЕТШИНА Л. Х. Моления о дожде в традиции казанских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 1. С. 16-18.

Древние обряды верования и культуры народов Средней Азии: историко-этнографические очерки / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. В. Н. Басилов. - Москва : Наука, 1986. 205 с.

ЖУРЬЯРИ И.[С.]. Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. № 9. С. 108–111.

ЛАКУНОВА Д.Р., Тайсаев Д.М. Адыгские обряды вызывания дождя в культе обоготворения мёртвых // Вестник Кемеровского Государственного Университета Культуры и Искусств. Вып. 37-1. Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово). 2016. С. 82-86

СЕЛЕЗНЕВ А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: ИД Марджани, 2009. 216 с

СЫЗРАНОВ А.В. "Народный" ислам в Нижнем Поволжье: региональный вариант религиозного синкретизма. // Вестник Евразии. Вып. 3 (37). Москва. 2007. С. 163 - 180.

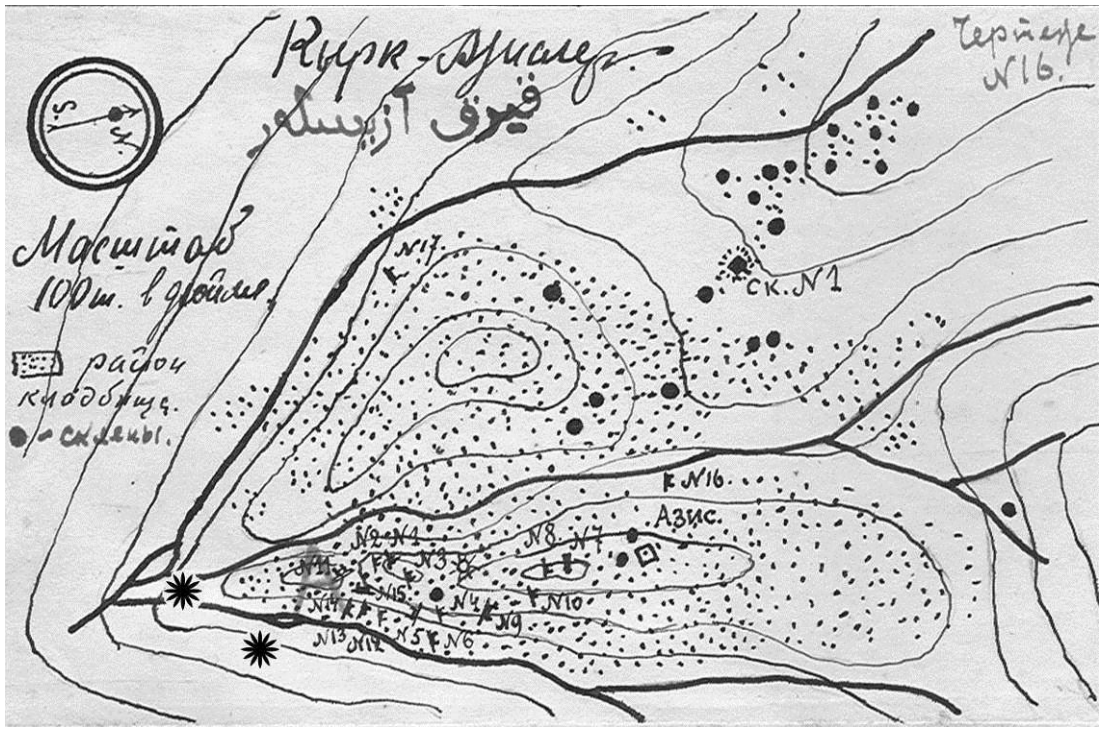


Рис. 1. Место расположения ям на глазомерном плане 1924-1925 г. (Материалы В.Н.Чепелева, лист 30, чертеж №16. Архив Е.В. Веймарна, д.15/42).

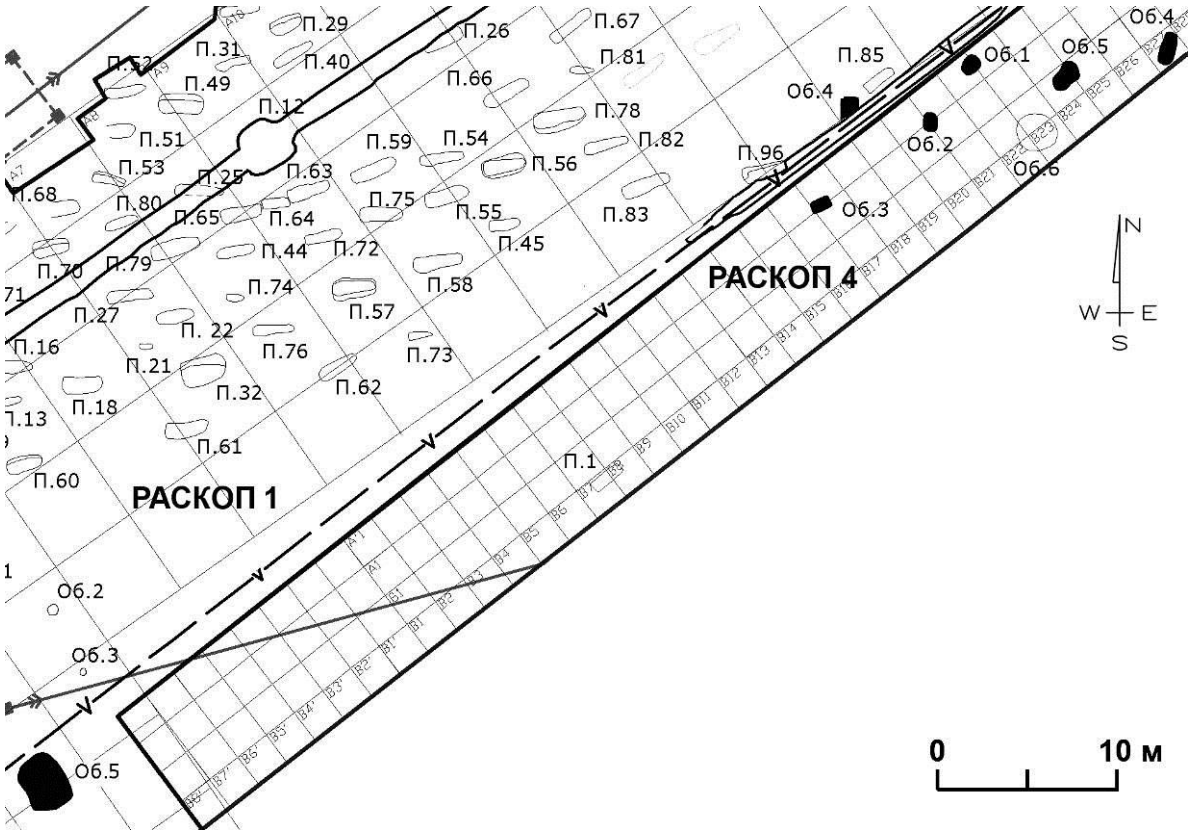


Рис. 2. План расположения ям (выделены черной заливкой) в границах раскопов 1 и 4.

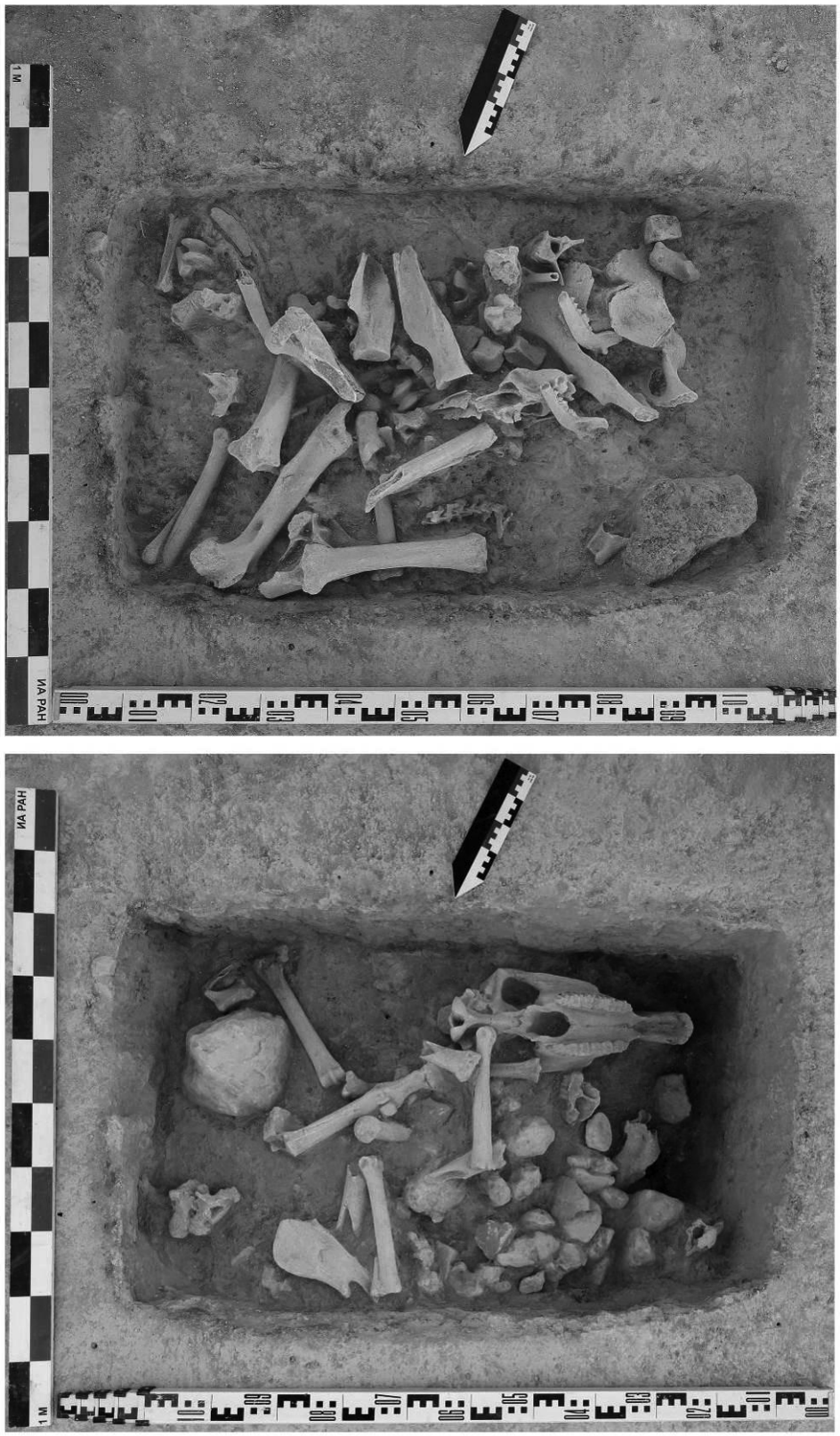


Рис. 3. Объект 3 на раскопе 4 (два уровня фиксации).

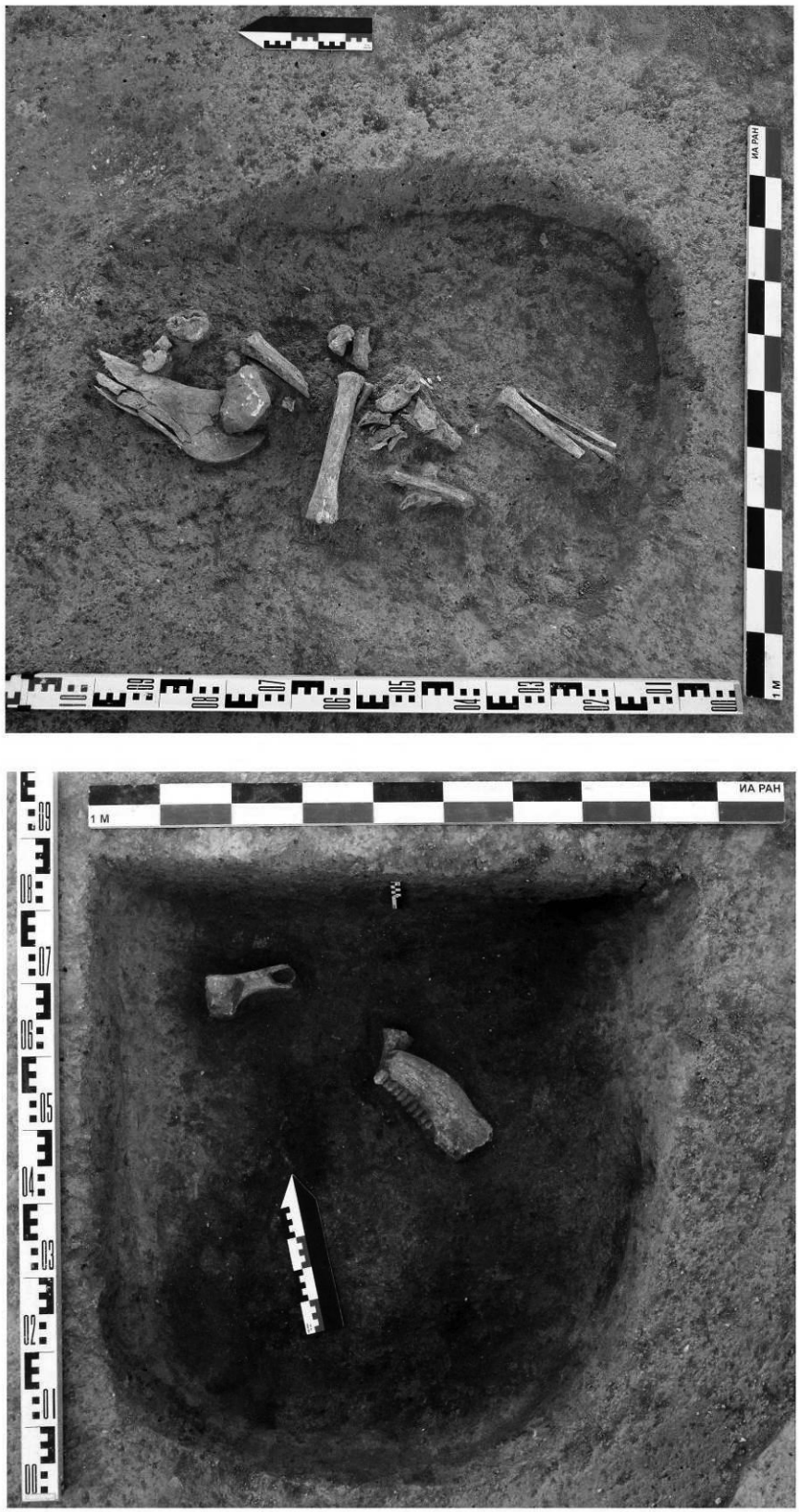


Рис. 4. Объекты 2 и 4 на раскопе 4.

Рис. 5. Объекты 1-5 в границах раскопа 4. Фото с квадрокоптера.

Михнева Р.А.
Варненский свободный университет „Черноризец Храбър”

„НА СТРАНИЦАХ СТАРЫХ КНИГ”: О КАПИТУЛАЦИЯХ И ТОРГОВЛЕ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Mikhneva R.A.

"ON THE PAGES OF OLD BOOKS": ABOUT CAPITALIZATIONS AND TRADE WITH THE OTTOMAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

Современная эпоха и меняющаяся у нас на глазах технология исследовательского процесса, переоценивание возможностей исскуственного интеллекта и англо-американские форматы цитирований, которые снижают в разы качества оформления научного апарата, но зато удобные, короткие и не требуют скрупулезной работы, приводят к тому, что теряется континуитет исследования данной теме, конкретнее торовлей между Россией и Османской империей [Михнева 1985:111 - 126]. Именно поэтому кажется оправданным занятся уяснением или же повторить еще раз результаты, сделанных на основе исключительно материала из российских архивов – АВПРИ, РГАДА, РГВИА и пр. [Михнева 1985: 17-25; Михнева 2003 37-38].

Капитуляции. Начну с того, что тема о капитуляциях, конечно, важна. А что касается прав и привилегий Росийской Империи, то нужно рассматривать Белградский мир 1739 и Екатерининский договор в общей системе. Россия получила первые свои капитуляции подписав Белградский договор в 1739 гг. она имела уже такие права и привилегии как и другие „найпочтеннешие нации” (nazione le meglio favorite), и это нашло свое отражение как в сухопутной, так и в морской торговле. Все это было вполне в традиции османской дипломатии. Екатерине II Блистательная Порта и новый султан расширили лишь права и открыли Проливы. [Михнева 1985: 112-113] Имеет ли это значение – да, с точки зрения османской дипломатии. Были уже капитуляции? Да. И их дополнили в знак благоволения. Недооценивать акт 1739 г. Нелепо, также как и переоценивать постигнутое именно в этом плане в Кючук Кайнардже. Как только состаялся обмен посольствами и договор вошел в силу.

Торговля. Как и до 1739 так и после него торговля шла скорее всего не морским путем, особенно если речь шла о больших партиях товара. Однако русские купцы приезжали в Стамбул и морем, через Крым. По дипломатической переписке на 1742 г. видно, что хан брал с русских поданных таможенные сборы как и с османских. И этот вот случай именно, когда дипломаты в Стамбуле ссылаются на конкретные тексты французских капитуляции, где перечислялись сборы, которые не оплачиваются иностранными поданными. В 1748 г. казак Никита Гуслюстов жаловался послу Анреану Неплюеву, что в Крыму „заплатя в Перекопи берумую по обыкновению с товара пошлину в осемьдесять по три, да в других Крымских же по пути лежавщих городах даваемых вместо пошлины баштовых денег[бадж – османский внутрунный налог] по три левка с вода, прибыли в Кафу” [Михнева 1985:121], т.е. с русских купцов крымские власти брали внутренние пошлины, чего до договору, не имели право делать.

В 20е-40е гг. происходили и другие изменения, как в механизме торговли, так и в конечных результатах. Несмотря на тот факт, что таможенный контроль все еще осуществлялся на старой границе Московского царства и на Украины, процес централизации Империи постепенно вытеснял гетманов как посредников. До середины века по сути Россия не могла нало-

жить свой контроль ни на торговлю через Крым, ни через Украину, где на ярмарках, особено в Нежине торговали оптом и в рознь купцы, приезжавшие с Балкан на основе привилегий „купцов с Востока" по двум тарифам XVII в. Эти новые территории империи были своего рода „порто франко" [Михнева 2003: 299-408]. Именно это и не позволяет ясно проследить по записям таможен сборы с товаров, объемы и происхождение, товаров как импорта так и экспорта.

Это правда, что морская торговля шла трудно, но и экономика России была еще не готова к роли актера в Средиземноморской торговле и содействовать решению основной проблемы – продовольственной. [Barnier: pass]. Структура потребления [Morisso:pass], например, во Франции могла принять лишь ту часть, которая и появлялась на рынке в Стамбуле, мягкую рухлядь. Сама французская экономика тоже не была готова к развитию новой структуры потребления. Мы привыкли цитировать, когда речь идет о торговле, особенно зерном ссылаться на серию голодных периодов во Франции и ее интересс к экспортным рынкам. В современной французской историографии вопрос ставится в более сложном контексте и сравнивается на протяжении 70 лет структура потребления, кто и что мог себе позволить. В городах жили 3% населения аристократии и крупной буржуазии [Boudjelal 2016:pass], т.е. даже если Россия еще в первой половине XVIII могла бы экпортировать произведенное на Севере зерно, оно бы не нашло бы своего покупателя из за отсутствия денег у низших слоев населения. За счет этого товары на Балканы весь этот процес взаимодействия поддержал накопление денег и „де факто" создал ту экономическую основу, которая формировала местные политические элиты, с одной стороны. С другой – на Север, включая Крым, с первыми волнами переселения шли люди более менее уже знавшие это пространство, включая Крым.

Библиография

МИХНЕВА, Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М.,1989.

МИХНЕВА, Р. Земята извън „Времето". Русия и Османската империя. Антропология на промяната (края на XVI-началото на XVIII в.). Варна, Славена, 2003.

BERNIE, I. Histoire: Crises alimentaires en France sous l'Ancienne regime. https://www.futura-sciences.com/sciences/questions-reponses/epoque-moderne-histoire-crises-alimentaires-france-sous-ancien-regime-11591/ Пр. 01 04 2021

BOUDJELAL, F. Comment vivait-on au XVIIIe siècle. https://www.vousnousils.fr/2016/11/18/comment-vivait-on-au-xviiie-siecle-596029 01 04 2021

MORRISON,Ch. La production française au XVIIIe siècle : stagnation ou croissance ? https://journals.openedition.org/ress/224

Могаричев Ю. М.
Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования (КРИППО), Симферополь
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
Ергина А.С.
Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
академия им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург

ФРЕСКОВЫЕ РОСПИСИ ПЕЩЕРНОЙ «ЦЕРКВИ ГЕОГРАФИЯ (ЕВГРАФИЯ)» В ИНКЕРМАНЕ

Mogarichev Yu.M.
Ergina A.S.
FRESCO PAINTINGS OF THE CAVE "CHURCH OF GEOGRAPHY (EUGRAFIA)" IN INKERMAN

Средневековый пещерный «храм География (Евграфия)» расположен в восточной части Монастырской скалы (Инкерман). Вероятнее всего, он являлся частью небольшого скита [Могаричев 1997: 16–17] В начале XX в. церковь стала вновь действующей: с лицевой стороны появились стена, сложенная из камня, скальные стены побелены. Памятник в 1937г. был засыпан грунтом, образовавшимся в результате строительства железнодорожной насыпи, и, соответственно, в настоящее время недоступен для осмотра и изучения. На карте русского штурмана И. Батурина (1773г.) данное место обозначено как «храм География». Н.И. Репников предположил, что что в карту вкралась ошибка и церковь была посвящена св. Евграфию [Репников, Материалы: 40].

В церкви сохранились фресковые росписи. И. Толстой и Н. Кондаков так их описывают: «По закруглению алтарной апсиды еще заметны фигуры восьми Святых в рост, от пола до потолка, с венцами, написанными желтою краской, а по сторонам венцов – надписи имен Святых белою, фон серый, краски грубые, малярные. Над алтарем, в виде запрестольного образа, – поясное изображение, вероятно Спасителя; как у этого изображения, так и у других, уже невозможно разобрать ни ликов, ни цвета одежды, ни надписей – видны только отдельные греческие буквы» [Толстой, Кондаков 1891: 29].

А.Л. Бертье-Делагард приводит следующий обзор: «По закруглению алтарной апсиды еще заметны фигуры восьми святых (по четыре с каждой стороны престола) в рост, от пола до потолка, с венцами, писанными желтой краской, а по сторонам венцов надписи имен святых белой: все это на сером фоне и все масляными красками. Над алтарем, в виде запрестольного образа, только поясное изображение (вероятно Спасителя), так как престол у стены не позволил писать до пола; вокруг венца нет надписи и, как у этого изображения, так и у других, уже невозможно разобрать ни ликов, ни одежд, ни надписей, видны только некоторые греческие буквы и лишь около второго лика справа можно кажется прочесть св. Власий; потолок в алтаре также был расписан, но тоже ничего нельзя разобрать» [Бертье-Делагард 2012: 59].

По Н.И. Репникову: «На потолке и в апсиде под побелками XX в. сохранились фресковые росписи. В алтаре фигуры восьми святителей в рост (по четыре с каждой стороны), на синем фоне в крещатых одеяниях с желтыми нимбами. Надписи имен белой краской. Непо-

средственно над престолом — младенец Христос в чаше. По низу изображений над престолом полоса серого цвета в черной кайме. В ней черными буквами, одновременная с росписью греческая надпись: «Моление раба божия Сотика(?) с женою его, детьми его, лета 6780/1272 г.» [Репников, Материалы: 40–41].

А.Ю. Виноградов опубликовал следующий вариант перевода упомянутой надписи: «Моление раба Божьего Сотирика с женой его и детьми его. В 6781 году» (1272–1273 гг.) [Виноградов, Посвящение Сотирика].

Таким образом, описания стенописи «церкви География», составленные во второй половине XIX – первой половине XX вв., отмечают в алтаре изображения восьми святителей в рост (один из них, предположительно, св. Власий), над престолом младенец Христос в чаше (поясное изображение Спасителя).

Наша реконструкция стенописи, так как памятник в настоящее время недоступен, основана на описаниях предшественников и сохранившихся рисунках (Рис. 1) и фотографиях (Рис. 2).

Как отметил П.П. Бабенчиков в 1937 г., лучше всего сохранилась стенная роспись нижнего регистра апсиды с надписью [Дневник П.П. Бабенчикова: 19; Отчет П.П. Бабенчикова: 7]. Остальная часть росписей была повреждена «реставрационными попытками» начала XX в.

Анализ рисунков Д.М. Струкова (Рис. 1) и материалов Инкерманской экспедиции ГАИМК (июнь – июль 1937г.) (Рис. 2) [Дневник раскопок; Отчет Н.И. Репникова: 76] показывает, что роспись «храма География (Евграфия)» повторяет в общих чертах привычную схему нижнего регистра росписей апсид пещерных храмов Горной Юго-Западной Таврики, таких как: церковь №12 (по Ю.М. Могаричеву) (Загайтанская скала, Инкерман), храм Донаторов (округа Эски-Кермена), церковь Южного монастыря Мангупа. Там. по обе стороны от престола изображены в рост фигуры святителей – «отцов церкви» в крестчатых одеждах и молитвенных позах. В «храме География (Евграфия)» фигуры святителей находятся по четыре с каждой стороны от престола. Соответственно, мы можем предположить, что роспись апсиды рассматриваемого памятника содержала фигуры: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Григория Нисского, Афанасия Александрийского и еще двое святителей из числа Великих Каппадокийцев. Один из которых, если верно предположение А.Л. Бертье-Делагарда, св. Власий. Отметим, практически все упомянутые святые регулярно встречаются в храмовых росписях памятников византийского круга, в том числе и в Крыму, и являются наиболее прославленными и почитаемыми отцами Церкви.

По сохранившимся фотографиям (Рис. 2) видно, что фигуры святых отцов, облачены в яркие белые саккосы с черными вставками темного орнамента омофора. Святители показаны в процессе богослужения. Основной белый тон доминирует и контрастирует с темными фрагментами орнамента и обеспечивает композиционное равновесие росписи апсиды пещерной церкви.

Тип изображения святителей в подобном облачении, которые представлены фронтально в нижнем регистре апсид, уже в начале XII в. окончательно закрепляется в алтаре церквей византийского круга как композиция Служба святых отцов. Примерами могут служить росписи в церкви монастыря Велюса (начало XI в.), монастыря Иоанна Златоуста в Кутсовендис на Кипре (конец XI–XII вв.), церкви Пантелеймона в Нерези (XII в.), церкви монастыря Неофита около Пафоса на Кипре (XII в.) и др. [Герасименко 2005: 245].

Изображения святых отцов церкви в пещерных церквях Крыма являются наиболее распространёнными, наряду с сюжетом Деисус. Как отмечал О.И. Домбровский, на территории

Горной Юго-Западной Таврики в храмах XIV в. и позднее, роспись алтарной части повторялась в общих чертах. Здесь была заложена идея Евхаристии. Условно использовали также изображения потира, дискоса и антиминса. [Домбровский 1966: 97].

Анализируя материалы Д.М. Струкова (Рис. 1), отметим, что в центре апсиды над престолом, вероятнее всего, был помещен образ Эммануила, являющийся центральным одиночным образом, который был отделен прямоугольной рамой.

Библиография

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. – Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153.

ВИНОГРАДОВ А.Ю. Каламита. Посвящение Сотирика // Византийские надписи. Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iospe.kcl.ac.uk/5.149-ru.html.

ГЕРАСИМЕНКО Н.В. Декорация алтарной части кафоликона монастыря Осиос Лукас // Византийский временник. Т. 64 (89) 2005. С. 245–255.

Дневник П.П. Бабенчикова о раскопках Инкерманской экспедиции, II отряда. Чертежи раскопок // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 158.

Дневник работ I-го отряда Инкерманской экспедиции // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 161.

Дневник раскопок Инкерманской экспедиции и описи фотографий // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 256.

ДОМБРОВСКИЙ О.И. Фрески средневекового Крыма. - Киев, 1966.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. Пещерные церкви Таврики.- Симферополь: Таврия, 1997.

Опись фотографий Инкерманской экспедиции, направленных в Управ. Сталинск. Жел. Дор. // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 159.

Отчет П.П. Бабенчикова о работах археологической экспедиции в Инкермане // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 142.

Отчет Н.И. Репникова о работах Инкерманской экспедиции // Научный архив Института истории материальной культуры. РО. Ф. 2. 1937. Д. 227.

РЕПНИКОВ Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // Научный архив Института истории материальной культуры. Ф. 10. Д. 10.

ТОЛСТОЙ И., КОНДРАКОВ Н. Русские древности в памятниках искусства. Спб., 1891. Т.4.

Рис. 1.

Рис. 2.

Моисеева Е.Н.
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

«ЦИВИЛИЗОВАННАЯ ЭКСПАНСИЯ» В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В РАБОТАХ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Moiseeva E.N.

"CIVILIZED EXPANSION" IN THE MEDITERRANEAN REGION IN THE WORKS OF FRENCH SCHOLARS OF THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES: MEMORY OF THE PAST IN THE CONTEXT OF IMPERIAL PROPAGANDA

В последней трети XIX – начала XX вв. во Франции появилось немало работ, посвященных истории колониальной экспансии и вопросам колониальной политики. Ученые обобщали прошлый колониальный опыт Франции и, в то же время, конструировали дискурс империализма. Их работы мы рассматриваем как часть имперского нарратива. Они, безусловно, оказывали воздействие на общественное сознание, несли в себе пропагандистский посыл. История колонизации рассматривалась авторами этих текстом через призму современной колониальной политики, а феномен колонизации, как правило, виделся им естественным для человечества. Кроме того, французские колониальные идеологи подчеркивали преемственность современной им колониальной политики Франции в Средиземноморском регионе (Алжир, Тунис) с колонизацией римлян. Особую роль Средиземноморского региона в колониальной эпопее отмечали все без исключения участники имперского дискурса. Как отмечает современный исследователь Г. Мюррей-Миллер в статье «Транссредиземноморская Франция», «Средиземноморье всегда занимало важное место в воображении французов» [Мюррей-Миллер 2017: 145]. Колонизация в Средиземноморском регионе оказалась также связана с формированием такого важного для имперского дискурса понятия, как «цивилизованная экспансия» и синонимичного с ним понятия «цивилизаторская миссия». Как виделась интеллектуалам конца XIX – начала XX вв. «цивилизованная экспансия» в Средиземноморском регионе? И какую историческую роль, по мнению идеологов колонизации, сыграло Средиземноморье во французской колониальной экспансии?

В качестве основных источников выбраны работы Леона Дешама «История колониального вопроса во Франции», Жюля Армана «Господство и колонизация» и «Цивилизаторская экспансия Франции», Артура Жиро «Принципы колонизации и колониальное законодательство», Поля Гаффареля «Колониальная политика Франции с 1789 по 1839».

Французский историк Поль Гаффарель писал: «Это в Средиземноморском регионе неоднократно решались важнейшие политические проблемы, и, возможно, в ближайшее время именно там встанут серьезные вопросы, которые до сих пор волнуют человечество» [Gaffarel 1908: 187]. Далее он продолжал: «Народы, которые заселяли это море один за другим играли важнейшую роль: египтяне, финикийцы, греки, римляне, вандалы, сарацины, турки последовательно осуществляли там то, что Фукидид называл талассократией, и в настоящее время все европейские народы встречаются там как на закрытом поле. Таким образом, существует то, что можно было бы назвать вопросом Средиземноморья, и Франция не может потерять к нему интерес, не порывая с многовековыми традициями и не отказываясь от своего законного

влияния» [Gaffarel 1908: 187] Описывая регион Средиземного моря, П. Гаффарель подчеркивал неизменное политическое значение региона и употреблял по отношению к нему термин «Средиземноморская империя» [Gaffarel 1908: 187], имея ввиду гетерогенное пространство моря, объединяющее народы и страны в прошлом и настоящем.

Средиземное море в рассматриваемых текстах французских интеллектуалов конца XIX – начала XX вв. – это не только географический объект, но пространство, откуда идет отсчет самой экспансии. «От Средиземного моря до Мыса Доброй Надежды» [Deschamps 1891: 386], так описывал Л. Дешам колониальное величие Англии. Историк и филолог, автор фундаментальных работ по истории древнеримского общества Гастон Буасье в работе «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису», очерчивая завоеванные Францией территории Северной Африки писал: «От Средиземного моря до Сахары: все принадлежит нам» [Boissier 1894: 271]. Средиземное море предстает в имперских нарративах символическим местом, откуда началась «цивилизованная экспансия».

Очевидно, что «цивилизованная экспансия» осуществлялась цивилизованными народами. Артур Жиро, специалист по международному праву, профессор политической экономии, на которого большое воздействие оказала теория Герберта Спенсера утверждал, что «Все высшие цивилизованные народы колонизировали» [Girault 1904: 7]. Описывая колонизацию финикийцев побережья Средиземного моря, он сравнивал ее с современной колонизацией. Для него торговые фактории финикийцев «аналогичны тем точкам опоры, которые создали современные нации в Азии и Африке» [Girault 1904: 8]. По его мнению, без цивилизаторского воздействия нет колонизации. Он употреблял термин колонизация, подразумевая под ним «цивилизованную экспансию».

Разумеется, наиболее ценными источниками для исследования являются те, в которых авторы дают определение исследуемого понятия. «По-настоящему цивилизованная экспансия», - писал Ж. Армана, - «это организованное завоевание, преследующее политические цели» [Harmand 1910: 48]. Вторая глава его монографии так и называется «Цивилизованная экспансия». Она начинается с краткого описания завоевательной политики римлян в Средиземноморском регионе. Таким образом, по мнению Ж. Армана, наличие политической цели и организованный характер экспансии делает ее цивилизованной, и впервые цивилизованную экспансию начали римляне именно в Средиземноморье. В статье «Цивилизованная экспансия Франции», опубликованной в 1929 г. Ж. Арман развивает свою мысль и пишет, что «Цивилизованная экспансия – это экспансия, которая воспитывает и защищает народы, которые подчиняет» [Harmand 1929: 273], то есть осуществляет цивилизаторскую деятельность. Таковой он считал деятельность епископов по христианизации [Harmand 1929: 268]. «Цивилизованной экспансии» Ж. Арман противопоставлял нецивилизованную. Это «германские орды, экспансия норманнов, сарацинов, которые угрожали окончательному разрушению того, что осталось от средиземноморской экспансии» [Harmand 1929: 268]. По словам Ж. Армана франки «спасли Средиземноморье, христианизировали и основали континентальную Европу» [Harmand 1929: 269]. Роль Средиземноморья упала, когда перед Европой «открылись другие моря и океаны на исходе Средних веков». И теперь задача Франции, по мнению Ж. Армана «пропаганда справедливости среди цивилизованных народов, распространение цивилизации среди народов отсталых» [Harmand 1929: 287] Таким образом, Франция, которую Арман считал «дочерью Средиземноморской цивилизации» должна продолжать распространять христианскую нравственность и вести «цивилизованную экспансию», так как это основа любой современной цивилизации» [Harmand 1929: 273].

Ссылка на прошлую экспансию в Средиземноморском регионе, которую французские интеллектуалы конца XIX – начала XX вв. считали цивилизованной, делала современную экспансию также цивилизованной в глазах современников, способствовала формированию благоприятного общественного мнению во Франции и расширению экспансии.

Библиография

BOISSIER G. L'Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie. Paris: Hachette, 1895. 350 p.

DESCHAMPS L. Histoire de la quêstion coloniale en France. Paris: Librairie Plon Nourrit et Cie 1891. 405 p.

HARMAND J. Domination et colonisation. Paris: Flammarion, 1910. 370 p.

HARMAND J. L'expansion civilisatrice de la France // Revue des Deux Mondes. 1929. Vol. 54, No. 2, 15 NOVEMBRE P.268-288.

GIRAULT A. Principes de colonisation et de législation colonial. Paris: librairie de la société du recueil gal des lois & des arrêts. Edition 2, Tome 1. 1904. 789 p.

GAFFAREL P. La politique coloniale en France de 1789 à 1830. Paris: Felix Alcan, 1908. 489 p.

МЮРРЕЙ-МИЛЛЕР Г. Транссредиземноморская Франция. Перевод с англ. Ю.В. Ткаченко // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М. С. 141-161.

Мунтяну Лучиан
Институт Археологии, Румынская Академия, Яссы

АФРОДИТА УРАНИЯ НА МОНЕТАХ БОСФОРСКОГО ЦАРСТВА

Munteanu Lucian

APHRODITE OF URANIUM ON THE COINS OF THE BOSPHORIAN KINGDOM

Афродита Урания из Босфор родилась как амальгама двух божеств: покровительница Апатурума, почитаемой греками, и местной Великой Богини, которую скифы называли Аргимпаса. В первые пять веков до н. э. она превратилась в замечательное божество, сочетающее греческие и местные элементы, привлекая преданность королевской семьи Спартоцидов. В римский период эпиграфические свидетельства и художественные изображения показывают абсолютное преобладание Афродиты Урания в пантеоне Босфора [Ustinova 1999: 29-53, 129-174; Braund 2018: 220-265]. Естественно, что такое могущественное божество оставило значительный след в денежной иконографии Босфора. Удивительно, но изображения богини на греческих монетах не известны. Только с римского периода Афродита Урания изображалась на боснийских монетах, исключительно на бронзовых. В первые два века н. э. она часто появляется как на лицевой, так и на оборотной стороне, среди других изображений. Начиная с III в. н. э., он стал доминирующим денежным типом и с середины того же века остается единственным изображением на бронзовых монетах. Мы можем выделить три различных иконографических изображения Афродиты Урании на монетах Боспорского царства, которые находятся в относительной хронологической последовательности: а) бюст богини; б) бюст богини лицом к лицу с бюстом царя; в) богиня, сидящая на троне.

Бюст богини (а) впервые появляется на бронзовых выпусках городов Пантикапей (Кесария) и Фанагория (Агриппия). На монетах Кесарии она носит вуаль над калатусом, а на монетах Агриппии она изображена только с вуалью и диадемой. На реверсе изображен скипетр с цветком граната на конце и соответственно нос корабля [Frolova, Ireland 2002: 49-52, табл. XXXI-XXXIII]. В районе Босфора есть многочисленные изображения богини с вуалью и калатусе или polos, особенно на терракоты, начиная с V в. до н. э., а затем и на стелах [Ustinova 1999: 44-51, 144-168, 342-346]. Цветок граната - один из атрибутов Афродиты [Ustinova 1999: 141, 158], а нос корабля показывает его связь с морем [CIRB 30, 1115]. Бюст богини, одетой в вуаль над калатусом, регулярно появляется на реверсе бронзовых монет I в. н. э. Первые такие монеты имеют на аверсе изображение королевы Гепапирис [Frolova, Ireland 2002: 8-9, 70-71, 77, табл. XLVII, XLVIII.1-3, LIII.1]. На монетах Резупориса I вместе с обычными изображениями Афродиты с калатусом и вуалью или с диадемой в виде короны и вуали [Frolova 1979: 96-97, табл. I.22-25, 27; MacDonald 2005: 71, № 355] появляется особая картина, в которой богиня носит только диадему без вуали [Frolova 1979: 98-99, табл. II.14-25, III.1-2; MacDonald 2005: 72 , № 363.1-4]. Во времена Савромата I типичный бюст богини в калатусе обрамлен лавровым венком [Frolova 1979: 112, 114, табл. VII.23-28, VIII.11]. Эти монеты были связаны с реставрацией храма в Апатуруме в этот период [CIRB 1045; Braund 2018: 243].

Второе изображение Афродиты - лицом к лицу с бюстом царя (б) - прерывисто появляется на монетах Босфора. Первое изображение двух бюстов, стоящих лицом к лицу, относится ко времени Резупориса I [Frolova 1979: 99-100, табл. III.3-9]. На бронзовых монетах Савромата I бюсты изображены как на аверсе, так и на реверсе, в сочетании с различными иконогра-

фическими типами, характерными для той эпохи [Frolova 1979: 113-114, 116-117, 119, табл. VIII.9, IX.1, 10-13, 23-25]. В этой ситуации богиня носит тиару, в отличие от изображений, на которых она появляется одна, с калатусом на голове. На монетах Евпатора изображены оба персонажа в коронах: corona radiata для короля и corona muralis для Афродиты [Frolova 1979: 166-167, табл. XXVIII.25-29, XXIX.1-5]. Известны многочисленные терракотовые изображения, на которых богиня носит corona radiata - солярный символ, который она передает императору на монетах [Ustinova 1999: 141-142, 158, 166]. Corona muralis на голове богини изображает ее как защитное божество города и королевства. В III в. эти два бюста появляются на бронзовых монетах, отчеканенных Котисом III, Рескупорисом IV и Ининтимеем [Frolova 1979: 227, 231, 235-237, табл. LVII.8-30, LVIII.1-2, LIX.16, 20-21, LXI.10-32, LXII, LXIII.1-14]. Из-за схематических изображений трудно оценить, носит ли богиня калатусом, corona muralis или даже corona radiata.

Изображение Афродиты, сидящая на троне (в) появляется на монетах Савромата II, вероятно, отмечает открытие новой культовой статуи богини или восстановление более старой [Ustinova 1999: 142; Braund 2018: 243]. На монетах этого периода Афродита носит на голове корону (иногда весьма похожую на калатус), в правой руке она держит круглый предмет (сосуд? Яблоко? Гранат?), а в левой руке часто держит длинный скипетр; исключительно в сопровождении Эроса и Ники [Frolova 1979: 189-190, 195-196, табл. XXXVIII.11-25, XXXIX, XL.1-5, XLII.25-31, XLIII.1-26]. Это изображение богини, сидящей на троне, является очень важным в боспорском искусстве, начиная со II н. э. Она появляется на многочисленных плитки, надгробия (как у Агата), различные украшения (например, золотой медальон, обнаруженный на Кубани) или изображении на стенах гробниц (например, Антестериоса или Сорако), часто в сопровождении Эроса и, в меньшей степени, Ники [Ustinova 1999: 45-47, 142, 144-150, 158-160, 162, 164, 350, табл. 9; 352-356, табл. 11-15; 358, табл. 17; 360-361, табл. 19-20].

В следующем веке картина Афродиты на троне доминировала в нумизматической иконографии Босфора. Начиная с монет Резупориса III, трон представлен выше, а его руки имеют форму когтей льва или грифона, что напоминает функцию богини Потнии Терон. Круглый предмет в руке напоминает патера, что может указывать на связь Афродиты с местной традицией [Frolova 1979: 218-220, табл. LII.27-32, LIII, LIV.1-12, 16]. На бронзовых монетах Котиса III, Рескупориса IV и Ининтимея богиня изображена как на лицевой стороне (лицом к лицу с королем), так и на реверсе (сидящая на троне) [Frolova 1979: 226-227, 231, 234-238, табл. LVI.32-39, LVII.1-2, 8-30, LVIII.1-2, LIX.16, 20-21, LX.30-38, LXI.1-5, 10-30, LXII, LXIII], что подтверждает ее высшее положение в пантеоне Босфора. Рескупорис V - последний царь, чеканивший монеты с изображением Афродиты, представленной сидящей [Frolova 1983: 167-169, табл. XXII-XXIV, XXV.1-6]. Представления этого периода имеют высокую степень схематизации, иногда доходя до карикатурных изображений, поэтому определить её атрибуты практически невозможно.

Вероятно, также в связи с Афродитой Уранией можно поставить серию монет времен Котиса с легендой КАПЕ, на которой изображен храм с пятью колоннами [Frolova, Ireland 2002: 82-84, табл. LVII.11-19, LVIII]. Подобное строительство изображено на керченской и оба изображения, на монетах и на камне, могут отмечать реконструкцию храма богини [Ustinova 1999: 143].

Определенные знаки, которые появляются на состояниях Босфора (звезды, комбинации точек), были интерпретированы как представляющие астральные символы богини [Frolova 1983: 51-54; Ustinova 1999: 141-142; Braund 2018: 243]. Следует соблюдать осторожность при интерпретации этих знаков, которые могут обозначать купюры после реформы Савроматов II

[Frolova 1979: 41], могут представлять разделители в денежном поле или могут иметь простую декоративную роль.

Афродита Урания присутствует постоянно на протяжении трех веков на монетах Боспорского царства. Это показывает чрезвычайную важность, которую это божество имело для боснийских королей и их владычества. Ее покровительство обеспечивало успех государства на всех уровнях общества, поэтому считалось наиболее подходящим выразить идентичность Королевства через изображения на монетах [Braund 2018: 242-255].

Библиография

BRAUND D. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge, 2018.

CIRB - STRUVE V.V. et alii Corpus inscriptionum Regni Bosporani. Moskau, Leningrad, 1965.

FROLOVA N. A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69-238. London, 1979.

FROLOVA N. A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 242-341/342. Oxford, 1983.

FROLOVA N. A., IRELAND S. The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century B.C. to the Middle of the First Century A.D. Oxford, 2002.

MACDONALD D. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosporus. Lancaster, 2005.

USTINOVA Y. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden, Boston, Köln, 1999.

Непомнящий А.А.
Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского, Симферополь

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ (ОТДЕЛЕНИЕ) КРЫМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ПЕДИНСТИТУТА) ИМ. М. В. ФРУНЗЕ (20-Е ГОДЫ XX В.)

Nepomnyashchy A.A.

EASTERN FACULTY (DEPARTMENT) OF THE CRIMEAN UNIVERSITY (PEDAGOGICAL INSTITUTE) NAMED AFTER M.V. FRUNZE (20-S OF THE TWENTIETH CENTURY)

Задумка создать в Таврическом университете, официально открытом в октябре 1918 года, востоковедный научный и учебный центр восходит ко времени существования на полуострове филиального отделения Университета Святого Владимира. Этот вопрос детально обговаривался на третьем собрание Попечительного совета, прошедшем 2 июля 1918 года, куда из Киева приехал профессор историко-филологического факультета Университета Святого Владимира П. Н. Ардашев [Непомнящий 2020: 1083–1084]. Интересно, что Ардашев говоря об отсутствии достаточного количества профессоров для открытия восточного факультета, признал желательным ввести на историко-филологическом факультете в Симферополе преподавание истории мусульманского Востока, уделив особое внимание Ближнему Востоку с учетом связей Крыма со Средиземноморьем [ИРНБУВ, ф. 1, № 9376, л. 3].

Структурные трансформации, проведенные после официального закрытия Крымревкомом Таврического университета и организации Крымского государственного университета имени М. В. Фрунзе привели к созданию на базе историко-филологического и юридического факультетов восточного отделения факультета общественных наук. В сложное время поисков способов выживания ученых в тяжелейших условиях гражданской войны и массовых миграций населения, как вариант сохранения штатов профессорско-преподавательского состава и увеличения контингента студентов, рассматривались различные идеи открытия новых специальностей и кафедр. Профессор А. Н. Деревицкий, служивший до прихода красных деканом историко-филологического факультета Таврического университета, активно разрабатывавший сюжеты, связанные с изучением искусства Ближнего Востока, способствовал открытию в составе факультета восточного отделения. Не случайно в это время он являлся научным куратором создаваемого и позже открытого в Ялте уникального Восточного музея [Непомнящий 2018: 85–87]. Отделение преобразовали в марте 1922 года в восточный факультет.

В составе профессорско-преподавательской корпорации факультета продуктивно работали крупные ученые – историки и филологи – профессора П. Н. Ардашев, С. Н. Бугославский, М. О. Гредингер, А. Н. Деревицкий, И. А. Линниченко, А. М. Лукьяненко, А. И. Маркевич, Е. В. Петухов, Б. В. Чобан-заде, целая плеяда менее известных в масштабах страны, но хорошо узнаваемых в научных кругах в пределах Крымской АССР преподавателей, внесших значительный вклад в развитие крымской эпиграфики, источниковедения, историографии, дело охраны культурного наследия региона (прежде всего золотоордынских и крымско-татарских архитектурных и археологических памятников). Это А. С. Айвазов, О. А. Акчокраклы, М. Е. Бененсон, П. И. Голландский, С. Б. Ефетов, И. А. Левковский, И. Н. Леманов, П. И. Новицкий, А. А. Одабаш, А. А. Раевский, В. И. Филоненко [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 192, л. 27–42].

Интерес предложенных абитуриентам новых направлений подготовки позволил вузу поддерживать приличный уровень по числу студентов. Обучение на восточном факультете шло по двум направлениям – лингвистическому (по трем разрядам (специальностям): турецко-татарская, армяно-грузинская и арабо-сирийская филология) и административному (подготовка госуправленцев для учреждений Крымской АССР).

Согласно составленной деканом М. О. Гредингером 1 апреля 1923 года таблице «Преподавательский состав Восточного факультета Крымского Гос. Университета» история Ближнего Востока, изучение торговых связей с Восточным Средиземноморьем прочно вошло в учебные программы данной специальности. Список открывает профессор Бекир Чобан-заде (в документе фамилия написана слитно). Возле каждого преподавателя указывались читаемые курсы, когда и кем был утвержден в должности. Б. В. Чобан-заде преподавал «Сравнительную грамматику тюркских языков» и «Историю Востока», спецкурс «Турция в дипломатических контактах Средиземноморья»). Профессор А. М. Лукьяненко вел «Сравнительное языкознание», профессор М. О. Гредингер – «Энциклопедию права в связи с советским законодательством», «Конфликтное право», «особенности восточного законодательства», профессор А. Н. Деревицкий – «Историю искусства Востока», профессор А. А. Раевский – «Статистику». Далее шел перечень преподавателей: А. А. Одабаш – «Крымско-татарский язык», И. Н. Леманов – «Арабский язык» и «Мусульманское право», В. И. Филоненко «Персидский язык», А. И. Маркевич «История Крыма», спецкурс по торговым связям Крыма в средневековье и Новое время, О. А. Акчокраклы «Восточная каллиграфия». Общие курсы читали П. И. Новицкий – «История материализма» и И. А. Левковский «История профсоюзного движения» [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 3, д. 195, л. 1].

10 ноября 1923 года восточный факультет Крымского университета им. М. В. Фрунзе был вновь реорганизован в отделение востоковедения (с педагогической и этнолого-лингвистической секциями) в составе уже педагогического факультета. Количество принимаемых на педагогический факультет студентов было увеличено на 50 человек. Список читаемых сугубо востоковедческих дисциплин был сокращен. Важной задачей оставалась подготовка учителей для общеобразовательных школ. В Крымской АССР все школьники учили крымско-татарский язык. Сохранился учебный план отделения востоковедения педагогического факультета. Предметы педагогической и этнолого-лингвистической секций отделения отличались. Обучающиеся слушали общие курсы по физике, химии, основам политической экономии, анатомии и физиологии человека, биологии, введению в основы искусств. Студенты обеих секций изучали арабский, татарский, персидский языки, восточную каллиграфию, историю Востока, историю и археологию Крыма, этнографию и географию Востока, мусульманское искусство, введение в языкознание, турецко-татарское языкознание, историю арабской, персидской, турецкой литератур, государственное право и строительство СССР, исторический материализм. Слушатели педагогической секции слушали курсы по истории педагогики, экспериментальной психологии и педагогике, психопатологии и дефективности, профессиональным объединениям работников просвещения, истории мировоззрения Востока, истории народного образования, методике преподавания восточных языков. На этнолого-лингвистической секции преподавалась история русской культуры, история древних культур, этнология, фольклор, история мировоззрения Востока, история средневековой культуры, история новой культуры, Восточный вопрос, экономическая география Ближнего Востока, история персидской литературы, мусульманское право, международная политика СССР на Ближнем Востоке [ГАРФ, ф. А-1565, оп. 6, д. 293, л. 62, 73–74 об.].

Таким образом, в учебном процессе восточного факультета (отделения) Крымского университета (пединститута) имени М. В. Фрунзе определенное место отводилось изучению Восточного Средиземноморья: истории, языков, культуры, права. Составители учебных планов объективно объясняли это обилием контактов проживавших там народов с Крымом.

Библиография

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-1565, оп. 3, д. 192, 195; оп. 6, д. 293.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины (ИРНБУВ), ф. 1, № 9376.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А. Н. Деревицкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История». 2018. № 52. С. 82–88

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. «Лучший рассадник высшей школы»: организация подготовки национальных кадров в Крымской АССР в 1920-е гг.: по документам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1083–1094.

Павличенко Н.А.
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Прохорова Т.А.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

МЕТОДЫ КОПИРОВАНИЯ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ В. В. ЛАТЫШЕВА ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА ГМЗ ХТ И СПБФ АРАН)[88]

Pavlichenko N.A.
Prokhorova T.A.

METHODS FOR COPYING EPIGRAPHIC MONUMENTS IN THE END OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE CORRESPONDENCE OF V.V. LATYSHEV FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF GMZ HT AND SPBF ARAN

Историю отечественной эпиграфики сегодня невозможно представить без имени выдающегося российского эпиграфиста В.В. Латышева, составителя главного корпуса надписей Северного Причерноморья – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE). Этот свод надписей пережил несколько переизданий и объединил несколько сотен лапидарных памятников, в том числе из Херсонеса. Сам Латышев лишь дважды побывал в Херсонесе и работал вдалеке от места обнаружения и хранения оригиналов, поэтому издание надписей естественным образом ставило вопрос об их копировании. В конце XIX – начале XX в., учитывая, что фотографирование требовало дорогостоящей техники и специальных умений, самым распространенным способом копирования были эстампажи, то есть бумажные оттиски с надписи или изображения на каком-либо твердом материале – камне, металле или керамике. В это время в России применялось несколько способов производства эстампажей.

Самый простой вариант их изготовления заключался в том, что смоченную «пропускную», то есть фильтровальную (или вержированную) бумагу прикладывали к предварительно промытой поверхности камня и прибивали специальной тяжелой щеткой. Этот способ применялся европейскими египтологами и антиковедами, например, Ж.-Ф. Шампольоном, Р. Лепсиусом, Ф. Леба начиная с 20-х гг. XIX в. [Larfeld 1914: 157–159; Павличенко 2018: 465–466]. Наиболее полно этот способ производства эстампажей был описан Э. Хюбнером в руководстве «Über mechanische Copien von Inschriften» [Hübner 1881: 24–28]. В.А. Городцов приводит его в качестве лучшего способа копирования любых изображений или надписей на предметах, «доставка которых в музеи натурой представляется невозможной» [Городцов 1914: 21]. Для закрепления эстампажей применялся яичный белок, крахмал или другие субстанции с подобными свойствами. Так, в 1902 г. А.А. Бобринский в письме к сибирскому этнографу и археологу А.В. Адрианову рекомендовал для укрепления изображения наносить лак широкой мягкой кистью на уже просохший эстампаж [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 33. Л. 9–10].

Еще один контактный способ копирования надписей описывается тюркологом В.В. Радловым. На предварительно очищенный камень гуммиарабиком приклеивался белый коленкор, затем с помощью губки его смачивали водой и вбивали в камень щеткой. Лишний клей

[88] Н.А. Павличенко готовила статью при поддержке гранта РФФИ (грант № 18-09-40115-Древности).

промокали несколькими слоями «протечной» бумаги, потом поверхность посыпали тальком и снова прибивали щеткой. После этого с помощью валика наносилась типографская краска. После высыхания копию отделяли от поверхности и дополнительно просушивали не менее 12–24 часов [Радлов 1893: 169–181; Сазонова 2012: 68–70].

Впрочем, этот способ, достаточно затратный и требующий длительной просушки полученного отпечатка (для просушки бумажного эстампажа требуется не более часа), на южнорусских памятниках не применялся. Для копирования лапидарных надписей использовались эстампажи из вержированной или фильтровальной бумаги как правило без какой бы то ни было пропитки. К.К. Косцюшко-Валюжинич в отдельных случаях для укрепления бумаги покрывал эстампажи воском, но это, скорее, было исключением из общей практики [см., например, один из подобных эстампажей: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Инв. 4 (№ 298)].

В III том IOSPE должны были входить клейма на предметах хозяйственно утвари и, в частности, амфорные и черепичные клейма. Учитывая то, что в отличие от лапидарных надписей керамические клейма являются массовым материалом, их копирование было более затруднительным [Кац 1999: 158–159; Федосеев 2012: 374–375].

Описание нескольких способов копирования керамических клейм содержится в переписке, отложившейся в личных фондах В.В. Латышева и К.К. Косцюшко-Валюжинича и в делах Императорской археологической комиссии. К.К. Косцюшко-Валюжинич описал свой метод следующим образом:

«Для снимков я выбираю самую тонкую, но плотную, почтовую бумагу. Очистив щёточкой от земли и других осадков место, подлежащее снятию, (причем не редко прибегаю и к перочинному ножу), я вырезаю соответственной величины бумагу и, смочив губкой внутреннюю ее сторону, накладываю на надпись, слегка надавливаю, а углы приклеиваю густым синдетиконом, дабы бумага не имела движения. После этого я весьма старательно вдавливаю большим пальцем ту часть бумаги, которая покрывает надпись, до тех пор, пока совершенно ясно не обнаружатся все буквы и изображения эмблемы. Дав бумаге высохнуть, я остро очиненным карандашом (Johann Faber № 2) обвожу буквы и изображения сверху и слегка растираю карандаш указательным пальцем, обращая главное внимание на то, чтобы карандаш не соскакивал с букв, так как надпись будет иметь тогда вид расплывшийся, не отвечающий действительности. При известном навыке, снимки эти делаются очень быстро и имеют то преимущество перед списыванием надписей, что совершенно точно передают характер последних и тем дают возможность определить с некоторой точностью эпоху, к которой относятся»89 [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 69, 69 об.; РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1 1892. Д. 4. Л. 78–78 об.] (Рис. 1–3).

В.Г. Тизенгаузен в письме от 16 октября 1892 г. рекомендовал К.Е. Думбергу выполнять копии с клейм Керченского музея именно этим способом [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1892. Д. 4. Л. 76–76 об.], но тот наотрез отказался. 17 ноября 1892 г., в ответ на письмо Тизенгаузена Думберг написал рапорт в Археологическую комиссию: «…Относительно изготовления снимков с ручек и т.п. честь имею донести, что мне не удалось приискать в Керчи лица, которому можно было бы поручить эту работу, и поэтому я покорнейше прошу ИАК возложить ее на меня. Считаю, однако, долгом заметить, что способ, практикуемый г. Косцюшко-Валюжиничем, не может давать безусловно надежного материала для труда г. Латы-

[89] К обоим письмам приклеен эстампаж херсонесского ретроградного клейма Ἀλεξάνδρου/ἀστυνόμου, сделанный вышеупомянутым способом. Эстампажи клейм Косцюшко прилагал к ежегодным отчетам о раскопках в Херсонесе и иногда прикладывал их прямо к письмам к В.В. Латышеву. См., например, письмо от 28 ноября 1892 г. [СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 12].

шева. Подобно фотографии он дает хорошие результаты только при достаточной сохранности подлинника, а обведение букв карандашом может вызвать разного рода неточности. Изготовление снимков при содействии постороннего человека обошлось бы в 150 рублей и я покорнейше прошу ИАК отпустить мне эту сумму 1) на устройство маленькой гипсовой и гальванопластической мастерской при Керченском музее и 2) на приведение в порядок имеющейся в музее коллекции ручек, черепиц и т.п. Мастерская будет приносить большую пользу, а систематическое упорядочивание штемпелей будет значительно облегчать всю дальнейшую работу ...» [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1892. Д. 4. Л. 79–79 об.]. Средства на мастерскую были выделены, но, как видно из рапорта К.Е. Думберга от 17 июля 1897 г., его работа не увенчалась успехом – он пишет, что уничтожил изготовленные слепки, так как они «г. Латышеву никакой пользы не принесут». Думберг предлагает отправить весь имеющийся в Керченском музее материал в Петербург, чтобы Е.М. Придик, которому была передана работа над III томом IOSPE, «мог бы его изучать со всех сторон» [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1897. Д. 2. Л. 53].

К.К. Косцюшко-Валюжинич обучил изготовлению эстампажей своего верного помощника и прекрасного рисовальщика М.И. Скубетова. Как свидетельствует подпись автора на эстампажах, многие снимки были выполнены именно им [НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2. Инв. 5, 13; см. также: Латышев 1902: 31]. Мартин Скубетов, работавший в музее до начала 1920-х гг., продолжал использовать эту методику и после смерти первого заведующего музеем.

К сожалению, в отличие от лапидарных надписей, эстампажи которых успешно изготавливали и К.К. Косцюшко-Валюжинич, и К.Е. Думберг, единая методика копирования керамических клейм так и не была выработана. Способ, предложенный Косцюшко-Валюжиничем, нигде, кроме Херсонесского музея, больше не применялся.

Библиография

ГОРОДЦОВ В.А. Руководство для археологических раскопок. М.,1914.

КАЦ В.И. Работа Латышева по составлению III тома IOSPE // Историк и историография. Саратов, 1999. С. 156–161.

ЛАТЫШЕВ В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // ИАК. СПб., 1902. Вып. 3. С. 21–57.

ПАВЛИЧЕНКО Н.А. Коллекция эстампажей греческих надписей в фонде Русского археологического института в Константинополе // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб., 2018. С. 465–473.

РАДЛОВ. В.В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // ЗВОРАО. Т. 7. СПб, 1893. С. 169–181.

САЗОНОВА О.М. К истории развития контактного метода копирования петроглифов (по материалам Среднего Енисея) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. V. Красноярск, 2012. С. 67–74.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // Вопросы эпиграфики. Вып. VI. М., 2012. С. 371–385.

HÜBNER E. Über mechanische Copien von Inschriften. Berlin, 1881.

LARFELD W. Griechische Epigraphik. B-d 1. München, 1914.

№46.
68

Милостивый Государь
Карлъ Евгеньевичъ.

Въ дополненіе предложенія Императорской Археологической Комиссіи отъ 14-го Октября с.г. за № 1403, имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что для изслѣдованія способа приготовленія снимковъ на наклейкѣ на алюминіевыя пластинки и на картонѣ и на кожицѣ, которые практикуется мною и признаны вполнѣ удовлетворительными наглядными и извѣстными эпиграфическими процессами В. В. Матвѣевымъ.

Для снимковъ я выбираю самую тонкую, но плотную, почтовую бумагу. Окисленную цинковую отъ ящика и другихъ осадковъ мягко, подмѣшанныя книзу,

(:пример не нашла применения в ней первой-
нашу ноту:), я выразила соответствен-
ной великиньей думату ей, сложив гудок
внутренний в сторону, нажавшая на
педаль, ещё надавливала, а углы при-
ближала третью синдетикона, давая
думать не менее движений. Потом этого
я вновь старательно надавливала боль-
шой палец на ту часть думаш, ко-
торая покрывает педаль, до тех
пор, пока совершенно ясно не обнаружат
в ней дупле и изображение ноготь
Давая думать выскочить в остро-
конечный карандаш (:Юнат Фабер
№ 2:) одной дупле и изображение
сверху и снова растирая карандаш
указательным пальцем, обращая гла-
ное внимание на то, чтобы карандаш
не соскальзывал с дупла, так как

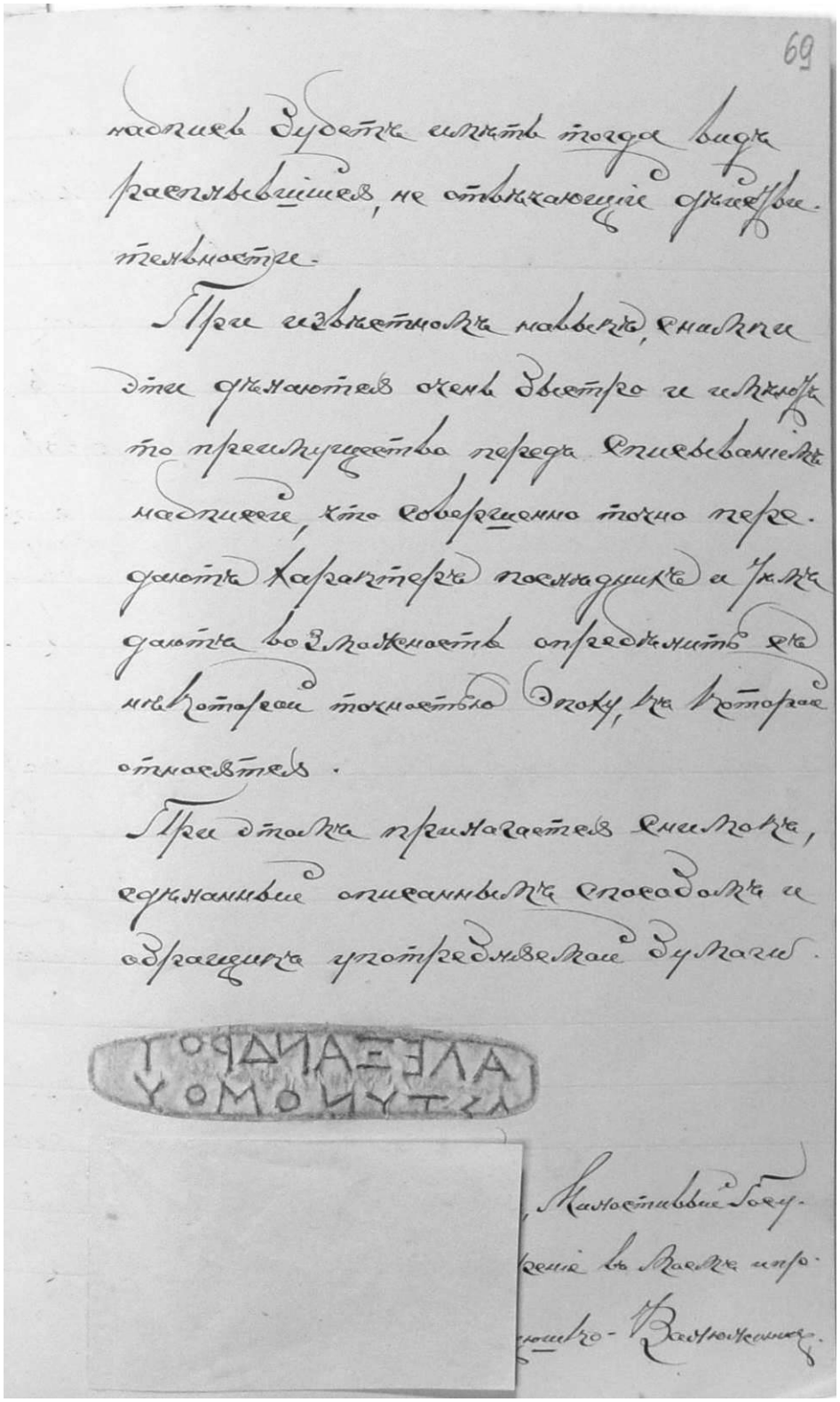


Рис. 1–3. Письмо К.К. Косцюшко-Валюжинича Думбергу с объяснением способа приготовления снимков с надписей на амфорных ручках. 23 октября 1892 г. Отпуск, автограф. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 69, 69 об.; копия – НА ИИМК РАН. РО. Ф.1. Оп. 1 1892. Д. 4. Л. 78–78 об.

Панченко В.В.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

О ВЗАИМОСВЯЗИ НЕКОТОРЫХ ЭПИЗОДОВ «СКИФСКИХ ВОЙН» И ПРОТИВОСТОЯНИЯ РИМА И ПЕРСИИ В СЕРЕДИНЕ III В.Н.Э.

Panchenko V.

ON THE RELATIONSHIP OF SOME EPISODES OF THE "SCYTHIAN WARS" AND THE CONFRONTATION BETWEEN ROME AND PERSIA IN THE MIDDLE OF THE 3RD CENTURY AD.

В середине III в. Римская империя пребывала в глубоком кризисе, вызванном внутренними и внешними причинами. Этот кризис сопровождался мощным натиском внешних врагов: персов и племенных союзов Германии и Северного Причерноморья [Drinkwater 2008]. Практически с первых лет существования государство Сасанидов начало проводить агрессивную политику в отношении своего западного соседа – Римской империи [Maksymiuk 2015: 29; Мирзоев 2016: 50-61; Maksymiuk, Syvänne 2018: 68-74]. Особенно обострились отношения обоих государств со вступлением на престол Шапура I (242–272) [Maksymiuk 2015: 32; Циркин 2015: 114-127; Мирзоев 2016: 3, 80-94]. Одновременно усилилось давление варварских племен Северного Причерноморья и Придунавья на римскую границу [Ременников 1954: 28-71; Буданова 1999: 104-129; Вольфрам 2003: 71-76]. Характерной особенностью ряда морских походов являлся маршрут, который пролегал через Боспор Киммерийский. В соответствующих походах были задействованы боспорские корабли и корабельные команды (Zos. I, 31). Исследователи обращали внимание на то, что варвары Северного Причерноморья использовали войны с Персией и разного рода внутренние проблемы для возобновления наступления на Римскую империю [Ременников 1954: 71]. Представляется целесообразным сопоставить обострения на обоих «фронтах» и попытаться выявить взаимосвязь этих явлений. Сложность такого рода исследования состоит в нехватке достоверных источников и проистекающей отсюда размытости датировок. Даты ряда «скифских» походов варьируют в диапазоне до 2-3 лет. Военные столкновения Рима с Персией также имеют «плавающие» датировки. Хронологические рамки исследования были ограничены 50-ми годами III в., поскольку в течение этого десятилетия с одной стороны наблюдался рост вторжений «скифов», с другой стороны римско-персидское противостояние достигло кульминации.

В 250/251 г. состоялся крупный поход племен Северного Причерноморья в Мезию и Фракию. Источники по-разному называют участников вторжения: скифы (Zos. I, 23), «скифы, называемые готами» (Syncell., p.705), карпы (Lact., de mort. pers., IV, 3), готы (Iordan., XVIII, 101-103). По-видимому, основу составляли готы, к ним присоединились «союзники». Поход возглавил предводитель готов Книва. Варвары в результате длительной осады захватили Филиппополь. После продолжительной борьбы с переменным успехом римская армия, возглавляемая императором, потерпела сокрушительное поражение под Абриттом. Император Деций погиб [Ременников 1954: 49-72; Буданова 1999: 111-113; Щукин 2005: 135-136; Циркин 2015: 162-168].

Ориентировочно в 251–253 гг. после некоторого перерыва возобновились враждебные действия Персии. Персы оккупировали союзную Риму Армению и вслед за тем захватили пограничную римскую крепость в Месопотамии Нисибис [Maksymiuk 2015: 35, 39; Мирзоев

2016: 99-101]. В 253 г. персидская армия под руководством Шапура, двигаясь вдоль Евфрата, вторглась в Сирию. В большом сражении при Барбалиссе персы наголову разгромили римлян, опустошили Сирию, часть Месопотамии и восточную Каппадокию. Более того, впервые за столетия противостояния римлян с парфянами и персами была захвачена Антиохия, крупнейший центр региона (Zos. I, 27, 2) [Millar 1996: 159-161; Dignas, Winter 2007: 22-23; Циркин 2015: 176-178; Мирзоев 2016: 101-107; Maksymiuk 2015: 35-39; Maksymiuk, Syvänne 2018: 84-87]. В дальнейшем персидская армия потерпела неудачи в Сирии (Malala, XII, 296-297) [Мирзоев 2016: 107-109] и возможно в Армении [Maksymiuk, Syvänne 2018: 93].

В 253–254 гг. армия Шапура, нагруженная огромной добычей, покинула Сирию. В Римской империи происходила борьба за власть, поэтому центральное правительство поначалу никак не отреагировало на вторжение персов. Однако взошедший на престол в 253 г. император Валериан (253–260) счел положение на Востоке настолько угрожающим, что взял в свои руки управление восточной частью Империи. К началу 255 г. он прибыл в Антиохию и приступил к наведению порядка и восстановлению римской власти в регионе [Циркин 2015: 189-191; Мирзоев 2016: 110-114].

Ситуация на «скифском фронте» тоже развивалась динамично. В 252–253 гг. произошел конфликт между готами и римлянами в районе Нижнего Дуная (Zos. I, 26, 1) [Циркин 2015: 176, 179]. К 253 или 254 г. относится вторжение задунайских варваров в балканские провинции Римской империи. Варвары прорвались в Македонию, вышли к берегу Эгейского моря и осадили важнейший военно-морской порт Фессалоники [Ременников 1954: 79-81; Вольфрам 2003: 77]. В этот период состоялся первый морской поход боранов в пределы Римской империи. Варвары переправились в Азию с помощью боспорян, которые не только открыли им свободный проход через Боспор, но и предоставили свои корабли. Бораны атаковали Питиунт, однако гарнизон города, возглавляемый энергичным командиром Сукцессианом, успешно отразил их нападение (Zos. I, 31-32) [Ременников 1954: 92-93; Циркин 2015: 195-197]. До сих пор не существует единого мнения о дате первого набега варваров на Боспор и Питиунт. Я вслед за В.В.Лавровым и другими исследователями склонен полагать, что бораны совершили рейд в 254 г. [Лавров 1995: 115]. К этому времени относится прекращение кратковременной чеканки Фарсанза в качестве правителя Боспора. Дополнительным аргументом в пользу даты служит то, что в это время завершался персидский поход, и соответственно все внимание римлян было приковано к Востоку. Вслед за тем, ориентировочно в 255 г., император Валериан отозвал Сукцессиана, произвел его в префекты претория и вместе с ним занялся восстановлением Антиохии. После отзыва Сукцессиана бораны на боспорских судах совершили повторное нападение на римские города Юго-Восточного Причерноморья. Этот поход состоялся в интервале 255–258 гг. [Ременников 1954: 93; Salamon 1971: 120; Лавров 1995: 117-118; Ярцев и др. 2015: 87; Айбабин, Хайрединова 2017: 29]. На этот раз варварам сопутствовал успех, и они захватили Питиунт и Трапезунт (Zos. I, 32-33) [Ременников 1954: 93-96; Буданова 2001: 114-115; Ярцев и др. 2015: 84-89]. По мнению А.М.Ременникова одной из причин падения городов стало усиление «персидского фронта» в ущерб обороноспособности их гарнизонов [Ременников 1954: 95].

В 256 г. персы во второй раз и теперь уже окончательно захватили римский оплот на Евфрате Дура-Европос, возможно произошли другие столкновения в пограничных районах. В целом вторая половина 50-х гг. III в. характеризуется отсутствием крупных военных действий на восточной границе Римской империи [Мирзоев 2016: 114-117]. Хотя существуют и другие точки зрения [Maksymiuk, Syvänne 2018: 95]. Валериан почти постоянно находился на Ближнем Востоке. При нем порядок в регионе был восстановлен. Свои мнимые или действи-

тельные успехи в противостоянии с персами император отметил чеканкой монет с легендой VICT PARTICA [Millar 1996: 164-166; Мирзоев 2016: 116-117]. Одновременно Валериан занимался масштабной подготовкой к войне с Персией. Судя по надписи Шапура, император привлек в свою армию подразделения практически со всей Римской империи, в том числе из балканских и малоазийских провинций: Дакии, Паннонии, Мезии, Истрии, Фракии, Вифинии, Азии, Памфилии, Исаврии, Ликаонии, Галатии, Ликии, Киликии, Каппадокии, Фригии (SKZ, стк.9-11). Таким образом, в ходе концентрации войск на Востоке была существенно ослаблена дунайская граница Империи и оборона малоазийских провинций [Мирзоев 2016: 117-118].

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться варвары. Их поход носил комбинированный характер: сухопутный и морской. Маршрут пролегал вдоль морского побережья Западного Причерноморья и через пролив Боспор Фракийский. «Скифы» опустошили ряд крупнейших центров Вифинии, среди них Халкедон и Никомедию. Валериан, занятый военными приготовлениями, отправил для защиты Византия полководца Феликса. Однако события приняли настолько серьезный оборот, что император с войском двинулся на северо-запад лично, чтобы дать отпор противнику. Но варвары, погрузив добычу на повозки и корабли, успели уйти. Римская армия дошла до границ Каппадокии и повернула обратно. Этот поход «скифов» относится к 258 или 259 гг. (Zos. I, 34-36) [Ременников 1954: 97-100; Salamon 1971: 120-122; Буданова 2001: 117-118; Ярцев и др. 2015: 89-90; Циркин 2015: 203].

В 259–260 гг. наступил апогей противостояния Рима и Сасанидов. Огромная персидская армия во главе с Шапуром вторглась на территорию римской Месопотамии [Millar 1996: 166-167]. Персы приблизились к Каррам и Эдессе. Часть римской армии во главе с Валерианом выдвинулась навстречу противнику, чтобы отбросить его. В 259 или 260 г. состоялась решающая битва у Эдессы, в которой Валериан потерпел сокрушительное поражение и при не до конца выясненных обстоятельствах был захвачен в плен [Maksymiuk, Syvänne 2018: 96-97]. Персы беспрепятственно вторглись в Киликию и дошли до Тарса. Здесь вероятно разделились на две армии. Одна продолжила завоевание Киликии, другая атаковала Каппадокию. Персы захватили десятки городов, включая центры этих провинций. Однако в Киликии неожиданно для себя они встретили сопротивление римлян под руководством полководцев Макриана и Баллисты. В Сирии противодействие персам оказал правитель Пальмиры Оденат. В 260/261 г. армия Шапура, сопровождаемая множеством пленных и нагруженная богатой добычей, отступила в Персию [Potter 2004: 255-256; Maksymiuk 2015: 40; Циркин 2015: 203-205; Мирзоев 2016: 119-141; Maksymiuk, Syvänne 2018: 97-98, 101].

Выводы. 1) Ряд походов варваров Северного Причерноморья, предпринятых в пределы Римской империи в 50-е годы III в., совпадают по времени с военными конфликтами Рима и Персии разной интенсивности (251, 254 гг.). 2) Некоторые походы не совпадают с этими конфликтами, зато они коррелируют с другими событиями, связанными с Востоком – переводом Сукцессиана, перемещением войск с северных участков границы на восточные (257, 258/259 гг.). 3) Ряд вторжений, которые совпадают с обострением римско-персидских отношений, были предприняты «восточной» группировкой варваров через территорию Боспора (походы боранов в 254, 257 гг.). 4) Отсутствуют данные о прямых контактах «скифов» и персов. Вероятно, варвары принимали решения о начале вторжений ситуативно, по мере поступления известий о возобновлении боевых действий на востоке Империи или о снятии воинских подразделений с границы. И соответственно, vice versa.

Библиография

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори. Симферополь, 2017.

БУДАНОВА В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.

ВОЛЬФРАМ Х. Готы. СПб., 2003.

ЛАВРОВ В.В. Готы и Боспор в III в.н.э. // Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С.112-122.

МИРЗОЕВ Е.Б. Шапур I. Триумф над Римом. СПб., 2016.

РЕМЕННИКОВ А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.,1954.

ЦИРКИН Ю.Б. "Военная анархия" в Римской империи. СПб., 2015.

ЩУКИН М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

ЯРЦЕВ С.В., ЗУБАРЕВ В.Г., БУТОВСКИЙ А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III – IV вв.н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015.

DIGNAS B., WINTER E. Rome and Persia in LateAntiquity. Neighbours and Rivals. New York: Cambridge University Press, 2007.

DRINKWATER J. Maximinus to Diocletian and the «crisis» // The Cambridge Ancient History. Second edition. Volume XII. The Crisis of Empire, A.D. 193–337 / A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 28-66

MAKSYMIUK K. Geography of Roman-Iranian wars. Siedlce, 2015.

MAKSYMIUK K., SYVÄNNE I. The Military History of the Third Century Iran. Siedlce, 2018.

MILLAR F. The Roman Near East. 31 BC – AD 337. Cambridge, 1996.

POTTER D. The Roman Empire at Bay AD 180–395. London/New York, 2004.

SALAMON M. The chronology of Gothic incursions into Asia Minor in the III century AD // Eos. 1971. № 59. S.109-139.

Прохоров Д.А.
Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского, Симферополь

К ПРОБЛЕМЕ ПОЯВЛЕНИЯ КАРАИМОВ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ[90]

Prokhorov D. A.

TO THE PROBLEM OF THE APPEARANCE OF KARAITES ON THE CRIMEAN PENINSULA: HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDIES

Дискуссия о прошлом караимов и о времени их появления в Крыму ведётся уже почти два столетия. В академической литературе принято считать, что первые караимы поселились в Крыму во время существования Улуса Джучи, а их дальнейшая эмиграция на полуостров происходила уже после завоевания Константинополя турками-османами в 1453 г. В соответствии с другой версией, впервые выдвинутой российскими востоковедами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым (которой сегодня придерживаются некоторые учёные и краеведы), этнически караимы являются потомками хазар, половцев и других тюркских народов [Григорьев 1846: 11–49; Смирнов 1918: 1–19]. Тем не менее, данная концепция не имеет достаточно серьёзных доказательств. К тому же её позиции значительно ослабляет ситуация, связанная с деятельностью А.С. Фирковича и его археографическим наследием в связи с многочисленными фактами фальсификации источников. При это важно подчеркнуть, что сам А.С. Фиркович никогда не писал о караимах как о потомках хазар, считая первых «истинными и единственными потомками древних израильтян» [Кизилов и др. 2004: 41].

Помимо вышеперечисленных, существует ещё одна, «синтетическая» версия – её приверженцы попытались объединить отдельные постулаты первых двух теорий. Авторы некоторых современных исследований либо ограничиваются перечнем имеющихся на сегодняшний день версий об этногенезе караимов, либо предлагают компромиссные теории об их происхождении и соотношении в их культуре тюркского и еврейского субстратов.

На сегодняшний день в распоряжении специалистов имеется ряд важных свидетельств и вещественных источников (археологических и эпиграфических), полученных в ходе многолетних исследований ряда средневековых населённых пунктов Крыма – Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Солхата. С их помощью появляется возможность аргументированно датировать появление караимов в Крыму и сделать некоторые выводы относительно версий их этноконфессиональной принадлежности.

Первое достоверное письменное упоминание о пребывании караимов на полуострове датируется второй половиной XIII в. По сообщению византийского караимского законоведа, философа, врача и литургического поэта Аарона I бен Йосефа га-Рофе, в 1278 г. между общинами караимов и евреев-раввинистов Солхата произошёл спор относительно догматической календарной проблемы, а именно о том, какой день следует считать началом месяца «Тишри» (Тишри, или Тишрей – седьмой, а в позднейшей традиции – первый месяц еврейского года; соответствует обычно сентябрю-октябрю). В своём сочинении «Сэфер га-Мивхар» («Книга избранных трудов», комментарии к Пятикнижию) Аарон I бен Йосеф га-Рофе, в частности, писал: «Было это со мной 14 лет тому назад, то есть в 39 году по счету

[90] Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму»

[1278 г.], и видели раввинисты новомесячие месяца тишри, а мы увидели старый месяц около захода солнца и показали его раввинистам, находящимся там, в месте, называемом Солхат» [Ankori 1959: 60]. Данное свидетельство позволяет утверждать, что караимская община в Солхате существовала как минимум со второй половины XIII в., и состояла она из переселенцев из Персии, Кавказа и Средней Азии. При этом о караимах средневековые авторы сообщают как об искусных торговцах и ремесленниках [Шапира 2010: 19–21, 22].

В XIV в. в Солхате проживал некий Авраам Къырыми (то есть «из [города] Крыма» – как полагает Д. Шапира, прозелит общины евреев-раввинистов) [Шапира 2010: 21]. Авраам Къырыми является автором теологического трактата «Сефат а-эмет» («Язык истины», 1358 г.), написанного по просьбе его ученика, главы караимской общины Езекии (Хизкиягу) бен Эльханана [Кизилов 2011: 124]. Калеб Афендопуло, константинопольский караим, автор многих сочинений богословского и литургического содержания, писал в 1495 г. о том, что его брат Авраам Бали, находясь в Крыму, сообщил ему, что «нашёл там значительные общества караимов в Кафе и Крикьере» (то есть в Кафе и Кырк-Йере) [Кеппен 1837: 314]. Помимо всего прочего, упоминания в караимских устных преданиях о переселении в Крым караимов также могут косвенно свидетельствовать о том, что они появились на территории полуострова в XIII в. [Кеппен 1837: 289, 290].

Например, в 1795 г., уже после присоединения Крыма к России, в прошении на имя Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора графа П.А. Зубова крымские караимы сообщали о своём происхождении следующее: «Общество наше древнее Еврейское под именем Караимы поселилось в Крыму назад тому около 450 лет. Прародители наши, как по преданиям известно, в дела правителей, под покровом коих жительствовали не мешались никогда, вера по принятому ими закону и верность к государям были и ныне есть непреложными для нас зерцалами». Далее в тексте прошения данный тезис повторяется: «…мы, караимы, поселившись в Крыму около 450 лет, живём на местах своего пребывания постоянно, упражняемся в различных рукоделиях трудолюбиво» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 13].

Сведения о существовании караимской общины Солхата эпоху позднего Средневековья весьма фрагментарны и во многом недостоверны. Имеются противоречивые данные о переселении в Солхат в 1270 г. ханом Тохтамышем 40 семейств караимов. Ещё менее правдоподобными выглядят сообщения ряда караимских авторов о том, что в 4502 г. от сотворения мира (742 н. э.) караимская община Солхата пополнилась караимами, пришедшими вместе с завоевателями-татарами, что в итоге увеличило численность караимской общины до 1500 «баалей-батим» (мужчин-глав семейств) [Кизилов 2003: 123, 124]. Весьма популярной среди ряда караимских авторов была и остаётся версия переселения части караимской общины из Крыма: в 1246 г. в Галич по приглашению Даниила Галицкого, и в Троки в XIV в. – по инициативе великого князя Витовта. По некоторым сведениям, после успешного похода в Крым в 1398 г. (по другим данным – в 1388 г. или в 1399 г.) великий князь литовский Витовт увёл с собой небольшую орду татар и несколько сотен семейств караимов (по сообщению польского публициста и историка XVIII в. Т. Чацкого, всего переселилось 383 семьи), которые осели затем в Троках; позже часть литовских караимов попала в Польшу и на Волынь (Луцк) [Чацкий 1827: 104]. Однако эти факты до сих пор не подтверждены документально (в архивных документах отражены лишь бытовавшие среди самих караимов представления об этом событии) [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 79 об.].

Вероятно, караимские мигранты всё же попали туда из Золотой Орды (с Волги, Средней Азии и Крыма), занимаясь коммерческой деятельностью. Важно также отметить, что язык караимов Литвы, Галиции и Волыни отличается от языка крымских караимов: первые гово-

рили не на татарском этнолекте, а на караимском этнолекте кыпчакского (половецкого) языка, именуемом также караимским языком [Кеппен 1837: 342; Ахиезер 2010: 282, 283]. Ряд исследователей (Г. Ахиезер, П. Голден, Д. Шапира) полагают, что предки восточноевропейских караимов происходят не из Крыма, а прибыли с захваченных монголами территорий (Северный Иран и Нижняя Волга), из Византии, а также из Османской империи после падения Константинополя в 1453 г.

Сегодня существует предположение, что что ядро иудаистской общины сложилось ещё в догородской период (то есть за несколько десятилетий до 1260-х гг.), а языком ритуала и эпитафий на мацевах для всех членов общины являлся иврит; языком бытового общения стали диалекты тюркского [Крамаровский и др. 2016: 6–24]. Иудейскую общину составляли местные караимы и тюркоязычные евреи-раввинисты, а также и выходцы из Ближнего Востока, Средней Азии (чьи общины стремительно росли в численности, начиная со второй половины XIII в.), а после 1453 г. в общину влились переселенцы из Константинополя.

Крупная караимская община существовала в средневековой Каффе, предположительно состоявшая как из тюркоязычных караимских переселенцев из Улуса Джучи, так и из грекоговорящих византийских караимов [Кизилов 2011: 116]. В конце XV – начале XVI в. кварталы уже османской Каффы/Кефе, где проживали караимы, упоминались в дефтерах – налоговых реестрах, в которых приведены разнообразные сведения фискального характера, а также данные относительно численности населения.

В конце XV в. крымская караимская община пополнилась выходцами из киевской общины – после набега татар, разграбившими Киев в 1482 г., часть жителей была привезена в Крым в качестве пленников [Галенко 1998: 49, 50]. Помимо вышеперечисленных, в средневековом Крыму караимские общины появились в Кырк-Йере (Чуфут-Кале; между 1342 и 1357 гг.), Карасубазаре, Мангупе (со второй половины XV в.), Гёзлеве (Евпатория; в конце XVII – начале XVIII вв.), а также в ряде других, менее крупных населённых пунктах Крымского полуострова.

Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день письменные источники, а также материалы новейших археологических и эпиграфических исследований позволяют утверждать, что появление караимов на Крымском полуострове датируется второй половиной XIII в. В этот период часть представителей караимской общины, главным образом из Византийской империи, переселились в этот регион. К этому времени относятся первые достоверные свидетельства о существовании караимских общин на Крымском полуострове. И хотя некоторые современные авторы относят присутствие отдельных групп караимов в Крыму ко второй половине XII в. и даже к IX в., эти доводы не подкреплены серьёзными доказательствами. Важно также отметить, что в процессе расселения караимов на территории Западной Европы крымские и литовско-польские караимы вскоре превратились в особые этнолингвистические группы.

Библиография

АХИЕЗЕР Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 292–320.

ГАЛЕНКО О. Іудейські громади Кафи середини XVI ст. // Сходознавство. К., 1998. № 3–4. С. 39–62.

ГРИГОРЬЕВ В.В. Еврейские религиозные секты в России // ЖМВД. СПб., 1846. Ч. XV. С. 11–49.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.

КЕППЕН П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1837. 366, [2] с.

КИЗИЛОВ М.Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 127–140.

КИЗИЛОВ М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: «Доля», 2011. 336 с.

КИЗИЛОВ М., МИХАЙЛОВА Д. Хазары и Хазарский каганат в европейских националистических идеологиях и политически ориентированной научно-исследовательской литературе // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 36–37.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г., СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Иудаика Солхата-Крыма (археология и история) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции. VIII-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Херсонес 30.05 – 04.06 2016). Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2016. С. 59–60.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 565.

СМИРНОВ В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54. С. 1–19.

ЧАЦКИЙ Т. Исследование о евреях-караитах // Северный архив. 1827. № 6. С. 97–111.

ШАПИРА Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. Под ред. А. Кулика. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 13–43.

ANKORI Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York – Jerusalem, 1959. 546 p.

Прудников В.В.
Институт востоковедения РАН, Москва

КРЫМСКАЯ “NOVA ANGLIA”? К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ АНГЛОСАКСОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ XI – XIII ВВ.

Prudnikov V.V.

CRIMEAN “NOVA ANGLIA”? ON THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF ANGLO-SAXON SETTLEMENTS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION OF THE XI-XIII CENTURIES.

Благодаря усилиям ряда известных британских ученых вопрос о существовании колоний англосаксов в Северном Причерноморье в XI-XIII вв. из разряда спекуляций постепенно перерастает в значимую научную проблему. Создается впечатление, что в скором времени, данная теория в глазах наших современников может получить статус непреложного факта.

Все началось с битвы при Гастингсе в 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель нанес сокрушительное поражение Гарольду Годвинсону. Эта дата стала официальной не только для завершения трехсотлетней экспансии викингов, но и концом многовекового правления саксов в Англии. Часть англосаксонской знати не пожелала с этим мириться и предпочла искать пристанища при дворе византийских императоров в Константинополе. Об этом свидетельствуют данные норманнских авторов, которые внимательно следили за судьбой своих противников.

В частности Ордерик Виталий (который был наполовину англосаксом и симпатизировал им) сообщает, что некоторые из них приняли участие в отражении норманнской угрозы на стороне византийцев. За оказанные услуги Алексей Комнин позволил им построить город Киветот в непосредственной близости от столицы империи, и они неизменно пользовались его доверием и расположением [Orderic 1855: 309]. Другой норманнский автор Малатерра говорит об участии англосаксов в сражении под Диррахием против норманнов в 1081 г.: «Англы же, которых называют варангами, попросили императора поставить их впереди, так как люди этого племени предпочитали биться в первых рядах. Чрезвычайно опасные и грозные они атаковали двумя колонами, поэтому вначале положение складывалось очень неблагоприятно для наших людей. Но когда один из наших отрядов нанёс удар по ним с незащищённой стороны и этой храброй атакой опрокинул их, раненных и испуганных, обратил в бегство по направлению к церкви святого Николая, которая находилась поблизости. Желая спасти свои жизни, некоторые из них, насколько позволяла вместимость, вошли в церковь, в то время как другие из этого великого множества вскарабкались на крышу, которая рухнула под их весом, придавив тех, кто был внизу. Сдавленные вместе они задыхались. Видя варангов, от которых император преимущественно надеялся получить победу, совершенно разгромленными, а наши войска неудержимо и стремительно на него наступающие, император испугался и предпочёл сражению бегство. Всё войско греков, бросив палатки и другое снаряжение, бежало и каждый стремился превзойти другого в скорости бега» [Malaterra, III, 27: 74].

Приведенный отрывок наглядно демонстрирует, какую роль играли англосаксы в византийской армии второй половины XI в., которые заменили собой превалировавшие ранее нор-

маннские контингенты. А также утверждается тот факт, что спустя 24 года с битвы при Гастингсе военная тактика англосаксов не претерпела значительных изменений. Вместе с тем, ни один норманнский автор не упоминает об основанных англами колониях в Северном Причерноморье.

Тут на помощь исследователям приходят данные о миграциях англосаксов второй половины XI в., которые нашли отражение в более поздних источниках. «Chronicon Universale Anonymi Laudunensis» был создан в XIII ст. безымянным монахом ордена регулярных каноников-премонстрантов в г. Лан (Северная Франция). Другой отчет содержится в исландской саге XIV ст. о жизни предпоследнего короля Англии Эдуарда Исповедника (который большую часть своей жизни провел в Нормандии). Британские ученые сходятся во мнении, что в основе данных о миграциях англосаксов в этих двух разнородных источниках лежит более ранний материал XII ст. [Shepard 1974: 18]. При этом Кристиан Фелл убедительно доказала, что Ордерик Виталий не использовал эти данные [Fell 1972: 247; 1974: 179].

Сага сообщает, что англосаксы совершенно отчаялись вернуть свои владения в Англии и во главе с Сигурдом эрлом Глостера (всего упоминается три эрла и восемь баронов) на 350 кораблях отправились в Средиземное море. Они высаживались на островах Майорка, Минорка и Сицилия. Но когда они услышали об осаде Миклагарда язычниками, то поспешили на помощь императору в надежде заслужить его расположение. После блестящего успеха операции император “Kirjalax” (Алексей Комнин) предложил своим спасителям поступить к нему на службу в варяжский корпус. Однако Сигурд и другие предводители стали просить предоставить им в наследственное владение какие-нибудь города. Сначала император им отказал, но затем сказал, что знает о землях на севере моря, которые раньше принадлежали императорам Миклагарда, но сейчас захвачены язычниками и если они смогут отвоевать эти территории, то он пожалует их в наследственное владение, освободив их от налогов и сборов. В результате многих сражений эрл Сигурд со своими людьми подчинили эти земли и стали владеть ими. Они назвали эти территории Англией и дали новые названия завоеванным и вновь основанным поселениям в честь великих городов своей родины: Лондон, Йорк и др. В саге особо говорится о том, что эти земли лежат в шести днях и ночах плавания на север и северо-восток от Миклагарда [Siggaar 1974: 340-342].

В отличие от данных саги, «Chronicon Universale Anonymi Laudunensis» содержит имена трех эрлов англосаксонских мигрантов: Станардус, Бриктниатус и Фриберн, которых хронист называет графами Глостера, Личфилда и Уорвика. Он также перечисляет имена двенадцати баронов и в их числе упоминается некий Колеман «святой муж, который в Константинополе имел храм» [Siggaar1974: 320-321]. На двухстах тридцати пяти кораблях они совершили нападение на испанский город Сеуту, затем на Майорку и Минорку. Они также совершили набег на Сардинию, но когда узнали что обитатели острова христиане, то немедленно извинились и попытались возместить ущерб щедрыми дарами. В ответ правители Сардинии дали им тысячу рабов, которых они распредели в команды захваченных у мусульман кораблей. Именно на Сардинии, а не на Сицилии, как говорилось в саге, англосаксы получают сообщение об осаде Константинополя и решают отправиться ему на выручку. По мнению хрониста, это произошло в 1075 г. Император Алексей щедро вознаградил пришельцев за помощь и предложил им стать его личными телохранителями. Но только 4350 беженцев пожелали остаться в Константинополе. Остальные последовали через пролив святого Георгия в «Домапию» – некое место, которое 35 лет назад было захвачено язычниками. Анонимный автор описывает эту область как очень плодородную, с реками полными рыб, изобилующую источниками воды и земными плодами. Именно эту область англосаксы освободили от язычников,

назвали Англией и присвоили названия английских городов местным поселениям. «Располагается же Новая Англия от царственного города в шести днях морского пути на север, в начале регионов Скифии» [Siggaar 1974: 323]. Далее хронист сообщает, что некие «англы восточные» убили некоего Никифора, которого к ним отправил император Алексей для сбора дани. По этой причине император решил убить всех англов, которые частью бежали в Новую Англию, а частью подались в пираты. Тогда император передумал и отозвал свой приказ.

В качестве подтверждения вышеизложенной информации Дж. Шепард выдвигает три причины, которые скорее можно было бы назвать следствиями представленных в источниках событий. Во-первых, византийские источники говорят о восстановлении влияния империи в регионе Азовского и восточного побережья Черного морей около 1100 г. [Shepard 1974: 20]. Это следует из писем Феофилакта Охридского и хвалебной речи в честь Алексея Комнина Мануила Ставромана. Шепард подробно рассматривает свидетельства активности тюрок-сельджуков в указанном регионе [Shepard 1974: 22-26]. Во-вторых, он рассматривает топонимы, зафиксированные в портуланах XIV-XVI вв.: «Varangolimen», «Vagropoli», «Varangido agaria (Agropoli)», «Londini», «Susaco» в контексте данных саги [Shepard 1974: 26-32]. В-третьих, он считает, что с вышеизложенным материалом прекрасно согласуются с сообщениями миссионеров-францисканцев, следовавших к монголам. Плано Карпини, Бенедикт Поляк и др. во время своих путешествий были наслышаны о народе саксов-христиан, которые отличались воинственностью и не покорились даже монголам [Shepard 1974: 33-38]. К этому можно было бы добавить новое прочтение известного письма посла Бусбека при дворе Оттоманской Порты, предложенное Ф. Пауэлом [Powell 1884: 89]. Тем более что и сам Бусбек не мог точно определить описывал он крымских готов или саксов.

С другой стороны данные анонимной хроники позволяют предположить, что колонии англосаксов могли быть основаны в Добрудже близ дельты Дуная. Нам остается присоединиться к мнению исследовательницы К. Сиггаар о том, что точку в этом споре могут поставить новые данные археологии, либо открытие более раннего источника [Siggaar1974: 336].

Библиография

GAUFREDUS MALATERRA De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. — Bologna: N. Zanichelli, 1928. — T. 5. —172 p.

ORDERICI VITALIS Angligenae Coenobii Uticensis Monachi. Historia Ecclesiastica // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. P., 1855. T. 188. P. 17—984.

FELL, CHRISTINE. The Icelandic Saga of Edward the Confessor: The Hagiographic Sources // Anglo-Saxon England. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 247–258.

FELL, CHRISTINE. The Icelandic saga of Edward the Confessor : its version of the Anglo-Saxon emigration to Byzantium // Anglo-Saxon England. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 179–196.

CIGGAAR, KRIJNIE. L'émigration anglaise à Byzance après 1066. Un nouveau texte en latin sur les Varangues à Constantinople // Revue des études byzantines. 32. 1974. P. 301-342.

POWELL, F. Y. A Northern Legend of the English Conquest // The English Historical Review. Vol. 4, No. 13 (Jan., 1889). Oxford : Oxford University Press, 1889. P. 87-89.

SHEPARD, JONATHAN. Another New England? — Anglo-Saxon Settlement on the Black Sea // Byzantine Studies. Vol.I. 1. Tempe: Arizona University Press, 1974. P. 18–39

Родинкова В.Е.
Институт археологии РАН, Москва
Свиркина Н.Г.
Институт археологии РАН, Москва

О НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ОКРУГИ ФЕОДОСИИ В АНТИЧНОЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯ

Rodinkova V.E.
Svirkina N.G.
ABOUT SOME FUNERAL TRADITIONS OF THE POPULATION OF THE FEODOSIA REGION IN ANCIENT AND MEDIEVAL TIMES

В 2017 г. отряд Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН проводил раскопки поселения Приморский северо-западное, расположенного в пределах городского округа Феодосия, на расстоянии около 15 км от центра города, в 1,7 км к северу от пос. Приморский, на берегу оз. Камышинский Луг. Раскопом II площадью более 8,8 тыс. кв. м исследована северная и северо-западная периферия памятника. Выявлены материалы различных эпох, начиная с эпохи средней бронзы [Родинкова 2019]. Наиболее активной жизнь на поселении была в античное время; по амфорным клеймам этот период датируется концом V – первой четвертью III в. до н.э. [Федосеев, Родинкова 2019].

Наряду с поселенческими объектами на памятнике обнаружена серия ингумаций. Одна из них (погребение 9) принадлежит к комплексам гуннской элиты второй половины V – начала VI в. н.э. [Родинкова, Добровольская, Сапрыкина 2020]. Остальные разделяются на две группы.

Первую группу составляют погребения 1, 2, 8 (рис. 1). Они совершены в могильных ямах, выкопанных в культурном слое и в процессе исследования не фиксировавшихся. Лишь яма захоронения 1, выявленного в северной части раскопа, где гумусированные напластования были менее мощными, оказалась незначительно углублена в материк. Погребения одиночные, содержали останки взрослых индивидов. Комплектность скелетов полная. Женщины в могилах 1 и 2 лежали в вытянутом положении на спине головой на запад. Индивид в захоронении 8 (пол не установлен) – на спине, с ногами, согнутыми в коленях, головой на северо-восток. Погребение 1 сопровождалось круговым горшком с волнистым орнаментом (рис. 2: 6), поставленным в изголовье умершей. В погребении 2 на правой локтевой и лучевой костях зафиксированы остатки сильно окислившегося железного предмета, вероятно, ножа.

Особенности обряда и сопроводительного инвентаря позволяют предположить, что рассматриваемые захоронения принадлежат протоболгарам и были совершены в IX – начале X в.[91]

Вторую группу составляют ингумации 3–7, 10–12 (рис. 3). Все они обнаружены в хозяйственных (?) ямах, относящихся к античному периоду существования памятника. В двух захоронениях (3, 11) выявлены останки двух индивидов, остальные (4–7, 10, 12) одиночные. Лишь один костяк определен как женский, прочие принадлежат детям, подросткам и взрослым мужчинам. Комплектность скелетов различна: в погребениях 7 и 12 представлены толь-

[91] Выражаем искреннюю признательность Игорю Леонидовичу Кызласову и Эдуарду Евгеньевичу Кравченко за консультации и помощь в культурно-хронологической атрибуции комплексов.

ко кости черепа, в погребении 11 – разрозненные разрушенные кости черепа и посткраниального скелета, в остальных скелеты полные.

Позы умерших в тех случаях, когда они установлены, также не отличаются единообразием. В захоронении 3 костяк взрослого мужчины зафиксирован на правом боку вдоль северной стенки объекта, головой на запад, лицом на юг. Разрозненные кости ребенка 11–12 лет из захоронения 4 выявлены вдоль южной стенки ямы. Позвоночник и ребра частично сохранили анатомическую последовательность; исходя из их положения в слое, можно думать, что тело изначально лежало на правом боку. Молодой мужчина в погребении 5 был положен на спину, головой на восток. Кости скрещенных согнутых в коленях ног покоились на грудной клетке и правой руке. Левая рука согнута в локте, кисть располагалась на животе. Поверх скелета, в нижней части грудной клетки зафиксирован небольшой камень. Подросток в ингумации 6 размещался на спине, головой на восток. Ноги согнуты, коленями направлены на юг. Левая рука согнута в локте, правая лежала прямо ладонью вверх. В погребении 10 скелет взрослой женщины расчищен в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на северо-запад, лицом на юго-запад. Бедренная кость правой ноги с востока огибала камень, судя по всему, находившийся в яме до момента совершения трупоположения. Над костями таза выявлен второй камень.

В ряде комплексов зафиксирован вещевой инвентарь. С погребением 3, вероятно, можно связывать три стеклянные бусины: две полихромные пятнистые и одну черно-белую глазчатую (рис. 2: 1), выявленные в заполнении ямы выше уровня залегания скелета. В погребении 4 с левой стороны черепа найдены обломки плохо сохранившейся овальной проволочной серьги из сплава на основе меди (рис. 2: 4). В погребении 6 справа от черепа обнаружены фрагменты украшения, состоявшего из двух проволочных колец, изготовленных также из медного сплава (рис. 2: 5). В районе левого локтя расчищены пять стеклянных бусин: четыре глазчатые с накладным двухцветным декором и одна белая ребристая, имеющая в сечении форму розетки (рис. 2: 2). На шее женщины из погребения 10, по-видимому, было ожерелье из стеклянных бус (30 экз.), среди которых полихромные мозаичные округлые и монохромные округлой и цилиндрической формы[92] (рис. 2: 3).

Во всех случаях человеческие кости найдены на дне или в нижней части заполнения ям (иногда в подбое). По особенностям размещения и комплектности скелетов, размерам и форме ям можно предположить, что последние не были выкопаны специально для совершения захоронений. После того, как в них поместили тела (а в некоторых случаях только части тел) умерших, они заполнились материалом, типичным для объектов античного времени: фрагментами лепных сосудов и круговой керамики, большую часть которой составляют обломки амфорной тары, костями животных, кусками обожженной глины, золой, углями, представляющими собой, вероятно, результат чистки отопительных сооружений, и т.п.

Описанные комплексы, очевидно, не являются частью некрополя и не отражают погребальные традиции греческого населения Северного Причерноморья. Не соответствуют они и представлениям о санитарных захоронениях, совершенных, например, во время мора. Как показывают специальные исследования, в начале эпидемий покойников обычно хоронили с соблюдением норм, принятых в том или ином обществе; при увеличении же числа жертв их помещали уже не в индивидуальные, а в коллективные могилы [Grainger et al. 2008; Kacki et al. 2011]. Возможно, выявленные в Приморском объекты – погребения людей с низким или специфическим социальным статусом. Не исключено также, что имело место вооруженное

[92] Благодарим Анну Владимировну Мастыкову за помощь в определении бус.

столкновение, после которого была произведена утилизация трупов, и в ямах оказались тела побежденных или пленных врагов. Антропологическое изучение, однако, не выявило на костях боевых травм.

Представляется, что при интерпретации рассматриваемого материала следует учитывать тот факт, что в коллекции памятника необычно велика доля лепной посуды (более 34 %), а круговая представлена практически только амфорной тарой. Такая структура керамического набора считается свидетельством присутствия негреческого населения. Возможно, человеческие кости в поселенческих объектах раннеэллинистического времени в Приморском также фиксируют не греческие, а какие-то иные нормы обрядности, например, связанные с носителями автохтонных культурных традиций.

Библиография

РОДИНКОВА В.Е. Раскопки поселения Приморский северо-западное // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–27.

РОДИНКОВА В.Е., ДОБРОВОЛЬСКАЯ М.В., САПРЫКИНА И.А. Погребение эпохи Великого переселения народов из Восточного Крыма: результаты комплексных исследований // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 1 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников. М.: ИВ РАН, 2020. С. 167-171.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., РОДИНКОВА В.Е. Амфорные клейма поселения Приморский северо-западное (Восточный Крым) // Древности Боспора. Т. 24. М.: ИА РАН, 2019. С. 581-612.

GRAINGER I., HAWKINS D., COWAL L., MIKULSKI R. The Black Death cemetery, East Smithfield, London. London: Museum of London, 2008 (Museum of London Archaeology Service Monograph 43).

KACKI S., RAHALISON L., RAJERISON M., FERROGLIO E., BIANUCCI R. Black Death in the rural cemetery of Saint-Laurent-de-la-Cabrerisse Aude-Languedoc, southern France, 14th century: immunological evidence // Journal of Archaeological Science. 2011. 38 (3). P. 581–587. DOI:10.1016/j.jas.2010.10.012.

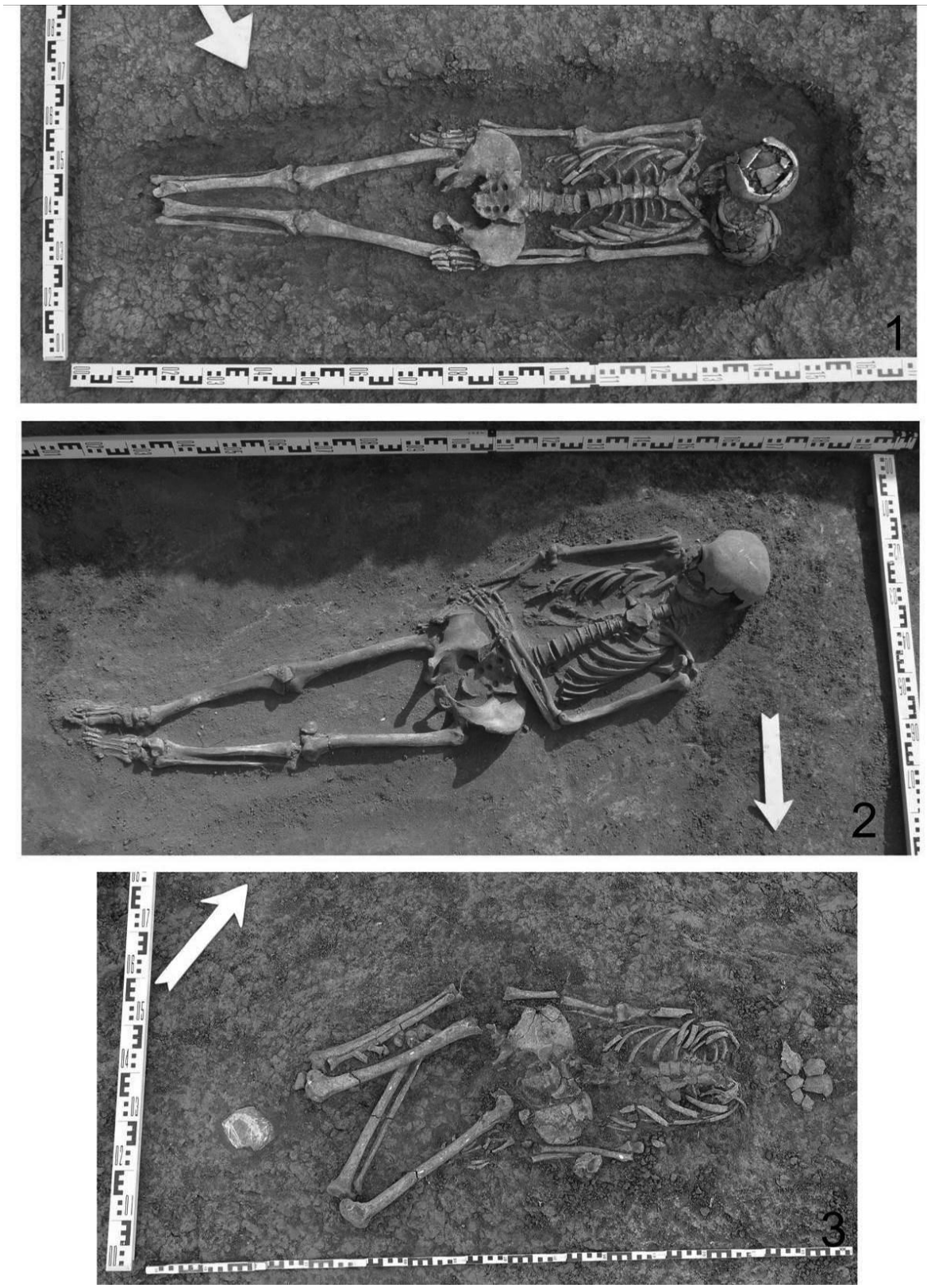
Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Приморский северо-западное. Погребения по обряду ингумации. 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 8.

Рис. 2. Приморский северо-западное. Сопроводительный инвентарь погребений. 1 – погребение 3; 2, 5 – погребение 6; 3 – погребение 10; 4 – погребение 4; 6 – погребение 1.

Рис. 3. Приморский северо-западное. Погребения по обряду ингумации. 1 – погребение 3; 2 – погребение 4; 3 – погребение 5; 4 – погребение 7; 5 – погребение 10; 6 – погребение 6.

Рис. 1.



Роменский А.А.
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь

ПОЛОВЕЦКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДУХАХ-ЗАЩИТНИКАХ*

Romensky A.A.

QIPCHAK'S LEGENDS ON PROTECTIVE SPIRITS

В 1940 г. известный историк-русист В. А. Пархоменко, оппонируя «идее… извечной борьбы Руси со степью», призвал «внимательнее присмотреться к половцам», изучая как литературные, так и вещественные памятники. Исследователь обратил внимание на несколько летописных сюжетов, в которых, по его мнению, отразился эпос кочевников [Пархоменко 1940: 391–393]. С тех пор представления специалистов о характере отношений степняков и их оседлых соседей существенно изменились, хотя «конфронтационная» риторика все еще встречается в историографии. Задача проследить особенности рецепции культуры номадов на Руси не утратила своей актуальности. В поисках путей ее решения целесообразно сопоставить сведения о половцах (кипчаках, куманах) в древнерусских и восточных источниках.

Описывая поход коалиции русских князей под предводительством Святополка Изяславича и Владимира Мономаха в Половецкую Степь в 1111 г., летописец особо отмечает, что победа на Сальнице произошла благодаря вмешательству сверхъестественных сил – помощи ангелов христианским воинам: «и посла Господь Бог ангела в помощь Русьскым кнѧзем… и падаху Половци пред полком Володимеровом невидимо бьеми ангелом яко се видяху мнози человеци. и главы летяху невидимо стинаемы на землю». Примечательно, что участие в сражении духовных существ признавали и сами половцы, возлагая на них вину за свое поражение: «како можем битися с вами а друзии ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни иже помагаху вам» [Ипатьевская летопись 1908: 267–268].

Аналогичное свидетельство о представлениях тюрок можно найти в лексикографическом словаре «Диван лугат ат-турк» Махмуда аль-Кашгари. Согласно этому источнику, «тюрки считают, что во время битв между двумя войсками духи, обитающие в землях этих войск, борются друг с другом, защищая людей, правящих в их местности. Тот, кто побеждает, наутро приносит победу жителям своей местности. А потерпевший поражение, приносит ночью поражение правителю местности, в которой обитает. Войска тюрок укрываются в ночь исхода в шатрах, остерегаясь стрел духов» [Махмуд ал-Кашгари 2005: 911 (5753)]. Свидетельство тюркского источника подтверждает достоверность летописного сообщения о битве на Сальнице и позволяет утверждать, что сюжет о сражении половцев с ангелами – не только результат рефлексии инока, составителя летописного свода, но и отражение мировоззрения самих кочевников.

В научной литературе только В. А. Гордлевский обратил внимание на эту параллель между словарем Махмуда Кашгари и Повестью временных лет. Однако исследователь не конкретизировал вопрос о генезисе сюжета, объясняя сходство мотива «общими условиями жизни» [Гордлевский 1961: 501]. П. Голден вслед за Дж. Клосоном отмечает возможное иранское происхождение слова čiwi (дживи), обозначающего джиннов в «Диван лугат ат-турк», [Clauson 1972: 394; Golden 1998: 187]. Так или иначе, перед нами еще один фрагмент половецкого эпоса, сохранившийся в киевском летописании.

* Выражаю глубокую признательность за консультацию профессору-эмериту Питеру Бенджамину Голдену

Предания о борьбе светлых и темных духов (джиннов в мусульманской традиции) и их влиянии на исход сражений людей встречаются и в других источниках. Так, в «Записке» Ахмеда Ибн-Фадлана северное сияние характеризуется царем волжских булгар как схватка «верных и неверных джиннов», которые «сражаются каждый вечер»; аналогичные известия имеются в арабском и угро-финском фольклоре [Ковалевский 1956: 134–135, 202–203]. Вероятно, сходные представления о борьбе небесных сил независимо развивались среди различных тюркских и угро-финских народов, получая в письменных памятниках интерпретацию, обусловленную влиянием монотеистических религий – ислама и христианства.

Библиография

ГОРДЛЕВСКИЙ В. А. Что такое «босый волк»? // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1961. С. 482–504.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.

КОВАЛЕВСКИЙ А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод и примеч. З. А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005.

ПАРХОМЕНКО В. А. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 391–393.

CLAUSON G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.

GOLDEN P. B. Religion among the Qipčaqs of Medieval Eurasia // CAJ. 1998. Vol. 42/2. P. 181–237.

Сокращения

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

CAJ – Central Asiatic Journal

Рубцова С.И.
Севастопольский государственный университет, Севастополь

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОНТИЙСКИХ БИОГЕОЦЕНОЗОВ НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ И БУХТ

Rubtsova S.I.

NATURAL-GEOGRAPHICAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTSOF THE EVOLUTION OF PONTIAN BIOGEOCENOSES ON THE EXAMPLE OF THE BLACK SEA STRAITS AND BAYS

Геополитика учитывает земное пространство не только как среду политических явлений, но и как их неотъемлемую составляющую. Подобная неразрывная связь коренится в глубоком эволюционном прошлом природных объектов и наследии людей.

В данной статье рассмотрен ряд исторических или даже эволюционных превращений месторазвитий Крыма, Черноморья и Средиземноморья, прежде всего освоение людьми заливов, бухт и проливов. Эти примеры являются частью исследовательского материала, изучаемого в рамках научного направления «Комплексное регионоведение Большого Средиземноморья» Севастопольского государственного университета.

Биогеоценоз представляет собой систему, включающую сообщество живых организмов и тесно связанную с ним совокупность абиотических и антропогенных факторов среды в пределах одной территории. К абиотическим факторам среды относятся компоненты и явления неживой, неорганической природы, прямо или косвенно воздействующие на живые организмы. Особый интерес для нас представляют антропогенные факторы и последствия хозяйственной деятельности, влияющие на изменения биогеоценозов. К антропогенным факторам мы относим разнообразные формы деятельности человеческого общества, приводящие к изменению среды обитания, включая геополитические аспекты эволюции биогеоценозов Черноморских заливов и проливов.

Природные естественные биогеоценозы представляют собой систему, которая формировалась в течение миллионов лет. Все ее элементы взаимосвязаны друг с другом, что в свою очередь обеспечивает устойчивость к изменениям окружающей среды. Однако следует отметить, что прочность экосистем имеет свои пределы. Ухудшение экологической ситуации, неограниченный промысел, вследствие чего происходит сокращение численности организмов, приводящие к глубоким изменениям, в конечном итоге может нарушить равновесие в биогеоценозе и привести к его разрушению [Авакян 2009]. Одним из мощных факторов, влияющим на изменения экосистем, является хозяйственная деятельность.

Воздействие человека на природные экосистемы началось давно. Оно все время усиливалось вместе с увеличением населения Крыма. В последнее время, в связи с быстрым развитием сельского хозяйства, промышленности, ростом городом влияние человека на Черноморские экосистемы, приобрело решающее значение.

Большое Средиземноморье отчетливо делится на четыре больших пространства: североафриканское на юго–западе, европейское на северо–западе, евразийское на северо–востоке и ближневосточное на юго–востоке [Ильин 2019]. Их соединяет общий интерфейс, своего рода перекрестье или скрепа, которая зримо представлена проливами: Керченским, Босфором, Дарданеллы и рукотворным «проливом» Суэцкого канала.

Геополитическая роль проливов, а также многих других географических структур заключается в том, что их функционал может меняться в зависимости от того, что и как люди научились использовать.

Пролив Босфор - важная международная артерия, он является узким природным проливом, соединяющим ряд морей вдоль Восточного Средиземноморья, Балкан, западной Евразии и Ближнего Востока. Босфор – это важнейшая международная водная артерия. С помощью пролива Босфор прокладываются судоходные пути из Черного моря в Средиземное, далее через Гибралтар в Атлантический океан, а через Суэцкий канал в Индийский океан.

Стратегическое значение Босфора стало очевидным еще тысячелетия назад. Сооружение переправ и их обустройство со временем ослабило разделение людей, живших по его берегам, но позволило решительно преодолеть преграды. Это осталось задачей для будущих поколений.

Керченский пролив соединяет Азовское и Чёрное моря, но разделяет Крым и Таманский полуостров. Крымский мост, проложенный через Керченский пролив, – это не только самый длинный мост, построенный в России, но и одна из самых «народных» и стратегически важных транспортных артерий страны.

Строительство Крымского моста имеет очень важное историческое значение. Помимо того, что Крымский мост облегчил транспортное сообщение между Крымом и Таманским полуостровом, он поставил точку в интеграции Крыма в состав России. Благодаря новым путям сообщения, значительно повысилась инвестиционная привлекательность Крыма, увеличился поток туристов на полуостров, появились новые перспективы развития.

Средиземное и Черное моря, которые омывают участки суши с различными географическими условиями и пестрым этническим составом населения, сыграли важную роль в истории человечества. Средиземноморье было одним из регионов, где зародились и расцвели многие древние цивилизации. Говоря о формировании новых месторазвитий вокруг морских бухт и приморий, остановимся подробнее на Севастопольских бухтах. Нами проведены комплексные экологические исследования в прибрежной зоне акватории Севастопольских бухт и прилегающих к ним участков побережья, характеризующихся различным составом грунтов, от илистых до песчаных, с включениями морской гальки и испытывающих волновое воздействие различной интенсивности [Рубцова 2013]. Установлено, что самыми чистыми на протяжении последних лет остаются донные осадки Учкуевки, бухт Круглая и Казачья, а наиболее загрязненными являются воды Севастопольской и Южной бухты (Рубцова, 2013). Такая ситуация вызвана прежде всего базированием кораблей, судов, а также наличием объектов судоремонтной промышленности и грузопассажирских причалов. Постоянный рост антропогенных нагрузок на экосистемы исследуемых морей приводит к необратимым процессам истощения и ухудшения качества естественно ресурсного потенциала, к более частому и масштабному проявлению кризисных ситуаций в Черном море [Рубцова 2013].

Природные естественные понтийские биогеоценозы представляют собой систему, которая формировалась в течение миллионов лет. Все ее элементы взаимосвязаны друг с другом, что в свою очередь обеспечивает устойчивость к изменениям окружающей среды. Однако следует отметить, что прочность экосистем имеет свои пределы. Ухудшение экологической ситуации, неограниченный промысел, вследствие чего происходит сокращение численности организмов, приводящие к глубоким изменениям, в конечном итоге может нарушить равновесие в биогеоценозе и привести к его разрушению. Одним из мощных факторов, влияющим на изменения экосистем является хозяйственная деятельность. Воздействие человека на природные экосистемы началось давно. Оно все время усиливалось вместе с увеличением насе-

ления Крыма. В последнее время, в связи с быстрым развитием сельского хозяйства, промышленности, ростом городом влияние человека на Черноморские экосистемы приобрело решающее значение.

Связь людей с природной средой, с конкретными биоценозами была очень ясной и прочной во все времена. Симбиоз людей с их природной средой выражается в доместикации различных видов растений и животных. Исследования эволюционных глубин взаимодействия человека и природы времени важны как концептуальная рамка для понимания соединения природно–географических пространств с социально–политическими порядками. На примере Черноморской акватории Крымского полуострова мы рассмотрели месторазвития, – соединения природно–географических и социально–политических пространств, проследили, как накапливался потенциал политического, культурного, хозяйственного освоения Крыма и Севастополя. Эволюция проливов и бухт позволила превратить некогда разделявшие людей пространства из трудных и неосвоенных в обустроенные интерфейсы развития, например, благодаря сооружению мостов и переправ. Так, строительство Крымского моста через Керченский пролив стало не просто событием текущей политики, оно имеет глубокое функциональное значение для эволюции всего черноморского региона. Осваиваемые людьми биогеоценозы в череде превращений и трансформаций, в результате антропогенного влияния становятся в конечном счете современными технобиогеоценозами. Таким образом, для исследования эволюционных пространств Причерноморья и всего региона Большого Средиземноморья, необходим комплексный подход, включающий природно–географические и социально–политические аспекты развития понтийских биогеоценозов.

Библиография

АВАКЯН А.Б., Широков В.М. Рациональное использование водных ресурсов – Екатеринбург: «Виктор», М.: «Инфра–М», 2009. – 437 с.

ИЛЬИН М.В. Морфология геополитических пространств // Вопросы географии. Выпуск 149. Современное землеведение. – М.: РГО, 2019 г. – С. 322–353.

РУБЦОВА С.И. Экологические аспекты интегрированного управления прибрежной зоной Крыма / Севастополь: ЭКОСИ–Гидрофизика, 2013. – 205 с.

Сазанов А.В.
Институт археологии РАН, Москва

АМФОРЫ ТИПА C SNP I: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Sazanov Andrei

C SNP I AMPHORAS: TYPOLOGY AND CHRONOLOGY

Амфоры типа C SNP I были предметом внимания многих исследований. В ряде случаев были предложены их рабочие типологии. Их датировка в разных работах колебалась от IV-VI вв. до IV- V вв. н.э. Однако настоящим прорывом в их изучении стали раскопки и полные публикации комплексов мастерских в Синопе (Демирчи), где, по крайней мере, часть этих сосудов изготавливалась. [Кассаб-Terzgor 2010]. Было доказано их производство в Синопе, что, правда, не сняло вопрос о возможности их имитации в других понтийских центрах, [Kassab-Terzgor 2021: 21]. Работы Д. Кассаб-Терзгер перевели все предшествующие работы в статус историографических. Некоторым расширением исследовательской базы стал корпус римских амфор Причерноморья, содержащий, в том числе, и рассматриваемые нами амфоры [Kassab-Terzgor 2021: 23]. Несмотря на этот прорыв, многие ключевые вопросы, связанные, прежде всего с типологией и хронологией этих амфор остаются нерешенными.

Типология. На наш взгляд, стоит внести изменение в типологию C Snp I и исключить т.н. вариант 2 с вытянутым горлом из этого типа [Kassab-Terzgor 2021: Cat. 34, 36, 42]. Тогда выделенный тип C Snp I, соответствующий C Snp C I -1 будет типологически корректным. В результате изучения всех имеющихся в настоящий момент публикаций и осмотра доступных экземпляров амфор C Snp I предлагается рабочая типология этих амфор, в основе которой помимо общей морфологии сосудов лежат количественные характеристики H 1 (общая высота) и D max (максимальный диаметр корпуса), включающая три подтипа с вариантами в пределах каждого (Рис. 1, Рис. 2).

Подтип	Вариант	D max	H	Публикации
1	a	40 - 45 см	93-96	Джанов 2012: Рис.4,7; Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIII, 1. Cat 8; Магомедов 2011: Рис. 1, 4
	b		88-89	Рикман 1967: Рис. 18,2 2; Kassab-Terzgor 2021 : Pl. XXXIII, 4. Cat 11
	c		81 (рек.)	Ушаков, Дюженко, Струкова 2015: Рис. 16,2
	d		75	Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIII, 3. Cat.10
2	a	29 - 38 см	88-95	Голофаст, Ольховский 2013: Рис. 4,1; Kassab-Terzgor 2010 c: Pl. 18, 1; Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIII, 2. Cat 9.
	b		75-83	Магомедов 1991: Рис. 17, 1,2; Сымanович 1971; Bottger 1991: Taf. 47, 683; Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIII, 5, 6, Cat 12, 13;

				Джанов 2012: Рис. 5, 1, 2, 4; Науменко 2019: Рис. 6, 1; Kassab-Tezgör, Lemaître, Pieri, 2003: Pl. IX, 15
	c		60 - 65 (рек.)	Кравченко, Корпусова, 1975: Рис. 5, 3
3	a	25-27	78-79	Kassab-Terzgor 2010 c: Pl. 18, 3.
	b	см	65-66	Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIV, 1. Cat.17

Хронология. Нижняя граница типа, впрочем, также как и верхняя неясны. Ясно, что амфоры происходят от позднесинопских B Snp I и B Snp II, однако время перехода одного типа в другой надежно определить пока не удается [Kassab-Terzgor 2021: Pl. XXXIII, 4. Cat. 4, Pl. XXXIII, 1 Cat 8, Pl. XXXII,5 Cat 5, Pl. XXXIII, 4 Cat 11; Vnukov 2010: Fig. 2, 11, 12]. Д. Кассаб-Терзгер отмечает, что в Демирчи два контекста, содержащие большое количество амфор группы B Snp в наилучшей сохранности, соответствуют наиболее ранним печам, функционирование которых прекратилось в первой половине IV в. [Kassab-Terzgor 2021: 20; Vnukov 2010: 368]. В хронологической таблице для группы B указана дата от 100-150 до 250-300 гг. н.э. [Kassab-Terzgor 2021: 119].

Несколько комплексов Горгиппии с этими амфорами, давших основание для нижней даты типа в районе 240 гг., могут быть мешанными, хотя аргументация А. В. Смокотиной в пользу этого только косвенная, не следующая из анализов конкретных контекстов с C Snp I [Алексеева 1997:Табл. 124, 14, Табл. 156, 1, Табл. 172, 21; Шаров 2007: 156, 170; Смокотина 2011: 355, 356]. Вместе с тем нельзя не отметить, что в других контекстах середины III в. эти амфоры отсутствуют.

Самые ранние контексты с амфорами C Snp I датируются первой четвертью IV в. [Зубарев, Шапцев 2016: 89, 90, 92, 93; Bottger 1982: Taf. 21, 14, 15]. Керамические мастерские в Демирчи (Синопа) надежно зафиксировали производство рассматриваемых амфор в первой половине IV в., причем в два этапа [Kassab-Terzgor 2010a:102. Tab. 1; Tableaux 2010. Tab. 1]. Все это указывает на начальную дату типа в пределах начала IV в.

В целом тип хорошо представлен в контекстах первой половины IV в. В слое разрушения рубежа первой – второй четверти IV в. н. э. городища Белинское они доминируют, составляя до 60 % от общего числа амфорного материала) [Зубарев 2005: 82; Зубарев, Шапцев 2016: 91]. В Ольвии они встречены в контекстах, относящихся к последнему периоду существования города, верхней границей которого является начало последней четверти IV в. [Крапивина 2008: 78; Krapivina 2010: 408, 409. Pl. 303, 304. L-381-L 387].

Верхняя граница типа еще более дикуссионна. Д. Кассаб-Терзгер полагает, что в Демирчи амфоры типа C Snp I производились на протяжении всего IV и V в., до начала VI в. [Kassab Tezgör 2010a: 132]. Соответственно на хронологической таблице в своей последней работе она поместила амфоры C Snp I в промежуток времени между 250/300-450-500 гг. [Kassab-Terzgor 2021: 119. Tab. IV], что противоречит ее же хронологии печей, в которых эти амфоры обжигались. С предложенной хронологией согласилась А. В. Смокотина, по мнению которой конец V-начало VI в. является вероятной верхней границей типа [Смокотина 2011: 358]. В более поздней статье А.В. Смокотина отмечает, что эти амфоры доминировали в контекстах Боспора первой половины-середины V в., составляя 20-30 % [Smokotina 2016: 715]. О. В. Шаров считает середину V в. датой вероятного выхода этих амфор из обращения ввиду появления другой керамической тары во второй половине V в. [Шаров 2007: 170]. А. Опайт в

целом датирует рассматриваемы амфоры IV в., некоторые экземпляры заходят в начало V в. [Opaiţ 2010: 375].

Наиболее поздними находками амфор C Snp I являются контексты периода C Ятруса (408-430 гг.) и Танаиса начала V в.

Однако, корректно определить процент амфор C Snp I в комплексах Ятруса не представляется возможным, так как в тип I.6 по Б. Бетгеру включены как амфоры C Snp I, так и C Snp II [Bottger 1982: Taf. 21,14, 15, 249; Kassab-Terzgor 2010 b; Kassab-Terzgor 2010 c: Pl. 18, 7. Pl.19, 1]. Общая доля этих амфор в контекстах первой и второй половины IV в. составляет 9 %, первой половины V в.-5 % от всех обнаруженных фрагментов амфор по изданию 1982 г. [Bottger 1982: 75. Tab. 6]. По изданию 1991 г. цифры еще меньше: 4,6 % в контекстах первой половины IV в., 3,6 %- второй половины IV в. и 2,6 % в контекстах первой половины V в. [Bottger 1991: 157]. Из опубликованных амфор C Snp I Ятруса две происходят из контекстов периода C 408-430 гг. [Bottger 1982: Taf. 21, 250; Bottger 1991: Taf. 47, 683].

Раскоп XIX Танаиса показывает встречаемость рассматриваемых амфор в контекстах фаз 1 и 2, т.е. середины/второй половины IV-рубежа IV и V в. Отметим также большую перемешанность слоев и окрытый характер этих контекстов [Беттгер, Ульрих 2000: 287, 296]. В более поздних контекстах амфоры C Snp I являются явной «примесью снизу».

Нам представляется, что решающими для определения верхней границы рассматриваемых амфор являются даты комплексов в месте их производстве в Демирчи и максимальная встречаемость амфор C Snp I в датированных контекстах городища Белинское. И то, и другое указывают на первую половину IV в. Во второй половине IV в. тип C Snp I сменяется характерным типом C Snp II с вытянутым горлом, что зафиксировано и раскопками гончарных мастерских в Демирчи [Зубарев 2005: Рис. 6; Kassab-Terzgor 2010 b: 129-133; Kassab-Terzgor 2010 c: Pl. 18, 6, 7, Pl. 19, 2]. Какое-то короткое время эти типы могли выпускаться параллельно. Соответственно верхняя дата типа C Snp I по всей видимости должна приходится на середину-третью четверть IV в. Выпускались эти амфоры, видимо до середины-третьей четверти IV в., после чего оседали в комплексах, доживая свой цикл уже после конца выпуска. Таким образом, тип амфор C Snp I может датироваться временем от начала до третьей четверти IV в.

Библиография

БЕТТГЕР Б., УЛЛЬРИХ М. Позднеантичное поселение в Танаисе // Сарматы и их соседи на Дону. -Ростов-на-Дону, 2000.- С.282-305.

ГОЛОФАСТ Л. А., ОЛЬХОВСКИЙ С. В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории фанагорийской гавани // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. N 2. -С. 55-78.

ДЖАНОВ А. В. Поселение на юго-западном склоне г. Сокол // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака . Археологический альманах. 2012. N 28. -С. 72-80

ЗУБАРЕВ В. Г. Возможности использования амфорных инноваций при датировке слоев и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // Боспорские исследования. 2005. Вып. X.- С. 80-89.

ЗУБАРЕВ В.Г., ШАПЦЕВ М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища "Белинское // Боспорские исследования XXXII. 2016.- С. 86-106

КРАВЧЕНКО Н. М., КОРПУСОВА В. Н. Деякі риси матеріальноі культури пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. N 18.- С. 20-42.

КРАПИВИНА В. В. О финальном этапе истории Ольвии // Наукові праці. Науково-методичний журнал. Серія «Історичні науки». Том 96. Випуск 83 2008.

МАГОМЕДОВ Б. В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. К., 1991. 40 с.

МАГОМЕДОВ Б. В. Об амфорах типа «Делакеу» // Петербургский апокриф. Послание от Марка / О. В. Шаров (ред.). СПб.,2011.- С. 362-372.

НАУМЕНКО С.А. Позднеантичный Танаис и его амфоры // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 2. 2019. -С.86-101.

РИКМАН Э.А. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА, 1967 № 139.- С. 165-196.

СМОКОТИНА А.В. О хронологии амфор типа C SNP I («Делакеу») // XII Боспорские чтения, Посвященные 185-летию Керченского музея. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. -С. 355-360.

СЫМАНОВИЧ Э. А. Находка позднеантичной амфоры из Курской области // СА. 1971. N 4. -С.231-232.

УШАКОВ С.В., ДЮЖЕНКО Т.В., СТРУКОВА Е.В. Исследование засыпи колодца ранненвизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCVII, помещение 4) // Археологический альманах, № 32 . Древняя и средневековая Таврика.Симф., 2015.

ШАРОВ О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007

BOTTGER B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell latrus // latrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. - Berlin, 1982. - Band II. -S. 33-148.

BÖTTGER B. Die gefasskeramischen Funde (1975-1981), in: Iatrus-Krivina IV, Berlin, 1991, 33-94

KASSAB TEZGÖR D. Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux. Istanbul : Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2010.

KASSAB TEZGÖR D. 2010 a. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. In: Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux. Istanbul : Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2010. pp. 95-104. (Varia Anatolica, 22)

KASSAB TEZGÖR D. 2010 b. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. In: Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux. Istanbul : Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2010. pp. 121-140. (Varia Anatolica, 22);

KASSAB TEZGÖR 2010 C. Tableaux récapulatifs des contextes étudiés dans les zones A et B. In: Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux. Istanbul : Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2010.. (Varia Anatolica, 22);

KASSAB TEZGÖR D.Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford : Archaeopress Roman Archaeology 74. 2021. 198 p.

KASSAB TEZGÖR, D., LEMAÎTRE, S., PIERI, D. La collection d'amphores d'Ismail Karakan à Sinop. Anatolia Antiqua 11, 2003.169-200.

KRAPIVINA V. Transport Amphoras, Roman Period, in Lejpunskaja, N.A., Guldager Bilde, P., Højte, J.M., Krapivina, V.V., Kryžickij, S.D. (eds.), The Lower City of Olbia (Sector

NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD, Black Sea Studies 13, Aarhus, 2010. P. 388-392.

OPAIŢ A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan “Carrot” Amphorae // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 16. 2010.-P. 371-401, 552-556.

SMOKOTINA A. Late Roman amphorae from Tyritake // Rei cretariae favtorvm Acta 44. 2016. P. 715-724.

VNUKOV S.YU. Sinopean Amphorae of the Roman Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 16. 2010.-P. 361-370

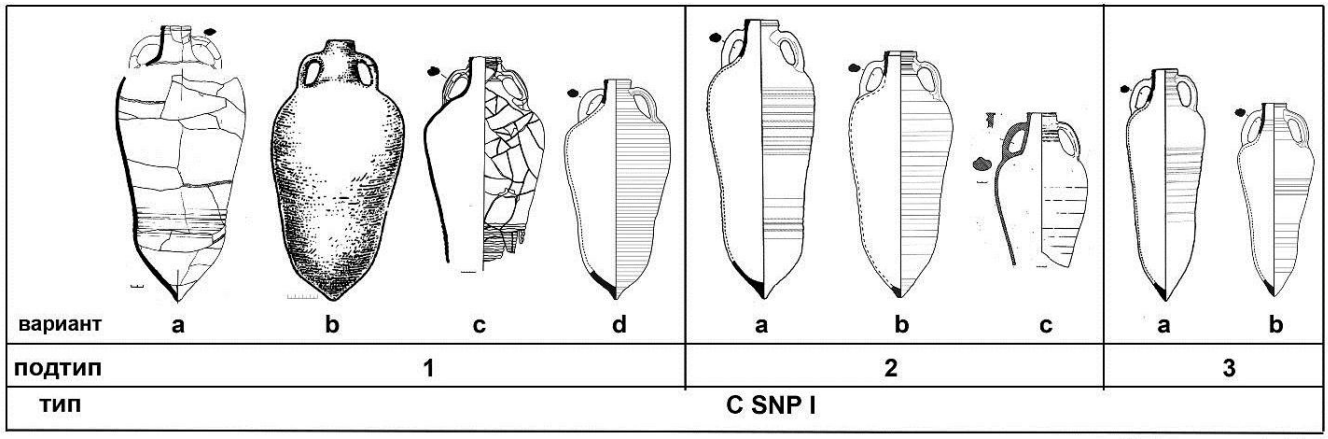


Рис. 1.

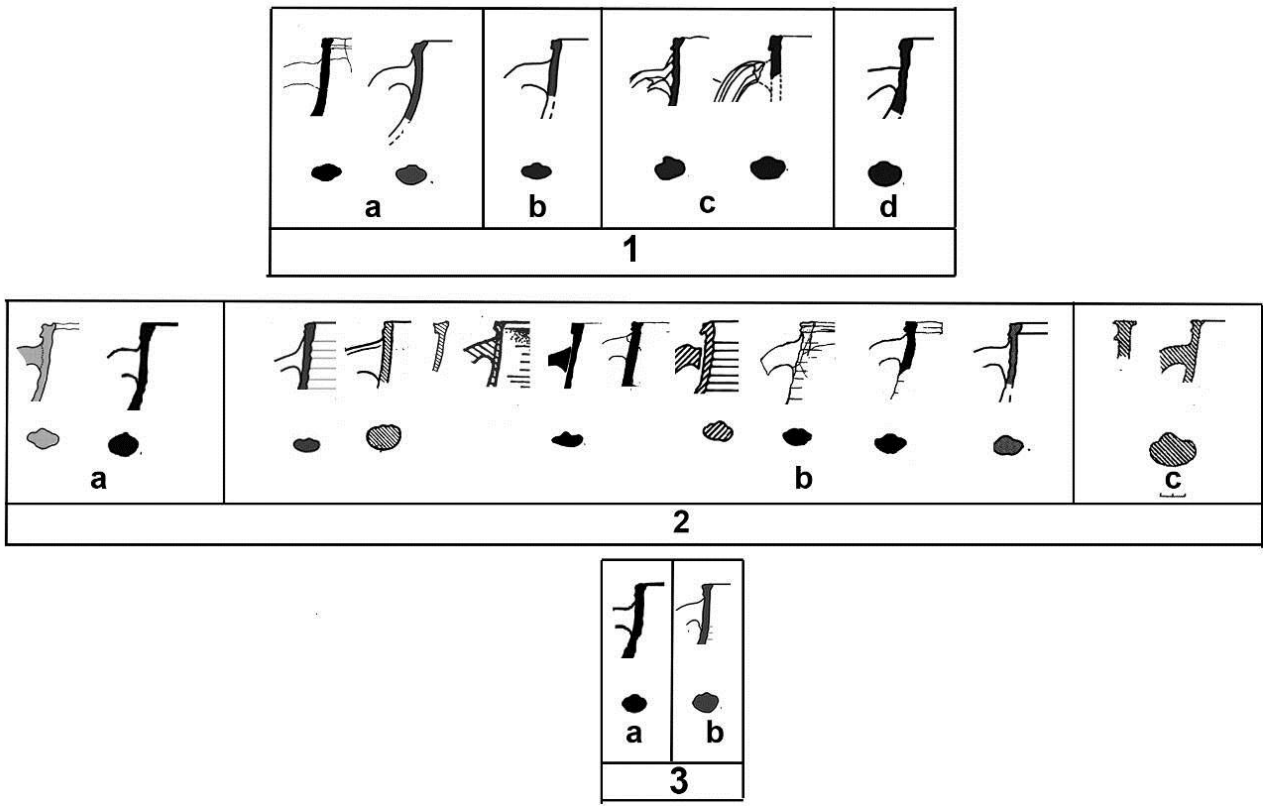


Рис. 2.

Санников С.В.
Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ВОСПОМИНАНИЯ О СКИФИИ, МЕОТИДЕ И ОЙУМЕ: РОЛЬ КРЫМА В ОСТГОТСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Sannikov S.V.

MEMORIES OF SCYTHIA, MEOTID AND OYUM: THE ROLE OF CRIMEA IN OSTROGOTHIC ETHNOGENETIC MYTHOLOGY

Формирование этногенетической мифологии является неотъемлемой составляющей социокультурного транзита, связанного с конструированием новых этнополитических образований. Удачным материалом для изучения данного процесса может служить остготский этногенетический миф, сформированный в произведении Флавия Аврелия Кассиодора на основе синтеза античных произведений, германских преданий и нарративов эпохи Италийского королевства остготов.

Остготская политическая мифология изучалась с точки зрения трансляции имперской идеи [Уколова 1989], рецепции античных мифологем [Christensen 2002], имплементации традиций античной риторики [Шкаренков 2009], структуры потестарно-мифологических архетипов [Санников 2011], историографических аспектов генезиса и эволюции мифа [Буданова 2017]. При этом, несмотря на то, что вопрос о миграциях готского населения получил максимально подробную разработку в российской историографии, вопрос о региональных компонентах остготской идеологической и этномифологической модели в научной литературе практически не рассматривался.

В произведении Кассиодора, сохранившемся в сокращенной интерпретации готского историка Иордана, можно выделить несколько мифологических сюжетов, относящихся к готскому этногенетическому циклу различных исторических периодов. Наиболее, по всей видимости, ранняя форма этногенетического мифа, сопоставимая с преданиями эпохи англосаксонского завоевания Британии (или даже более архаическими германскими преданиями о разделении народов, происходящих от сыновей бога Туистона), отражена в повествовании о трех кораблях, на борту которых состоялся легендарный исход готов из Скандинавии. Как отмечает Е.Ч. Скржинская, три корабля Иордана могут служить своеобразным указанием «на разделение готов (совершившееся впоследствии, когда готы передвинулись к Черному морю) на три особых племени: остроготов, везеготов и гепидов» [Скржинская 1960]. П.М. Долуханов полагает, что свидетельство о трех кораблях является одним из признаков, указывающих на мифологический характер данного этногенетического предания [Долуханов, 2000].

Второй блок сюжетов, формирующих этногенетическую мифологию остготов, связан с периодом миграции в Причерноморских регионах, обозначаемых в тексте топонимами Скифии, Ойума и Меотиды. Исследователи расходятся во мнении относительно географической локализации упомянутых в произведении Иордана топонимов, однако нам представляется важным акцентировать в данном отношении не столько отдельную проблему идентификации и локализации каждого из указанных топонимов (что представляется не вполне разрешимой задачей с учетом глубоко интертекстуального характера источника [см.: Лавров 2000]), сколько более значимую, на наш взгляд, проблему – а именно, связь между историческим

контекстом создания самого произведения и идеологической ролью упоминания обширных территорий Причерноморья в рассматриваемом источнике.

В тексте источника содержатся признаки того, что один и тот же ключевой сюжет (разделение готов на несколько ветвей) эволюционировал и смещался в структуре произведения:

народ делится на три части в результате легендарной высадки трех кораблей при короле Бериге (Get. 95)

разделение народа на две части происходит в результате легендарного обрушения моста при короле Филимере (Get. 27)

разделение народа на две части происходит «на берегах Понта» в правление легендарного короля Остроготы (Get. 82, 98).

Представленный сюжетный ряд дает основания полагать, что мотив разделения народа трансформировался в разные периоды формирования этногенетического мифа, и в наиболее поздней, финальной версии мифа о генезисе двух народов местом разделения готов становится именно регион Причерноморья.

Король Острогота (эпоним королевства остготов), по всей видимости, является чисто мифологической фигурой, сопоставимой по своему значению с Готом из произведения Ненния или Меровеем из хроники Фредегара. Обращает внимание связь между описываемыми Иорданом событиями правления этого легендарного короля и преданием о войне готов с гепидами, что указывает на окончательную деконструкцию Иорданом первоначального этногенетического мифа о трех народах (включавшем гепидов в готскую этнополитическую общность), высадившихся на берег Балтики под командованием готского короля. В связи с этим, возникает вопрос – с какой целью и по какой причине был сформирован этот более поздний этногенетический миф, интерпретирующий территорию расселения готов в землях Причерноморья (определенно включавшую территорию Крыма) в качестве территории, где произошло легендарное разделение двух готских народов и королевских домов?

Есть основания полагать, что причина трансформации этногенетического мифа могла быть обусловлена политическими установками основателя остготского королевства Теодориха Амала. Следует отметить, что остготский двор эпохи Теодориха проводил политику тонкого баланса интересов различных этнических и религиозных групп, стремясь одновременно выступать на внешнеполитической арене проводником интересов византийского императорского дома и одновременно претендентом на гегемонию среди германских королевств западной части Империи. Брак короля Хлодвига Меровинга с бургундской принцессой ортодоксального вероисповедания ослабил возможности альянса остготов и франков [Санников 2018], и обеспечил потенциальное формирование на северных рубежах остготского королевства влиятельного противника, претендующего на бургундский трон. Попытки короля Теодориха выстроить доверительные отношения с Римом, заручившись поддержкой католического клира и римской аристократии, также имели переменный успех, о чем свидетельствует резкое обострение отношений на данном направлении в последние годы его правления.

По всей видимости, в условиях нарастающей напряженности остготский королевский дом остро нуждался в дополнительных точках опоры, которые могли обеспечить легитимность европейской гегемонии остготов, а в случае необходимости – и привлечение в Италию дополнительных человеческих ресурсов. Территория Скандинавии, связь с которой была практически невозможна в связи с территориальной дистанцией и большим количеством конкурирующих племен, не вполне подходила на подобную роль. В данном отношении более значимой исторической территорией расселения готов становился Крым, где уже в V веке

начинал формироваться влиятельный автономный центр культуры и ранней государственности готов.

Возможность локализовать в Крыму историческую территорию разделения некогда единого народа под властью мифологического короля Остроготы дала остготскому двору не только формальные основания для установления потенциального протектората над вестготской Испанией, но и повод для напоминания оставшимся в Крыму соотечественникам об историческом единстве и союзнических обязательствах.

Структура и принцип формирования этнополитического мифа отражают соответствующую культурную эпистему или принцип идеологической организации общества в целом [Санников 2020], в связи с чем создание идеологической платформы остготского королевства происходило на принципиально новых основаниях по отношению к мифологии традиционного германского общества. При работе с историческими нарративами готов Кассиодор фактически отказывается от изначальных легенд о мифологическом разделении народа в результате прибытия на трех кораблях или в результате обрушения моста, делая акцент на разделении готов в Причерноморье. Весьма характерно, в связи с этим, что Крым в произведении Иордана не идентифицируется как Таврика, а отождествляется с менее определенными локусами Скифии, Ойума и Меотиды, формируя своего рода утопическое пространство, или счастливую землю, воплощающую архетип «Золотого века» единого готского царства.

Библиография

БУДАНОВА В.П. Готицизм историка Иордана: становление и парадоксы «готского мифа» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017 (4/2).

ДОЛУХАНОВ П.М. Истоки этноса. СПб., 2000.

ИОРДАН. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вст. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

ЛАВРОВ В.В. Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. н.э. // Stratum Plus. 2000. № 4.

САННИКОВ С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011.

САННИКОВ С.В. Хлодвиг, Хродехильда и Христос: крещение «варвара» в свете «брачной дипломатии» эпохи Великого переселения народов // Цивилизация и варварство. Человек варварского мира и варварский мир человека. Ч. 2. М., 2018.

САННИКОВ С. В. Структурируя Квинотавра: тератократия, дискурс господства и семиозис власти в раннем Средневековье. Новосибирск, 2020.

УКОЛОВА В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

ШКАРЕНКОВ П.П. Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам: дис. докт.ист. наук. Москва, 2009.

CHRISTENSEN A.S. Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth. København, 2002.

Седикова Л.В.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

ТАРНЫЕ ГОРШКООБРАЗНЫЕ СОСУДЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

Sedikova L.V.

TARE POT-SHAPED VESSELS OF THE EARLY MEDIEVAL TIMES FROM THE EXCAVATIONS OF CHERSONESOS

Разработка типологии и хронологии раннесредневековой керамики из раскопок Херсонеса занимает важное место в изучении роли и места Херсонеса (Херсона) в истории экономического, политического и культурного развития Юго-Западного Крыма и Византийской империи в целом. Большинство исследований касается таких видов керамики, как амфоры и столовая посуда. Кроме амфор к тарным можно отнести большие горшкообразные сосуды, которые встречаются в Херсонесе не так часто, но все же представляют собой обособленную группу керамики, обладающую рядом характерных признаков. Наибольшим разнообразием отличается коллекция сосудов из раскопок водохранилища, время засыпи которого было отнесено к первой половине IX в. Все образцы тарных горшкообразных сосудов отнесены к местному производству [Седикова 1995: 171-172, рис. 6, 1-8]. Единичные находки происходят из засыпи ямы в Цитадели [Седикова 1997: 10]. Рассмотрение типологии и хронологии этого вида керамики должным образом не производилось.

Высота единственного целого сосуда из водохранилища 30 см, но судя по пропорциям других сохранившихся фрагментированных изделий, она могла быть как больше, так и меньше. Дно плоское, стенки плавно переходят в отогнутый венчик, чуть ниже которого вертикально крепились петлевидные ручки, овальные в сечении. Максимальный диаметр венчиков 36 см, минимальный 22 см; основная масса сосудов имеет диаметр 28-32 см. Форма широкого венчика отличается степенью отогнутости и наличием западины на внутренней стороне. Все тарные сосуды имеют декор в верхней части тулова, который может сочетаться с орнаментом на венчике. Встречается четыре варианта орнаментов. Рассмотрение декора отдельно от морфологии связано с тем, что в пределах одних морфологических типов встречаются самые разнообразные варианты декора и их соотнесение с формой достаточно затруднителен.

Декор сосудов представлен несколькими вариантами: линейно-волнистый гребенчатый орнамент, расположенный в верхней части сосуда и волнистым гребенчатым орнаментом на венчике (Рис. 1, 1-3); линейно-волнистый орнамент, выполненный широкой врезной линией (Рис.1 4,8); густой линейный орнамент, выполненный тонкой врезной линией (Рис. 1,6); линейно-волнистый орнамент, нанесенный белым ангобом (Рис. 1.5,7). Глина красная плотная, с мелкими включениями карбонатов. Снаружи тонкий слой светло- бежевого ангоба. Визуальные характеристики позволяют отнести эти изделия к херсонесскому производству.

В Херсонесе подобные сосуды найдены в нескольких комплексах ранневизантийского периода. Это слой VII в. из комплекса в юго- восточном районе Портового квартала [Романчук 1973: 248, рис. 8]; комплекс конца VI -начала VII в. из цистерны 92 в том же квартале [Якобсон 1979: 24, рис. 9, 3] и засыпь цистерны 4 в Х-Б квартале северо-восточного района Конца VI- начала VII в. [Голофаст, Рыжов 2013: 92, рис.51].

Появление нового типа тарной керамики в Херсонесе в конце ранневизантийского периода, скорее всего, следует связать с поступлением в город значительного количества керамического импорта из Ближнего Востока. Так, в состав глиняного теста сосуда из Х-Б квартала входит слюда, что не характерно для местной керамики и не прослеживается на сосудах из водохранилища и ямы в Цитадели. Следует согласиться с мнением Л.А. Голофаст и С.Г. Рыжова, что происхождение формы сосудов из цистерны 4 следует искать на Ближнем Востоке. Можно предположить, что именно эти ранние образцы тарных горшкообразных сосудов ближневосточного происхождения послужили образцами для производства херсонесских изделий. Прототипы херсонесских сосудов были найдены в Иерусалиме. Наиболее близкими являются «basins» формы 3 VI-VII – началаVIII в. [Magnes 1993: 209], которые, в свою очередь, ведут происхождение от более ранних образцов позднеантичного периода, найденных на территории Палестины [Avshalom-Gorni 2009: 31, fig 2.27, 32]. Набор сосудов, аналогичный найденным в Иерусалиме, широко представлен среди керамики из раскопок российской археологической миссии в Иерихоне [Golofast 2016: 362-363].

Морфологически очень близкими херсонесским, являются так называемые "jars" из раскопок в Северной Иордании. Ранние комплексы из Джераша датируются VI-VII в.[Watson 1986: 363, 3558 fig. 4, 8], здесь же подобные сосуды найдены в гончарных печах VIII в. [Watson 1992: 237]. Наиболее близкой аналогией херсонсским сосудам являются «storage jars» из Пеллы VIII в.; которые, как считает П. Ватсон, производились и позже [Watson 1992: 237, fig. 6, 44-48]. По мнению J.P. Sodini и E. Villeneuve этот вид керамики был широко распространен в VI - начале IX в. на всей территории Сиро - Палестины [Sodini, Villeneuve 1992: 205].

Подавляющее большинство Херсонесских находок, по всей вероятности, отражают дальнейшее развитие типов упомянутых сосудов ближневосточного происхождения.

Производство тарных горшкообразных сосудов в средневековом Херсоне подтверждается их находками в гончарной печи, открытой за пределами западных оборонительных стен города. В основном в печи обжигались бороздчатые амфоры причерноморского типа. Исследовавшая печь В.В. Борисова датировала ее VIII-IX вв. [Борисова 1960.:42]. А.Я. Якобсон отнес время функционирования печи ко второй половине - концу IX в. [Якобсон 1979: 72, рис.43,1]. Л.В. Седикова предложила сузить датировку существования объекта до второй половины IX в. [Седикова 1995: 434-435]. Найденные здесь тарные горшкообразные сосуды отличаются отсутствием декора (Рис.1,9).

Самой поздней находкой, относящейся к обсуждаемому типу сосудов из раскопок Херсонеса является образец из цистерны 5 в Х-Б квартале Северо-Восточного района городища. Комплекс датирован началом X в. [Рыжов, Седикова 1999: 314, рис.3,7]. На примере этого сосуда можно говорить о вырождении формы, проявившейся в изменении пропорций, появлении вогнутого дна и смещении декора в нижнюю часть изделия (Рис.1,10).

Таким образом, можно предположить, что в конце VI- начале VII в. в византийском Херсоне появляется новый вид сосудов, имитировавших продукцию Ближневосточных керамистов. Наибольшее распространение сосуды получили в VII-начале IX в. После ряда модификаций формы и декора данный вид керамики выходит из употребления в X в. Сосуды подобной формы были пригодны для хранения и переноски продуктов на небольшое расстояние. Этим, видимо, можно объяснить отсутствие их находок за пределами Херсонеса.

Для разработки детальной классификации тарных горшкообразных сосудов необходимо выявить и ввести в научный оборот новые, надежно датированные археологические комплек-

сы, которые позволят расширить типологический ряд и скорректировать ранее предложенные даты.

Библиография

ГОЛОФАСТ С.Г., РЫЖОВ С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы Х-А и Х-Б)// МАИЭТ. Вып. XVIII. Симферополь. 2013

РЫЖОВ С.Г., СЕДИКОВА Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала Х «Б» Северного района Херсонеса// Х.Сб. Вып. Х. Севастополь. 1999

РОМАНЧУК А.И. Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса//АДСВ. Вып. 10. Свердловск. 1973

СЕДИКОВА Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе //МАИЭТ. Вып. IV Симферополь. 1994

СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс 1 половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе //РА. N 2. 1995

СЕДИКОВА Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1997

ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979

AVSHALOM-GORNI D. The pottery from Strata 9-6//Getsov N., Avshalom-Gorni D., Gorin-Rosen Y., Stern E.J., Syon D., Tatcher A. Horbat Uza. The 1991 Excavations. Vol. II: The late periods. IAA, № 42. Jerusalem. 2009

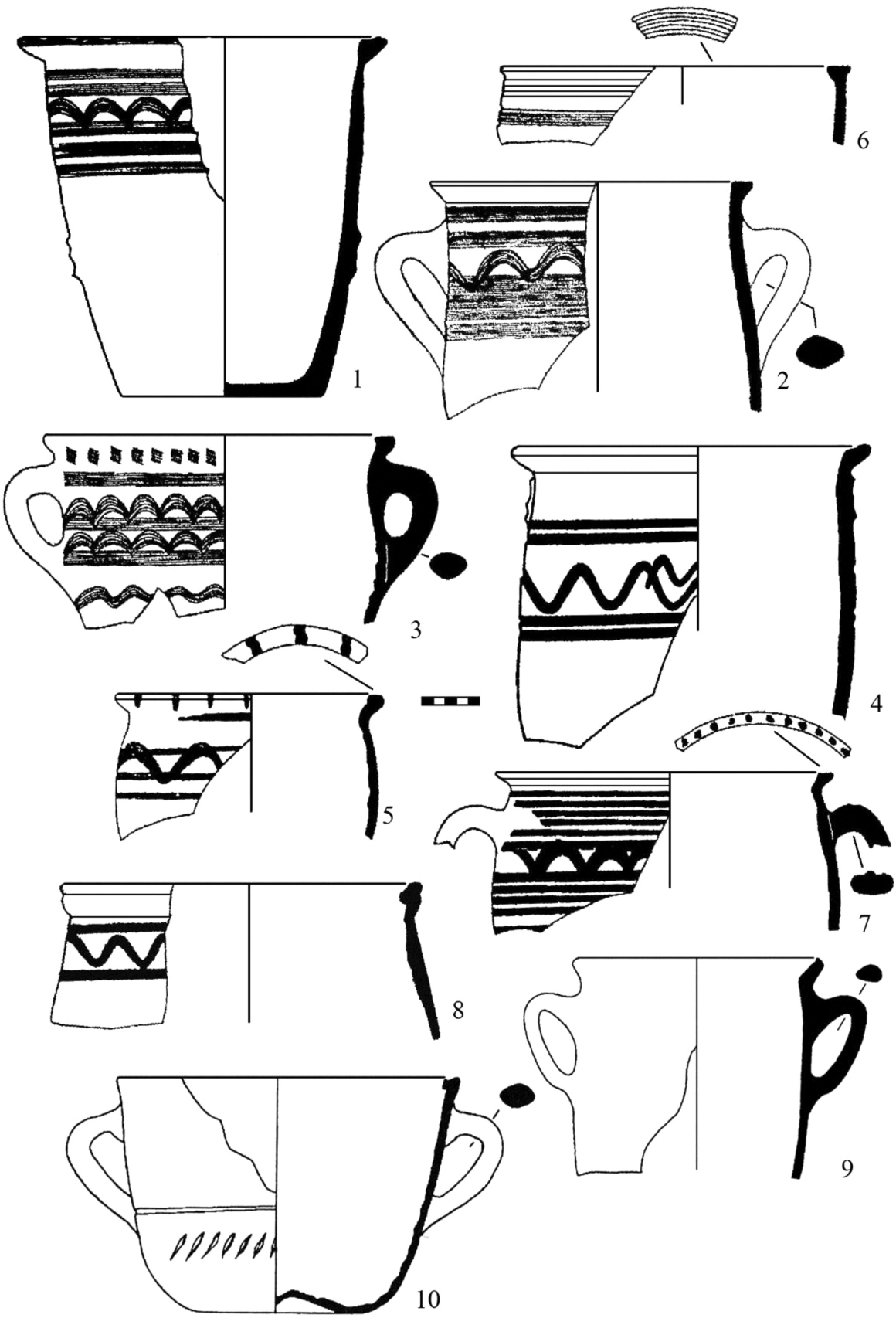
GOLOFAST L. Pottery assemblage and the glass finds //Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. Москва. 2016

MAGNESS J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200-800 CE. Sheffield. 1993

SODINI J.P., VILLENEUVE E. Le passage de la céramique Byzantine. A la céramique omeyyade //La Syrie de Byzance a l`islam. VII-VIII siècles. Damas. 1992

Иллюстрации

Рис.1 Тарные горшкообразные сосуды из раскопок Херсонеса.


1
6
2
3
4
5
7
8
9
10

Сорокин А.А.
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

ДЕБАТЫ О РЕФОРМЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ КОМИТЕТОВ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Sorokin A.A.

DEBATE ON THE REFORM OF THE LEGAL STATUS OF PEASANTS IN THE TAVRICH PROVINCE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE LOCAL COMMITTEES OF A SPECIAL CONFERENCE ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY)

К началу XX в. вопрос о правовом статусе крестьян являлся одним из наиболее острых в российском общественно-политическом дискурсе [Голицын 2008: 153–154; Либеральное движение…2001: 87, 93; Оболенский 1988: 171; Риттих 1904; Страховский 1904]. Крестьяне имели особые сословные управление и суд, особый порядок участия в выборах в земские собрания, не имели права поступления на государственную службу. Эти и иные вопросы стали одними из наиболее обсуждаемых в ходе работы местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые начали свою деятельность в 1902 г.

В Таврической губернии действовало 8 уездных (Бердянский, Днепровский, Евпаторийский, Мелитопольский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский) и 1 губернский комитет.

В Бердянском комитете председатель уездной земской управы Я.Б. Шварц представил предложенную земским собранием программу преобразований, которая в числе прочего предусматривала учреждение мелкой земской единицы «как средства для усиления местной земской самодеятельности». Программа была поддержана присутствовавшим на заседании председателем губернской земской управы Т.Я. Харченко, и комитет принял этот пункт без прений [Труды местных комитетов 1903: 33–34].

В Евпаторийском комитете также было рассмотрено предложение земства. Сельскохозяйственный совет при уездной земской управе высказывался за учреждение более мелких, чем уезд, земских участков без судебных и полицейских функций. Земское собрание, однако, рассмотрев это предложение в осенней сессии, сочло его преждевременным и дорогостоящим. Земский начальник Э.А. фон Руктешель прочел по этой проблематике обстоятельный доклад, который был комитетом отклонен, поскольку, с точки зрения председателя, он был длинным и затрагивал много «посторонних, не относящихся к делу вопросов». Сама идея мелкой земской единицы при этом была одобрена, но при условии замены ею волостной организации и сохранения полицейских и судебных функций [Труды местных комитетов 1903: 67].

В Перекопский комитет была подана записка местной земской управы о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в которой призывалось для улучшения правового положения населения расширить пределы самоуправления, ввести всесословную волость и изменить законодательство о крестьянах [Труды местных комитетов 1903: 132]. Земский начальник

Н.Х. Каракаш подчеркивал, что учреждение мелкой земской единицы на всесословных началах снизит нагрузку с крестьян, обеднение которых во многом связано с взиманием волостных сборов [Труды местных комитетов 1903: 143].

Хотя комитет одобрил учреждение всесословной волости [Труды местных комитетов 1903: 172], этой идее активно сопротивлялись член Перекопского комитета земский начальник В.К. Сахновский и председатель, уездный предводитель дворянства А.М. Карашайский, по мнению которых, польза таковой для развития сельского хозяйства сомнительна, особенно в условиях, когда «наше сельское население не воспитано и не подготовлено к самоуправлению» (с их точки зрения, всесословное управление только «выгонит из деревни последнюю интеллигенцию», поскольку «интеллигентные единицы будут обезличены, их права и голос будут подавлены в массах неразвитой толпы»). Кроме того, несправедливой считалась ситуация, когда дворяне стали бы платить сборы как на дворянские, так и на волостные нужды, причем малоземельные владельцы облагали бы крупных помещиков. Поэтому они полагали прежде всего необходимым запросить мнение самих крестьян относительно идеи всесословности [Труды местных комитетов 1903: 21].

Уполномоченный министерства земледелия в Таврической губернии по сельскохозяйственной части М.В. Неручев выступил с докладом в Днепровском комитете, в котором отмечал возможность развития деревни при условии развития образования, поэтому среди прочих мер, по его мнению, следовало ходатайствовать об уравнении крестьян в правовом отношении с другими сословиями [Труды местных комитетов 1903: 44]. Председатель комитета, уездный предводитель дворянства А.М. Нестроев выступил с предложением учреждения всесословной волости, которая за счет вхождения в нее интеллигентных лиц могла бы оказать «нравственное влияние на необразованную массу». Развивая его предложение, основатель заповедника «Аскания-Нова» Ф.Э. Фальц-Фейн и земский начальник М.Т. Зеньчевский высказались за реорганизацию сельского управления путем замены сельского схода сходом выборных («при обилии участников спокойное, разумное обсуждение дел почти невозможно»). Предложения по реорганизации сельского и волостного управления были поддержаны комитетом, причем подчеркивалось, что численность схода выборных должна быть пропорциональна численному составу сельского общества [Труды местных комитетов 1903: 45–46].

Председатель Мелитопольского комитета, уездный предводитель дворянства Е.В. Рыков вопрос об уравнении прав крестьян с правами других сословий обозначил в числе главнейших, от решения которых зависит будущее сельского хозяйства [Труды местных комитетов 1903: 102]. Комитетом было отмечено, что крестьяне находятся в полной зависимости от земских начальников. Особо подчеркивалась пагубность наложения взысканий по личному усмотрению последних на крестьян в порядке применения ст. 61 Положения о земских участковых начальников, что «действует на крестьян подавляющим образом, ослабляет их энергию и предприимчивость» [Труды местных комитетов 1903: 104].

Схожей была риторика комиссии по общим вопросам в составе Симферопольского комитета. Отмечалось, что крестьяне судятся волостными судьями, часть которых «невежественны и не знакомы с законами, вследствие чего подпадают влиянию волостных писарей, гораздо более заботящихся об интересах личных». Поэтому выход виделся только в подчинении крестьян общим судам и администрации, освобождении их от полицейских и административных повинностей и учреждении мелкой земской единицы взамен волостной организации [Труды местных комитетов 1903: 186–187]. М.В. Неручев, как и в Днепровском комитете, отмечал связь развития деревни с развитием образования, а, следовательно, – с изменением правового положения крестьян и введением всесословного управления [Труды местных ко-

митетов 1903: 205–206]. Такая же точка зрения была и у уездной управы, выступавшей в докладе уездному земском собранию за мелкую земскую единицу и уравнение крестьян в личных и гражданских правах с другими сословиями [Труды местных комитетов 1903: 209].

Гласный губернского земства, будущий депутат IV Государственной Думы (кадетская фракция) В.К. Винберг в Ялтинском комитете заявил, что эффективное решение проблем сельского хозяйства возможно только реформированными земскими учреждениями, которые должны быть бессословными, с более широкой компетенцией, свободным избранием гласных от крестьян (при условии снижения имущественного ценза), а также мелкими земскими единицами [Труды местных комитетов 1903: 218].

Отметим, что все уездные комитеты выступали за реформу крестьянского управления и введение мелкой земской единицы по типу всесословной волости. Мелитопольский, Перекопский и Симферопольский комитеты видели в учреждении всесословного волостного управления и уравнении крестьян в правах с другими сословиями залог сохранения в деревни крестьян с образованием и, как следствие, распространение общих и агрономических знаний среди сельского населения [Труды местных комитетов 1903: 15]. За исключением Феодосийского (не рассматривавшего данный вопрос), остальные уездные комитеты считали необходимым также отмену сословного крестьянского суда с подчинением крестьян общему суду, «обеспечивающему элементарные гарантии правосудия и справедливости» [Труды местных комитетов 1903: 17]. Кроме того, Евпаторийский и Перекопский комитеты предложили отказаться от выборной сельской полиции как малоэффективной повинности и заменить ее наемной (за плату) [Труды местных комитетов: 63, 167].

12 декабря 1902 г. состоялось первое заседание губернского комитета, на котором с подачи Т.Я. Харченко был поднят вопрос о необходимости коренной реформы правового положения крестьян: уравнения в гражданских правах с другими обывателями, учреждения всесословного волостного управления, реформы крестьянского суда [Труды местных комитетов 1903: 2–3]. Присутствовавший на заседании крестьянин Перекопского уезда П.С. Калмыков выступил против действовавших волостных судов, хотя часть членов комитета пыталась защитить крестьянскую юстицию с ее обычным правом как близкую к народу и более ориентирующуюся на достижение справедливости, чем на соблюдение формальностей [Труды местных комитетов 1903: 3].

13 декабря комитет с одобрения председателя принял ряд заключений по указанному вопросу. Было отмечено, что «образованные лица бегут из деревни», что связано как с необходимостью увольнения из сельского состояния при поступлении в высшие учебные заведения, так и с тяжелым правовым положением крестьянства, «к которому не может приспособиться и интеллигентный человек». Поэтому признавалось необходимым: уравнение крестьян в гражданских правах с другими сословиями; распространение на крестьян юрисдикции общих судов взамен волостных; создание института всесословной волости; освобождение сельского и волостного управления от полицейских обязанностей. Чтобы не лишать деревню «интеллигентного элемента», следовало отменить закон о необходимости выхода из сельского состояния при поступлении на учебу в институты и университеты [Труды местных комитетов 1903: 5].

Комитеты Таврической губернии в решении вопроса о правовом положении крестьян оказались более либеральными, чем большинство комитетов земских губерний. Эти предложения в дальнейшем были использованы при подготовке комплекса столыпинских реформ в сфере местного самоуправления.

Библиография

ГОЛИЦЫН А.Д. Воспоминания / сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А.К. Голицына. М., 2008. 608 с.

Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. 648 с.

ОБОЛЕНСКИЙ В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. 754 с.

РИТТИХ А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. 447 с.

СТРАХОВСКИЙ И.М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904. VI, 256 с.

Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. VI, 268 с.

Ступко М.В.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕНЫЕ ТОПОРЫ-КЛЕВЦЫ ТРОЯНСКИХ ТИПОВ НА ОСТРОВАХ ПРОЛИВА ЛА-МАНШ И В ИРЛАНДИИ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Stupko M.V.

STONE DRILLED PICKAXES OF TROJAN TYPES ON THE ISLANDS OF THE ENGLISH CHANNEL AND IN THE IRELAND. TO THE PROBLEM STATEMENT

Среди обширного типологического набора каменных сверленых орудий эпохи раннего металла Евразии существует очень редкий тип, который можно определить как «каменные сверленые топоры-клевцы» (далее КСТК) в силу характерных конструктивных особенностей, обособляющих их из общего ряда орудий этого рода. В частности, вместо характерного для каменных сверленых топоров-молотков (далее КСТМ) молотовидного бойка, у данного типа орудий выполнен изогнутый книзу клювовидный элемент конической или оживальной формы. По морфологическим признакам КСТК относятся к категории так называемого «комбинированного оружия», поскольку они совмещают в себе элементы топора и клевца. Среди каменного втульчатого оружия наибольшее распространение имеют классические КСТМ, обладающие более или менее выраженным топоровидным клином и обушной частью либо классического вида (у клиновидных типов), либо развитой в молотовидный боек различных форм. Другой, значительно меньшей группой являются каменные молоты (молотки), одним из вариантов которых представлен каменными клевцами, то есть орудиями, у которых один из бойков преобразован в клюв, как правило, оживальной, асимметричной или изогнутой формы [Клочко 2003: 40; 54; Irima 2008: 79-117]. В данном же случае, как упоминалось выше, мы имеем дело с комбинацией основных признаков этих двух ветвей развития каменного втульчатого оружия ударной массы.

Другой важной особенностью каменных топоров-клевцов кроме исключительной редкости, является их локализация (практически всех) в трех конкретных ареалах. На западе Европы это остров Гернси в проливе Ла-Манш (Рис. 1, 1,2) и графство Лаут на востоке Ирландии (Рис. 1, 3,4). Здесь необходимо подчеркнуть, что равно как на самих Британских островах, так и в Северной Франции среди всего многообразия КСТМ, данный тип отсутствует полностью [Barbier 1992; Vine 1982; SAS 1979; 1988]. Другим ареалом КСТК является область Троада на севере Анатолийского полуострова, где их находки известны из нижних слоев Трои эпох ранней-средней бронзы. Следует отметить, что кроме широко известных КСТМ из клада L Трои, исполненных в так называемом «роскошном стиле» [Никулина 1999: 218-229], в слоях позднего энеолита – ранней бронзы, присутствует значительное количество находок КСТМ разных типов, по большей части фрагментированных [Schliemann 1874: 19-21, Abb. 22, 65, 85, 87, 90], в том числе и топоры-клевцы (Рис. 1, 5,6) [Schmidt 1902: 273, 275].

В ходе анализа данных артефактов и подбора аналогий к ним, было выяснено, что подобный тип орудий полностью отсутствует в типологических наборах всех областей распространения «культур с боевыми топорами». Единственным известным на сегодня экземпляром такого орудия является топор-клевец из Хмельницкой области Украины, опубликованный на одном из интернет-форумов (Рис. 1, 8). Между тем, существуют определенные сомнения в его аутентичности, в особенности учитывая тот факт, что в последнее время именно из

Хмельницкой области происходит значительное количество поддельных артефактов этого рода, изготовление которых уже приняло там характер поточного производства.

Сравнительный анализ КСТК из Трои, с о. Гернси и из Лаута показывает, что отличия касаются в основном элементов оформления. Так, на большинстве гернсийско-лаутских КСТК щекавицы на уровне втулки отделаны вертикальными ребрами, в то время как на троянских они скругленные. В свою очередь, у КСТК из Трои топоровидный клин расширяется к лезвию, имеющему сегментовидную форму, а у гернсийских и лаутских - слабоизогнутый книзу клин на всей длине одной высоты.

Общие аспекты в обеих группах имеют более принципиальный характер. Клювовидная часть в обоих случаях имеет существенный изгиб книзу так, что проекция вершины на нормальное сечение основания клюва находится за его границами. У большинства энеолитических и раннебронзовых клевцов-молтов эта проекция попадает в контур нормального сечения основания, и только у изделий периода поздней бронзы клювовидный боек изогнут почти под прямым углом. Идентичными оказались и методы сверления. В обоих случаях его производили сверлом со сплошным наконечником (вероятнее всего каменным), который срабатываясь, образует округлую форму дна канала сверления (Рис. 1, 4,7). В то же время, общепринятым в ту эпоху было применение сверла с трубчатым костяным наконечником, характерными отходами от работы которым были усеченно-конические керны, в заметных количествах находимые в местах массового производства КСТМ.

Таким образом, общность технологических приемов и морфологических черт как-бы подразумевает некую взаимосвязь между тремя четко локализуемыми группами на разных концах европейской ойкумены эпохи бронзы. Вместе с тем характер этой связи в данный момент определить наверняка не представляется возможным. Причиной тому служит множество объективных и субъективных факторов. Здесь и специфика открытия этих артефактов в обоих случаях и практическая недоступность материалов и публикаций по теме. Сама возможность перемещения (миграции) какой-то части населения древней Троады вокруг всей Европы, в результате которого и произошел перенос традиции изготовления КСТК, теоретически возможна, но в данное время не имеет каких-либо иных подтверждений, кроме описанных наборов артефактов. Сама миграционная теория, выдвинутая М. Гимбутас, до сих пор остается дискуссионным вопросом [Дергачев 2007; Клейн 2010], поскольку имеет свои сильные и слабые стороны. Тем не менее дальнейшее углубленное изучение этой темы в будущем возможно позволит найти более конкретные ответы по данной проблематике.

Библиография

ДЕРГАЧЕВ В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. – СПб, 2007. – 488 с.

КЛЕЙН Л.С. Еще раз о так называемых зооморфных скипетрах. Полемическая заметка о книге В. А. Дергачева «О скипетрах, о лошадях, о войне»//Stratum plus №2. 2010. – С.315-321.

КЛОЧКО В.І. Озброення та військова справа давнього населения України (5000-900 рр. до Р.Х.). – Киев, 1996. – 337 с.

НИКУЛИНА Н.М. Ритуальные молоты-топоры из троянского клада L (К вопросу о датировке данного археологического комплекса)//ВДИ, 1999 г., № 2. – с. 218-229.

GOGAN L.S. A perforated stone pickaxe from North Cast Louth; its position in Irish Archaeology//Journal of the County Louth Archaeological Society, Vol. VII, No. 2, 1930. – p. 153-166.

IRIMIA M. Sceptre de piatră inedite din județul Constanța şi unele considerații privind legăturile zonei Vest-Pontice//Pontica XLI, 2008. – p.79-117.

SCHLIEMANN H. Atlas trojanischer Alterthümer Photographische Berichte über die Ausgrabungen in Troja. – Leipzig, 1874. – 274 S.

SCHMIDT H. Trojanischer Altertümer. Heinrich Schliemann's Sammlung / Hubert Schmidt. – Berlin, 1902. – 379 S.

Stone axe studies. Volume I. CBA Research Report No 23, 1979. – 142 p.

Stone axe studies. Volume II. CBA Research Report No 67, 1988. – 302 p.

Сударев Н.И.
Институт археологии РАН, Москва
Коваль В.Ю.
Институт археологии РАН, Москва

ВИЗАНТИЙСКИЙ КУВШИН ПАЛЕОЛОГОВСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАСКОПОК В СТАНИЦЕ ТАМАНЬ

Sudarev N.I.
Koval V.Yu.
BYZANTINE JUG OF THE PALEOLOGIAN ERA FROM THE EXCAVATIONS IN THE VILLAGE OF TAMAN

В 2013 г. Восточно-Боспорской экспедицией Института археологии РАН (нач. экспедиции Н.И. Сударев) в северо-восточной части станицы Тамань (Краснодарский край) проводились охранные археологические раскопки по адресу ул. Лермонтова, 4, связанные с предполагавшимся строительством. В ходе этих работ в шурфе 1 были выявлены разновременные кладки, позднесредневековое погребение и несколько врезанных в материк ям. В одной из них (яме 2) был собран разнообразный материал, датируемый в широких пределах от XII-XIV до XVIII-XIX вв. Массовый керамический материал в этом комплексе был представлен 321 экз., среди которых 76 единиц относились к столовой посуде.

Единственным целиком сохранившимся сосудом из рассматриваемого комплекса, принадлежавшим к ранней группе керамики, маркирующей время создания и первоначальной засыпки ямы, являлся красноглиняный поливной кувшин (рис. 1, 2). Его высота 22 см, диаметр тулова 13,5 см. Кувшин изготовлен из кирпично-красной глины без видимых примесей и покрыт снаружи темно-желтой прозрачной глазурью по слою белого ангоба. Декор состоял из гравировки по слою белого ангоба с элементами «выемчатой техники». Интересно, что глазурь, покрывавшая все тулово кувшина, не была нанесена на полый «ложный поддон» (имитацию настоящего кольцевого поддона, выполненную в виде полого объема, входившего в состав емкости кувшина), вернее глазурь была нанесена тут несколькими мазками, так что эта часть кувшина осталась практически неглазурованной. Поскольку на «ложный поддон» также был нанесен гравированный по ангобу декор, можно думать, что это брак в работе мастера, по какой-то причине забывшего завершить работу по глазурованию сосуда. Однако это брак не был сочтен серьезным недостатком готового изделия, которое было пущено на продажу (заметим, что точно такой же брак имелся у кувшина из собрания Археологического музея Варны, т.е. это совершенно типичное явление).

Декор кувшина разделяется на несколько локальных зон. Первая зона занимает высокую цилиндрическую горловину с отогнутым под 450 венчиком: она украшена «шахматным» рисунком из чередующихся квадратных полей с выскобленным и оставленным ангобом. На последних дополнительно проведены штрихи из углов квадратов и точки в их центрах, что создавало «косые кресты» в каждом таком квадрате. Вторая зона располагалась на уплощенно-сфероидальном тулове, украшенном рядами фестонов и заштрихованными треугольниками. На переходе к дну изображена геометризированная плетенка. Отдельную зону составлял «ложный поддон», покрытый горизонтальной лентой, разделенной широкими вертикальными полосами соскобленного ангоба на квадраты, в каждом втором из которых гравирован спи-

ральный завиток. Наконец, особенным декором отличалась двуствольная ручка кувшина, подчеркнутая продольными линиями гравировки и имевшая на стыке двух жгутов 7 таблеткообразных налепов, украшенных гравированными завитками. Еще 2 таких налепа прикреплены к верхней части горловины по обе стороны от верхнего прилепа ручки к венчику кувшина. Обращает также на себя внимание нижний прилеп ручки в виде треугольного массивного завершения (у всех кувшинов иных групп, как глазурованных, так и неполивных, нижний прилеп всегда уплощался или размазывался, чтобы исключить тут всякие выступы).

Аналогии подобным кувшинам широко известны как в Северном, так и в Западном Причерноморье [Романчук 2003: 89, табл. 73-76; Масловский 2006: 399, рис. 36], а также в Византии – в Константинополе и на Кипре [Крамаровский 2001: 212, рис. 104, 1-4, 7; Everyday life… 2002: № 379]. В европейской научной литературе византийскую керамику с подобным декором относят к группе «Elaborate Incised Ware» (далее – EIW), которая была распространена чрезвычайно широко в Византии (Константинополь, Никея, Эфес, Пергам, Фасос и др.) и связанных с ней странах (Балканы, Крым, города Золотой Орды) [Гинькут 2005: 102]. Проникала такая керамика, и, в частности, аналогичные кувшины, даже на территорию средневековой Руси, где их обломки известны в трех различных пунктах [Коваль 2010: 127, 128, рис. 42. 3-6, цв. ил. 48. 3-5].

Производство EIW большинство исследователей связывали со столицей Византийской империи и ее ближайшими окрестностями, хотя иногда высказывались и иные мнения на этот счет. Следы гончарной мастерской, значительную часть продукции которой составляли изделия в стиле EIW, были обнаружены в Стамбуле в 2007 г. при раскопках в районе Сиркеджи. При этом химический анализ формовочных масс показал различия между некоторыми находками из Стамбула и Крыма, что может свидетельствовать о различном происхождении сырья и различных центрах производства [Waksman, 2012: 147–151]. Но надо учитывать, что на протяжении срока работы мастерской сырье могло в незначительной степени меняться (хотя бы по причинам различий в глинах, добывавшихся в одной и той же залежи на разных глубинах), к тому же проанализированы могут быть лишь избранные фрагменты. Поэтому отмеченные исследователем различия, хотя и должны учитываться, все же не могут как-то существенно повлиять на факт открытия места производства EIW.

К сожалению, даты константинопольской мастерской оказались весьма расплывчатыми («палеологовское время»), поэтому это открытие не уточнило датировку керамики EIW, которую сейчас определяют в широких пределах второй половины XIII - XIV вв. [François, 2003: 151-168]. При этом в Северном Причерноморье керамика этой группы встречается в комплексах, датируемых не ранее середины – второй половины XIV в. [Тесленко, 2018: 471]. Материалы раскопок в Азове, где такая керамика встречена в комплексах с монетными находками, позволили указать верхнюю дату ее бытования в средневековом Азаке 1340-ми гг. [Бочаров, Масловский 2012: 32].

Более подробный анализ данных об основаниях для датировки этих сосудов проделан недавно Н.В. Гинькут, указавшей, что нижняя дата их появления самым концом XIII в. обосновывается находками в Константинополе (в первой половине XX в.) в Старом Крыму и Херсонесе [Гинькут 2013: 446], но все эти находки либо беспаспортны, либо их ранняя дата не доказана, а лишь декларирована. Выраженная там же уверенность в бытовании таких сосудов в начале XIV в. базировалась на трех тезисах:

находки в Херсонесе, происходившие из слоя пожара XIV в. [Романчук 2003: 266, рис. 7, 16]. Но пожар, из которого происходят эти находки, датирован XIV веком, а вовсе не началом этого столетия. Если же обратиться к публикациям А.И. Романчук, то окажется, что писала

она только о пожаре, имевшем место не ранее 1360-х гг. [Романчук 1996: 302]. Весь этот хронологический сюжет (с привлечением данных о рассматриваемых здесь обломках кувшинов) подробно рассмотрен в литературе [Мыц 2009: 48, 49].

Похожие на рассматриваемые кувшины известны и на фресках церквей Св. Апостолов в г. Печ (Сербия) и монастыря Дохиару на Афоне. Однако точная датировка фресок – задача исключительно сложная, учитывая возможность их поновления, дописывания в более позднее время, нежели создание основного сюжета, поэтому, учитывая эти аргументы, все же следует иметь в виду, что они не могут рассматриваться как совершенно бесспорные. Кроме того, разобрать, какой именно сосуд изображен на старой фреске, даже просто понять, из какого материала сделан этот сосуд, фактически невозможно. Приведенная ссылка на фреску в монастыре Дохиару, где в сюжете Тайной вечери на столе были изображены 4 разных кувшина [Vroom 2003: 321, fig. 11. 29], не может служить аргументом, поскольку фреска датирована очень широко (XIV веком), а по черно-белой иллюстрации определить тип декора сосудов невозможно.

Присутствие аналогичных сосудов на миниатюрах рукописей, имеющих точные даты создания. В качестве примера такой рукописи приведен манускрипт «Книги Иова», хранящийся в Национальной библиотеке Франции и опубликованный в солидном каталоге [Byzantium…, 2004. P. 63. № 33]. На опубликованной миниатюре действительно изображен кувшин (неясно, правда, из какого материала сделанный), однако сама рукопись датирована в этом каталоге 1361-1362 гг., поэтому, если даже на миниатюре изображен кувшин EIW (что еще требуется доказать), то эта дата никак не может свидетельствовать о производстве такой керамики в начале XIV в., она лишь могла бы указывать на использование их в быту в 1350-х гг., накануне создание манускрипта. Но, повторим, уверенности в том, что на миниатюре изображен именно керамический кувшин определенного типа, пока нет.

Таким образом, сформировавшееся в ученой среде мнение о бытовании кувшинов рассматриваемого типа (и всей керамики группы EIW) в начале XIV в. базируется на ряде недоразумений и априорных представлениях, но не подкрепляется бесспорными фактами. Основная же часть археологических находок керамики группы EIW в Северном Причерноморье, по единодушному мнению всех исследователей этого региона, датируется преимущественно серединой и второй половиной XIV в. – 1360-1380-ми гг. [Гинькут 2013: 447; Тесленко 2018: 472]. Что касается времени начала производства такой керамики, как и поступления ее в Причерноморье, то оно пока не определено. Недавняя гипотеза М.Г. Крамаровского о поступлении такой керамики в Италию в начале XIV в. и, следовательно, широком ее распространении уже в это время [Крамаровский 2009], оказалась основана на целом ряде заблуждений, что не позволяет принять аргументацию автора [Коваль, 2020: 95-104]. Пожалуй, единственным основанием для ранней датировки такой керамики остаются находки из раскопок базилики св. Иоанна в Эфесе, завоеванном турками в 1304 г. [Parman 1989: fig. 10. b] Разумеется, после присоединения к османскому султанату поступление византийской керамики сюда могло быть затруднено, хотя, как известно, турки не создавали торгового барьера с Византией. Но дело даже не в этом, а в том, что установить точный контекст мелких обломков сосудов и определить его дату вообще очень сложно, поэтому нет никакой уверенности в том, что находки этих фрагментов нужно непременно связывать с дотурецким этапом истории Эфеса. Таким образом, опираться на данные раскопок в Эфесе представляется преждевременным.

При всем разнообразии кувшинов EIW и немалом числе находок, ее массовое производство в Константинопольской мастерской, ориентированной на экспортный рынок, могло по-

ставить тысячи подобных сосудов за относительно короткий отрезок времени, например, за 2-3 десятилетия. Поэтому более обоснованным пока кажется датировать изготовление таких кувшинов (но, подчеркнем, не всей продукции группы EIW) на протяжении первой половины – середины XIV в. с пиком производства в 1340-1370-х гг. На эти дату, прежде всего, указывают археологические комплексы из Азова, Алушты, Чембало (см. выше).

Если начать подыскивать аналогии декору таманского кувшина, то их найдется достаточно много. Так, почти полную аналогию можно видеть на обломке кувшина из Херсонеса [Романчук 2003: табл. 73. 228], а декору ложного поддона – на других фрагментах кувшинов из Херсонеса и Азова [Романчук 2003: табл. 77. 239, 240; 78. 242; Масловский 2006: рис. 36. 8; Бочаров, Масловский 2012: 32, рис. 4. 12-15, 5].

«Ложные поддоны» вообще выступают одним из своеобразных признаков кувшинов группы EIW. Важно заметить, что в более раннее время (XII-XIII вв.) в византийской керамике такие формы днищ не были известны вовсе, зато они характерны для итальянской майолики XIII-XIV вв. [Portoghesi 1972: 65; Blake 1980: fig. 15; Francovich 1982: 125; Ricci, Vendittelli 2010: tav. II. 19]. Некоторые исследователи называют днища такого типа «пьедестальной ножкой», но такое название при всей своей запоминающейся «яркости» не может быть принято уже хотя бы потому, что дно сосуда нельзя называть «ножкой». Ножки (одна или более) могут быть только под дном, являться дополнение к дну (как, например, ножка рюмки). Неудачной кажется и попытка называть поддон «ножкой», это совершенно разные морфологические части сосуда [Щапова 1989: 26]. В данном случае сосуды имели именно дно, хотя и своеобразной профилировки, которое лишь внешне напоминало поддон, имитируя его расширением придонной части объема сосуда.

Среди итальянской майолики известны идентичные формы кувшинов с высоким цилиндрическим горлом, небольшим, но раздутым туловом, и ложным поддоном [Blake 1980: fig. 15; Francovich 1982: 125, fig. 123. 1], а это позволяет думать, что именно итальянские формы могли послужить одним из образцов для создания новой для Византии разновидности столовых кувшинов. При этом восприятие формы не сопровождалось полным копированием декора, который у кувшинов EIW включал подчеркнуто-геометризированный орнамент и налепы-«таблетки», явно имитирующие заклепки. Поэтому следует согласиться с той мыслью, что другим важным источником этой формы были металлические (латунные или даже золотые) кувшины, [Крамаровский 2009: 340], поверхность которых, вероятно, украшалась гравировкой (сами эти металлические прототипы пока нигде не найдены, но удивляться такому не приходится, ведь металлические сосуды всегда рассматривались как источник сырья для переплавки в другие изделия). Надо заметить, что вторая распространенная форма кувшинов группы EIW (с невыделенным горлом и сливом – см., например, [Гинькут 2013: рис. 2] также копирует профилировку итальянских майоликовых кувшинов XIII-XIV вв. и не имеет никаких прототипов в византийском гончарстве.

Целые керамические сосуды византийского производства встречаются довольно редко, поэтому каждая новая находка подобных изделий представляет значительный интерес. К сожалению, подавляющее большинство находок керамики группы EIW в Причерноморье происходит из контекстов, не имеющих узких и твердо установленных дат. Не является в этом смысле исключением и таманская находка. Тем не менее, она важна как еще один пункт распространения константинопольских керамических изделий высшего класса, маркирующих присутствие в нем достаточно состоятельных покупателей, вкусы которых определялись византийской модой.

Высказанные недавно сомнения в коммерческом использовании керамики группы EIW итальянскими купцами, дополненные соображениями об особом ее назначении, связанном с религиозной практикой (вплоть до литургической) [Гинькут 2013: 454, 455] представляют интерес, но требуют более подробной проработки. Находки таких сосудов при раскопках церквей не всегда указывают на непосредственное использование их для религиозных целей, тем более, что большинство известных сейчас находок не связаны с храмами. Для проверки этой гипотезы необходимо подробное изучение всех контекстов таких находок и формирование хотя бы самой общей статистической картины их распределения по соответствующим комплексам. При этом укажем на тот факт, что поливная посуда, по-видимому, действительно использовалась в богослужебной практике восточного христианства, на что указывает клад подобных сосудов (правда, в основном, восточного происхождения, из Золотой Орды, Ирана, Китая) под полом Благовещенского собора Московского Кремля, сокрытый в XV в. [Панова 1996: 65-67].

Библиография

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII - конец XIV вв.) // Поволжская археология. – Казань, 2012. – № 1. – с. 20-36.

ГИНЬКУТ Н.В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «Консульской церкви» генуэзкой крепости Чембало // Херсонесский Сборник. – Вып. XIV. – Севастополь, 2005. – с. 99–120.

ГИНЬКУТ Н.В. Византийская поливная керамика Чембало (Крым) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. – М.: Издательский дом Марджани, 2013. – с. 471-456.

КОВАЛЬ В.Ю. Керамика Востока на Руси IX-XVII века. – М.: Наука, 2010. – 269 с.

КОВАЛЬ В.Ю. О новейшем «открытии» византийских глазурованных кувшинов в Италии // IV Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Материалы конференции / Отв. ред. А.Д. Васильев. Т.1. – М.: ИВ РАН, 2020. – с. 95-104.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2001. – 364 с.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г. «Свадьба в Кане» Дуччо ди Буонинсенья (библейские контексты и археологический комментарий) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. – М.: МГУ, 2009. – с. 333-345.

МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Вып. 21. – Азов, 2006. – с. 309-472.

МЫЦ В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

ПАНОВА Т.Д. Клады Кремля. – М.: Музей-заповедник «Московский Кремль», 1996. – 136 с.

РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2003. – 224 с., 229 табл.

РОМАНЧУК А.И. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. X. – Симферополь, 2003. – с. 261-276.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. XXIII. – Симферополь, 2018. – с. 459-498.

ЩАПОВА Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. – М.: МГУ, 1989. – 120 с.

BLAKE H. The archaic Maiolica of north-central Italy: Montalcino, Assisi and Tolentino // Faenza. – An. LXVI. – Faenza, 1980. – p. 91-152.

Byzantium. Faith and Power (1261–1557). Ed. By H.C. Evans. NY; L, 2004.

Everyday life in Byzantium. Byzantine hours: Works and Days in Byzantium. Ed. By Papanikola-Bakirtzi D. – Athens, 2002. – 600 p.

FRANÇOIS, V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paléologue // Byzantinoslavica. – Vol. 61. – Praha, 2003. – c. 151–168.

FRANCOVICH R. La ceramica medievale a Siena e nella Toscana neridionale (secc. XIV-XV). Firenze, 1982. – 170 p.

PARMAN E. The Pottery from the Saint John's Basilica at Ephesos // Recherches sur la ceramique byzantine. Bulletin de Correspondance Hellenique Supplement. – Vol. XVIII. – Paris, 1989.– p. 277-289.

PORTOGHESI L. Ceramica medievale in Tuscania // Faenza. – An. LVII. – Faenza, 1972. – P. 58-67.

RICCI M., VENDITTELLI L. Ceramiche medievali e del primo rinascimento (1000-1540). – Milano, 2010. – 318 p.

VROOM J. After Antiquity. Ceramics and Society in the Aegean from the 7th to 20th century A.C. – Leiden: Leiden University, 2003. – 412 p.

WAKSMAN S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internationale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo. – Venezia, 2012. – pp. 147–151.

Список иллюстаций

Рис.. 1. Кувшин из Тамани. Фото.

Рис. 2. Кувшин из Тамание. Прорисовка.

Супренков А.А.
Институт археологии РАН, Москва
Топоривская М.А.
Институт археологии РАН, Москва

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГРЕЧЕСКОЙ МАССАЛИИ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН (ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЯ)

Suprenkov A.A.
Toporivskaya M.A.

ON THE QUESTION OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF GREEK MASSALIA BEFORE THE START OF THE PUNIC WARS (WRITTEN SOURCES AND ARCHEOLOGY)

Массалия – крупнейшая греческая колония в Северо-западном Средиземноморье, основанная фокейскими колонистами на рубеже VII-VI вв. до н.э. Согласно письменной традиции (Athen. XIII, 575, 36; Just. XLIII, 3-4) это произошло с согласия вождя местных племён Нанна. Местом для основания города был выбран участок незаселённой территории на побережье Лионского залива с благоприятными географическими условиями. Город возник в естественной геологической впадине, окружённой горными хребтами и питаемой водами дельты реки Ювон. Эта территория была обитаема ещё с эпохи неолита [Buisson-Catil 2005: 113], непосредственно же на момент появления фокейских греков на побережье, в окрестностях будущей Массалии появляются неукреплённые сельские поселения эпохи поздней бронзы – раннего железного века, а также укреплённые поселения на возвышенностях – оппидумы. Население, проживавшее в Нижнем Провансе, уже имело опыт торговых обменов с предшественниками фокейцев – финикийцами и этрусками, а также путешественниками из Восточной Греции (Herod. IV, 152, 159; Strabo, III, 4, 8; XIV, 2, 10).

Вновь образованный город начинает активно развиваться, и по сведениям Юстина он с самого начала был укреплён (Just. XLIII, 4-5). Археологически наличие фортификации было подтверждено в ходе раскопок на Бирже (рис. 1).[94] По мнению современных исследователей уже VI в. до н.э. полис мог достигать площади 40 га [Tréziny 2006: 234]. В нём изначально процветала торговля, о чём свидетельствует развитый порт, и разнообразный средиземноморский импорт, предметы которого находили при раскопках в Массалии и окрестностях. С середины столетия город начинает производить керамику и винные амфоры (рис. 2), а с последней трети VI в до н.э. - чеканить монету.

Интенсивному росту полиса в архаический период способствовали и политические события. После разгрома Фокеи Гарпагом в 546 г. до н.э., мог иметь место приток беженцев сначала на Корсику, а после битвы при Алаллии, противопоставившей массалийцев карфагенянам и этрускам и далее на запад (Herod. I, 165-166).

Рост города не мог не вызвать противодействие со стороны местных племён. По сообщению Юстина военный конфликт с ними, успешно завершившийся для греков, мог иметь место уже при приемнике Нанна Комане (Just. XLII, 4-5). Впоследствии какой-то конфликт с галлами имел место уж в начале IV в. до н.э. (Just. XLIII, 4-5).

[94] Крупнейшие охранно-спасательные раскопки в центре Марселя, проводимые в 60–90-х гг.

В классический период город продолжает расширяться - возникают ремесленные кварталы, реорганизуется порт, укрепляется внешняя оборонительная стена, а городские ворота усиливаются башнями. Торговая деятельность, ранее направленная в основном на поселения устья Роны теперь ориентирована на Средиземноморское побережье, а её масштабы привели ряд исследователей к мнению о существовании в V-III вв. до н.э. на побережье от современной Испании до Италии «массалиотской торговой гегемонии» [Bats 2005: 272]. Кульминацией морского развития Массалии стало основание полисом колоний - Родануссии, Агатэ, Торэса, Ольбии, Антиполиса и Никеи, перечисленных Страбоном (Strabo, IV, 1, 5). Из контекста сообщения древнего автора можно сделать выводом об их военно-пограничном назначении в приоритете для Массалии, с чем были согласны и исследователи-классики [Villard 1960: 114.]. Ряд же исследователей более позднего периода полагал, что они в основном выполняли социально-экономическую функцию [Clavelè-Lévèque 1977: 83; Garcia 1995: 160].

О внутреннем социально-политическом устройстве Массалии нам известно очень немногое. Аристотель подчёркивал его устойчивый аристократический характер (Arist. V, 6, 2-3). Археологически мы находим этому подтверждение в частности в дифференциации захоронений на массалийских некрополях [Euzennat 1976: 529-552; Hermary, Hesnard, Tréziny, 1999: 69-85; Tréziny, 2005: 230-244].

В III в. до н.э. с началом Пунических войн Массалия выступает на международной политической арене как последовательный союзник Рима. Это даёт полису возможность существенно расширить свою территорию, но затем приводит к противостоянию с Цезарем и осаде в 49 г. до н.э., что привело к последующему снижению его политического и торгового влияния в Северо-Западном Средиземноморье.

Очевидно, что крупный город (около 20 000 жителей в эпоху Цезаря [Bats 1986: 17-42]) не мог не обладать сельскохозяйственной территорией, достаточной для обеспечения его жителей всем необходимым. Тем не менее, по сведениям Страбона (Strabo IV, 1, 5) «земля массалиотов была бедна хлебом, что вынудило их отдать предпочтение морским занятиям». Этот текст привёл к созданию в историографии тезиса о том, что для фокейских колоний, и в частности для Массалии наличие хоры было несущественным [Martin 1973: 99]. Впоследствии эта точка зрения неоднократно пересматривалась. Ранее нами был представлен обзор об эволюции представлений о территории Массалии [Супренков 2013: 48-56], приведём тезисно основные положения.

Одной из основных особенностей были в целом, небольшие размеры сельской округи региона Массалии в силу её географического положения (рис. 3). Площадь равнинной территории составляла около 300 кв. м.

На территории в непосредственной близости от Массалии располагались сельские поселения, которые реорганизовывались в процессе городской эволюции. Некоторые из них, расположенные на возвышенностях имели укрепления – такие как оппидумы Майен, Ля-Лимит, Рок-де-ля-Круа. На части из этих поселений жизнедеятельность прекращалась, но в целом местное население проживало здесь в течение архаической, классической и эллинистической эпохи. Что же касается греческих поселений, то какие-либо крупные усадьбы или же фортификационные сооружения за его пределами выявлены не были. При этом по результатам исследований в окрестностях Массалии интенсивная хозяйственная деятельность велась здесь уже начиная с VI в. до н.э. Обнаружены следы не только виноградников и оливковых рощ, упомянутых Страбоном, но и следы производства зерновых культур – зернохранилища разного типа. Таким образом, имеет место определённое противоречие. С одной стороны Массалия активно эксплуатирует земельные ресурсы, поставляя в замен в регион средиземномор-

скую продукцию, с другой греки за территорией города судя по всему практически не проживают, что совершенно нетипично для классического полиса. До последнего времени материальным свидетельством присутствия колонистов в окрестностях города были в основном следы кадастров с греческими метрическими параметрами, которые выявляют достаточно далеко от города. Их наличие может свидетельствовать о том, что изначально прилегающие территории планировалось использовать для коммерческой деятельности. [Collin Bouffier, 2005, 219].

Трудно себе представить, чтобы какая-либо греческая колония была лишена необходимых ресурсов для своего существования. Но в случае с Массалией, по всей видимости, лигурийское население принимало активное участие в эксплуатации земельных территорий вблизи Массалии являясь частично и реципиентом ввозимой продукции. В этом случае сложно говорить о значительных размерах «хоры» Массалии, т.е. о прямой принадлежности земли греческим колонистам. Хотя, безусловно, территория города должна была расширяться с течением времени.

Возникает вопрос о взаимопроникновении этносов. На лигурийских оппидумах выявляются элементы греческой архитектуры, но характер инвентаря говорит о том, что там проживало варварское население. Если же коснуться вопроса ономастики, то по данным исследований известных некрополей делается вывод, что жители города носили в большинстве своём греческие имена [Arcelin 1986: 50]. Нельзя забывать и греко-варварских конфликтах, периодически вспыхивающих в регионе. Тем не менее, данные археологии свидетельствуют о том, что продукция Массалии, а также импортная, ввозимая через Массалию, была распространена по всему региону Нижней Роны.

Среди новейших исследований в качестве материального свидетельства присутствия греков на своём хинтерлянде рассматривались гроты массива Марсельвейер. Из обследованных объектов этого типа около 10 имели культовое назначение. Они посещались в течение длительного периода VI – III-II вв. до н.э. Среди инвентаря лепная керамика была представлена незначительно. В основном - светлоглиняная массалиотская посуда и греческие предметы, типичные для святилищ - гидрии, светильники, ойнохои, кубки, терракоты. Среди изображённых божеств - Аполлон, Деметра, Дионис. По предположению группы авторов отправление культов в этих гротах сочеталось для Массалиотов с защитой рубежей и для воспитания эфебов. [Bernard, Bouffier, Copeti, Isoardi, Sacchetti 2014: 87].

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что, несмотря на военную силу, приписываемую полису письменными источниками, Массалия либо не имела возможности, либо необходимости значительно расширять свои сухопутные владения за пределы естественных географических рамок. Предпочтя этому основание морских колоний, обзор которых – предмет отдельного эссе. И хотя на сегодняшний момент никто уже не говорит о «Массалии», как о городе без территории, высказывание Страбона о «предпочтении жителей морскими занятиями» имело под собой основу.

Библиография

СУПРЕНКОВ А.А. Сельская территория Массалия в VI-III вв. до н.э.: по данным археологии // Российская археология, № 4. М., 2013. С. 45-57.

ТОПОРИВСКАЯ М.А. История археологического изучения античных памятников Северо-Западного Средиземноморья: греческая Массалия, ее окрестности и колонии. Выпускная квалификационная работа. Севастполь, 2020.

ARCELIN P. Le territoire de marseille greque dans son contexte indigène // Etudes massaliètes 1. 1986. PP. 43-104

BATS M. Le territoire de Marseille greques - reflexions et problèmes // Etudes massaliètes 1, 1986. PP. 17-41 ,.

BATS M. L'économie de Marseille antique, la période hellénistique (350-50 av. J.-C.) // Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours. 2005. PP. 269-271.

BERNQRD L., BOUFFIER S., COPETI A., ISOARDI D., SACHETTI F. Aux frontières du territoire marseillais : rytmes greques et rythmes celtique entre le VII et le V siècles av J-C // Les territoires de Marseille antique. Arle, Paris, Errance, 2014.

BUISSON-CATIL J. Periode préhistorique. Préhistoire et prorohistoire. Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours. 2005. PP. 113-116.

CLAVEL-LEVEQUE M. Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille, 1977.

COLLIN-BOUFFIER S. Marseille pendant l'antiquité grecque et romaine // Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours. 2005 PP. 217-224.

EUZENNAT M.: Les fouilles de la Bourse à Marseille // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres no 3. 1976. PP. 529-552.,

GARCIA D. Le territoire d'Agde greque et l'occupation du territoire en Languedoc central durant l'Age du fer // Etudes massaliètes 4. 1995. PP. 137-167.

HERMARY A., HESNARD A., TREZINY A. Marseille grecque. La cité phocéenne (600-49 av. J.-C.). Marseille, 1999.

MARTIN R. Rapports entre les structures urbaines et les modes de division de l'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. 1973. PP. 97-112.

TREZINY H. Topographie, urbanisme et architecture de Marseille pendant l'antiquité // Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours. 2005. PP. 230-244.

TREZINY H. Urbanisme archaïque des villes ioniennes // Revue des études anciennes. T 108, no 1. 2006.

VILLARD F. La céramique grecque de Marseille (VI-IV siècle). Essai d'histoire économique. Paris, 1960.

Список иллюстраций

Рис. 1. Марсель, 1969 г. Охранные раскопки при строительстве Биржи. [Топоривская 2020: 123].

Рис. 2. Амфоры Массалии V в. до н.э., обнаруженные в ходе исследований дороги Вуа д 'Итали. [Топоривская 2020: 123].

Рис. 3. Рис. 3. Окрестности Массалии и лигурийские поселения. [Супренков 2013: 50].

Таньшина Н.П.
Институт общественных наук РАНХ и ГСМПГУ, Москва
Московский педагогический государственный университет, Москва

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА: ИЗМЕННИК ИЛИ ЗАЩИТНИК НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ?

Tanshina N.P.

K.V. NESSELRODE AND THE CRIMEAN WAR: TRAITOR OR DEFENDER OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS?

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Графу К.В. Нессельроде, канцлеру Российской империи, на протяжении сорока лет возглавлявшему Министерство иностранных дел, не повезло как восприятии современников, так и в оценках историков. Со времен Крымской или Восточной войны (1853—1856) и вплоть до наших дней в отечественной исторической литературе и публицистике положительные оценки деятельности этого уникального человека, побившего все рекорды пребывания в должности главы внешнеполитического ведомства, весьма редки. Более того, именно на Нессельроде возлагали ответственность за Крымскую войну и поражение в ней, обвиняя его в измене и предательстве национальных интересов.

Так, в 1854 г. историк и публицист славянофильского направления М.П. Погодин в своей записке на имя государя Николая Павловича писал, что российская дипломатия «приносила в жертву все свои, самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священнейших чувствований...» [Погодин 1874: 131]. После поражения 8 сентября 1854 г. на реке Альма славянофил Сергей Аксаков записал: «Меня сокрушают наши дипломатические действия. Вся Россия признает Нессельроде заклятым своим врагом, и весьма многие называют его изменником. Я не разделяю последнего мнения, но скажу, что его дипломатические ноты до такой степени опозорили, осрамили нашу народную честь, что надобно много времени и много славных дел, чтобы восстановить ее…» [Тарле 2011, Т. II: 100]. Его дочь Вера Сергеевна Аксакова записала 10 марта 1855 г. в дневнике: «…Если б не Нессельроде, который беспрестанно его (императора Николая. — Н.Т.) принуждал возвращаться к безобразной политике немецкой, то государь был бы увлечен совсем на другой путь! <...> Ему, этому изменнику, ему одному обязаны мы позором и затруднительным положением России!» [Аксакова 1913: 85]

Как и современники, историки усматривали во внешней политике Нессельроде лишь просчеты, приведшие в итоге к поражению в Крымской войне. Начало такому взгляду было положено, пожалуй, историком и дипломатом С.С. Татищевым. Воспринимая Крымскую войну как «катастрофу» и следствие «засилья» немцев «нессельродовской школы», он подчеркивал, что причиной войны и поражения явилось «коренное недоразумение между волею решающею и теми руками, коим вверялось приведение в исполнение ее решений» [Татищев 1889: XIV].

Нессельроде обвиняли в том, что он, якобы, уверял императора, будто Франция и Великобритания не смогут объединиться в силу острых противоречий между ними; что Австрия не сможет выступить против своего «спасителя», то есть его обвиняли в провале дипломати-

ческой подготовки Крымской войны, в том, что в итоге Россия оказалась в международной изоляции, и, не имея союзников, в качестве противников имела не только Османскую империю, но и объединенную Европу.

Как писал Е.В. Тарле, «Николай и его канцлер Нессельроде успокаивали себя надеждой, что “никогда Наполеон III не вступит в союз с англичанами”, смертельными врагами его дяди, Наполеона I. На всю фантастичность подобных надежд глаза царской дипломатии раскрылись слишком поздно» [Тарле 2011, Т. I: 29].

Какова же была позиция и политика Нессельроде в ходе этого кризиса? Являются ли эти обвинения справедливыми, и действительно ли Нессельроде был столь недальновидным? На мой взгляд, такие обвинения в адрес Нессельроде являются незаслуженными, и многочисленные документы свидетельствуют о том, что он, напротив, предостерегал императора от войны, подчеркивая, что Россия к ней не готова и может оказаться перед лицом общеевропейской коалиции. Граф Нессельроде прилагал все возможные усилия для недопущения войны и разрешения конфликта дипломатическими способами. Другое дело, и здесь я согласна с мнением В.Б. Михайлова, что Нессельроде делал это не слишком уверенно, поскольку сам рассчитывал, что Великобритания ограничится «вооруженным нейтралитетом» [Михайлов 2002: 112].

Тот факт, что Нессельроде должен был в скором времени уйти в отставку (а он сам установил себе срок отставки: как ему исполнится 75 лет), дал академику Тарле повод обвинять Нессельроде в том, что тот весной 1856 г. вел себя «уже больше, как посторонний зритель» и, более того, «продолжал вредить России по мере его сил и при новом царе, хотя делал это попрежнему, конечно, по бездарности и недальновидности, а не потому, чтобы был изменником…» [Тарле 2011. Т. II: 433]

Но разве Нессельроде был «посторонним зрителем» и уж тем более, «бездарным и недальновидным вредителем»? Разве он не стремился не допустить расширения рядов антирусской коалиции и театра военных действий? Разве ему было все равно? На мой взгляд, вовсе нет. Император Николай, который, по словам Тарле, «забывал» о том, что у него есть министр иностранных дел, как отмечал внук канцлера Анатолий Дмитриевич, в последнее время встречался с ним три-четыре раза в неделю [Nesselrode. T. XI: 222]. Кроме того, несомненным свидетельством «неравнодушия» Нессельроде является его «Записка о политических сношениях России», датированная 11 февраля 1856 года старого стиля, названная «политическим завещанием» канцлера, или, говоря словами историка Н.К. Шильдера, его «лебединой песнью».

В этой записке Нессельроде кардинально пересматривает суть российской внешнеполитической программы и признает ошибочность основных принципов, на которых строилась внешняя политика страны: «…России предстоит усвоить себе систему внешней политики иную против той, которою она доселе руководствовалась. Крайние обстоятельства ставят ей это в закон <…> война вызвала для России неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил… На будущее время или, по крайней мере, на неопределенное число лет, следовало бы не решаться на отстаивание таковых соглашений иначе, как сообразуясь с требованиями русских интересов» [Нессельроде 1872: 341-342]. Е.П. Кудрявцева отмечает, что «Нессельроде в своей «Записке» приходит к неожиданным выводам, в какой-то степени перечеркивавшим результаты его деятельности на посту управляющего российским МИДом» [Кудрявцева 2019: 55]. На мой взгляд, эти выводы вполне закономерны, ведь о необходимости следования, прежде всего, национальным интересам, он говорил неоднократно и в предыдущее время. Другое дело, что

поражение в войне стало потрясением, вынудившим его оформить эти идеи во внешнеполитическую программу.

Как бы то ни было, всю ответственность за поражение и договор возлагали на Нессельроде, и, действительно, было бы неверно полностью снимать с него ответственность за войну. Он стоял во главе Министерства иностранных дел, и, следовательно, проигрыш российской дипломатии в поединке с западноевропейскими партнерами должен быть отнесен и на его счет. Согласна с мнением В.Б. Михайлова о том, что граф Нессельроде, оставшись на своем посту вплоть до подписания Парижского мирного договора, «как бы взял на себя ответственность за поражение России» [Михайлов 2001: 155]. 15 апреля 1856 г. император Александр II отправил Нессельроде в отставку. Отставка была весьма почетной. Он был назначен председателем Комитета железных дорог с оставлением ему чина государственного канцлера и статуса члена Государственного совета. Государь пожаловал канцлеру украшенные алмазами портреты свой и императора Николая I [Очерк 1902: 133].

Библиография

АКСАКОВА В.С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854-1855 / Ред. и примеч. кн. Н.В. Голицына и П.Е. Щеголева. СПб., 1913.

КУДРЯВЦЕВА Е.П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // Вестник МГИМО-Университета. 2019. 1 (64).

МИХАЙЛОВ В.Б. К.В. Нессельроде. 40 лет во главе российской дипломатии // Международная жизнь. 2001. № 9-10.

МИХАЙЛОВ В.Б. Нессельроде Карл Васильевич. // Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 3.

НЕССЕЛЬРОДЕ К.В. Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических сношениях России (писана 11 февраля 1856 г., перед заключением Парижского мира и выходом графа Нессельрода в отставку) // Русский архив. 1872. № 1.

Очерк истории Министерства иностранных дел: 1802-1902. СПб., 1902.

ПОГОДИН М.П. Записки М. П. Погодина о политике России. 1853-1854 // Русская старина. 1874. Т. 10. Вып. 5.

ТАРЛЕ Е.В. Крымская война. Т. I-II. СПб., 2011.

ТАРЛЕ Е.В. Крымская война. Т. I-II. СПб., 2011.

ТАТИЩЕВ С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.

NESSELRODE CH. DE. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1850. P., 1904 - 1911. T. XI.

Татаринов И.Е.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Луганск

ОТ ОБЛАСТИ К РЕСПУБЛИКЕ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТАВРИДЕ В 1784 - 1921 ГГ.

Tatarinov I.E.

FROM REGION TO REPUBLIC: ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS IN TAURIDA IN 1784 – 1921

В отечественной истории Таврида всегда занимала особенное место. Длительное время этот край пребывал под юрисдикцией различных государств, пока, наконец, в 2014 году не вернулся своей большей частью в состав Российской Федерации. До сих пор этот судьбоносный шаг оспаривается некоторыми соседями и трактуется в качестве аннексии. В этой связи представляется важным и интересным проследить историческую динамику административно-территориальных преобразований в Тавриде, охватив наиболее насыщенный документальными источниками период.

Как известно, после присоединения Крыма в апреле 1783 г., Екатерина II приступила к обустройству новых земель. Указом императрицы Сенату от 8 февраля 1784 года «О составлении Таврической области из 7 уездов, и об открытии присутственных мест в оных городах», а также указом генерал-губернатору Екатеринославскому и Таврическому князю Потемкину «Об устройстве Таврической области», на землях бывшего Крымского Ханства была образована Таврическая область в составе 7 уездов: Симферопольского, Евпаторийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского, Левкопольского и Фанагорийского [ПСЗРИ 1830 Т.22: 20-21]. Временный характер областного устройства устраивался «покуда умножение селений и разных нужных заведений подадут удобность устроить её губернею» [АВПРИ Ф.33 Оп.2 Д.78: 1]. 12 декабря 1796 года Таврическая область Указом Павла I была упразднена, а территорию, «…разделяемую просто на уезды, сообразно количеству жителей и обширности местности», присоединили к Новороссийской губернии, сведя в 2 уезда – Феодосийский и Перекопский [ПСЗРИ 1830 Т.24: 229-230].

Обширные пространства Новороссийской губернии указом Александра I от 8 октября 1802 г. были разделены «для приведения общего удобнейшего управления и разделения», и в итоге Крым с северной Таврией вошли в Таврическую губернию. Её территория состояла из 7 уездов: Перекопский (куда присоединили «части Мариупольского уезда по границе прежней Таврической области»), Симферопольский, Фанагорийский, переименованный в Тмутараканский («по названию, какое в древней России носил остров Тамань и с причислением к уезду сему земель войска Черноморского»), Феодосийский, Евпаторийский, Мелитопольский и Днепровский. Столицей определили г. Симферополь. Подчёркивалось, что губернские «границы, отделяющие её от Екатеринославской губернии, имеют быть те же самые, какие положены были при существовании её под названием Таврической области» [ПСЗРИ 1830 Т.27: 272]. Эти границы были пересмотрены указом Александра I от 11 апреля 1820 г., когда Тмутараканский уезд передали Кавказской губернии в связи с подчинением Черноморского войска, располагавшегося, в том числе на землях уезда, начальнику войск Отдельного Грузинского корпуса. Вместе с этим, «земли, войску сему принадлежащие, по смежности оных с гу-

берниею Кавказскою поставить по управлению гражданскому в те самые отношения к Кавказскому губернскому начальству, в каковых ведомство войсковое доныне находилось к Таврической губернии» [ПСЗРИ 1830 Т.37: 258].

В первой половине XIX века Таврическая губерния состояла из 6 уездов и нескольких градоначальств: Феодосийского, существовавшего с 1804 по 1829 г. и Керчь-Еникальского (1821–1917). Позднее появились Севастопольское (1873–1917 гг., 1919–1920 гг.) и Ялтинское (1914–1917 гг.) градоначальства. В 1838 г. указом Николая I от 23.03 из Симферопольского уезда был выделен Ялтинский уезд, «приняв во внимание особенное местное положение южного берега полуострова Таврического, быстрое возрастание там населения и приметное между жителями распространение промышленности… и для устранения неудобств, происходящих от накопления дел в присутственных местах уезда Симферопольского» [ПСЗРИ 1838 Т.13: 196-197]. 7 января 1842 года из двух материковых уездов – Днепровского и Мелитопольского, был выделен Бердянский уезд. В тексте указа Николая I «О новом устройстве полицейского управления северной части Таврической губернии» сказано, что образование нового уезда произошло «согласно с представлением Министерства Внутренних Дел» [ПСЗРИ 1842 Т.17: 2-3].

Распад Российской империи и появление национальных правительств актуализировали вопрос о границах. К ноябрю 1917 года административно-территориальное деление Таврической губернии состояло из трёх материковых уездов, пяти уездов полуострова, а также трёх градоначальств. На Украине объявившая себя высшим законодательным органом Центральная Рада, приняв 7 ноября 1917 г. III-й универсал, решила распространить свою юрисдикцию на три материковых уезда Тавриды [Конституційні акти 1992: 67]. Весной 1918 года в Крыму установилась советская власть и провозглашена Советская республика Тавриды в границах Крымского полуострова. Центральная Рада, опираясь на австро-германские войска, решила не только подчинить три северных уезда Тавриды, но и пересмотреть статус полуострова, включив его в состав УНР. Однако немцы поддержали только вхождение северных уездов в Таврический округ Украины [Бойко 2009: 232]. А сами оккупировали полуостров, сформировав 25 июня 1918 г. марионеточное правительство во главе с генералом М. Сулькевичем. Это квази-государство опиралось на старое уездное деление и пребывало под полным контролем оккупантов до конца ноября 1918 года.

С марта по июнь 1919 г. на всей территории бывшей Таврической губернии была восстановлена советская власть, которая оставила материковые уезды в составе УССР, а крымские – во вновь созданной Крымской ССР. С июня 1919 по март 1920 гг. Вооружённые силы Юга России восстановили границы Таврической губернии. Однако летом 1919 г. Бердянский уезд был передан в состав Екатеринославской губернии, вернувшись обратно через год. 7 сентября 1919 г. решением А. Деникина на базе Таврической и Херсонской губерний была образована Новороссийская область с центром в Одессе, просуществовавшая до марта 1920 г. 25 июня Таврическая губерния вновь была восстановлена в дореволюционном составе и просуществовала в таком виде до конца октября 1920 года. Занятие войсками Красной Армии в конце осени 1920 года всей территории губернии привело к возвращению Днепровского, Бердянского и Мелитопольского уездов в состав УССР. В декабре 1920 г. большевики создали Керченский и Севастопольский уезды, а приказом Крымского ревкома от 8 января 1921 г. №206 «Об изменении административных границ» Перекопский уезд был преобразован в Джанкойский. Тогда же волостное деление в уездах заменили на районное. Постановлением ВЦИК и СНК от 18 октября 1921 г., крымские уезды, преобразованные в округа, вошли в состав созданной Крымской АССР в составе РСФСР. В п. 1 отмечалось, что республика образо-

вывается «в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского» [Собрание 1922: 1].

Таким образом, административно-территориальные преобразования в крае протекали весьма сложно и динамично. Российско-украинский раздел Тавриды оказался не самым удачным. А звучащие сегодня на разных уровнях территориальные претензии значительно актуализируют этот вопрос.

Библиография

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

БОЙКО О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П. Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Вип. 3. К.: Ін-т історії НАН України, 2009. – С. 217 – 232.

Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: «Філософська та соціологічна думка», 1992. – 332 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. (1649 по 12 дек. 1825 г.) и Собрание 2-е (1825–1881). Санкт-Петербург : тип. 2 Отделения Собств. е.и.в. канцелярии, 1830–1884; тип. Имп. Мос. Ун., 1911.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Крымской социалистической советской республики : Нар. ком. юстиции КрССР. Симферополь, 1922, 1 февраля, №1.

Тюрин М.И.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
Филиппенко А.А.
Независимый исследователь, Севастополь
Жукова П.А.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь

КРАСНОЛАКОВОЕ БЛЮДО ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ УКРЕПЛЕНИЯ МАСЛЯНАЯ ГОРА

Tyurin M.I.
Filippenko A.A.
Zhukova P.A.
LATE HELLENISTIC RED SLIP PLATE FROM THE MASLIANYA GORA FORT

Исследование античного укрепления Масляная гора (рис. 1,1) (в районе с. Поворотное, г. Севастополь) было начато Бельбекской экспедицией Музея-заповедника «Херсонес Таврический» в 2013 г. ввиду усилившегося разграбления памятника. Первые работы носили спасательный характер: раскоп полностью включил в свои границы две грабительские ямы возле внешней восточной стены укрепления. В начале первого полевого сезона на объекте при исследовании пространства между грабительскими шурфами было обнаружено фрагментированное краснолаковое блюдо позднеэллинистического времени95 (рис. 1,3). Найденные фрагменты позволили полностью восстановить форму изделия (ИКАМ 37641/14). Однако ввиду выбранной стратегии исследования памятника помещения III и IV не были полностью изучены в 2013 г. В результате часть фрагментов (ИКАМ 37440/50) оказалась за пределами раскопа и была обнаружена в ходе последующих полевых сезонов, когда экспедиция приступила к работам широкими площадями (рис. 1,2)96.

Изделие представляет собой блюдо большого (38,7 см) диаметра с почти вертикальным, несколько загнутым бортиком (рис. 2,1). Вогнутые стенки плавно переходят в плоское дно. Поддон блюда кольцевой (диаметр 10,4 см), в сечении скошенный, в месте перехода в тулово имеется глубокий желобок. Центральная часть донца внутри поддона глубоко утоплена относительно тулова. Блюдо несколько деформировано (высота колеблется от 4,2 до 5,4 см). На внутренней поверхности донца имеются пять рядов косых насечек (rouletting), сгруппированных в два концентрических кольца. На внешнюю поверхность донца нанесено граффито в форме треугольника (буква Δ?). Учитывая, что на значительной части керамических изделий из слоя разрушения укрепления имеются граффити с указанием имен владельцев сосудов [Тюрин, Намойлик 2021], нельзя исключать, что данное граффито также содержит первую букву личного имени обладателя изделия (менее вероятна его интерпретация как цифрового обозначения).

Черепок под лаковым покрытием светло-розовато-коричневый (10YR 7/3) (рис. 2, 2), внутренняя часть черепка имеет серый закал (10YR 6/1) (рис. 2, 3). В керамическом тесте

[95] Доклад посвящается памяти нашего друга, автора этой находки – С.Ю. Голикова (1988–2020), активного участника многих археологических экспедиций, исследовавших Херсонесское городище и памятники его округи. Сергей трагически погиб 24.12.2020 во время пожара на траулере «Свеаборг» в г. Лас-Пальмас, Испания.
[96] Реставрация блюда выполнена художником-реставратором музея-заповедника П.А. Жуковой.

присутствуют мелкие блестящие частицы. При десятикратном увеличении видны мелкие (менее 0,1 мм) черные включения. Лак покрывает сосуд полностью. Покрытие блестящее, глянцевое, пятнистое, местами отслаивается; по цвету варьируется от красно-оранжевого (2.5YR 5/8) и желтого (7.5YR 6/6) до черного (2.5YR 2.5/1) (рис. 2, 4). Окраска лака сильно отличается на различных фрагментах, что указывает на то, что вторичный обжиг при пожаре приобретен сосудом уже во фрагментированном виде. Очевидно, на основную часть блюда лак нанесен путем окунания, при этом гончар держал его за поддон. После этого на оставшуюся непокрытой часть тонкий слой лака был нанесен иным способом: на внешней поверхности донца и вокруг поддона имеются следы работы кистью (?).

Блюдо происходит из горизонта гибели укрепления в сильном пожаре, фиксируемом во всех исследованных на настоящий момент помещениях. Основная часть фрагментов изделия зафиксирована в юго-восточном углу условного помещения IV; расстояние между краями развала блюда достигает 1,7 м. В настоящее время мы пришли к выводу, что кладка 11-а, разделявшая помещения III и IV, в действительности является позднейшим развалом бутового камня, под которым, среди прочих находок, в 2018 г. был обнаружен один из фрагментов блюда. Таким образом, оба помещения стоит рассматривать как единое пространство, галерею между угловыми помещениями I и V. Судя по находкам, помещение выполняло хозяйственные функции: здесь зафиксирован стационарный очаг, ручная мельница (известняковый курант «hopper-rubber» и диоритовый столик), на полу сохранились амфоры in situ. Амфоры различных центров (косские, родосские, синопские, «позднегераклейские», «колхидские» коричневоглиняные) использовались вторично для хранения запасов зерновых. Помимо блюда, к немногочисленным столовым сосудам из помещения III–IV относятся два плохо сохранившихся лагиноса, а также фрагменты рельефных полусферических чаш ионийского производства. Почти все сосуды из горизонта пожара несут следы вторичного обжига. Клейма на родосских амфорах из помещения IV содержат имена эпонимов VI группы Φαινίλας и Σωκράτης (ок.107–88/86 гг. до н.э.) [Finkielsztejn 2001: 196; Кац 2007: 421]. Позднейшее клеймо из слоя гибели комплекса предположительно принадлежит эпониму Ἀριστώνυμος (?) (VIIa подгруппа, ок. 85–40 гг. до н.э. [Кац 2007: 421]). Таким образом, гибель укрепления Масляная гора на настоящем этапе исследований следует предварительно отнести ко времени после 85 г. до н.э. Вместе с тем, срок использования тары на укреплении, судя по диапазону клейм на родосских амфорах из горизонта разрушения, составлял в некоторых случаях не менее четырех десятилетий. Довольно значительным он был и для немногочисленной столовой керамики, в частности, рельефных чаш.

Публикуемое нами блюдо морфологически близко сосудам Восточной сигиллаты А (Eastern Sigillata A, далее – ESA). Его можно сопоставить с формой 1 по классификации Дж. Хейса [Hayes 2008: 21–23] (форма 3 по более ранней типологии [Hayes 1985: Tav. 1, 8]). Начало производства блюд ESA данного типа относится к середине II в. до н.э., когда они фиксируются в Леванте [Hayes 2008: 23]. Практически идентичными по форме нашему сосуду являются блюда типа 13b по классификации К. Слэйн, разработанной на базе раскопок в Тель-Анафе [Slane 1997: pl. 6, FW 64, 65]. Наиболее ранние из них встречены в комплексах подпериода HELL 2A Тель-Анафы [Slane 1997: 286], т.е. около 125–110 гг. до н.э. [Ibid.: vi]. Имеются морфологически близкие формы и среди более ранней ближневосточной чернолаковой керамики, предшествовавшей переходу к краснолаковому покрытию (т.н. «Black Slip Predecessor of ESA»), тип 3b по К. Слэйн [Ibid.: 286, pl. 2, FW 15]. В Эгейском регионе подобные сосуды встречаются в комплексах конца II – I в. до н.э. [см.: Hayes 2008: 23, 124, 125;

Koegler 2016: 72; E.256], с начала I в. до н.э. они в единичных экземплярах известны в Северном Причерноморье [Журавлев 2011: 226].

Место производства этой группы краснолаковой керамики является предметом длительной дискуссии: ESA считали продукцией одного или группы центров, расположенных в Сиро-Палестинском регионе [Hayes 1985: 10], Северной Сирии [Slane 1997: 272], на Кипре [Gunneweg, Perlman, Yellin 1983: 109]. В течение последних двух десятилетий исследователи склоняются к тому, что ее экспортировали из региона, находящегося между Тарсом и Латакией [Lundt 2005: 237], в районе современного Искендерунского залива [Hayes 2008: 2] и Антиохии [Bes 2017: 242]. Прямые указания античных авторов об изготовлении «престижной» столовой керамики в г. Розос (совр. г. Арзус, Турция) в Восточной Киликии дают основание для локализации мастерских, в которых производилась ESA, именно здесь [Lundt, Poblome, Malfitana 2006: 503, 504].

Несмотря на морфологическую близость нашего блюда ESA, уверенно отнести данный сосуд к этой группе краснолаковой керамики мы не можем1. Этому мешают характеристики теста: большее, чем в известных нам образцах ESA количество включений, а также цвет черепка на сколе. Нет уверенности, что фиксируемый в черепке серый закал является следствием вторичного обжига. Также на публикуемом блюде отсутствуют следы характерного для ESA приема нанесения лака: т.н. «double-dipping streak», когда блюдо дважды вертикально погружали в жидкий лак, меняя при этом стороны, а место пересечения следов этих двух погружений после обжига становилось более темным [Hayes 2008: 11]. Вместо этого, как было указано выше, гончар окунул блюдо в лак, держа за поддон2, а затем нанес покрытие на нижнюю часть, оставив характерные следы.

Популярность ESA обусловила появление ее имитаций. Например, подражания данной группе краснолаковых изделий, в т.ч. рассматриваемой форме, изготовлялись на о. Фасос [Elaigne 2007: 534]3. Прочие центры изготовления подобных изделий еще предстоит локализовать. Имитации блюд ESA хорошо известны в Причерноморье. Среди них отметим несколько целых форм из раскопок резиденции Хрисалиска на Таманском полуострове [Lomtadze, Zhuravlev 2020: 534–537, cat. 1–7]. Тесто этих сосудов несколько отличаются от нашего. Исследователи датируют гибель памятника концом третьей – началом последней четверти I в. до н.э. [Ibid.: 551]. Аналогичный материал из позднеэллинистических комплексов Херсонесского городища остается неизданным.

По всей видимости, наше изделие также является продукцией одной из восточнопричерноморских мастерских, копировавших раннюю форму блюд ESA. Впрочем, до проведения специальных исследований керамического теста блюда из слоя гибели укрепления Масляная гора достоверно установить его место изготовления проблематично. Очевидно, однако, что оно произведено в русле традиций, характерных для ESA и синхронно соответствующей форме 1 по типологии Дж. Хейса (13b по К. Слэйн). Как и большинство обнаруженных в слое пожара укрепления предметов, блюдо, вероятно, было изготовлено в переделах последних десятилетий II – начала I в. до н.э.

---

[1] Выражаю глубокую признательность К. Слэйн (University of Missouri, США), Ф. Бесу (University of Leuven, Бельгия) и Д.В. Журавлеву (Государственный исторический музей, РФ) за консультации.

[2] Впрочем, и такой метод нанесения лака известен и для ESA [Hayes 2008: 124, № 5].

[3] Некоторые формы восточной сигиллаты А стали образцами для боспорской продукции [Журавлев 2011: 230].

Библиография

LOMTADZE G., ZHURAVLEV D. Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP. Kaštela, June 2017, 1st – 4th. Wien, 2020. P. 533–553.

ЖУРАВЛЕВ Д.В. Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 2011. Вып. 4. С. 221–263.

ТЮРИН М. И., Намойлик А.С. Новые амфоры с граффити из раскопок укрепления Масляная гора // Боспорские чтения. 2021 (в печати).

BES P. Bearing the Stamp of Change: Epigraphic Stamps on Eastern Sigillata A and B // Neue Bilderwelten: zu Ikonographie und Hermeneutik Italischer Sigillata. Tübinger Archäologische Forschungen, 23. P. 241–273.

ELAIGNE S. La circulation des céramiques fines hellénistiques dans la région égéenne: un aperçu à partir du mobilier de Délos et de Thasos // BCH 131, 2007. P. 518–556.

GUNNEWEG J., Perlman I., Yellin J. The provenience, typology, and chronology of Eastern Terra Sigillata. Jerusalem, 1983. 120 p.

HAYES J.W. Sigillate Oriental. Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche II, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero). Rome, 1985. 96 p.

HAYES J.W. Roman Pottery: Fine-Ware Imports // Athenian Agora. Princeton, 2008. Vol. XXXII. 386 p.

KÖGLER P., Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca. 200 v. Chr. Bis 150 n. Chr.). Weisbaden, 2010. 624 p.

LUND J. An economy of consumption: the Eastern Sigillata A industry in the late hellenistic period // Making, Moving and Managing: The New World of Ancient Economies, 323–31 BC. Oxford, 2005. P. 233–252.

LUND J., Poblome J., Malfitana D. «Rhosica vasa mandavi» (Cicero, Att. 6.1.13): Towards the identification of a major ceramic tableware industry of the Eastern Mediterranean: Eastern Sigillata A // Archeologia Classica. Rome, 2006. Vol. 57. P. 491–507.

SLANE K.W. The fine wares // Tel Anafa, Vol. 2 Part 1: The Hellenistic and Roman Pottery (Journal of Roman Archaeology Supplementary). Cambridge, 1997. P. 247–394.

Список иллюстраций

Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора. Место расположения фрагментов краснолакового блюда на плане укрепления (1, 2) и момент обнаружения блюда С.А. Голиковым, 15.09.2013 (3).

Рис. 2. Краснолаковое блюдо из укрепления Масляная гора (1), макроснимки керамического теста на поверхности (2) и сколе (3) черепка, макроснимки лака (4).

Ульянова Л.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

БРАТЬЯ БЕРЕНСЫ В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ – МЕЖДУ ЧЕРНЫМ И СРЕДИЗЕМНЫМИ МОРЯМИ

Ulyanova L.

THE BEHRENS BROTHERS IN THE FLAMES OF A CIVIL WAR - BETWEEN THE BLACK AND MEDITERRANEAN SEAS

В годы гражданской войны многие родные братья оказались по разные стороны баррикад. История связала братьев Беренсов - двух морских офицеров, один из которых (Евгений) в годы гражданской войны стал руководителем Морских сил большевиков, а другой (Михаил) воевал на стороне А.В. Колчака и П.Н. Врангеля, - с судьбой Черноморского флота. Михаил Беренс в 1920 году возглавил один из отрядов Врангелевской эвакуации из Севастополя и Крыма в Средиземноморский порт Бизерту и стал там его последним руководителем (до расформирования в 1924 году). Евгений Беренс на посту советского военно-морского атташе в 1924 – 1925 годах активно занимался вопросом пребывания "кораблей Черноморского флота как советской собственности" в Средиземном море [Крылов 1942: 216 – 221; Царьков 2011: 51 – 71].

Энциклопедические статьи о братьях Беренсах [Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 111–112; Рутыч[-Рутченко] 2002: 53–54; Волков 2004] перечисляют их должности и звания, но не дают представления об их мотивах. Не оставили братья и мемуаров: хотя мемуары и пишутся часто для самооправдания, всё же они дают представление о внутреннем мире их авторов. Оба брата редко и как-то мимоходом упоминаются и в специальных работах, посвященных офицерству, в том числе морскому, а также истории императорского, советского и «белого» флотов.

Поэтому можно только делать предположения об их мотивах выбора разных лагерей. Возможно, отчасти этот выбор был связан с их разными карьерами: младший Михаил был «строевым» офицером, командиром кораблей [Козлов 2007; Он же 2019], а старший Евгений – генштабистом и военно-морским агентом, т.е. нечто среднее между разведчиком и дипломатом. Братья принадлежали к разным средам, в которых было разное понимание офицерской чести – в традиционной офицерской субкультуре, которую, скорее всего, разделял и Михаил как обычный боевой офицер, «двойные игры», заагентуривания и тому подобные вещи, составлявшие суть разведки, расценивались как недостойные занятия и презрительно именовались «фискальством» [Волков 1993: 286, 291]. Тем более недостойным мог показаться такой выбор в условиях гражданской войны в отношении большевиков, а, судя по всему, Евгений в 1918 году играл при них какую-то важную агентурную разведывательную роль [Baumgart 1966. S. 114; Зданович 1997; Российские спецслужбы 1999: 15; Сергеев 2019. С. 121].

Наверняка, сыграл свою роль и какой-то глубоко внутренний личностный конфликт между братьями. Истоки этого конфликта лежат, наверное, еще в их молодости, а, может, даже и в детстве – Евгений знал несколько языков, блестяще говорил, что наверняка способствовало его карьерному продвижению, во всяком случае, он спокойно вращался накануне Первой мировой войны в Европе в велико-светских кругах и был даже знаком с кайзером

Вильгельмом II [Белли 1991: 27], а Михаил имел дефекты речи, не любил выступать даже на закрытых совещаниях [Пилкин 2005] и, скорее всего, был замкнутым человеком.

Важно отметить, что в предельно конфликтной ситуации гражданской войны каждый из братьев занял внутри этого конфликтного поля наименее агрессивные позиции. Евгений, несмотря на свои высокие посты в стане «красных», не принимал участия непосредственно в гражданской войне, а Михаил в обоих «белых» правительствах (у Колчака и у Врангеля), по сути, занимался в основном спасением людей и кораблей в тех ситуациях, когда проигрыш был уже очевиден.

При этом в 1918 – 1919 годах Евгений Беренс «пристроил» при одной из комиссий Морского генерального штаба явно про-белых офицеров, не имевших средств к существованию, из ближайшего окружения собственного брата. Уже после окончания гражданской войны Евгений Беренс в 1921 году отправил в Бизерту, на Русскую эскадру, командующим которой был Михаил, просьбу – присылать выпускаемые там «Морские сборники» в обмен на советский журнал «Красный флот» [Русская эскадра в Бизерте 1996: 112]. Вероятно, старший брат так стремился найти контакт с младшим.

В Бизерте (Тунис, на тот момент – французская колония) в 1924 году «закольцевались» истории братьев. Ведь в Бизерте контр-адмирал Михаил Беренс уже почти четыре года выполнял обязанности руководителя Русской эскадры (название, данное Врангелем Черноморскому флоту после его эвакуации из Крыма), а военно-морской атташе СССР в Великобритании Евгений Беренс приехал в составе советско-французской комиссии для осмотра судов Русской эскадры – эти корабли Франция после признания Советского Союза в октябре 1924 года намеревалась передать (то есть «возвратить») СССР.

Личная встреча братьев в 1924 году не состоялась; суда эскадры остались стоять там, где они стояли, и в конечном итоге были распилены французами на металлолом. Евгений Беренс, представляя интересы Советского Союза на конференции в 1927 году, в момент обострения отношений СССР с Британией, заболел и скончался через полгода, в апреле 1928 года, в Москве. Михаил же Беренс, сошедший на берег после роспуска французами Русской эскадры в октябре 1924 года, стал гражданским служащим в Тунисе, в 1930 году отказался принять французское гражданство, потерял право служить в госучреждениях и зарабатывал себе на жизнь пошивом дамских сумок вплоть до своей смерти в 1943 году.

Конечно, достоверно невозможно сказать, что думал старший брат, однако в своеобразном «дневнике» о пребывании в Бизерте, который Евгений Беренс вел вместо отчета для своего непосредственного начальника – командующего Морскими силами СССР Валентина Зофа – он, среди прочего, с явным сожалением записал о запланированной, но несостоявшейся поездке в Тунис (где и находился в тот момент Михаил). Поездка была запрещена французской стороной, которая взамен любезно предложила воспользоваться автомобилем для поездки в другие места. Евгения Беренса это не заинтересовало [Русская эскадра в Бизерте 1996: 115].

Личные истории двух братьев сложились так, что они не смогли примириться, но, возможно, их примирила память о них обоих в той жизни, которую они оба не застали, также протянувшаяся между Черным и Средиземными морями уже в постсоветское время. Могила Евгения Беренса в Новодевичьем монастыре была утеряна в 1950-е годы [Ненароков 2009: 172 – 173], а могила Михаила Беренса на кладбище в Бизерте – после Второй мировой войны. Однако в конце XX века усилиями энтузиастов их могилы были найдены. «Бизертинский морской сборник» сообщает: «3 сентября 2001 года в Тунисе на кладбище Боржель на могиле контр-адмирала М. А. Беренса (1879–1943), командовавшего русской эскадрой, была уста-

новлена памятная плита (автор севастопольский скульптор Станислав Чиж), доставленная флагманом российского Черноморского флота из Севастополя крейсером „Москва“». При ее торжественном открытии, парадным строем с Андреевским флагом прошли моряки крейсера, воздавая дань уважения русскому адмиралу. На плите, помимо положенных надписей, есть и слова: «Россия помнит вас» [Алиханов 2004].

И меньше, чем через год – 3 июля 2002 года на Новодевичьем кладбище в Москве был открыт памятник на могиле Евгения Беренса [Памяти героя…2010], сделанный тем же севастопольским скульптором Станиславом Чижом из такого же черного гранита, из которого была возведена надгробная плита на могиле Михаила Беренса в Бизерте. На памятнике выбиты слова, сказанные в ноябре 1917 года самим Евгением Беренсом — «Надо помнить о России…» [Алиханов 2004], и звучат эти слова в унисон с надписью на плите на могиле его младшего брата.

В этой истории увековечивания памяти о двух братьях многое символично. Корабль-флагман Черноморского флота привез Андреевский флаг в Бизерту из Севастополя, находившегося тогда в составе Украины. В 2001 году будущее флота оставалось неизвестным, поскольку договор России с Украиной предусматривал его базирование в Севастополе лишь до 2017 года, после чего флот вполне могла ожидать «вторая Бизерта». И несмотря на пребывание в чужой стране, в Севастополе эти годы поддерживалась русская идентичность, хотя в 2000-е годы город юридически и не был связан с Россией подобно тому, как в 1920-е годы Русская эскадра не была в правовом смысле связана с русской государственностью. И эта сохраненная русская идентичность, в конечном итоге, привела современный Севастополь к возвращению в Россию, благодаря в том числе памяти о тех, кто хотя и придерживался разного понимания блага Родины, но был един в понимании воинского долга и офицерской чести.

Библиография

АЛЕКСЕЕВ М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012.

АЛИХАНОВ 2004 // https://www.litmir.me/br/?b=203295&p=7

БЕЛЛИ В.А. Офицер с «Варяга» // Флагманы. Сборник воспоминаний и очерков. М., 1991.

ВОЛКОВ С.В. Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004.

ВОЛКОВ С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

ЗДАНОВИЧ А.А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке. 1997.

КОЗЛОВ Д.Ю. «Самое славное дело в нашу войну с немцами…» // Гангут. Сб. ст. Вып. 112. СПб., 2019; Вып. 113. СПб., 2019.

КОЗЛОВ Д.Ю. Сражение за Рижский залив. Лето 1915. М., 2007.

КРЫЛОВ А.Н. Мои воспоминания. М. – Ленинград, 1942.

НЕНАРОКОВ А.В. В поисках жанра. М., 2009.

Памяти героя крейсера «Варяг» Беренса Е.А. 2010 // http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=3909

ПИЛКИН В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: дневник 1918–1920. М., 2005 // http://militera.lib.ru/db/pilkin_vk/05.html.

Русская эскадра в Бизерте: Документы РГВА о переговорах представителей СССР и Франции о возвращении кораблей Черноморского флота. 1924–1925 гг./ Публ. Н.Ю. Березовского // Исторический архив. 1996. № 1.

Российские спецслужбы: история и современность. М., Великий Новгород, 1999.

Рутыч[-Рутченко] Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М.: АСТ, 2002.

СЕРГЕЕВ Е.Ю. Большевики и англичане. М., 2019.

ЦАРЬКОВ А.Ю. Несостоявшееся возвращение Бизертской эскадры // Гангут. Сб. ст. СПб., 2011. Вып. 61.

BAUMGART W. Deutsche ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum ende des Ersten Weltkriegs. Wien-Munchen, 1966 // http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=3909

Ушаков С.В.
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ ЕГО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Ushakov S.V.

CHERSONESOS TAURIC: ON THE UPPER CHRONOLOGICAL BORDERITS ANCIENT HISTORY

Терминологический аспект. Важнейший момент. История античного Херсонеса – Византийского Херсона продолжалась около двух тысяч лет. И в данном контексте под названием «Херсонес Таврическим» нужно понимать историю именно античного полиса, превратившегося в крупное государство, занявшее весь Западный Крым. Если с территориальными рамками всё более или менее ясно, то о хронологических рамках это сказать нельзя.

О верхней хронологической границе. Этой темой никто специально не занимался, хотя уже накопилась небольшая историографическая традиция. Обычно его античная история заканчивалась в IV в. [напр.: Кадеев 1970]. Византийская (средневековая) история обычно считалось, что начинается в V в. [Якобсон 1959: 17 сл.]. В настоящее время она сдвигается далее к современности, до VI в. [Сорочан 2013] или даже к первой половине VII в. [Ушаков 2018: 124-126; 2020: 136-137, 140-141].

Всё более популярной становиться концепция поздней античности, разработанная А.Х.М. Джонсом и П. Брауном [см. подр.: Ващева 2009]. За верхние границы поздней античности в Восточной Империи принимаются события VII века (602 год – смерть императора Маврикия, нашествие арабов в 20–40-е гг. VII в.). В отечественной историографии можно назвать работы Н.Н. Болгова, В.М. Зубаря [Херсонес Таврический, 2004] и С.Б. Сорочана [Сорочан 2013], посвящённых поздним Боспору и Херсонесу.

О критериях хронологических рамок херсонесской истории. Это не может быть «историческая» дата (конкретный год или даже десятилетие) – для этого нет конкретных письменных или эпиграфических данных. Это может быть только отрезок (период) истории той или иной длительности, который мы можем фиксировать по изменениям в культуре. Он должен по некоторым критериям отличаться от предыдущего и последующего исторического периода. Для Херсонеса эти изменения должны быть относительно небольшими по сравнению с предыдущим периодом и существенными в сравнении с последующим. И если мы говорим об античности (даже поздней), то она должна соответствовать основным критериям античной культуры.

Конкретно это материальная и духовная культура. Керамический комплекс: амфорная тары (до полутора десятков типов) [Антонова и др. 2007: рис. 1−9; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 16-45, табл. 2−16], краснолаковая керамика [Романчук, Сазанов 1991: 7-10 и сл.] (херсонесская, «понтийская», фокейской и африканская сигилляты). Другие материалы (не все) – стекло [Голофаст 2001], бижутерия, бытовавших сериями с середины/второй половины IV по середину/вторую половину VI или начало VII вв. Утверждение христианства (погребения некрополя, строительства первых храмов, скульптура), также относится к этому времени. Важное значение имеют внешнеполитические события, повлиявшие на ситуацию – вторжения гуннов и тюрок. В 370 - 375 гг. гунны заняли Причерноморье и вернулись в Крым не

раньше V в., тюркуты захватили Боспор в 576 г. и напали на Херсонес в 580 г., но взять его не смогли [Ушаков 2018: 122−123]. К этому времени на полуострове уже прочно обосновались аланы и готы [Ушаков 2010: 139 - 149; Айбабин, Хайрединова 2017: 104−117]. Город тогда уже стал прочной частью Восточной римской империи.

Во второй половине – конце VI в. произошли важные перемены во всем Понтийском и Восточно-Средиземноморском мире. Этот процесс в Херсонесе – Херсоне связан с окончанием строительства крупных базиликальных комплексов и переменой в материальной культуре; тогда же изменилось и внешнее положением Империи (вторжения персов и арабов второй четверти VII в.). В рамках этого периода можно выделить два основных этапа.

1. Позднеантичный Херсонес второй половины IV – первой половины VI вв. Завершается процесс вхождения Херсонеса (с V в. – Херсона) в состав Восточной Римской империи. Херсонес доминирует в Таврике, поддерживая союзные отношения с окрестными готами и аланами. Христианство становиться господствующим, хотя старые культы еще сохранялись. Это произошло при епископах Эферии и Капитоне в правление императоров Валента I (364–378) и Феодосия I (379–395). Синагога перестраивается в первую базилику с пятигранной апсидой (комплекс базилики 1935 г.). Возводятся прочие храмы. Появляются христианские захоронения. Экономика в бо̀льшей степени стала основываться на ремесле и промыслах (рыбозасолка, стеклоделательное и керамическое производства, виноделие). Выросла и стала доминировать поставка продукции (вино, масло) из Синопы, Эгеиды и Восточного Средиземноморья; импортировалась краснолаковая посуда из Северной Африки (Карфаген), Малой Азии (Фокея), Понта.

Завершение позднеантичной-ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе (вторая половина VI – первая треть VII вв.). Тюрки воюют в Крыму. Херсонес – Херсон становится центром одноименной имперской провинции и церковной епархии. Завершается процесс христианизации. В городе возводятся основные общественные здания и храмовые комплексы. Можно говорить об основных элементах континуитета культуры (политическая преемственность, уровень ремесла, основные занятия горожан, язык, письменность, элементы архитектуры). С начала VII века на востоке империи были захвачены и разрушены основные производственные центры, нарушены торговые связи. В Империи, Таврике и Херсоне кардинально сменилась материальная культура, что знаменовало собой наступление подлинного византийского средневековья.

Подводя итоги, можно отметить, что за верхнюю границу позднеантичной истории Херсонеса – Херсона можно принять как конец первого, так и второго этапов. Второй случай может быть предпочтительным.

Библиография

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). Симферополь, 2017.

АНТОНОВА И.А., ДАНИЛЕНКО В.Н., ИВАШУТА Л.П., КАДЕЕВ В.И., РОМАНЧУК А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург, 1971.

ВАЩЕВА И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1).

ГОЛОФАСТ Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. №. VIII.

КАДЕЕВ В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I-IV вв. н. э. Харьков, 1970.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

СОРОЧАН С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. I. Харьков-Москва, 2013.

УШАКОВ С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. № 23. Донецк, 2010.

УШАКОВ С.В. О хронологии позднеантичного Причерноморья: Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект) // Боспорский феномен. Часть 2. СПб., 2018.

УШАКОВ С.В. О периодизации и хронологии истории Херсонеса Таврического в доримскую эпоху и позднеантичный период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 6 (72). № 3. 2020. С. 127-148.

Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Хапаев В.В.
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Глушич А.М.
Магистрант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Khapaev V.V.
Glushich A.M.
PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE BYZANTINE EMPIRE: THE EXPERIENCE OF PERIODIZATION

Развитию спорта и физической культуры в Византийской империи в историографии уделяется недостаточно внимания: отечественные ученые традиционно концентрировались на дискуссиях о социальной сущности партий ипподрома [Успенский, 1894; Дьяконов, 1945; Левченко, 1947; Чекалова, 1982], не исследуя сам спорт как явление. Некоторые зарубежные авторы изучали историю организации состязаний и роль спорта и физической культуры в жизни византийского общества [Guilland, 1965; Giatsis, 2000, 2007; Wolińska, 2011]. Но никто из отечественных или зарубежных авторов не предложил собственного видения пути развития этих явлений на протяжении всего времени существования империи, не выделил четко очерченных периодов с характерными для них чертами. На современном уровне знаний об истории византийского спорта эту задачу решить и возможно, и необходимо.

Физическая культура византийцев тесно переплетена с другими сферами жизни империи. Здесь и роль партий ипподрома в социальной жизни и придворном церемониале, и вовлечение зрелищ цирка в практику дипломатического взаимодействия с зарубежьем, и поддержка культа «императора-победителя» через проведение гонок на колесницах. Исключительно важны были физические упражнения и спортивные игры для подготовки, как массового призывного контингента, так и военной тренировки византийских элит.

В основу периодизации истории византийского спорта положено традиционное членение истории империи на 3 периода, с выделением подпериодов в контексте развития физкультуры и спорта.

Ранневизантийский период (IV – начало VII в.). Время расцвета спортивных состязаний во всем их многообразии. Часть спортивных зрелищ продолжала римскую традицию, а другие изменялись концептуально под влиянием христианской веры.

К первому типу относятся конные ристания. В это время проводилось наибольшее количество заездов за один день [Чекалова, Поляковская, 1989, с. 113]. На пике общественно-политического влияния находились партии ипподрома, которые, помимо поддержки спортсменов, не боялись выказывать императору недовольство относительно происходящих, по их мнению, несправедливостей [Диль, 1908, с. 474–475]. Ипподромы работали во всех крупных городах империи, велись работы по их улучшению [Курбатов, 1962, с. 228].

Зрелищные единоборства значительно видоизменились. В VI веке византийцами было изобретено множество способов и технических устройств, которые помогали минимизиро-

вать риски ранения или гибели человека и животного, поэтому бои со зверями продолжались и были популярны [Schrodt, 1981, p. 50–51].

Идеалом физического совершенства в это время оставался античный герой, собственно византийских героических образов еще не существовало.

Соревнования по борьбе проводились между ристаниями на ипподроме [Κουκουλές, 1949, σ. 107]. Соревнования по бегу также были включены в годовой цикл конных состязаний [Constantine Porphyrogennetos, 2012, p. 359–363]. Продолжалось и проведение имеющих языческие корни фестивалей, нередко сопровождавшихся состязаниями в гимнастике.

В VI веке написаны два фундаментальных воинских трактата – «О стратегии» и «Стратегикон» Маврикия [О стратегии, 2007; Стратегикон, 2004]. В них подчеркивается роль тренировки тела для формирования сильного и всесторонне развитого воина.

Средневизантийский период (начало VII века – 1204 г.).

1 этап – VII-VIII вв. В связи с утратой империей территорий в ходе персидского и арабского завоеваний ипподромы стали приходить в упадок и закрываться уже в первые два десятилетия VII в. На некоторые время и в Константинополе все виды спортивных состязаний были прекращены.

С начала VII в. власть приняла ряд мер для снижения влияния партий [Schrodt, 1981, p. 48–49]. С наступлением второго иконоборческого периода (815–843) члены цирковых партий выступали в рядах сторонников иконоборцев против иконопочитателей [Сюзюмов, 1967, с. 62].

II этап – IX–XI вв. Возрождение регулярных спортивных состязаний в период правления Феофила и Михаила III. Императоры впервые с античных времен лично принимали участие в состязаниях [Giatsis, 2000, p. 50].

Партии ипподрома все более отдалялись от античной идеи пархезии (свободы выражения мнения) [Schrodt, 1981, p. 49], становясь инструментом восхваления императорской власти и участниками придворного церемониала [Constantine Porphyrogennetos, 2012]. Все масштабные конные ристания с X века имели характер выстроенных, организованных и подконтрольных властям города мероприятий. В связи с упразднением церемониальной должности консула, исчезли и консульские игры, в программу которых входили бои с животными. Они сменились демонстрациями экзотических животных на ипподроме.

Идеал физического и духовного совершенства изменился к IX–X векам. Образцами для подражания стали герои византийского военного эпоса Армурис и Дигенис Акрит [Армурис, 1968; Дигенис Акрит, 1960].

В период Македонского военного ренессанса значительное внимание стало уделяться морально-психологической подготовке воинов [Хапаев, Тенникова, 2015, с. 161].

Достигла пика мода на образ императора как идеального атлета и воина, выросла популярность военно-прикладных видов спорта, самым популярным спортом элитариев стало конное поло – циканион [Киннам, 2003, с. 292–294]. Совершенствовалась физическая подготовка простых воинов-стратиотов [Тактика Льва, 2012; Стратегика, 2005].

III этап – XII век – 1204 г.

В XII веке началось взаимопроникновение западноевропейской и византийской культуры в сфере спорта. Наблюдается 2 проявления этого процесса: крестоносцы позаимствовали циканион [Schrodt, 1981, p. 53], а византийцы – рыцарские турниры [Никита Хониат, 1860, с. 136–138].

Поздневизантийский период [1204–1453 гг.]. Массовый зрелищный спорт пришел в полный упадок, прекратили существование «партии цирка», но дальнейшее развитие получили

элитарные состязания аристократии – рыцарские турниры по западному образцу и циканион [Никифор Григора, 2013, с. 368-370].

Последние же сто лет жизни империи (вторая половина XIV – первая половина XV века) пока остаются загадкой для исследователей византийского спорта в силу полного отсутствия его упоминаний в источниках.

Библиография

АРМУРИС // Памятники Византийской литературы IX–XV веков. М.: Наука, 1968. С. 158–160.

ДИГЕНИС АКРИТ / пер., статьи и коммент. А. Я. Сыркина. М.: Изд–во АН СССР, 1960. 220 с.

ДИЛЬ Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб.: Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке, 1908. 687 с.

ДЬЯКОНОВ А.П. Византийские димы и факции [τα μέρη] в V–VII вв. // Византийский сборник. М. Л., 1945. С. 144–227.

ИОАНН КИННАМ. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань: Александрия, 2003. 470 с.

КУРБАТОВ Г.Л. Ранневизантийский город [Антиохия в IV веке]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 284 с.

ЛЕВЧЕНКО М.В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. // Византийский временник. 1947. Т. 1. С. 164–183.

НИКИТА ХОНИАТ. История. Том I // пер. В. И. Долоцкого / СПб: Санкт–Петербургская духовная академия, 1860. 466 с.

НИКИТА ХОНИАТ. История. Том II [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/niketas206.html

НИКИФОР ГРИГОРА. История ромеев. Т. I / пер. с греч. Р. В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. СПб.: Свое издательство, 2013. 438 с.

О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. под-гот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2007. 158 с.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер., статьи и коммент. Я. Н. Любарского М.: Наука, 1992. 348 с.

Стратегика Никифора II Фоки / пер. и комм. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 105 с.

Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 242 с.

СЮЗЮМОВ М.Я. Византийский город [середина VII–середина IX в.] / «Византийский временник», том XXVII, 1967. С. 38–70.

Тактика Льва / пер.: проф., д.ист.н. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2012. 367 с.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Партии цирка и димы в Константинополе // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 1–16.

ХАПАЕВ В.В., Тенникова Д.Г. Две военные речи Константина VII Багрянородного: перевод и комментарий / Причерноморье. История, политика, культура [сборник статей]. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, том 16, 2015. С. 145-166

ЧЕКАЛОВА А.А. К вопросу о димах в ранней Византии // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI Междунар. конгрессу византинистов / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1982. С. 37–53.

ЧЕКАЛОВА А. А., Поляковская М. А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 304 с.

CARR T., Sheppard K., Welch A. Sport During the Byzantine Era. Byzantium as a Context for Social Sciences Research. 2010. P. 1–15.

Constantine Porphyrogennetos. The Book of Ceremonies, in 2 volumes. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies Byzantina Australiensia. Vol. 1–2, 2012. 870 p.

GIATSIS S.G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople // The International Journal of the History of Sport, 17:1. 2000. P. 36–68.

GIATSIS S.G. Sport in Byzantium // Erytheia. No. 28. 2007. P. 15–40.

GUILLAND R. Études sur l'Hippodrome de Byzance III–IV // Byzantinoslavica. No. 26. 1965. P. 1–33.

ΚΟΥΚΟΥΛΕΣ φ. Βυζαντινων βιος και πολιτισμος. Τ. Γ. Ο ιπποδρομος και οι ιπποδρομικοι αγωνες. Οι αγωνες και τα αγωνισματα. Οι βυζαντινοι αιχμαλωτοι. Η διαπομπευσις οι κλεπται και αι φυλακαι. Τα λαϊκα θεαματα και αι λαϊκαι διασκεδασεις αι εμπορικαι πανηγυρεις. Αι εριδες και αι υβρεις αι αραι, αι ευχαι και οι ορκοι. Αθηναις, 1949. 403 σ.

SCHRODT B. Sports in the Byzantine Empire // Journal Of Sport History. 1981. Vol. 8. No. 3. P. 51–52.

WOLIŃSKA T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: Studia Ceranea 1, 2011. P. 127–142.

Храпунов Н. И
Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского, Симферополь
Храпунова С. Н.
Крымский федеральный университет им. В.В. Вернадского, Симферополь

СУДЬБА КРЫМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ «ЗАПАДНЫХ» ПИСАТЕЛЕЙ И ФИЛОСОФОВ XVII – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

Khrapunov N.
Khrapunova S.

THE FUTURE OF THE CRIMEA IN POLITICAL PROJECTS OF "WESTERN" WRITERS AND PHILOSOPHERS, SEVENTEENTH TO THE THIRD QUARTER OF THE EIGHTEENTH CENTURY

Проекты присоединения Крыма, выработанные в российской общественной мысли до 1783 г., изучены довольно подробно, хотя и с принципиально разными результатами. Исследователи обычно сходятся на том, что этот вопрос обсуждался едва ли не со времён Ивана Грозного, и склонны интерпретировать российскую политику как серию последовательных действий, направленных на завоевание полуострова. Однако если российская «патриотическая» историография считает покоренье Крыма прогрессивной исторической миссией России [например: Петрухинцев, Вишняков 2015: 113–165], то украинская, крымско-татарская и современная западня, наоборот, свидетельством агрессивных завоевательных («имперских») устремлений Русского государства [например: Смолій, Кульчицький, Якубова 2014: 313–318; Возгрин 2013: т. I, 674–678; т. II, 341–343; Fisher 1970: 19–28; Krokosz 2014: 302–321; Jobst 2020: 152–162]. В данном докладе мы покажем, что судьбу Крыма обсуждали во многих странах, расположенных к западу от Москвы и Петербурга. «Западные» интеллектуалы выдвинули ряд оригинальных проектов, предусматривавших ликвидацию ханства и передачу Крыма России, то есть данная идея не была исключительно российским изобретением.

В 1645 г. великий коронный гетман Речи Посполитой Станислав Конецпольский представил королю Владиславу IV проект покорения Крыма, изгнания татар и передачи полуострова Москве для основания там христианских «колоний». Проект должен был обеспечить польско-российский союз и ликвидировать татарскую угрозу для Речи Посполитой. Однако последовавшая через год смерть гетмана не позволила его реализовать [Przyłecki 1842: 301–304].

Учёный хорват Юрий Крижанич поступил на службу к царю Алексею Михайловичу, но вскоре был сослан в Тобольск. Обращаясь к царю в трактате «Политика» (1663), он предложил присоединить Крым, чтобы обезопасит южные рубежи России. Учитывая природные и стратегические преимущества Крыма, хорват советовал перенести туда столицу царства, или же передать полуостров в управление брату царя. Покорённых татар предстояло крестить или изгнать из страны, а вместо них поселить в Крыму «русов, и ляхов, и словенцев» [Русское государство 1860: 120, 130–131]. Неизвестно, однако, дошло ли его сочинение до адресата.

Обострение внешнеполитической обстановки в Причерноморье в конце XVII – начале XVIII вв. (крымские походы Василия Васильевича Голицына и азовские – Петра I, русско-османская война 1710–1713 гг.) стимулировали размышления о судьбе Крыма. Противники России – шведы, французы, поляки, крымцы – пытались повлиять на действия Высокой Пор-

ты, сообщая ей о якобы известных им планах Петра I, предусматривавших наступление в Причерноморье и на Балканах и, в конечном итоге, отторжение европейских провинций от Османской державы [Артамонов 2019: 34]. В 1711 г. запорожский гетман Филипп Орлик, заключивший договор о союзе с Крымским ханством, призвал жителей Малороссии на борьбу с Москвой, обвинив Петра I в намерении «воинским поведением на Крым наступить и во область взять (…), для положения той крымской стороны во близости московского владения» [Мышлаевский 1898: 227]. Впрочем, неясно, насколько эта пропаганда имела под собой реальные основания.

Английский инженер Джон Перри, вернувшись со службы у Петра I, издал книгу о России (1716), где, в частности, отметил, что в будущем царь может захватить Крым, если христианские монархи объединятся ради войны с османами. Это стало бы местью за долгую историю унижений, которые Россия претерпела от татар. Перри утверждал, что слышал от самого Петра I, как тот собирался захватить Керчь и устроить там место строительства и сбора кораблей [Perry 1716: 139–140].

В 1739 г. в России побывал итальянский авантюрист Франческо Альгаротти. В это время шла очередная война с Османской империей. В дневнике и впоследствии изданной книге путешествия, завоевавшей огромную популярность, Альгаротти писал о том, что в планы Петра I входило завоевание форпоста в Крыму – Керчи, контролирующей доступ из Чёрного в Азовское море, а если получится, то и всего полуострова. По его мнению, это обеспечило бы безопасность южных губерний, способствовало бы развитию торговли и, в идеальной перспективе, изгнанию турок из Европы [Альгаротти 2016: 89; Альгаротти 2006: 96, 106–108, 114]. На юге итальянец никогда не был и, очевидно, использовал сведения, полученные от петербургских знакомых, или припоминал книгу Перри.

В 1759 г. вышла «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера, написанная по заказу российских властей. Французский философ считал Петра I едва ли не идеальным монархом. По его словам, царь хотел «распространить своё могущество на проливе Кафском, который ведёт в Черное море100» и возобновить международную торговлю, следуя примеру древних греков, почитавшихся как образец и эталон [Вольтер 2012: 82, 98–99]. В дальнейшем Вольтер разовьёт эти идеи в письмах к Екатерине II.

Греческий писатель Константин Дапонте, оказавшийся в 1746–1747 гг. при дворе хана Селима II Гирея, рассказал об этом путешествии в поэме «Зерцало жен» (1766). Он первым познакомил носителей новогреческой культуры с настоящим, а не прошлым Крыма. В частности, Дапонте рассчитывал на то, что однажды Россия «изгонит Магомета» из Крыма. Для него это стало бы лишь шагом в «освобождении» всех восточных христиан от власти османов [Альбрехт 2019: 615–616].

Новый виток рассуждений западных интеллектуалов о будущем Крыма вызвала русско-османская война 1768–1774 гг. Авантюрист граф Сигизмунд фон Редерн, немец по происхождению и французский подданный, представил Екатерине II проект присоединения Крыма, а затем и Константинополя (1769). Целью было создание компании для торговли с Востоком по образцу Британской Ост-Индской компании. Задуманная фон Редерном структура должна была получить ряд государственных функций – юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот. Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности [Строев 1998: 222–224].

[100] Очевидно, писатель спутал Кафу (Феодосию) и Керчь, имея в виду Керченский пролив.

Вольтер в переписке с Екатериной II призывал императрицу изгнать османов из Европы и «восстановить Греции» [Зорин 1999: 108–113]. В письме от 30 июля 1771 г. философ спрашивал императрицу, верно ли, «что весь Крым покорился уже под Вашу державу, и что оный не долго заставлял просить себя о том»? Но для французского философа полуостров не имел самостоятельного значения и был лишь первым этапом грандиозного антиосманского проекта [Переписка 1802: 8–9]. Вольтер предложил проявить терпимость к крымским татарам и их религии: «Если Ваше Императорское Величество удержите за собою Херсонес [т. е. Крым], чего я желаю: то, конечно, Вы прибавите к Своему "Уложению" новую статью в пользу магометан, ту землю населяющих». Наконец, по его мысли, в Крыму следовала развивать торговлю, воспользовавшись опытом древнегреческой эпохи [Переписка 1802: 10–11].

Успешное для России завершение войны побудило иностранцев осмыслить новую реальность. Так, после заключения Кючук-кайнарджийского мира английская дипломатия сделала вывод о том, что Крым, «будучи номинально независимым, может считаться действительной частью России» [Дипломатическая переписка 1876: 443]. А в 1781 г. британец Реджинальд Поул-Кару, посетивший Крым в ходе большого образовательного путешествия по Европе, писал Григорию Александровичу Потёмкину, что присоединение к России стало бы благом для полуострова [Кросс 2005: 380].

Таким образом, присоединение Крыма к России и его возможные последствия обсуждались на Западе в течение более чем ста лет до того, как это стало реальностью. Среди описанных проектов были те, авторы которых пытались понять логику действий России, но были и вполне оригинальные проекты, стремившиеся подсказать русским властям «прогрессивные» варианты внешней политики. Таким образом, многим западным мыслителям Нового времени присоединение Крыма к России казалось допустимой и, более того, оправданной мерой. Не вполне ясно, насколько суждения «западных» писателей, особенно таких популярных авторов, как Перри, Вольтер или Альгаротти, могли воздействовать на решения российских властей. Но они могли способствовать тому, что реакция западных держав на действия Екатерины II в 1783 г оказалась весьма сдержанной. Общественное мнение было уже подготовлено к такому варианту развития ситуации.

Библиография

АЛЬБРЕХТ Ш. «Зерцало жен» (Καθρέπτης γυναικών) Константина Дапонте – путешествие в Крым в политических стихах (1746) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11.

АЛЬГАРОТТИ Ф. Русские путешествия. Письма о России. – СПб., 2006.

АЛЬГАРОТТИ Ф. «Окно в Европу»: дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году. – М., 2016.

АРТАМОНОВ В. А. Турецко-русская война, 1710–1713. – М., 2019.

ВОЗГРИН В. Е. История крымских татар. 2-е изд. Т. I–II. – Симферополь, 2013.

ВОЛЬТЕР. История Российской империи в царствование Петра Великого. – СПб., 2012.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского русского исторического общества. – 1876. – Т. 19.

ЗОРИН А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. – М., 1999.

КРОСС Э. Британцы в Петербурге. XVIII век. – СПб., 2005.

МЫШЛАЕВСКИЙ А. З. Война с Турцией 1711 года (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов. – СПб., 1898.

Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером. Ч. II. СПБ., 1802.

ПЕТРУХИНЦЕВ Н. Н., ВИШНЯКОВ Я. В. Путь к Тавриде // История Крыма. – М., 2015.

Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Ч. II. – М., 1860.

СМОЛІЙ В., Кульчицький С., Якубова Л. Донбас і Крим в економічному, суспільно-політичному та етнокультурному просторі України: історичний досвід, модерні виклики, перспективи. – Київ, 2016.

СТРОЕВ А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. – М., 1998.

FISHER A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. – Cambridge, 1970.

KROKOSZ P. „Zdobyte bez przelania krwi kwietnia 9, 1783 roku". Imperialna polityka Rosji wobec Chanatu Krymskiego w XVI–XVIII w. // Крим від античності до сьогодення: історичні студії. – Київ, 2014.

JOBST K. Geschichte der Krim: Iphigenie und Putin auf Tauris. – Berlin, 2020.

PERRY J. The State of Russia, Under the Present Czar. – London, 1716.

PRZYŁECKI S. Pamiętniki o Koniecpolskich. Przyczynek do dziejów polskich XVII. wieku. – Lwów, 1842.

Чудинов А.В.
Институт всеобщей истории РАН, Москва

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ «ТЕКСТУАЛЬНОГО ПОДХОДА» БОНАПАРТА К ЗАВОЕВАНИЮ ЕГИПТА (ПОЛЕМИКА С Э. САИДОМ)*

Tchoudinov A.V.

ON THE EFFECTIVENESS OF BONAPARTE'S "TEXTUAL APPROACH" TO THE CONQUEST OF EGYPT (POLEMIC WITH E. SAID)

Египетский поход Бонапарта 1798-1801 гг. занимает особое место в истории Средиземноморья. Американский востоковед Эдвард Саид, автор получившей широкую известность концепции ориентализма, считает, что эта экспедиция во многом определила современные отношения между Западом и Востоком, став «моделью подлинно научного освоения одной, очевидно более сильной культуры, другой», и «открыла поле или пространство для ориентализма, поскольку Египет и вслед за ним другие исламские земли стали рассматривать как <…> лабораторию, арену для испытания эффективности западного знания о Востоке» [Саид 2006: 67]. Более того, по мнению Саида, эта авантюра дала наглядный пример того, что сам он назвал «текстуальным подходом к Востоку» [Там же: 130]. Последний выражался в том, что Наполеон «видел Восток только таким, каким тот был закодирован сначала в классических текстах и затем в мнениях экспертов-ориенталистов, чье основанное на классических текстах видение казалось удобной заменой встречи с реальным Востоком» [Там же: 126].

Действительно, подобный подход особенно заметен в отношении Бонапарта к исламу. Готовясь к экспедиции, молодой генерал читал сочинения французских путешественников Савари и Вольнея, ранее побывавших на Ближнем Востоке и опубликовавших свои описания увиденного [Savary 1785-1786; Volney 1787]. Оба эти автора отмечали определяющую роль ислама для всего уклада жизни египтян. Приверженность местного населения к этой религии они считали главной сложностью, которую должен будет преодолеть потенциальный завоеватель Египта. О силе впечатления, произведенного на Бонапарта подобными предостережениями, можно судить по тому, что даже в своих воспоминаниях о Египетской экспедиции, продиктованных на о. Святой Елены, он процитирует соответствующий пассаж Вольнея: «Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать как непреодолимое препятствие» [Наполеон Бонапарт 2007: 126]

Вместе с тем, будучи истинными сынами Просвещения, Савари и Вольней считали ислам сугубо «изобретением» Мухаммеда: умелый политик, мол, «придумал» новую религию как удобный инструмент для подчинения себе других людей [подробнее см.: Прусская 2016: 73-75]. В соответствии с подобными представлениями Бонапарт тоже захотел выступить на Востоке в амплуа «ловкого обманщика» и использовать религиозные верования египтян в собственных политических целях. Позднее в разговоре с госпожой Ремюза он так опишет свой тогдашний настрой: «В Египте я был свободен от стесняющих уз цивилизации. Я мечтал обо

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 20-18-00113.

всём и видел возможность осуществить всё, о чем мечтал. Я творил религию, я воображал себя в тюрбане, верхом на слоне по дороге в Азию с новым Кораном в руке, составленным по моему собственному усмотрению» [Mémoires 1880 : 274].

Уже в первом обращении к местному населению, напечатанном в типографии Восточной армии, Бонапарт заявил: «Народ Египта, вам скажут, что я пришел погубить вашу религию, не верьте этому! Ответьте, что я пришел восстановить вас в ваших правах, наказать узурпаторов, что я больше, чем мамлюки, чту Аллаха, его пророка Мухаммеда и славный Коран!» [La Jonquière 2003: 62]. В последующих прокламациях Бонапарт и вовсе приписывал себе сверхчеловеческие качества пророка последних времен – Махди: «Знайте также, что я могу открыть то, что таится в сердце каждого из вас, потому что, как только я взгляну на человека, я проникаю в его душу и познаю то, что в ней сокрыто, хотя бы я ни словом не обменялся с ним. Однако придет время, настанет день – и вы убедитесь воочию, что все сделанное и учрежденное мною есть предначертания Бога, которые неминуемо осуществляются» [Абд ар-Рахман ал-Джабарти 1962: 130]. Подобные претензии, действительно, выражали «текстуальный подход» Бонапарта к Востоку, поскольку диктовались не практическим знакомством с египетскими реалиями, а присущим философии Просвещения высокомерно-снисходительным отношением к другим, «не столь цивилизованным», как европейцы, народам. Те представлялись просвещенным европейцам наивными, недалекими и чрезмерно доверчивыми, раз позволяют своему духовенству «дурачить» себя. Соответственно, новоявленному завоевателю не грех было попытаться таким же образом подурачить простаков с Востока в своих целях.

Но дал ли подобный подход желанные для завоевателя практические результаты? По мнению Саида, дал: «Он [Бонапарт] пригласил шестьдесят обучавшихся в Азхаре улемов в свою штаб-квартиру, где им были оказаны все воинские почести, а затем они выслушали льстивые признания Наполеона в восхищении исламом и Мохаммедом, а также в его полном почитании Корана, с которым он был, по-видимому, неплохо знаком. Это себя оправдало и вскоре население Каира, как кажется, утратило всякое недоверие к оккупантам» [Саид 2006: 129]. Утверждая это, американский востоковед явно находится под обаянием той «золотой легенды» о пребывании французов в Египте, основы которой заложил еще сам Бонапарт и которая получила распространение в апологетической по отношению к нему историографии [см.: Чудинов 2019: 100-101]. На эту мысль наводит, в частности, то, что, говоря о Египетском походе, Саид ссылается на работы французских авторов.

Между тем, высокая оценка Саидом эффективности оккупационной политики Бонапарта, на мой взгляд, слабо согласуется с его же собственным определением понятия «текстуальный подход». Наиболее яркими образчиками «текстуального подхода» сам он считает отношение героев классической литературы Дон-Кихота и Кандида к окружающей их реальности. Сервантесу и Вольтеру, создавшим этих литературных персонажей, «было совершенно ясно: надеяться, будто эту роящуюся, непредсказуемую и невнятную путаницу, в которой только и живут человеческие существа, можно понять на основе книг – текстов – это глубокое заблуждение. Применять вычитанное из книг непосредственно и буквально к реальности – значит подвергать себя опасности безрассудства или полного краха» [Саид 2006: 145]. И тем не менее, если верить тому же Саиду, в случае Бонапарта подобный подход дал практический эффект.

С последним утверждением американского востоковеда невозможно согласиться. Если бы он свои сведения о положении дел в оккупированном французами Египте черпал не из французской апологетической историографии, а обратился непосредственно к источникам, в

том числе арабским, то легко убедился бы, что попытки французского главнокомандующего разыграть религиозную карту были восприняты местными жителями с явным недоверием. По свидетельству находившегося при французском штабе ливанского христианина Никулы ат-Турка, французам, «несмотря на все их усилия, не удалось вселить доверие в сердца. Мусульмане затаили ненависть против них, желая им горя и страданий, и своим поведением вызывали опасения у [французского] главнокомандующего» [El-Turk 1839: 49]. Претензии же Бонапарта на сверхчеловеческие способности арабский хронист аль-Джабарти характеризовал как «обман, слабоумную ложь и наглые притязания на пророчество и появление Махди» [Al-Jabarti's Chronicle 1975: 119].

Заявления Бонапарта, продиктованные распространенными в европейской литературе стереотипами о Востоке, вели к результату прямо противоположному желаемому. Так, исходя из распространенного в Европе клише об имманентной враждебности мусульман к христианству, Бонапарт попытался завоевать их доверие, хвастаясь тем, что уничтожил власть Римского Папы и Ордена госпитальеров: «Не мы ли ниспровергли Папу, говорившего, что надо вести войну против мусульман? Не мы ли ниспровергли Мальтийских рыцарей за то, что эти безумцы верили, будто Бог желает, чтобы они вели войну с мусульманами?» [La Jonquière 2003: 63]. Однако вместо одобрения со стороны приверженцев ислама, на которое рассчитывал Бонапарт, его бахвальство вызвало их осуждение. Мусульмане, по свидетельству шейха аль-Джабарти, сделали из слов Бонапарта вывод, что французы ««не согласны ни с христианам, ни с мусульманам и не придерживаются никакой религии. Они безбожники, отрицающие загробную жизнь и Воскресение, пророков и Мессию» [Al-Jabarti's Chronicle 1975: 47].

Иными словами, в «текстуальном подходе» к реалиям Египта Бонапарт, попытавшийся использовать свои книжные познания о Востоке для того, чтобы завоевать симпатии египтян, преуспел ничуть не больше, чем Дон-Кихот в битве с мельницами, которые принял за описанных в рыцарских романах великанов.

Библиография

АБД АР-РАХМАН АЛ-ДЖАБАРТИ. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ. Египетский поход. СПб, 2007.

ПРУССКАЯ Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. – М., 2016.

САИД Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб, 2006.

ЧУДИНОВ А.В. Египетское «наследие» Бонапарта // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. – М.: ИВИ РАН, 2019.

Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975.

EL-TURK N. Histoire de l'expédition française en Egypte. – Paris, 1839.

LA JONQUIÈRE C., de. L'expédition d'Egypte. – T. 2. – Paris, 2003.

Mémoires de madame de Rémusat (1802-1808). – T. 1. – Paris, 1880.

SAVARY C.-E. Lettres sur l'Égypte, où l'on offre le parallèle des mœurs anciennes et modernes de ses habitans. – 3 vol. – Paris, 1785-86.

VOLNEY C.-F. Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. – 2 vol. – Paris, 1787.

Чхаидзе В.Н.
Институт востоковедения РАН, Москва

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ (НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Chkhaidze V.

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF BYZANTIUM IN THE NORTH-WESTERN CISCAUCASIA (NEW ARCHAEOLOGICAL DATA)

Результаты археологических исследований последних лет представили качественно новую картину византийского присутствия в Северо-Западном Предкавказье: распространение греческой культуры и языка, православия, традиций византийской гражданской и военной администрации.

Сегодня можно уверенно утверждать, что влияние империи на Приазовье и Предкавказье (Зихию и Аланию) распространялось через крупный торговый город-порт на Таманском полуострове, называемый ромеями Матарха (городище в ст. Тамань Краснодарского края) – центр христианской миссионерской деятельности Византии, а также светских институтов, включая налогово-фискальные.

1. Археологические памятники византийского христианства.

При раскопках Тамани и в ее окрестностях найдены 2 капители мраморных колонн V в. и часть каменного рельефа с изображением ангела, держащего плат V–VI вв., указывающие на существование в городе христианского храма [Ендольцева, Чхаидзе 2016: 56–57].

При раскопках в Тамани обнаружены остатки фундамента христианского храма, который относился к типу вписанного креста на четырех столбах или колоннах. Колонны из проконесского мрамора (вероятная датировка – VI в.) в храме были использованы вторично. Ближайшие аналогии храма – херсонские крестовокупольные храмы-усыпальницы. Возможно, из Херсона, учитывая тесные связи городов в X–XI вв., происходили и мастера-строители. У стен таманского храма выявлено не менее 28 погребений в каменных ящиках [Чхаидзе и др. 2017: 263–273].

К памятникам византийской сфрагистики из Тамани относятся 6 печатей архиепископа Зихии Антония (40-е–50-е гг. XI в.) и 3 анонимные печати проэдра (архиепископа) Зихии (2 пол. XI в.) [Чхаидзе 2021а: 310].

О церковных связях Матархи – центра Зихской епархии свидетельствуют печати XI в.: Иоанна, архиепископа Готии, Иоанна (?) митрополита Айноса, Никифора, митрополита Иерополя, Иоанна, митрополита Трапезунда. Представители клира вели переписку с провинциальными епархиями и с Константинопольским патриархатом [Чхаидзе 2015: 92–94].

При этом на территории Предкавказья известны лишь два моливдовула, связанные с Аланской епархией – ее митрополитов: Игнатия (20-30-е гг. X в.) и Евстратия (сер. XI в.) [Белецкий, Виноградов 2021: 25–27]. В последние годы на городище Нижний Архыз – центре Аланской митрополии, проводятся исследования Среднего Зеленчукского храма [Чхаидзе, Виноградов 2020: 164–166].

В 10 км к югу от Матархи, на г. Зеленская, открыты остатки византийского монастыря XI в. Среди находок – нательные серебряные крестики, вырезанные на керамике и каменных

блоках кресты, верхняя часть бронзового процессионного креста с греческой надписью «О здравии и спасении (такого-то)» [Шишлов и др., 2014: 83–89].

Находки христианских крестов известны и в самой Матархе, а также на ряде сельских памятников полуострова [Чхаидзе 2016: 436–440].

Из Закубанья, с территории Адыгеи происходят 4 нательных креста VIII–XIV вв.; большой железный кованый крест X–XIII вв.; керамический крест XIII–XV вв. с греческой лигатурой: «Иисус Христос Победитель»; медальон с изображением Архангела XII–XIII вв. [Хушт 2012: 98–100].

С IX по XII вв. на территории исторической Алании появляются христианские сооружения, в т.ч. пещерные – часовни и кельи. Здесь же выявлен целый ряд предметов мелкой христианской пластики – большая коллекция крестов, в т.ч. византийской работы [Чхаидзе, 2021б: 288–298].

2. Светские византийские памятники археологии.

На фоне почти полного молчания письменных источников о византийском светском влиянии в Предкавказье первостепенное значение имеют данные сфрагистики [Чхаидзе 2015].

Рассматривать Матарху в качестве проводника имперских интересов в Предкавказье позволяет находка печати императоров Василия II и Константина VIII (976–1025). Печать Иоанна Дуки (Игнатия Кесаря, монаха) (1075–1081) представляет младшего брата Константина X Дуки (1059–1067) и дядю Михаила VII Дуки (1071–1078); печать Евфросинии Дукини Камариты (1185–1195) – супруги наследника византийского престола Алексея Ангела, в 1195 г. ставшего императором Алексеем III.

Группа печатей знакомит с целым рядом представителей византийских родов: Михаила Дуки и Григория Палеолога – оба шурины Алексея I Комнина (кон. XI – нач. XII вв.). Особый интерес представляет печать известного поэта Христофора Митилинея (ок. 1000 – после 1050 гг.). Выделяются печати XI–XII вв: Михаила Металина, Михаила Кастамонита, Феодора Мацариса, Ефимия Лампроса, Евгения Соломона, Николая Агиостефанита, Игнатия Цуло, Михаила Херсонита и др.

Серия печатей отражает связи Таматархи и Византийского Херсона: печати трех архонтов Херсона, датировка между 810/ 840 гг.: Григоры, Константина (1 пол. IX в.) и Григория. Шесть моливдовулов принадлежат стратигам Херсона (1 пол. X – нач. XI вв.): Льву, Георгию, Иоанну, Михаилу(?) Катафлору, Григорию, Георгию Цуле, а две печати – коммеркиариям Херсона (кон. IX в.): Сергию и Фотину.

Прямые связи с Константинополем подтверждают печати эпархов Города: Василия (3 четв. IX в.) и Льва (посл. треть IX – нач. X в.). Печати могли принадлежать купцам из Таматархи, получившим в столице разрешение на коммерческую деятельность.

Репрезентативна группа из 41 печати представителей финансового ведомства империи – главных логофетов, осуществлявших фискальный надзор за взиманием государственных налогов, торговых пошлин за экспорт и импорт с кон. IX по нач. XI вв. Известны печати финансовых чиновников, контролировавших расходы и коммеркиариев. Находки моливдовулов византийских чиновников на Тамани демонстрируют распространение имперского влияния на полуостров и его включение в обширную бюрократическую систему на северных границах Византии в IX–XII в.

Печать Константина, сына протопроедра и эксусиократора Всей Алании (2 пол. XI в.) была найдена при раскопках в Анакопии [Chkhaidze, Vinogradov 2019: 182–192].

Крайне интересны два фрагмента шелковых лент VIII–IX вв. с надписью: 1. “… радуйся, славный господин Иваний (или Ваний) протоспафарий: пусть цветет твоя молодость, пусть

сияет…”; 2. “…[Васи]лий про[тоспафарий]…” из Мощевой Балки. Ленты принадлежали византийским чиновникам кавказского (скорее всего, армянского) происхождения и могли попасть на Кавказ в качестве военной добычи [Виноградов 2013: 21–24].

Представленные археологические находки (причем далеко не все) со всей очевидностью демонстрируют долговременное и разностороннее культурное, экономическое, политическое влияние Византийской империи на судьбы населения северо-восточных берегов Понта и Меотиды. Несмотря на последовательное владычество в регионе хазар, а затем Древней Руси, можно говорить о Матархе–Тмутаркани как об одном из крупных центров Византии, проводнике ее интересов в Предкавказье. Археологические находки из более восточных районов, прежде всего Закубанья, свидетельствуют о стремлении Константинополя утвердить свое влияние среди местного языческого населения, в первую очередь, через миссионерскую деятельность.

Библиография

БЕЛЕЦКИЙ Д.В., ВИНОГРАДОВ А.Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. – М., 2021. 440 с.

ВИНОГРАДОВ А.Ю. Византийская лента протоспафария из Мощевой Балки // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар, 2013. С. 21–24.

ЕНДОЛЬЦЕВА Е.Ю., ЧХАИДЗЕ В.Н. Лапидарная коллекция Таманского городища: варианты идентификации византийских рельефов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. Том 21. № 5. Византийское общество: история, право, культура. – Волгоград, 2016. С. 55–66.

ХУШТ М.А. Христианские древности южного берега Краснодарского водохранилища // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар, 2012. С. 98–104.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Византийские печати из Тамани. – М., 2015. 202 с.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Предметы личного благочестия с Таманского полуострова // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». – Калининград, 2016. С. 436–448.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Антоний, архиепископ Зихии (30-е–50-е годы XI в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. – М., 2021а. С. 308–311.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. – М., 2021б. С. 282–298.

ЧХАИДЗЕ В.Н., ВИНОГРАДОВ А.Ю. Средний Зеленчукский храм на Нижне-Архызском городище. Раскопки 2018–2019 гг. // Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии. – Симферополь, 2020. С. 164–168.

ЧХАИДЗЕ В.Н., ВИНОГРАДОВ А.Ю., ЁЛШИН Д.Д. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. Труды Государственного Эрмитажа. Том LXXXVI. – СПб., 2017. С. 257–285.

ШИШЛОВ А.В., КОЛПАКОВА А.В., ФЕДОРЕНКО Н.В. Христианский монастырь XI – начала XII в. на Тамани // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории. – Краснодар; Анапа, 2014. С. 83–93.

CHKHAIDZE V., VINOGRADOV A. The seal of Konstantinos, the son of the protoproedros and exousiokrator of all Alania (about 1065–1075) // In Honorem 6. ΑΝΤΙΧΑΡΙΣΜΑΤΟΣ ΕΠΙΣΦΡΑΓΙΣΙΣ. Юбилеен сборник въ чест на 70-годишната на проф. д.и.н. Иван Йорданов. – Шумен, 2019. P. 182–193.

Шаров О.В.
Институт археологии РАН, Москва
Костромичев Д.А.
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
Новоселова Н.Ю.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ОТКРЫТЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА В 2020 ГОДУ

Sharov O.V.
Kostromichev D. A.
Novoselova N.Yu.

BURIAL STRUCTURES DISCOVERED IN THE SOUTHERN SUBURB OF CHERSONESOS IN 2020

В 2020 году Комплексной Херсонесской археологической экспедицией, состоящей из отрядов Института археологии РАН, Государственного Эрмитажа и Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», проводились разведки в низовьях Херсонесской балки, к югу и востоку от оборонительных стен древнего города. Работы осуществлялись в рамках предпроектных изысканий на месте планируемого историко-археологического парка «Херсонес Таврический».

На данной территории широкомасштабные исследования не проводились более 100 лет, поскольку здесь находились действующие воинские части и закрытые военные объекты. С конца XVIII в. было известно, что зона за оборонительными стенами города – это зона некрополя, вынесенного за черту города [Дюбуа де Монпере 2009; Bekker 1856; Айналов 1905; Зубар 1978]. Первые раскопки некрополя на этой территории провел в 1891-1894 гг. К.К. Косцюшко-Валюжинич. Точное расположение исследованных им погребальных сооружений долгое время оставалось неизвестным. Выполненные в 1905 (М.И. Скубетов) и 1936 (Н.М. Янышев) годах планы раскопок некрополя за стенами Херсонеса лишь очень приблизительно указывали на участок раскопок конца XIX в.

Важной задачей экспедиции 2020 года было определение новых участков некрополя и поиск новых погребальных сооружений. Для этой цели были заложены шурфы на склонах Херсонесской балки и в ее низине (рис. 1).

В результате археологических разведок удалось обнаружить ряд погребальных сооружений различного характера.

Погребения в природных гротах и нишах

Наиболее сложные для интерпретации объекты представляют собой приспособленные для совершения погребений естественные углубления в скальном уступе – гроты и ниши. Скальные стенки таких объектов могут носить следы искусственной подработки, но сами по себе такие конструкции нельзя отнести к какому-то определенному типу погребальных сооружений. Подобный объект обнаружен в шурфе №4 (рис. 1, № 4; 2, 1). Здесь в скальной ни-

ше было совершено погребение мужчины101. Костяк до пояса лежал в анатомическом порядке, при этом кости ног были сложены за головой. Погребение безынвентарное.

Погребения в грунтовых ямах

В северо-восточном углу участка исследований, напротив башни № 17, в шурфе № 44 было обнаружено одиночное погребение, совершенное в культурном слое в простой грунтовой яме (рис. 1, № 44; 2, 5). Конструкция ямы сохранилась плохо, погребение сильно потревожено перекопами. Уровень обнаружения костей находился на 0,1 м. ниже субструкции асфальтового покрытия. Погребение безынвентарное. В могиле была похоронена женщина возрастом около 25 лет. Можно предположить, что могила является частью грунтового некрополя, который был исследован раскопками В.В. Борисовой в 1956 г. [Борисова 1956: Л. 12-16, рис. 49]. Участок находится в 30 м от шурфа № 44. Этот некрополь, по данным отчета, датируется II – I в. до н.э.

Ещё одно погребение в грунтовой могиле, дно которой вырублено в скале, открыто в шурфе № 14 (рис.1, № 14). В могиле был похоронен ребенок, какой-либо инвентарь отсутствовал.

Траншеи для установки погребальных урн

Своеобразным вариантом погребальных сооружений являются длинные ямы, вырубленные в скале. Такие ямы, напоминающие траншеи, использовались для размещения погребальных урн с кремациями. Два подобных объекта, ориентированные поперек склона и расположенные параллельно друг другу, открыты в шурфе № 2 (рис. 1, №2; 3, 3). Длина вырубок 3,4 м, ширина 0,6 и 1 м. Оба объекта оказались разорены, но в их заполнении были встречены предметы, характерные для погребального инвентаря некрополя первых веков н.э.: четыре красноглиняных крышки от погребальных урн, фрагменты фибулы и две бронзовые ножки римского ковша.

Подбойные могилы, вырубленные в скале

На западном склоне Херсонесской балки, в шурфе № 2, была обнаружена подбойная могила с двумя погребальными камерами (рис. 1, № 2; 2, 3). Первая камера была поднята над дном входной ямы, подобно лежанкам в склепах, вторая находилась ниже уровня дна. Точные аналогии данной конструкции нам не известны. В херсонесском некрополе подбойные могилы встречаются сравнительно редко. По подсчетам В.М. Зубаря таких могил открыто чуть более 80 на более чем 3500 сооружений [Зубарь 1982: 17]. Все они датируются первыми веками н.э. К сожалению, могила была найдена разоренной. В её заполнении были обнаружены многочисленные фрагменты керамики IX – XI вв. Также, в заполнении встречались перемещенные кости погребенных.

Склепы, вырубленные в скале

Доминирующим типом погребальных конструкций некрополя Херсонеса являются вырубленные в скале склепы. Разведками 2020 года выявлено 7 таких объектов. Некоторые из склепов типичны для этого памятника, но есть и уникальные объекты.

В шурфе № 2 был открыт склеп, состоящий из входной ямы и сильно вытянутой прямоугольной камеры (4 х 1,8 м) (рис.1, № 2; 2, 2). Нижняя часть конструкции вырублена в скале. Пол камеры располагался на 0,43 м ниже дна входной ямы. Камера не имела скального свода. Продольные стенки камеры на высоте 1,2 м от пола образуют постели шириной 0,4 м, очевидно, служившие основанием кладки перекрытия. Судя по форме камеры перекрытие могло представлять собой полуциркульный свод. Склепы такой конструкции до сих пор не были

[101] Определения антропологического материала выполнены А.Д. Якимовской

известны в Херсонесе. Склепы с полуциркульными сводами известны на Боспоре со второй половины IV в. до н.э., а широкое распространение подобной конструкции перекрытия в III в. до н.э. связывают с македонским влиянием [Виноградов 2014: 173-178].

Склеп не сохранился в первоначальном виде, поэтому трудно решить вопрос о времени его строительства. Конструкция перекрытия склепа оказалась полностью разобрана. Склеп был засыпан грунтом, содержащим находки позднеэллинистического – раннеримского времени. В материалах, полученных из камеры склепа нет вещей, датирующихся позже I в. н.э. Очень вероятно, что к этому времени склеп прекратили использовать. Предварительно, время существования склепа можно отнести к диапазону III в. до н.э. – I в. н.э. Это может означать, что склеп, обнаруженный в шурфе № 2, является одним из самых ранних склепов херсонесского некрополя.

В 2020 году также были исследованы склепы, сооружение которых не было завершено из-за геологических особенностей склонов Херсонесской балки. На восточном склоне балки, вскоре после начала работы по углублению входной ямы древние строители наткнулись на глыбу прочного известнякового конгломерата, после чего им пришлось оставить попытку сооружения склепа. Этот объект был обнаружен нами в шурфе № 23 (рис. 1, № 23; 3, 2).

Процесс сооружения другого склепа в низовьях западного склона продвинулся чуть дальше. Здесь, в шурфе № 19, зачищена вырубленная в скале на глубину 1,6 м прямоугольная входная яма (рис.1, № 19; 3, 1). В северо-западной стенке входной ямы было сделано входное отверстие, через которое строители намеревались вырубить погребальную камеру. Работа была прервана в самом начале, когда от скалы было освобождено лишь небольшое пространство размерами 0,98 х 1,50 м при высоте свода 0,82 м. Очевидно, в этом случае строителей не устроили свойства скального массива, который оказался испещрен многочисленными трещинами. Трещины были глубокими и прорезали верхнюю часть скалы в том месте, в котором должен был быть потолок будущего склепа. Сооружение осталось не достроенным и не использовалось по назначению.

Наконец, наиболее близким к завершению, но, всё же, не достроенным полностью оказался склеп, открытый в северном углу обследованного участка, в шурфе № 5 (рис.1, № 5; 2, 4). Здесь строители также столкнулись с недостаточной прочностью скального потолка сооружения. В начале, из входной ямы, через входное отверстие ими была вырублена часть камеры вдоль всей передней стенки склепа. Затем строители начали продвигаться вглубь толщи скалы к месту будущей задней стенки. Видимо, на этом этапе выявились проблемы с перекрытием. Попыткой решения стало не планировавшееся изначально, и запоздалое сооружение подпорного столба. Низ его был вырезан в скальном массиве на расстоянии 1,5 м от входа. В качестве верхней части столба был приспособлен каменный блок. Но этого оказалось недостаточно. Очевидно, склеп был признан опасным для дальнейшей работы в нем. Задняя стенка камеры, вырубавшаяся от углов к центру, осталась не завершенной.

Видимо, сразу же после принятия решения о прекращении строительства, камера была засыпана на высоту 0,7-0,75 м от пола археологически стерильным грунтом, состоящим из скального отёса, перемешанного с глиной. В оставшемся узком пространстве, между засыпью и потолком, не превышавшем 0,7 – 1,0 м в высоту, было похоронено четыре человека. Важно подчеркнуть, что погребения были совершены не одновременно. Самое первое из них – погребение женщины 18-24 лет – было смещено из первоначального места вглубь камеры, за столб, после чего в камере были последовательно положены тела ещё трех человек: мужчины 25-35 лет, женщины 25 лет и ребенка возрастом 1 год. Использование в течение некоторого времени такого «некондиционного» склепа, свидетельствует о том, что даже на такие соору-

жения находился спрос среди горожан. Вероятно, в конечном итоге, склеп использовался представителями городской бедноты, которые не могли себе позволить использование полноценных погребальных сооружений. Полное отсутствие инвентаря в склепе, как будто, подтверждает такое предположение. Склеп был засыпан грунтом, содержащим многочисленные фрагменты античной керамики. Самые поздние находки из засыпи дают terminus ante quem использования сооружения: вторая половина IV – начало V вв. н.э.

В низинной части Херсонесской балки, в шурфе № 26 был открыт склеп, представляющий собой наиболее распространенный вариант усыпальниц позднеантичного времени (рис. 1, № 26; 3, 4). Этот склеп был частично разрушен при сооружении современного стрелкового тира. Оставшиеся нетронутыми части конструкции позволяют реконструировать первоначальное устройство погребальной камеры с тремя нишами-лежанками, вырубленными в стенах на некоторой высоте от скального пола. Склеп не был полностью исследован разведками 2020 года, для завершения его исследования требуется демонтаж бетонных конструкций тира. В южной стене склепа был сделан грабительский лаз в соседний склеп. Вероятно, мы имеем дело с галерей склепов, расположенных на территории центральной части Херсонесской балки.

К важным результатам проведенных работ следует отнести обнаружение погребальных сооружений, которые уже были раскопаны исследователями конца XIX – середины XX вв. Выявление этих объектов не только существенно уточняет топографию исследованных и не полностью исследованных участков, но и подтверждает факт сохранности архитектурных объектов, остававшихся после открытия без какого-либо наблюдения с точки зрения охраны памятников.

Один такой склеп, найденный в шурфе № 14, был раскопан К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1891 году и известен как склеп № 23/1891 [Косцюшко-Валюжинич 1893: 142-144] (рис. 1, № 14; 2, 6). Этот примечательный объект был обнаружен первым исследователем не разграбленным и содержал погребения представителей городской верхушки II-III вв. н.э.102. Другой склеп, частично расчищенный в шурфе № 12 (рис.1, № 12), был первоначально раскопан В.В. Борисовой в 1955 году, а затем в 1981 году С.Г. Рыжовым. Несмотря на то, что этот склеп оказался ограблен в древности, в нем был найден многочисленный и разнообразный материал конца I – III вв. н.э. [Борисова 1985].

Перечисленные памятники были найдены в различных местах обширной территории, которая получила после окончания разведок название «Южный пригород древнего города «Херсонес Таврический» и была поставлена на учет как объект культурного наследия в «Севнаследии». Разнообразие открытых памятников, в целом, отображает спектр погребальных сооружений Херсонесского некрополя. Вместе с тем, их обнаружение носило случайный характер, обусловленный методикой разведочных шурфовок. Площадь всех шурфов составила 900 м2, что является лишь 0,6 % от всей площади исследований. Результаты разведок в 2020 г. должны быть подкреплены в самое ближайшее время широкомасштабными раскопками на данной территории, что позволяет рассчитывать на очень интересные результаты и открытие новых памятников.

Библиография

АЙНАЛОВ Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Выпуск I. Развалины храмов, 1905.

[102] Подробный анализ материалов этого склепа подготовлен к презентации на конференции «XXII Боспорские чтения».

БОРИСОВА В.В Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя древнего Херсонеса в 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д.730.

БОРИСОВА В.В. Склеп I–III вв. н.э. херсонесского некрополя // СА. 1985. No 1. С. 186-201.

ВИНОГРАДОВ Ю.А. О склепах македонского типа на Боспоре // Боспорские Исследования. 2014. Вып. 30. С. 171-189.

ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЕ Ф. Путешествие в Крым / пер. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

ЗУБАР В.М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. – 1978. - №25. – С.50-59.

ЗУБАРЬ В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I - IV вв. н.э. – К.: Наукова Думка, 1982. – 144 с.

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К.К. Гробницы, урны и катакомбы, открытые в 1891 г. в Херсонесе на косогоре у южной городской стены // Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1891 г. – СПб., 1893. С. 137-150.

BEKKER P. Die heracleotische Halbinsel. Лейпциг, 1856.

Список сокращений

НАО ГМЗ ХТ - Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника "Херсонес Таврический"

Список иллюстраций

Рис. 1. План участка исследований с обозначением мест расположения шурфов и указанием типов обнаруженных погребальных сооружений.

Рис. 2. Могилы и склепы, исследованные в 2020 г. на некрополе Херсонеса. 1 – Могила в скальной нише в шурфе № 4; 2 – склеп в шурфе № 2; 3 – подбойная могила в шурфе № 2; 4 – склеп в шурфе № 5; 5 – грунтовая могила в шурфе № 44; 6 – склеп в шурфе № 14

Рис. 3. Незавершенные погребальные сооружения, траншеи для установки погребальных урн, и склеп, поврежденный конструкцией стрелкового тира, исследованные в 2020 г. на некрополе Херсонеса. 1 – Склеп в шурфе № 19; 2 – склеп в шурфе № 23; 3 – траншеи для установки урн в шурфе № 2; 4 – Склеп в шурфе № 26.

Яковлев А.И.
Институт востоковедения РАН, Москва

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ) В 1920 Г.: КРЫМ – КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ВЫБОР ПУТИ

Yakovlev A. I.

METROPOLITAN ANTHONY (KHRAPOVITSKY) IN 1920: CRIMEA – CONSTANTINOPLE: CHOOSING THE PATH

Митрополит Антоний (Храповицкий, 1863-1936) – видный и активный деятель Русской православной Церкви XX века, представитель старинного дворянского рода, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). До Русской революции 1917 г., будучи членом Государственного Совета, в общественной жизни открыто выступал с национальных и монархических позиций; в церковной жизни, будучи членом Святейшего Синода, выступил горячим ревнителем восстановления патриаршества в России как канонической формы управления церковной жизнью, принимал деятельное участие в подготовке Поместного Собора.

После Февральской революции 1917 г. владыка Антоний, будучи главой Харьковской епархии, был уволен с кафедры с назначением местожительства в Валаамском монастыре. Но в августе 1917 г. вновь был избран архиепископом Харьковским и в этом качестве принял участие в работе Поместного Собора РПЦ 1917-1918 гг. На Соборе он был выдвинут кандидатом на Патриарший престол, и получил наибольшее количество голосов. Однако 5 ноября 1917 г. жребием из трех кандидатов Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин).

Владыка Антоний был возведен в сан митрополита и вернулся на Украину, где возглавил Киевскую кафедру. Там, будучи русским патриотом, противником и «самостийной Украины», и автокефалии Украинской Церкви, в декабре 1918 г. он был арестован по приказу Петлюры. После освобождения в сентябре 1919 г. он находился в расположении войск генерала А.И.Деникина. Был избран председателем Временного высшего церковного управления юго-востока России (ВВЦУ). В марте 1920 г. после поражения войск Деникина хотел затвориться в греческом монастыре на Афоне, однако в сентябре 1920 г. вернулся в Крым, находившийся под контролем генерал П.Н.Врангеля, и вновь возглавил ВВЦУ в Симферополе. После поражения войск Врангеля в ноябре 1920 г. владыка Антоний окончательно покинул Россию.

В ноябре 1920 - феврале 1921 г. владыка Антоний находился в Константинополе. Его первоначальное мнение о необходимости роспуска ВВЦУ и переходе русских беженцев под духовное окормление Поместных Церквей изменилось после решения генерала Врангеля о сохранении армии для борьбы с большевиками. Владыка Антоний пришел к убеждению о необходимости сохранения российской церковной организации за рубежом. Он провел первое заседание ВВЦУ 19 ноября 1920 г. на борту парохода в порту Константинополя. А 2 декабря 1920 г. временный глава Константинопольской Церкви митрополит Дорофей санкционировал деятельность ВВЦУ, за границами России ставшего ВВЦУЗ, «под высшим управлением Вселенской Патриархии».

Приведенные факты дают представление как о личности митрополита Антония, так и об исторических обстоятельствах, в которых протекала его деятельность в период Революции и Гражданской войны в России.

Несколько месяцев осени 1920 г., проведенные им в Крыму, оказались важными и лично для него, и для судьбы РПЦ.

В самом деле, в 57 лет после бурных волнений и тяжелых испытаний, митрополит Антоний вполне мог уйти на покой, затворится в каком-нибудь монастыре и писать богословские труды. Но он избрал иное: возвращение в бурную церковную, а значит и политическую жизнь, полную тревог и опасностей.

Он сохранил верность своим убеждениям, поэтому позднее на съезде русских монархистов в Германии был избран почетным председателем Высшего монархического совета. А в сохранении структур ВВЦУЗ он, видимо, видел духовную опору Белого движения. Возможно, это решение было принято и под влиянием его удаления от управления всей РПЦ. В то же время, его отношения с патриархом Тихоном по-прежнему сохраняли дружеский характер.

Значение личности владыки Антония проявилось и в самом факте санкционирования существования этих самостоятельных церковных структур на канонической территории Константинопольской Церкви, что не имело прецедентов в истории. Вселенская Патриархия пошла на это с учетом общепризнанного авторитета митрополита Антония в православном мире и того личного уважения, которое к нему питали главы Поместных Церквей.

Решение о сохранении ВВЦУЗ имело очевидное политическое содержание. Тем самым часть РПЦ во главе с несколькими архиереями, находящаяся за границами России, не просто получала возможность сохранения организационного единства, но это единство основывалось на монархической идейной платформе и организационных структурах Белого движения. Отражение этого решения о политизации деятельности церковных структур быстро проявилось в политике большевиков по отношению к РПЦ и ее главе.

В Советской России начинала разворачиваться целенаправленная и жестокая борьба новой власти против Русской Церкви, которая имела большую силу авторитета, чем захватившие власть большевики, полагавшиеся преимущественно на насилие. В этой борьбе антисоветская позиция русских архиереев во главе с митрополитом Антонием, состоящих в каноническом подчинении патриарху Тихону, стала сильным обвинением против Патриарха и Церкви. Этим вызвано произошедшее позднее, в мае 1922 г. упразднение ВВЦУЗ, принятое совместным решением Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего церковного совета РПЦ.

Однако помимо человеческого и политического измерения Крымского решения митрополита Антония, оно имеет также церковное измерение. Владыка Антоний был глубоко церковным человеком, и судьба Церкви и Русской Церкви имела для него важнейшее значение. В сентябре-ноябре 1920 г. в Крыму он оказался свидетелем распада государственных структур пост-монархической России, включая и церковные структуры. Именно стремление к сохранению традиционной и канонической церковной иерархии и тем самым к сохранению Церкви привело его к принятию предложенного поста главы временной структуры. Он сам и многие современники искренне верили в то, что новоявленная Советская власть недолговечна и скоро рухнет. Значит – следует пока поддержать существующее положение. А от ответственности владыка Антоний никогда не уклонялся.

С церковно-канонической точки зрения оправданием существования ВВЦУ было то, что поначалу Временное церковное управление при армии Деникина было создано на юге России в ходе работы церковного собора в Новочеркасске и Ставрополе весной 1919 г. Оно считало

себя продолжением церковной власти, признавало своим главой патриарха Тихона, считало себя созданным только на время Гражданской войны и свою юрисдикцию распространяло лишь на территории, контролируемые Белой армией. Другое Временное церковное управление позднее возникло в Крыму при Врангеле, его возглавил епископ Вениамин (Федченков). Сам митрополит Антоний не имел никакого отношения к проведению Собора в Ставрополе, к созданию деникинского и врангелевского церковных управлений, позднее он просто принял руководство структурой, их объединившей под названием Временного высшего церковного управления.

Он отлично понимал двусмысленность своего положения и той структуры, которую возглавил. Ведь в первый момент, когда молодой епископ Вениамин (Федченков) предложил для сохранения ВВЦУ получил санкцию Фанара, митрополит ответил иронически: «Только круглый дурак может мечтать об отдельном церковном управлении в столице Вселенского патриарха». Но под давлением других русских архиереев согласился. Ясно, что он предвидел реакцию Москвы. Там патриарх Тихон осудил создание Константинополем зарубежного ВЦУ без согласия Патриархии Российской.

Вероятнее всего, что если бы митрополит Антоний, как старейший и авторитетнейший архиерей Белого движения, отказался возглавить ВВЦУЗ, сопоставимого церковного деятеля не нашлось бы, такая структура недолго просуществовала и имела номинальное значение. Но в силу своего характера и сложившихся обстоятельств, владыка Антоний стал главой Русской Православной Церкви за границей, эта структура укрепилась и много десятилетий находилась в жесткой оппозиции по отношению к РПЦ.

Лебединский В.В.
Севастопольский государственный университет, Севастополь
Институт востоковедения РАН, Москва
Ефимов А.В.
Институт востоковедения РАН, Москва
Кохан А.А.
Институт наследия им. Д.С. Лихачева

СОВЕТСКИЕ ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В 1941-1942 ГГ.[1]

Lebedinski V.V., A.V. Efimov, A.A. Cohan

SOVIET OPERATIONAL DOCUMENTS ON MILITARY ACTIONS IN THE BLACK SEA REGION IN 1941-1942.

Одним из важнейших источников по истории Великой Отечественной войны являются аналитические материалы фронтов, армий и флотов, обобщенные офицерами-операторами в оперативных сводках, ежедневно направлявшихся верховному командованию.

К сожалению, абсолютное большинство этих документов, так и не стало объектом исследования и не введено в научный оборот.

Исключением является публикация в девяти томах сводок Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии за 1941–1945 гг., подготовленная в 2010 г. совместно Институтом военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ и Центральным архивом Министерства обороны РФ, при участии Главного оперативного управления ГШ ВС РФ [Великая Отечественная война - день за днем…, 2008].

Для изучения истории героической обороны Севастополя в 1941–1942 гг. важнейшим источником по истории боевых действий являются оперативные сводки, которые готовили офицеры-операторы Черноморского флота, Севастопольского оборонительного района и Приморской армии.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920008.

При этом, по полноте охвата информации оперсводки штаба ЧФ, представляют наибольший интерес.

Так еще в годы войны этот тип массовой первичной аналитической информации стал востребован при подготовке первых исторических обзоров боевых действий на Черном море [Оборона Севастополя*:* оперативно-тактический очерк, 1943].

Ход обороны Севастополя отражен в следующих выпусках «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»:

Выпуск 1: с 21 июня по 31 декабря 1941 г. Выпущен Историческим отделом ВМФ Народного комиссариата Военно-Морского Флота Союза ССР в 1945 г. [Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре, 1945].

Выпуск 2: с 1 января по 3 июля 1942 г. Выпущен Историческим отделом Главного штаба Военно-Морских сил Министерства вооруженных сил Союза ССР в 1946 г. [Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре, 1946].

Хроника составлена капитаном 2 ранга П. М. Ивановым и капитаном административной службы В. М. Ковальчуком, под общей редакцией контр-адмирала М. М. Долинина.[2]

В основу исследования легли документы, отложившиеся в архиве Исторического отдела Главного штаба, в том числе и оперсводки штаба ЧФ.

Необходимо обратить внимание на то, что издание имело гриф «секретно» и было рассекречено лишь в начале 1990-х гг.

В 1962 г. Архив Министерства обороны Союза СССР завершил работу по формированию микрофотосборника документов ВОВ «Оборона Севастополя» его подготовка проходила под руководством начальника архива МО генерал-майора Михаила Лаврентьевича Дударенко, в работе принял участие заместитель директора архива Герой Советского Союза полковник Семён Васильевич Федотов, подполковники Г. В. Чуриков и И. Д. Фост.

В микрофотосборник «Оборона Севастополя» включены фотокопии документов, не только хранившиеся в ЦА МО, но и (в) архивах Управления командующего артиллерии Советской Армии, Главного штаба Военно-морского флота, Центрального музея Советской Армии и т.д.

[2] Долинин Михаил Михайлович (1902–1950) - в 1941 г. командир Беломорской военно-морской базы.

По окончанию работ микрофотосборнику присвоен гриф «секретно» (который был снят лишь через сорок лет), копии его были направлены в учебные заведения Министерства обороны, научные организации, в том числе и в Музей героической обороны и освобождения Севастополя.

Всего в микрофотосборник включены 3128 документов, на 11626 кадрах.

В сборник вошли и фотокопии оперативных сводок Штаба ЧФ, которые отложились в фондах ЦА МО:

— Ф. ГШКА, оп. 1163сс;
— Ф. 209, оп. 1093. «Закавказский фронт (I формирование)»;
— Ф. 216, оп. 1148. «Кавказский фронт»;
— Ф. 288, оп. 9900, 9901. «Приморская армия (I формирование)»;
— Ф. 215, оп. 1190. «Крымский фронт».

Также включены оперсводки, отложившиеся, в Центральном военно-морском архиве (Гатчина): Ф. 10.

В микрофотосборник включено следующее количество оперсводок ЧФ:

— За 1941 г. 116 сводок (№№ 267-383);
— За 1942 г. 362 сводки (№№ 1-362).

Всего: 478 документов

Оперативные сводки штаба Черноморского флота являются важным источником для изучения боевых действий флота и войск Красной Армии при обороне Крыма осенью 1941 г. Деятельности ЧФ по укреплению позиций Красной Армии в Крыму на керченском и севастопольском направлениях, организации и проведению Керченско-Феодосийской десантной операции (25–31 декабря 1941 г.). Сводки также содержат информацию о событиях на Черном море, имевших место при наступлении немцев на керченском направлении и эвакуации войск Крымского фронта на Таманский полуостров; действиям Черноморского флота в период июньского наступления немцев на севастопольском направлении, а также деятельности Черноморского флота по снабжению Севастополя и по укреплению обороны Кавказского побережья Черного моря.

На начальный период Великой Отечественной войны сводки штаба ЧФ составлялись два раза в сутки в 08:00 и 22:00

Сводки привязаны к картам масштаба 50000 и 100000.

Гриф: совершенно секретно, примечание: снятие копии воспрещается.

Количество номеров рассылки на ноябрь 1941 – 14 экземпляров.

В 1941 – 1942 гг. оперсводки визировали: контр-адмирал И. Д. Елисеев[3], полковой комиссар А. М. Штейнберг[4], капитан 2 ранга О. С. Жуковский[5], капитан 1 ранга А. Г. Васильев[6], капитан 1 ранга Н. В. Тишкин[7], капитан 2 ранга Ф. В. Тетюркин[8], капитан 3 ранга В. С. Лисютин[9].

С 23 декабря 1941 г. оперсводки имеют следующее деление по тематическим блокам:

- Действия по охране водного района ГБ, борьба с минами.
- Действия ВВС ЧФ ГБ и на Кавказском побережье. Отражение боевой работы, воздушной разведки, гибели и аварий самолетов, фиксации вражеских налетов и разрушений. Состояние сухопутных и морских аэродромов.
- Выход и прибытие кораблей в главную базу и порты Черного моря. Конвои и переходы. Гибель судов.
- Боевая жизнь Керченской ВМБ и Азовской военной флотилии.
- Состояние радиосвязи.
- Разгрузка грузов в ГБ.
- Погода.

С начала 1942 г. вечерняя оперсводка стала содержать информацию лишь о ходе боевых действий на сухопутном фронте ГБ, однако это продлилось до середины марта, когда «сухопутную» информацию стали включать в оперсводки СОР.

Оперсводки – являются первичным документом по истории обороны Севастополя. Они не предназначались для публикации и направлялись шифротелеграммами. По этой причине они содержат грамматические и орфографические ошибки, довольно часто в них встречаются ошибки в географических названиях, довольно часто географические названия поданы в именительном падеже. Для сводок характерно отсутствие единой системы передачи сокращений, и что самое важное, полное отсутствие предлогов.

---

[3] Елисеев Иван Дмитриевич (1901 - 1974) - контр-адмирал, начальник Штаба ЧФ.

[4] Штейнберг Аркадий Моисеевич (1901 г.р.) - полковой комиссар, военный комиссар Штаба ЧФ.

[5] Жуковский Оскар Соломонович (1906 - 2001) – капитан 2 ранга, начальник оперативного отдела Штаба ЧФ.

[6] Васильев Андрей Григорьевич (1899 г.р.) – капитан 1 ранга, заместитель начальника Штаба ЧФ.

[7] Тишкин Николай Венедиктович (1907 - 1981) – капитан 1 ранга.

[8] Тетюркин Филипп Васильевич (1911 г.р.) – капитан 2 ранга, начальник оперативного отдела Штаба СОР.

[9] Лисютин Виктор Сергеевич (1912 г.р.) – капитан 3 ранга, заместитель начальника Оперативного отдела (на 1945 г.).

При этом ценность этого первоисточника трудно переоценить. Содержащиеся в оперсводках информация зачастую не нашла отражения даже в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре».

Анализ и публикация оперативных сводок Штаба Черноморского флота поможет исследователям и поисковикам в локализации мест гибели кораблей, судов и самолетов на Черноморском театре военных действий. Несмотря на то, что координаты гибели боевых единиц, транспортов и самолетов в оперсводках даны крайне скупо, а точнее почти полностью отсутствуют, указанные приблизительно места и обстоятельства происшествий оказывают помощь, как в поисках, так и в идентификации уже обнаруженных объектов. Так найденный самолет или транспорт благодаря оперсводкам может обрести имя, историю и подробности обстоятельств гибели.

Введение в научный оборот оперативных сводок Штаба ЧФ – расширит источниковую базу изучения как истории обороны Севастополя, так и действий флота в целом.

Бибилография

Великая Отечественная война - день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии / М-во обороны Российской Федерации, Гл. оперативное упр. Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Ин-т военной истории и Центральный арх. М-ва обороны/ Fвт.-сост. И. В. Захарин (рук.) и др. Москва: Военное изд-во, 2008. Т. 1-9.

Оборона Севастополя*:* оперативно-тактический очерк / Н. М. Замятин, Ф. Д. Воробьев; Военно-ист. отдел Ген. Штаба Красной Армии. [Москва]: Воениздат, 1943.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре: В 5 вып. / Народный комиссариат Военно-морского СССР. Исторический отдел ВМФ. М., Л. : [Б.и.]. 1945–1950. Вып. 1: С 21 июня по 31 декабря 1941 г. 1945, 343 с.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре: В 5 вып. / Народный комиссариат Военно-морского СССР. Исторический отдел ВМФ. М., Л. : [Б.и.] . 1945–1950. Вып. 2: С 1 января по 3 июля 1942 г. 1946, 357 с.

Иллюстрации к статьям

Иллюстрации к статье:
R. Asbury. Ottoman Influence on the Artistic Heritage of the Crimean Khanate

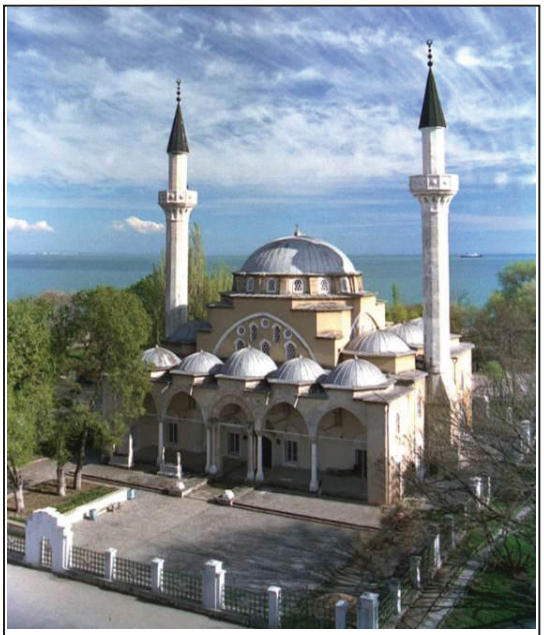
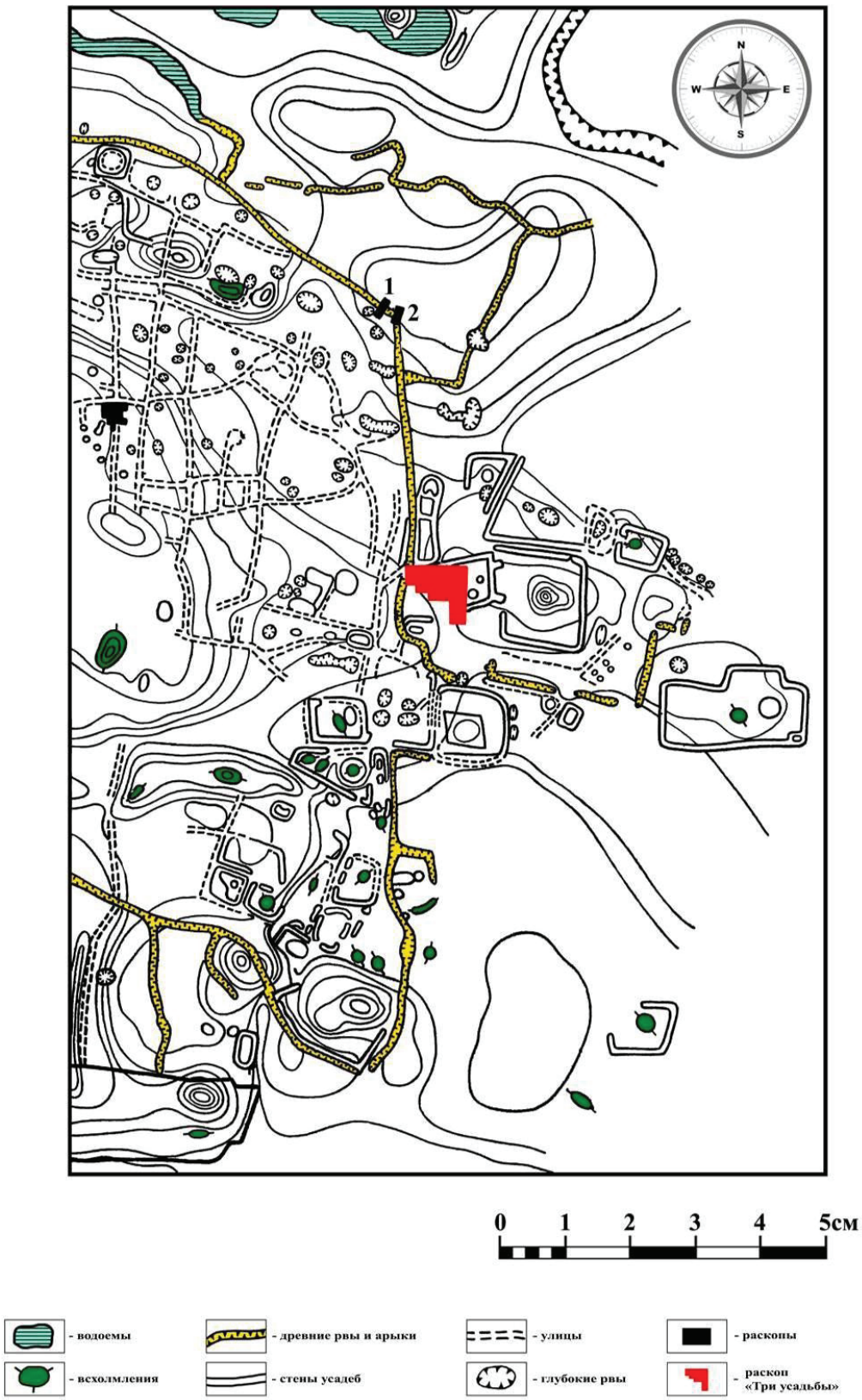


Figure 1: Juma Jami (Tartar Han Mosque). Source: Eugenmakh derivative work: Gretarsson, CC BY-SA 3.0

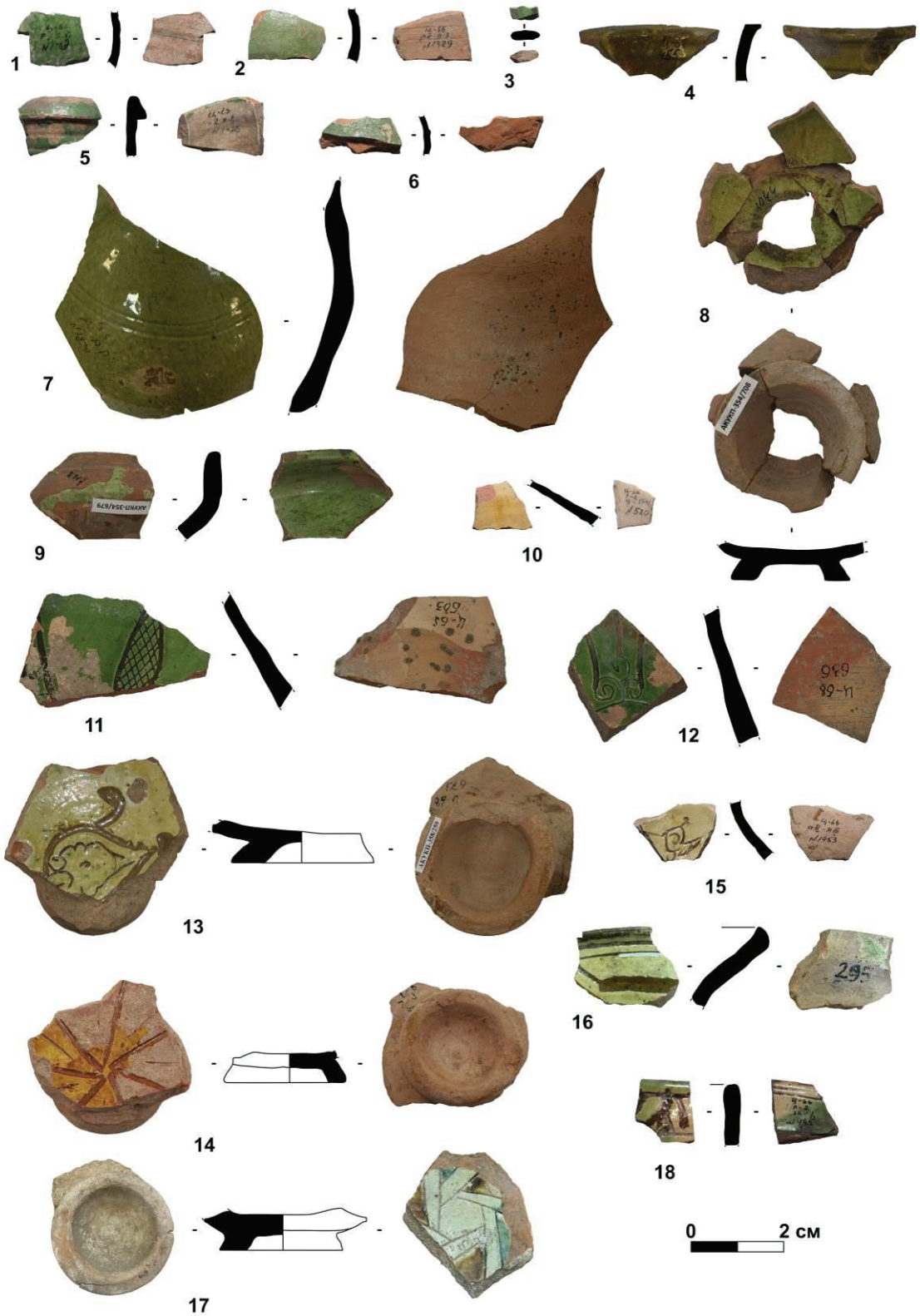
Figure 3: Han Saray, main courtyard. Source: Richard DeLong, ARCHNET

Figure 2: Büyük Han Cami (Big Khan's Mosque), part of the Khan's Palace Complex in Bakhchysarai. Source: A.Savin(Wikimedia Commons), CC BY-SA 3.0

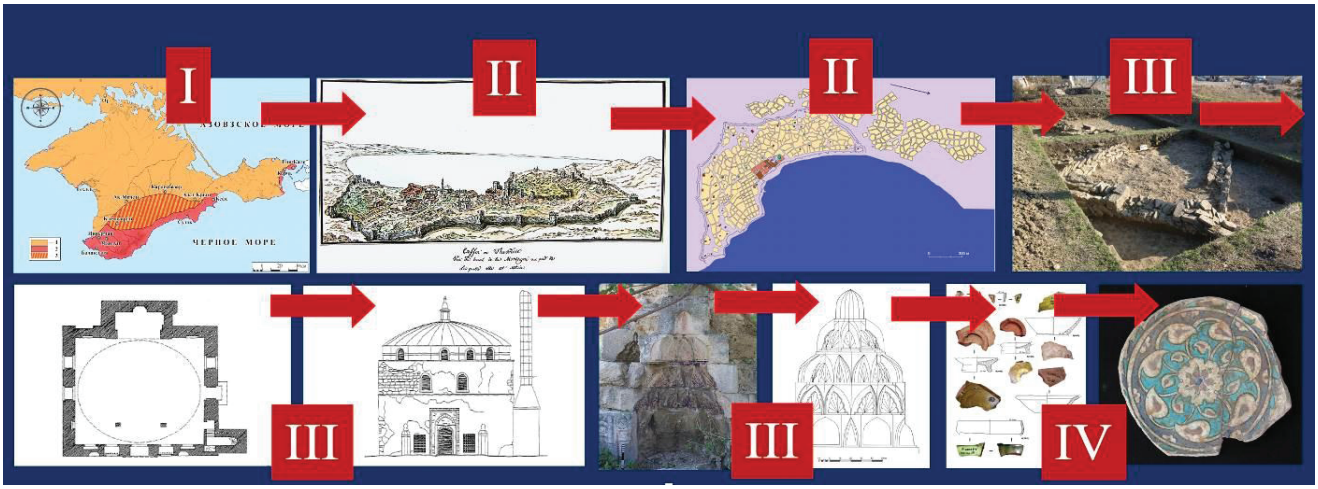
Иллюстрации к статье Бочарова С.Г.:
Поливная керамика производства городов юго-восточного Крыма…, рис. 1.



Поливная керамика производства городов юго-восточного Крыма…, рис. 2.



Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова… , рис. 1.



Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова… , рис.2.

Иллюстрации к статье Букатова А.А., Аржанова А.Ю.

Рисунок 1. Амфоры 1–4, 6–7 и фрагмент 5. Ортографические проекции и сечения, полученные в результате трёхмерного сканирования

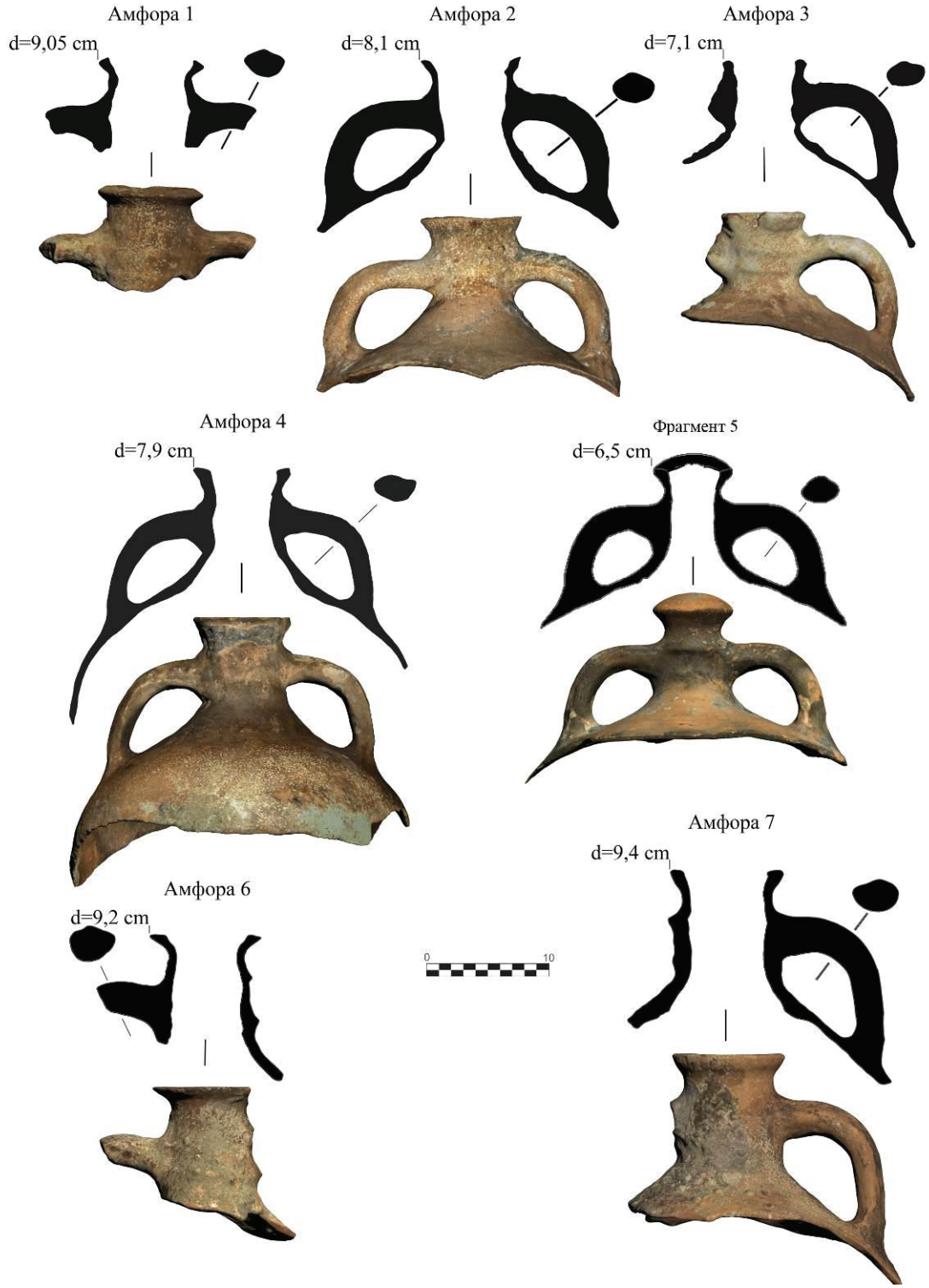


Рисунок 2. Амфоры 8-13. Ортографические проекции и сечения, полученные в результате трёхмерного сканирования.

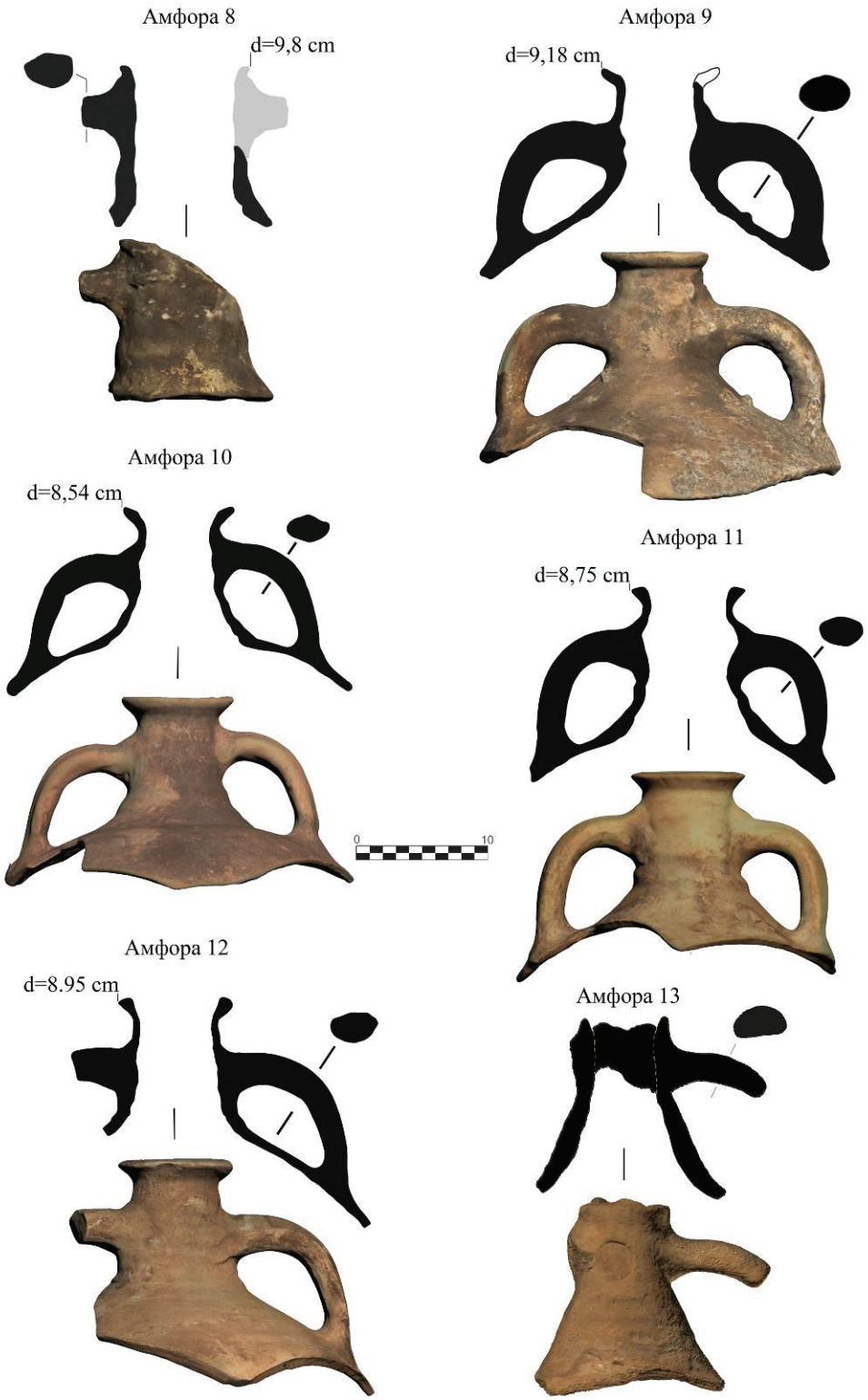
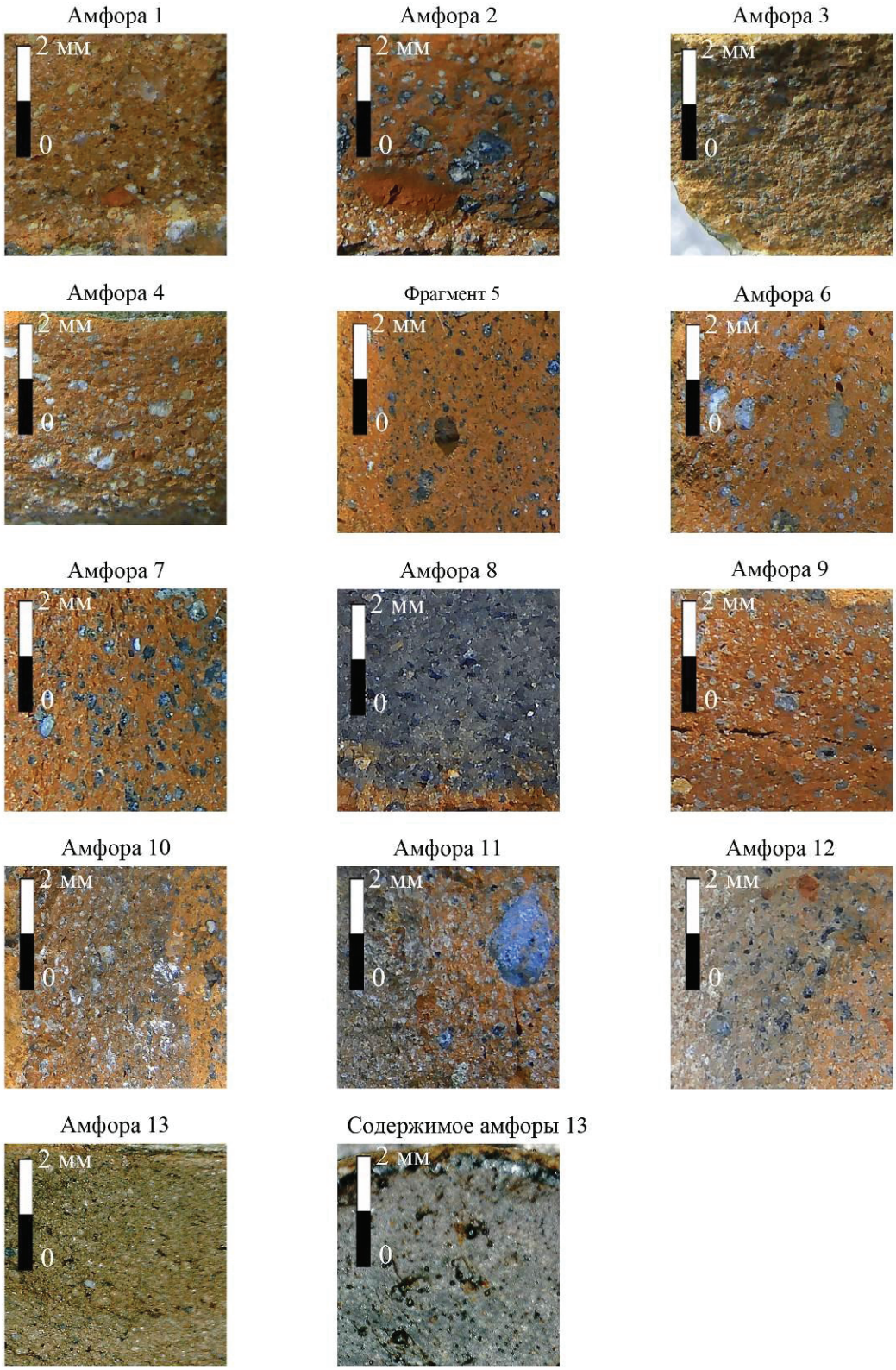


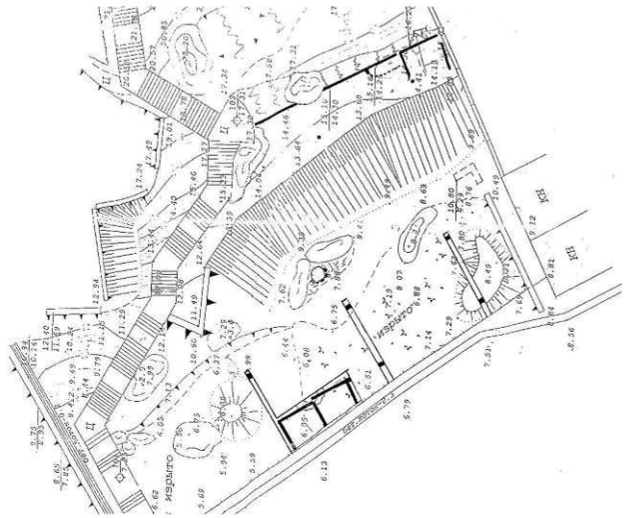
Рисунок 3. Макрофото глин и содержимого амфоры 13.



Иллюстрации к статье Гинькут Н.В., Иванов А.В., Савеля Д.Ю. Рис. 1.

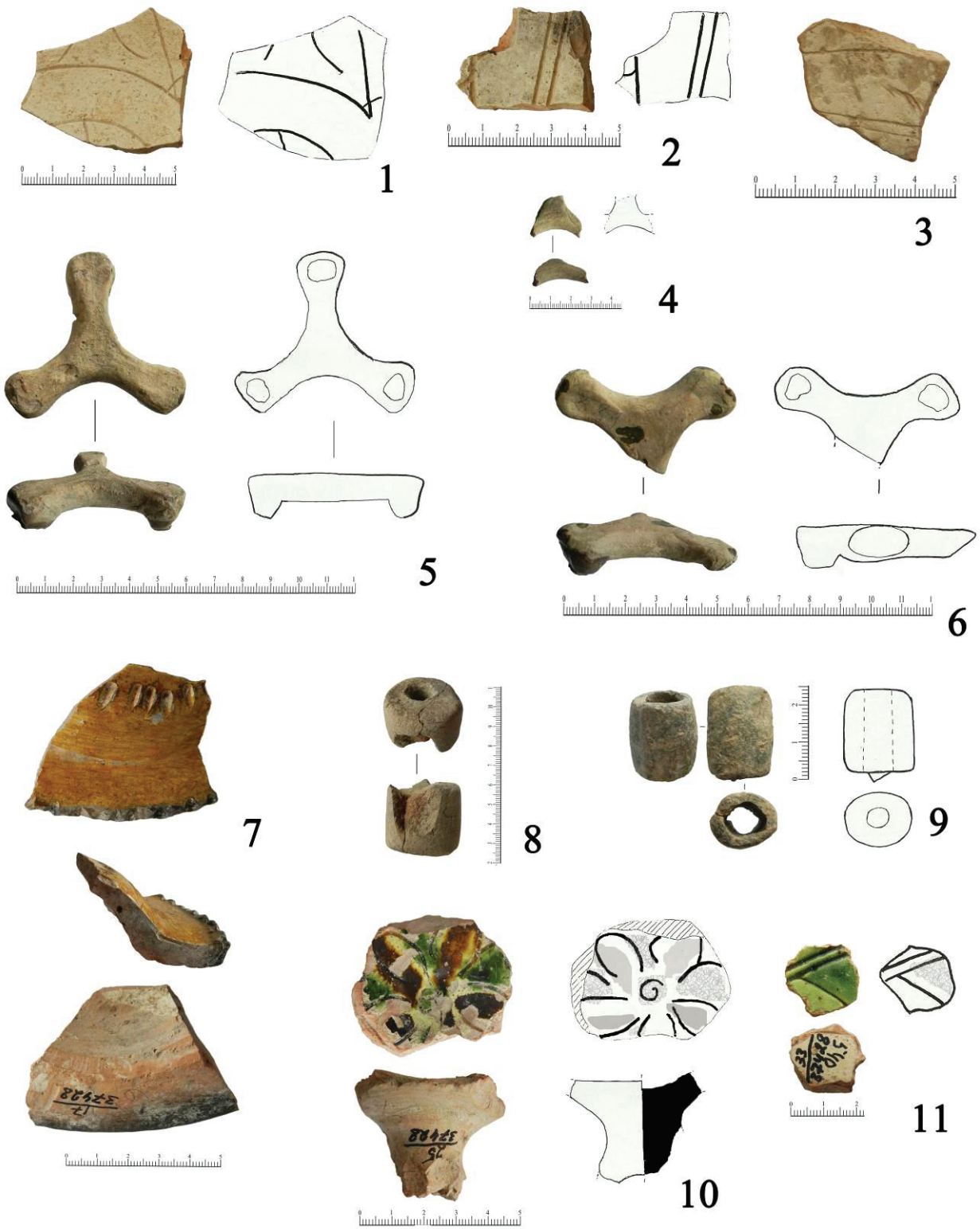
1

2

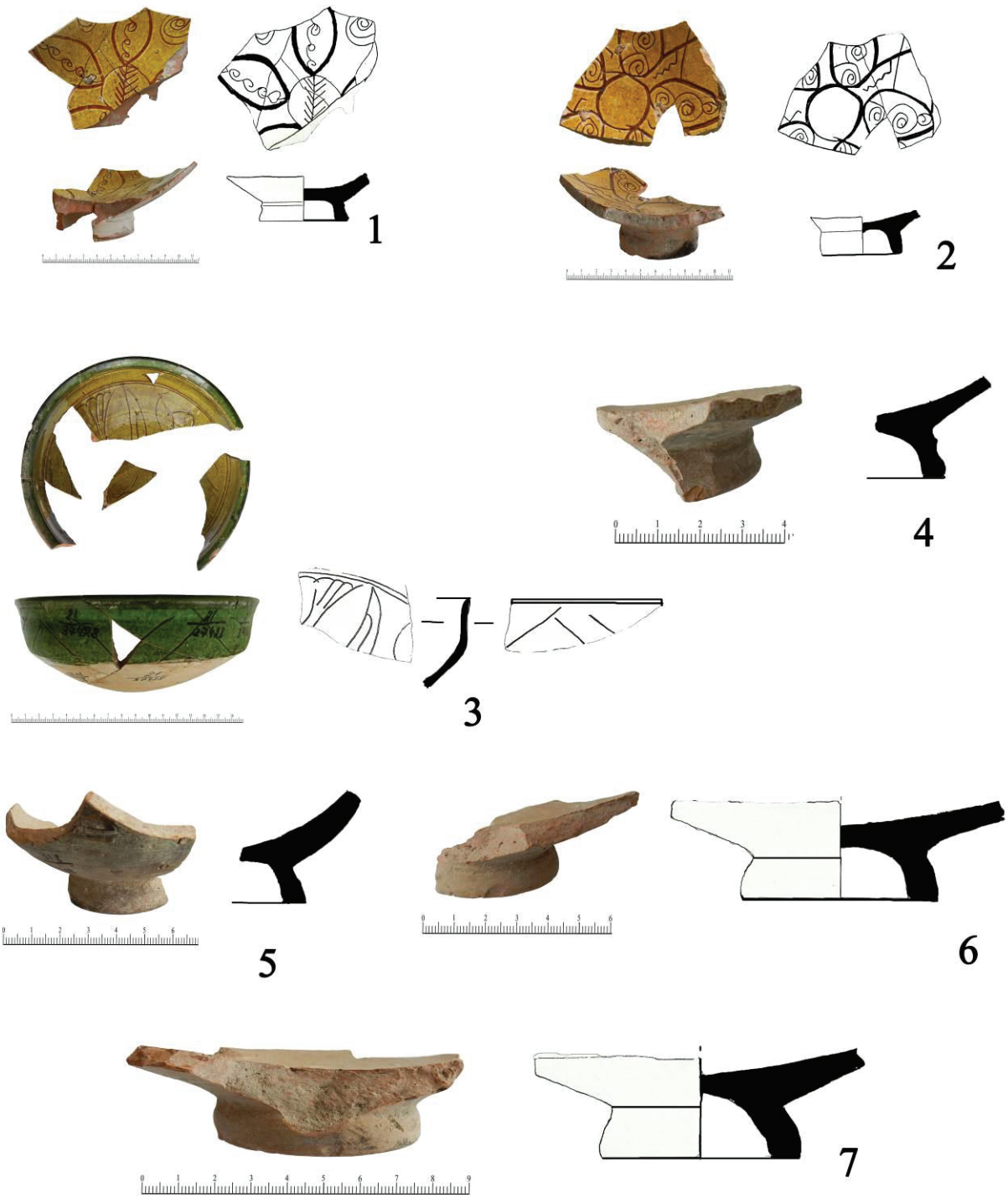


3

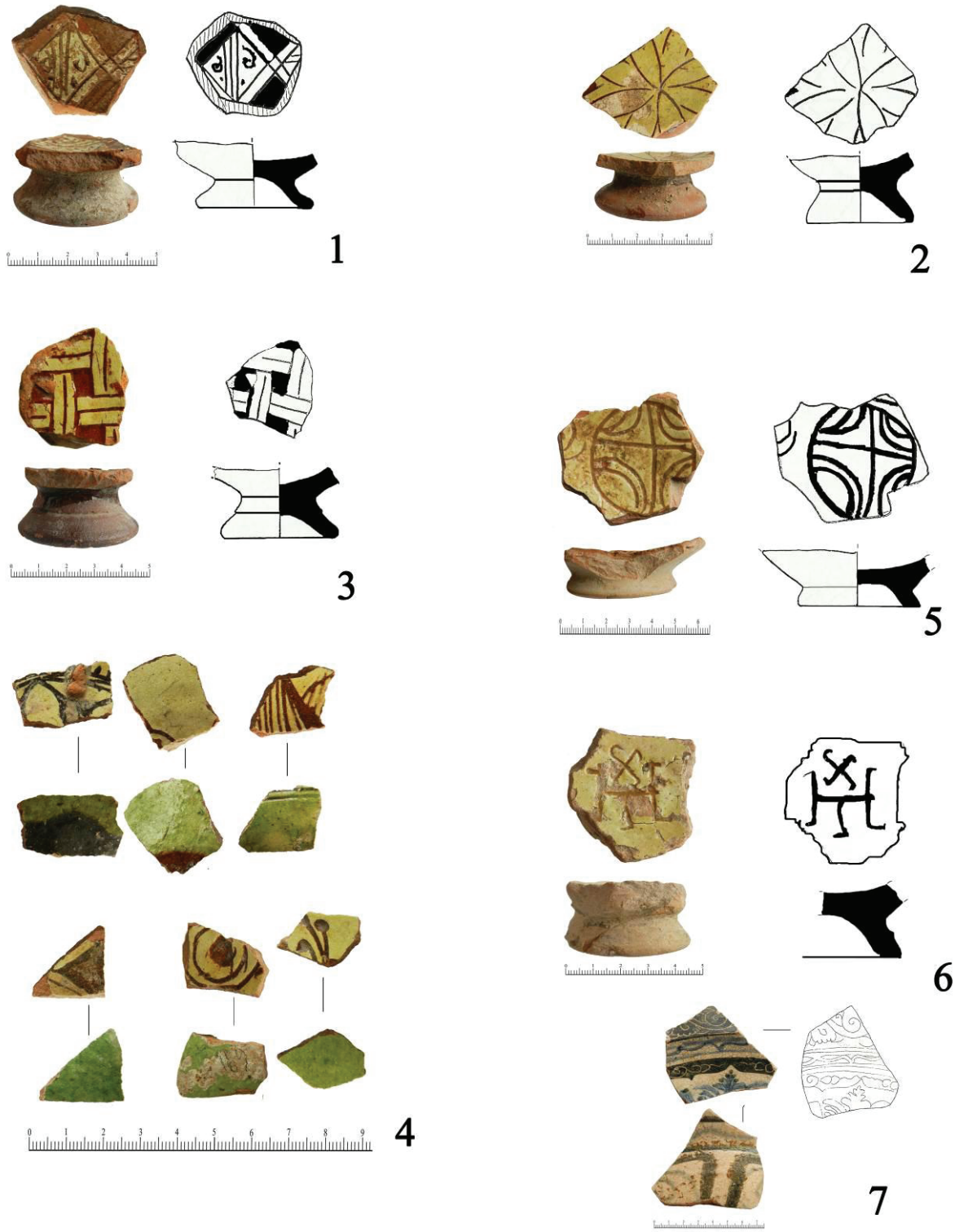
Гинькут Н. В., Иванов А.В. Рис. 2.



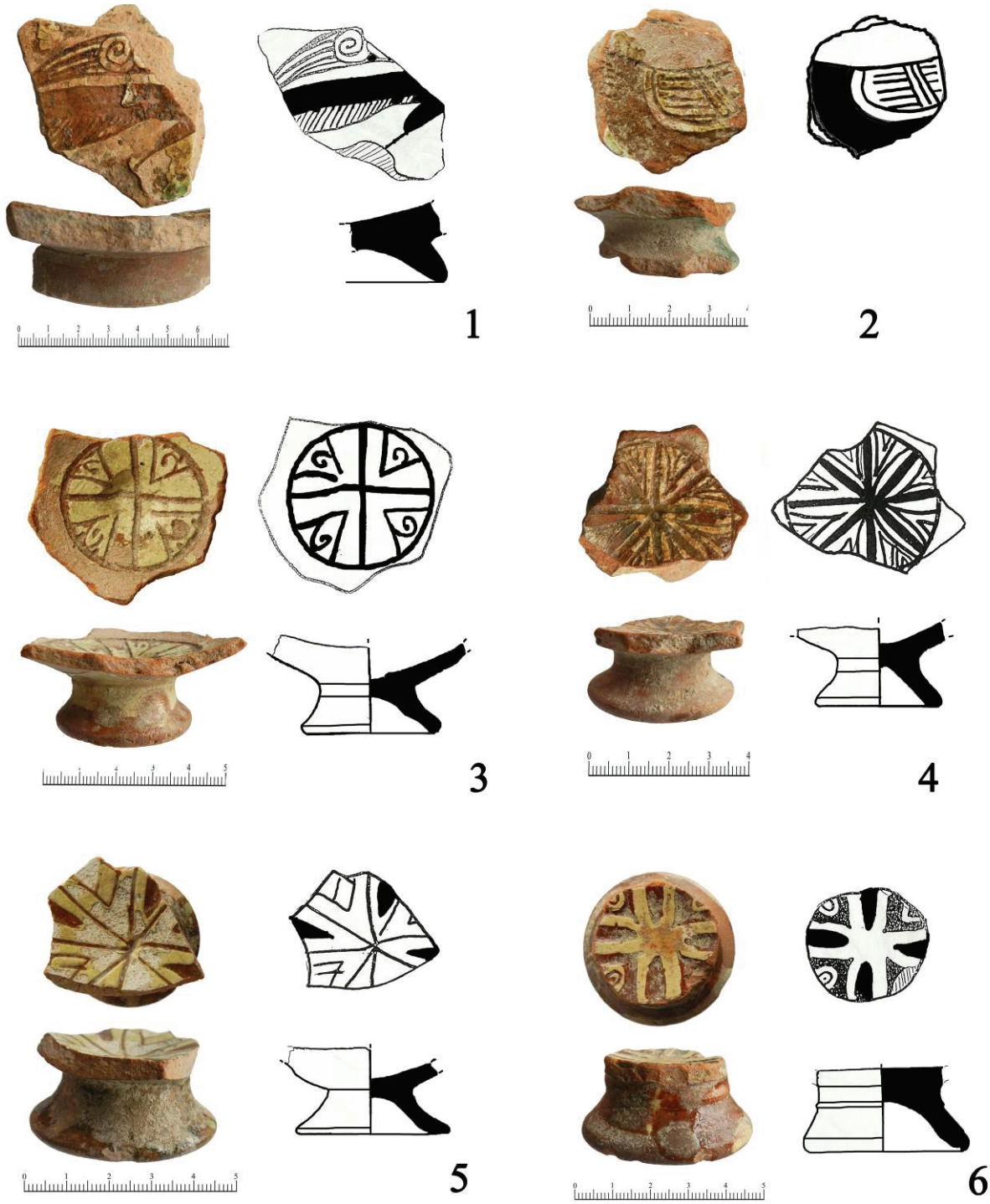
Гинькут Н. В., Иванов А.В. Рис. 3.



Гинькут Н. В., Иванов А.В. Рис. 4.



Гинькут Н. В., Иванов А.В. Рис. 5.

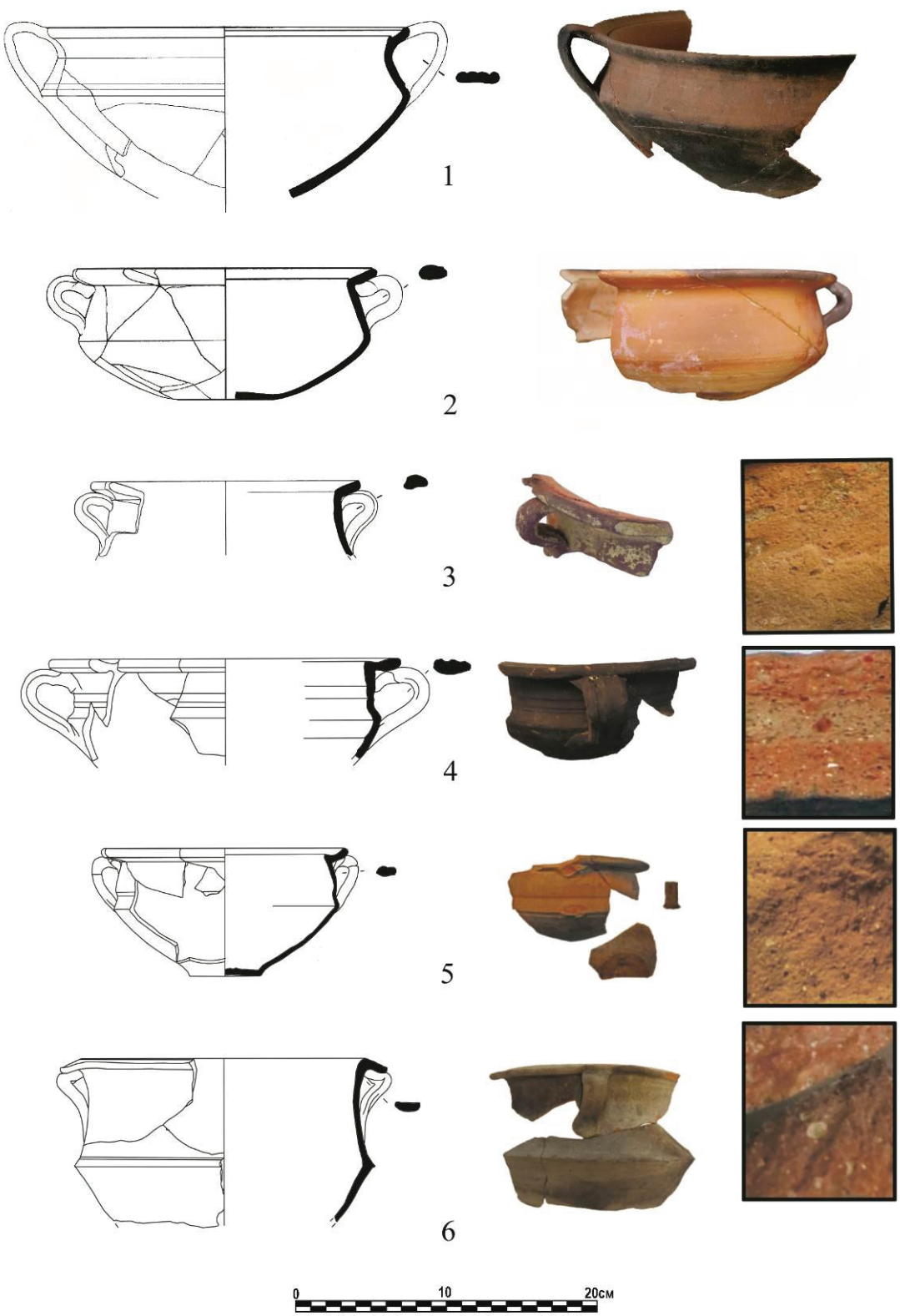


Иллюстрации к статье Гончарова Е.Ю. Рис. 1.

Гончаров Е.Ю. Рис. 2.

Гончаров Е.Ю. Рис. 3.

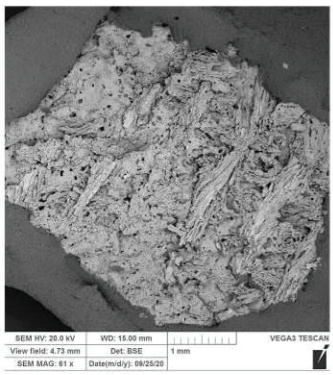
Иллюстрация к статье Дорошко О.П.



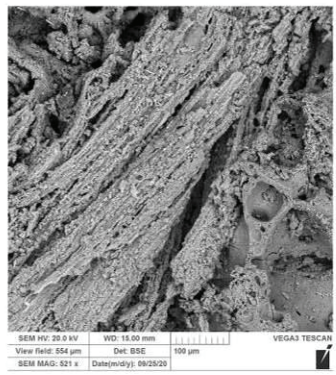
Иллюстрации к статье Краснодубец Е.М., Анкушевой П.С., Блинова И.А. Рис. 1.

1.

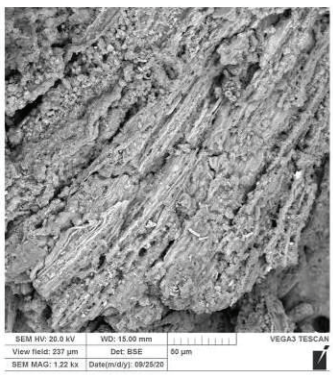
2.



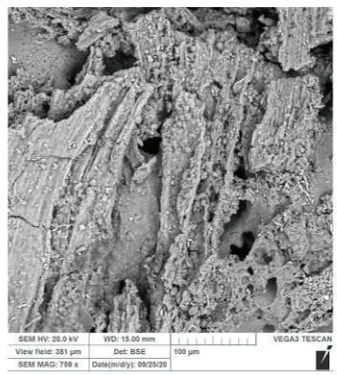
3.



4.



5.



6.

7.

8.

9.

10.

Краснодубец Е.М., Анкушева П.С., Блинов И.А. Рис. 2.

1.

2.

3.

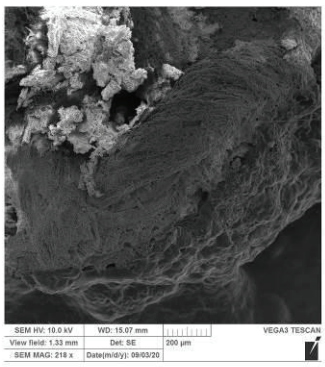
4.

5.

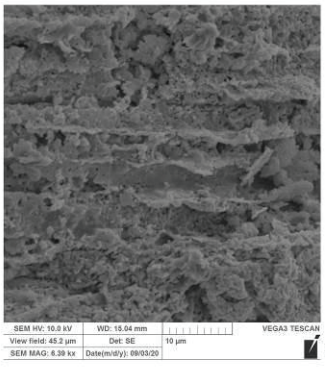
6.

7.

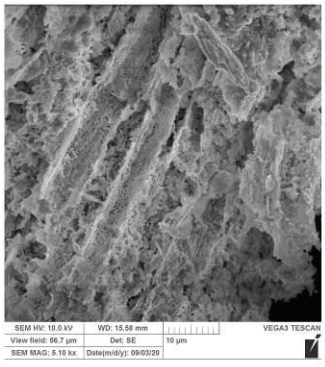
8.



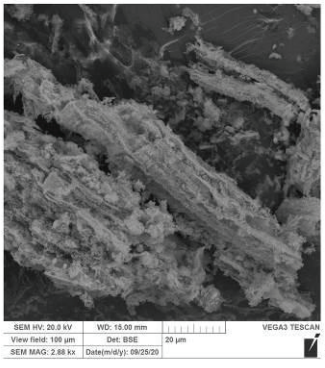
9.



10.

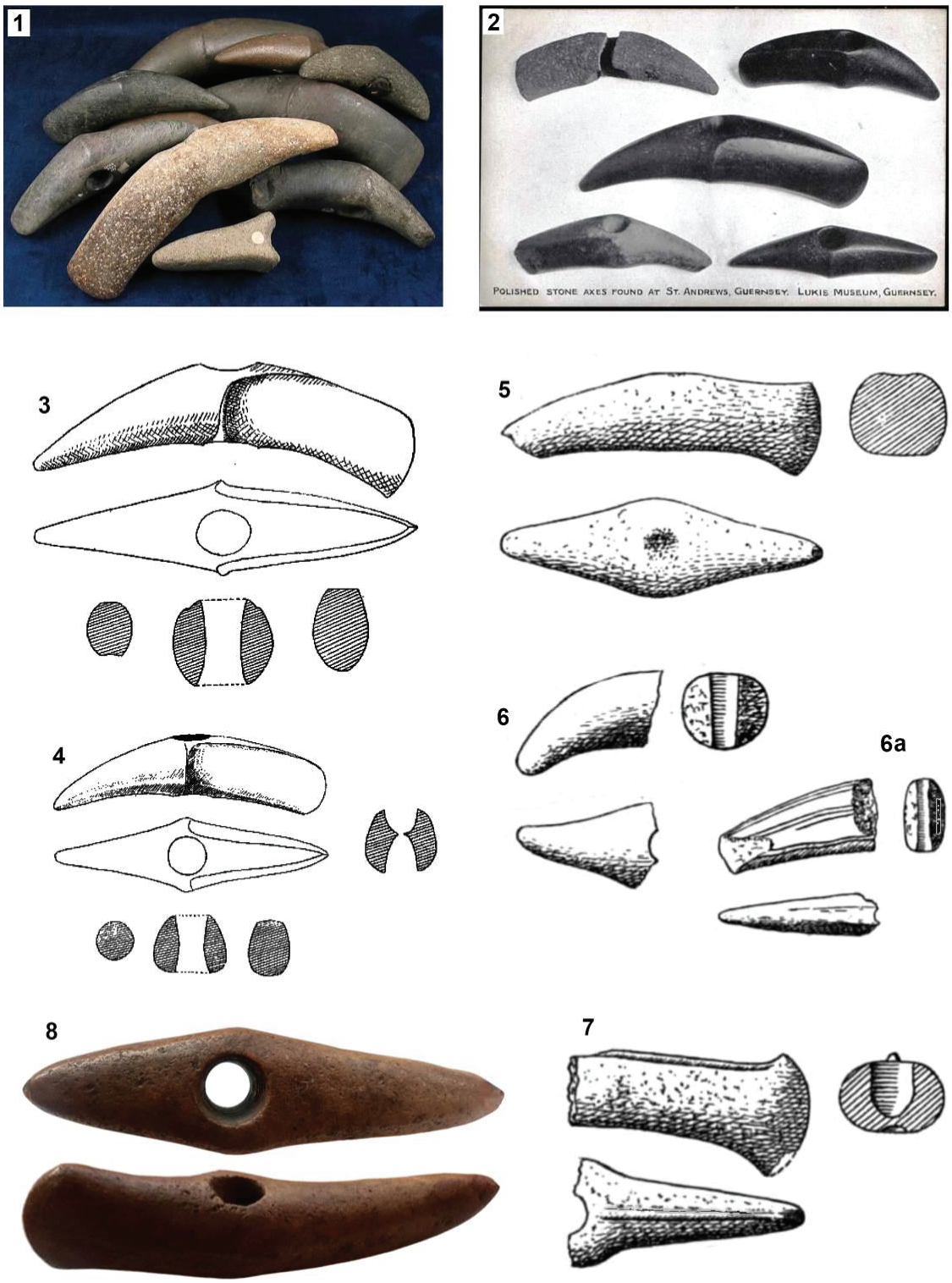


11.



12.

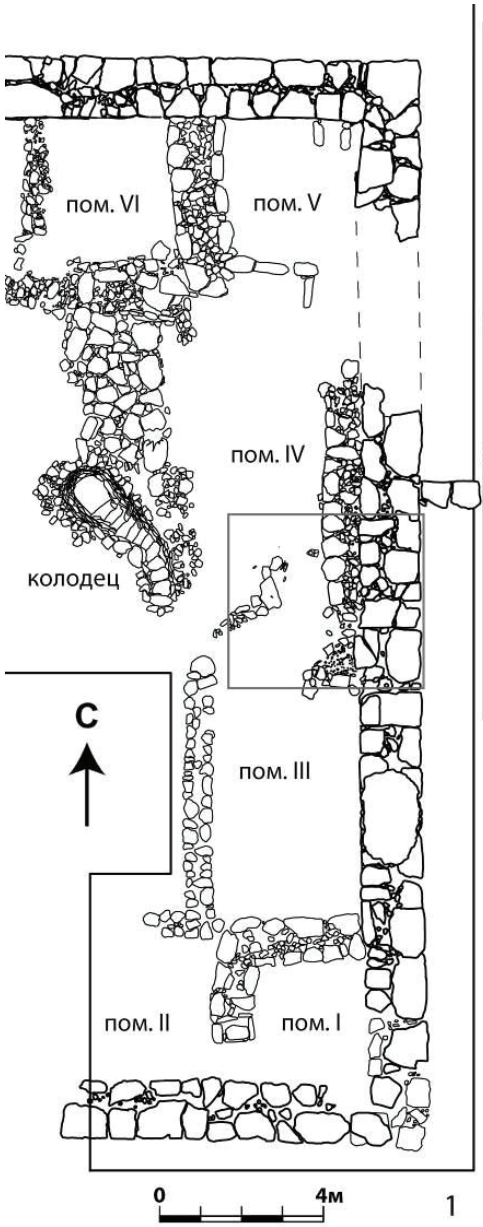
Иллюстрациия к статье Ступко М.В. Рис. 1.



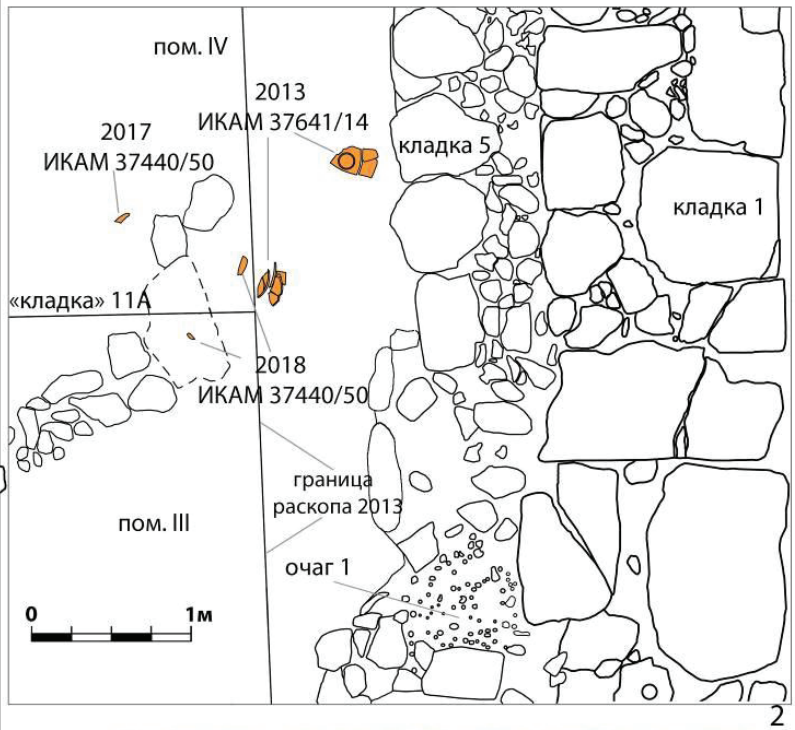
Иллюстрации к статье Родинковой В.Е., Свиркиной Н.Г. Рис. 2.

Родинкова В.Е., Свиркина Н.Г. Рис. 3.

Иллюстрации к статье Тюрина М.И., Филиппенко А.А., Жуковой П.А. Рис. 1.



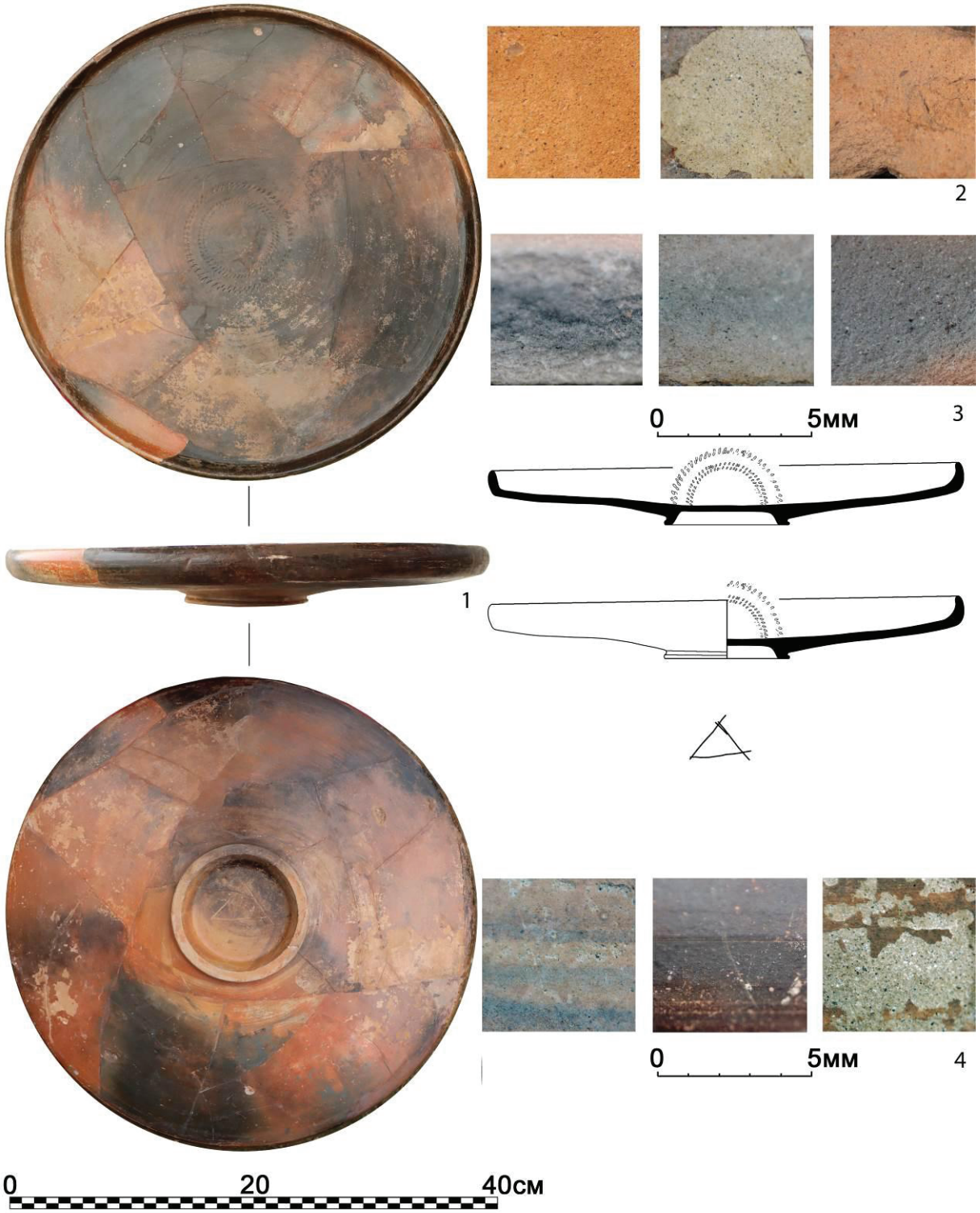
1



2

3

Тюрин М.И., Филиппенко А.А., Жукова П.А. Рис. 2.

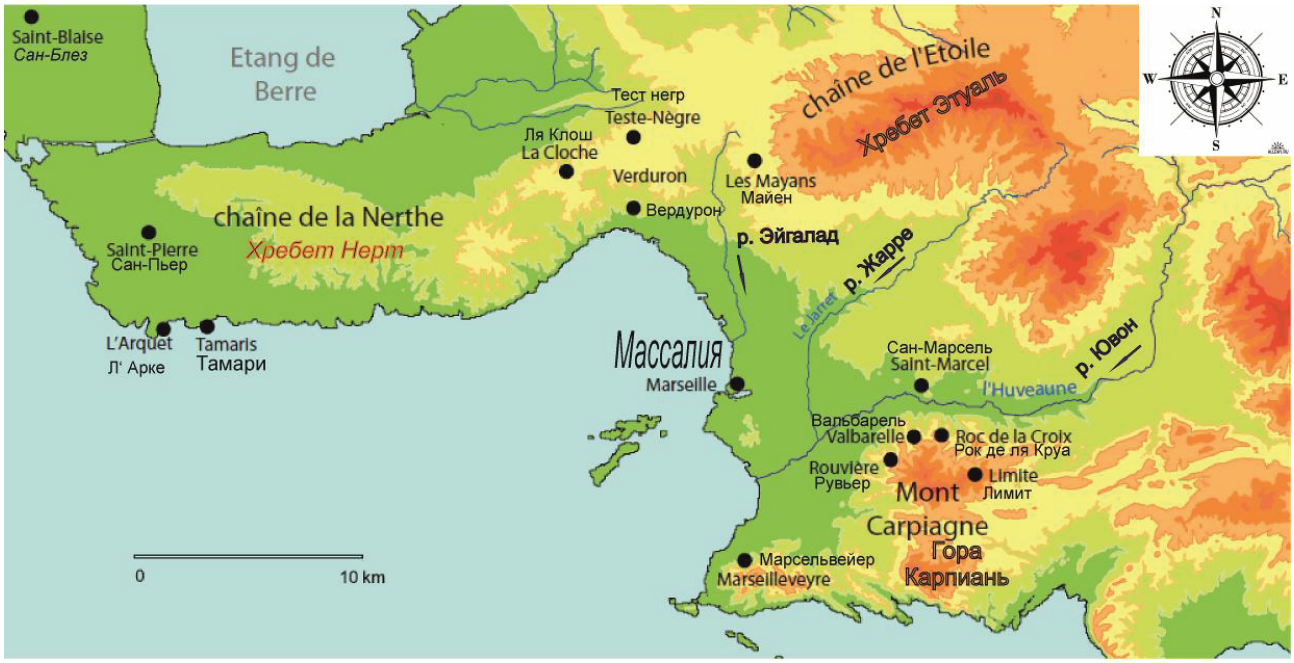


Иллюстрации к статье Супренкова А.А., Топоривской М.А.

Рис. 1. Марсель, 1969 г. Охранные раскопки при строительстве Биржи. [Топоривская 2020: 123].

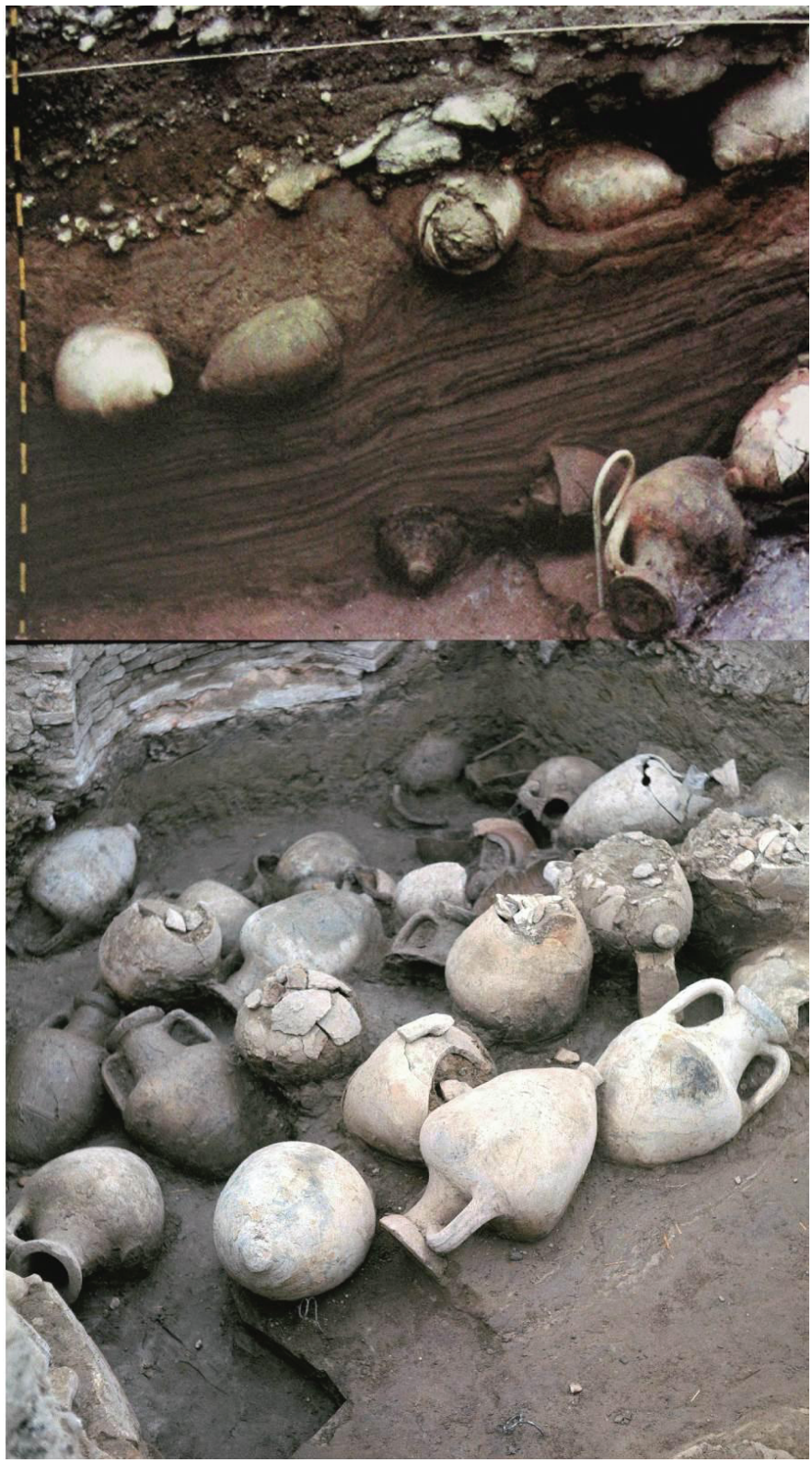
Супренков А.А., Топоривская М.А.

Рис. 3. Окрестности Массалии и лигурийские поселения. [Супренков 2013: 50].

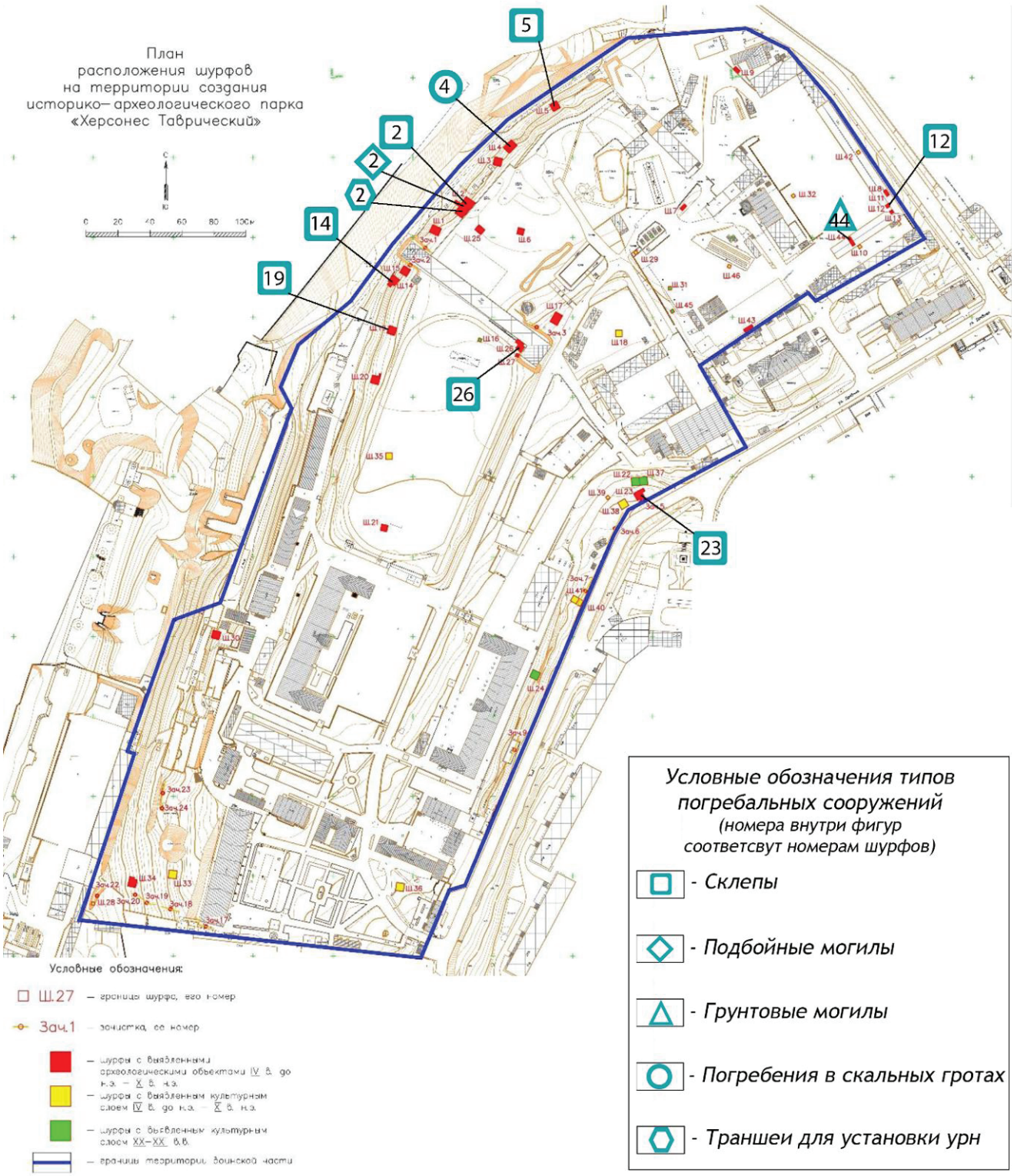


Супренков А.А., Топоривская М.А.

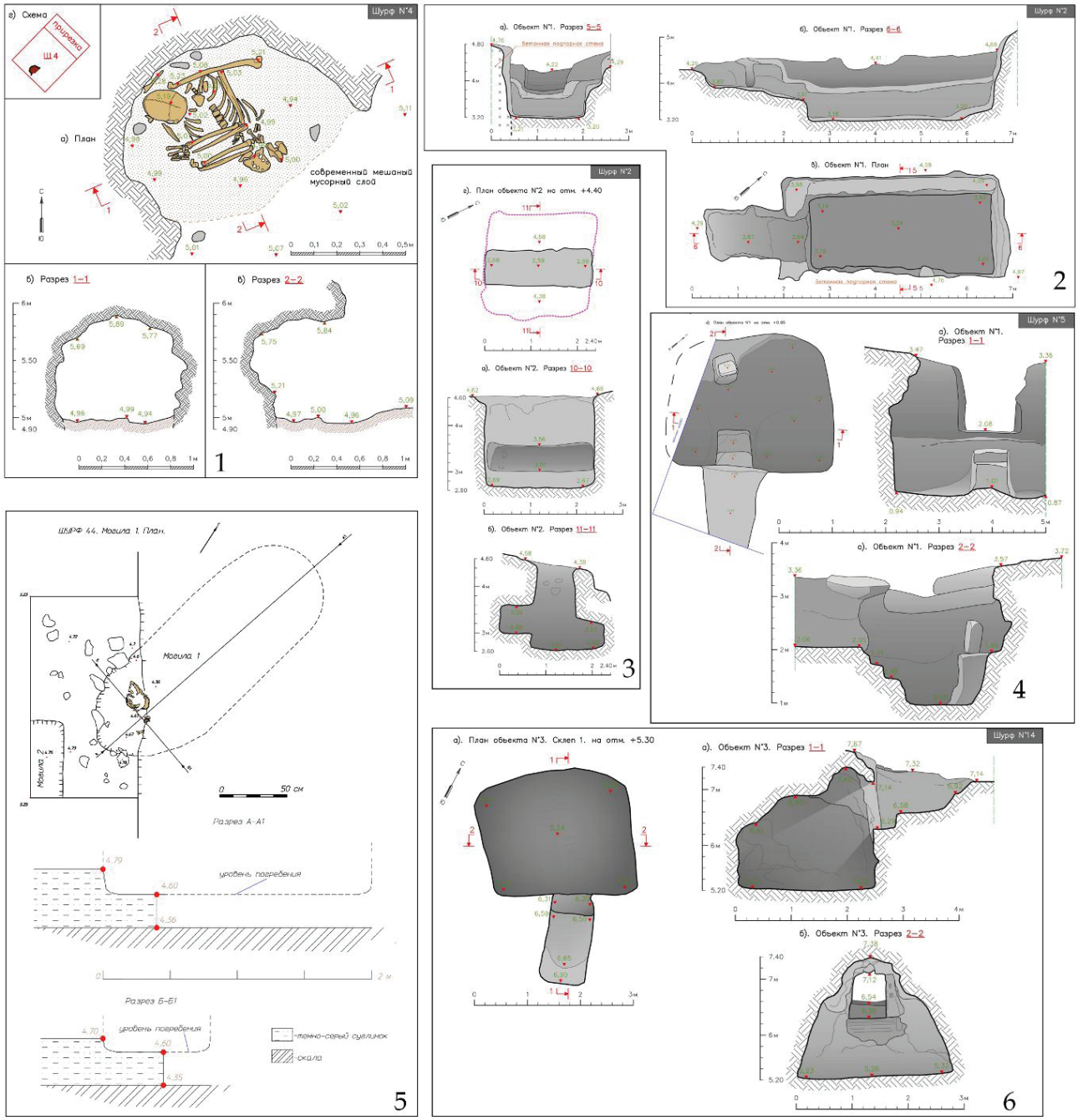
Рис. 2. Амфоры Массалии V в. до н.э., обнаруженные в ходе исследований дороги Вуа д ’Итали. [Топоривская 2020: 123].



Иллюстрации к статье Шарова О.В., Костромичева Д.А., Новоселовой Н.Ю. Рис. 1.



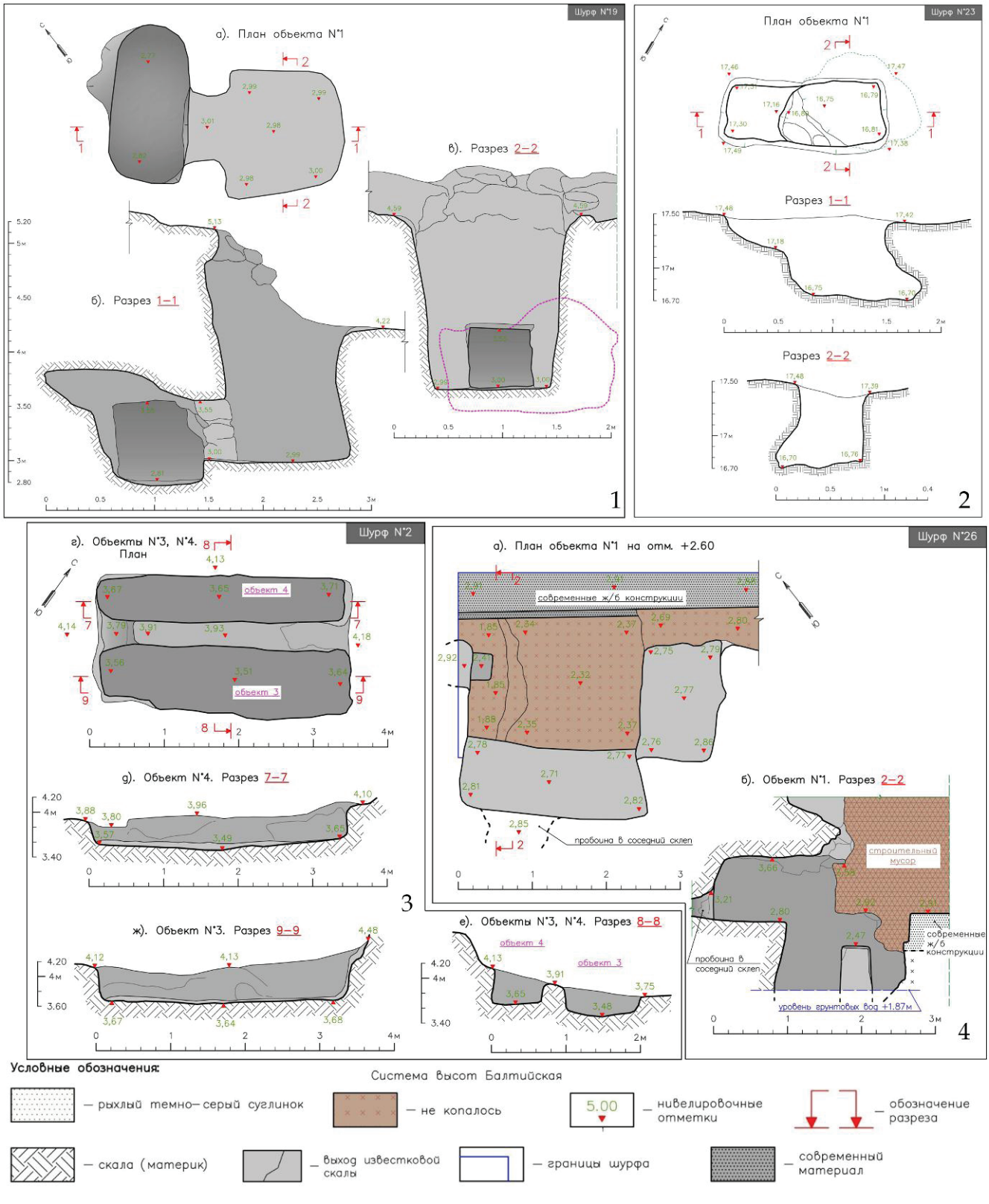
Шаров О.В., Костромичев Д.А., Новоселова Н.Ю. Рис. 2.



Условные обозначения:

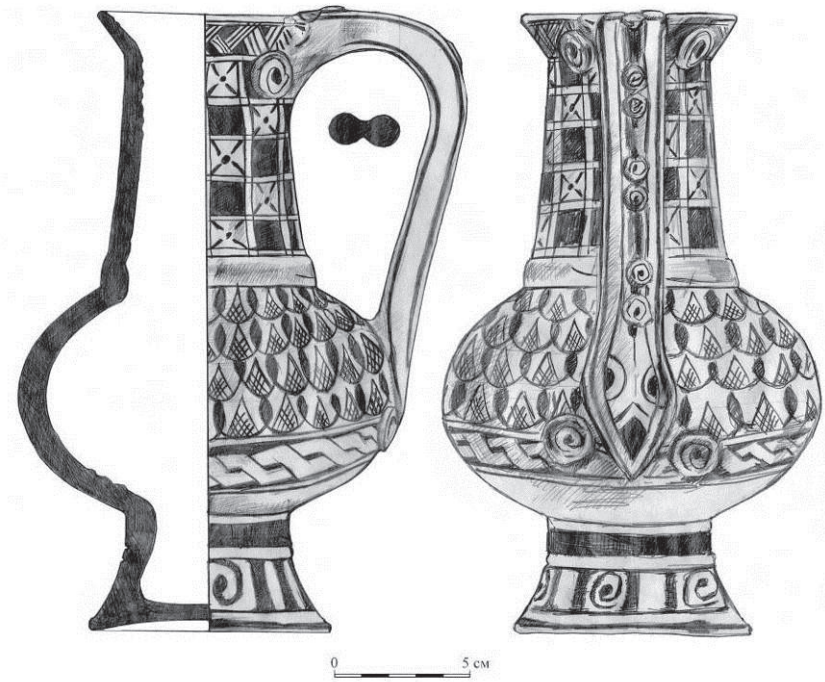
— кости
— рыхлый темно–серый суглинок
— обозначение разреза
Система высот Балтийская
— камни
— скала (материк)
— выход известковой скалы
5.00 — нивелировочные отметки

Шаров О.В., Костромичев Д.А., Новоселова Н.Ю. Рис. 3.



Иллюстрации к статье Сударева Н.И., Коваля В.Ю.
Рис. 1. Кувшин из Тамани.

Рис. 2. Кувшин из Тамани. Прорисовка.



Сведения об авторах

Asbury Robin PhD candidate	Marmara University Faculty of Theology Altunizade, Mahir İz Cd., 34662 Üsküdar/İstanbul	rcasbury@yahoo.com
Gavrila A. к.и.н.	Biagio Trading Company (Romania) /Head of International Relations Department	gv_andreea@yahoo.com
Honcu Ana.	Université Alexandru Ioan Cuza, Iasi, Roumanie	odochiciuc.ana@gmail.com
Laflı E., Dr.	Dokuz Eylül University, Izmir, Turkey	elafli@yahoo.ca
Lucian Munteanu	Румынская Академия - Институт Археологии, Яссы	lucanas2000@yahoo.com
Patacı S. Dr	Dokuz Eylül University, Izmir, Turkey	crimea_conference2021@mail.ru
Solcà Aleksandr	Independent Researcher, Switzerland	aleksandrsolka@yandex.com
Акимченков Виктор Владимирович к.и.н.	Межрегиональная общественная организация " Общество интеллектуальной истории".	viktor_akimchenkov@mail.ru
Алексеенко Николай Александрович к.и.н., Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne	Институт археологии Крыма РАН, ведущий научный сотрудник	AlekseyenkoNikolaj@gmail.com
Аникеева Татьяна Александровна, к.филол. н.	Институт востоковедения РАН, ст.н.с.	tatiana.anikeeva@gmail.com
Анкушева Полина Сергеевна, к.и.н.	Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск), м.н.с. Института минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН (г. Миасс), м.н.с.	polenke@yandex.ru
Аржанов Алексей Юрьевич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». заведующий отделом междисциплинарных исследований	alarj@chersones.net.local
Арутюнян Акоп Жораевич д.и.н.,	Ереванский государственный университет кафедра всемирной истории, доцент	hakobharutyunyan@ysu.am
Балахванцев Арчил Савелич, д.и.н.	Института востоковедения РАН зав. Центром археологии Передней и Центральной Азии	balakhvantsev@gmail.com
Баранов Андрей Владимирович д.пол.н., д.и.н.,	ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор, ,заведующий кафедрой политологии и политического управления	baranovandrew@mail.ru

Белоруссова Татьяна Евгеньевна	ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина».	belorussovaaa@gmail.com
Бескоровайная Наталья Вячеславовна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», заведующий отделом охраны памятников	darling_2004@mail.ru
Блинов Иван Александрович, к.г.-м.н	н.с. Института минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН (г. Миасс)	ivan_a_blinov@mail.ru
Бочаров Сергей Геннадьевич, к.и.н.	Севастопольский государственный университет, зав. лабораторией «Цифровые технологии в историко- археологических исследованиях» / доцент кафедры История	sgbotcharov@mail.ru
Букатов Андрей Алексеевич к. ф.-м. н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». заведующий отделом подводной археологии	bukat@list.ru
Быстрицкий Николай Игоревич	Институт востоковедения РАН, заведующий лабораторией	nbystritskiy@ivran.ru
Вахонеев Виктор Васильевич, к.и.н.	Севастопольской государственный университет, директор научно-образовательного центра «Археологчиеские исследования»	vvvkerch@mail.ru
Волошинов Алексей Александрович	Институт археологии Крыма РАН	voloshinov-alexs@yandex.ru
Дымченко И.В.,	Севастопольской государственный университет	crimea_conference2021@mail.ru
Сырых О.А	Севастопольской государственный университет	crimea_conference2021@mail.ru
Вахонеева А.А	Севастопольской государственный университет	crimea_conference2021@mail.ru
Матросов М.А	Севастопольской государственный университет	crimea_conference2021@mail.ru
Гинькут Наталия Виталиевна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», ученый секретарь	n-ginkut@yandex.ru
Гончаров Евгений Юрьевич	Институт востоковедения РАН, н.с.	lowvolga@inbox.ru
Денисова Елена Алексеевна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,», ст.н.с	elden68@mail.ru
Двухшорстнов В.И	Директор научно-образовательного центра морских исследований и технологий СевГУ	victor19741978@gmail.com
Дорошко Ольга Павловна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», зав научно-фондовым отделом.	ol_poka@mail.ru
Дорошко Валентин Валерьевич к.и.н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес	valentindor@mail.ru

	Таврический», ст.н.с.	
Дробышев Юлий Иванович, к.и.н.	Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока, с.н.с	altanus@mail.ru
Дружинина Надежда Сергеевна	КФУ им. В. И. Вернадского аспирантка исторического факультета ТА	nadya_1995@mail.ru
Дубровская Динара Викторовна, к.и.н.,	Институт востоковедения РАН, Москва с.н.с.,	distan@gmail.com
Евдокимова Александра Алексеевна, к.филол н.	Институт языкознания РАН, с.н.с.	arochka@gmail.com
Ергина Алена Сергеевна	Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, аспирант	yergina.alyona@gmail.com
Жертовская В.К.	Институт археологии Крыма РАН	crimea_conference2021@mail.ru
Жигалова Наталья Эдуардовна, к.и.н.	Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина; г. Екатеринбург. Доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков.	nezhigalova@gmail.com
Жукова Полина А	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», художник-реставратор	crimea_conference2021@mail.ru
Зайцева Евгения Сергеевна	Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина; г. Екатеринбург. Ассистент кафедры истории Древнего мира и Средних веков.	zajceva-evgeniya@list.ru
Зиганьшин Ринат Махмутович, к.философских н.	Институт востоковедения РАН, научный сотрудник	rinatzigan@mail.ru
Зоря Роман	Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, м.н.с. отдела средневековой археологии	crimea_conference2021@mail.ru
Иванов Алексей Валерьевич, к.и.н.	Институт археологии Крыма РАН, с.н.с.	ivav@yandex.ru
Калинина Татьяна Михайловна, к.и.н..	Институт всеобщей истории РАН, с.н.с.	tmka@yandex.ru
Катюшин Александр Евгеньевич	ФГАО ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», НИЦ истории и археологии Крыма, научный сотрудник	katiushinaleksander@gmail.com
Кашовская Наталья Васильевна	ФБГУК «Музей истории Религии»; зав. отделом «Религии Востока»	kashnat@mail.ru
Коваль Владимир Юрьевич, к.и.н.	Институт археологии РАН, зав. отделом средневековой археологии	kovaloka@mail.ru
Конкин Денис Валериевич, к.и.н.	КФУ им. В.И. Вернадского, зав. отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма	denis_konkin@mail.ru

Костромичев Даниил Александрович, к.и.н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», зав сектором	akfill@list.ru
Косов Г.В	ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	crimea_conference2021@mail.ru
Краснодубец Елизавета Михайловна	ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный сотрудник	yelyzavet@ya.ru
Кузенков Павел Владимирович, к.и.н.	Севастопольский государственный университет	pk407@mail.ru>
Курылев Константин Петрович - д.и.н	Российский университет Дружбы народов, профессор кафедры Теории и истории международных отношений	crimea_conference2021@mail.ru
Кущ Татьяна Викторовна, д.и.н.	Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков	tkushch@yandex.ru
Ланник Леонтий Владимирович, к.и.н.	Институт всеобщей истории РАН, с.н.с.	leo-lannik@yandex.ru
Лебединский Виктор Викторович, к.и.н.	Институт востоковедения РАН Центр крымских исследований », руководитель центра Севастопольский государственный университет	v_lebedinski@mail.ru
Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент	Севастопольский государственный университет, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений	alexev1975@yandex.ru
Лобода А.Ю.	НИЦ «Курчатовский институт»; Институт археологии Крыма РАН	crimea_conference2021@mail.ru
Лоргина Татьяна Викторовна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», сектор научной библиотеки, библиограф	tlorgina@chersonesos-sev.ru
Майко Вадим Владиславович, д.и.н	ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», директор	vadimmaiko1966@mail.ru
Маковская Дарья Владимировна к. политических н.	ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», директор Научного геоинформационно-картографического центра	76mdvl@mail.ru
Мальцева: Дарья Александровна	Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры теории и	buenafiesta@mail.ru

к. политических н.	философии политики, руководитель основной образовательной программы высшего образования бакалавриата «Политология» СПбГУ	
Мариино Иван	Фонд «Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa», Неаполь, Италия	crimea_conference2021@mail.ru
Меньшиков Максим Юрьевич,	Институт археологии РАН, м.н.с.	crimea_conference2021@mail.ru
Михнева Румяна Ангелова, проф. дин	Варненский свободный университет „Черноризец Храбър”	r.mihneva@vfu.bg r.mihneva@mail.ru
Могаричев Юрий Миронович д.и.н.	Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (КРИППО), заведующий кафедрой. Институт археологии Крыма РАН, ведущий научный сотрудник	mogara@rambler.ru
Моисеева Екатерина Николаевна к.и.н.	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доцент кафедры истории, политологии и социологии	moiseevaen@rambler.ru
Непомнящий Андрей Анатольевич,. д.и.н.	Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, профессор.	dr.aan@mail.ru
Новоселова Надежда Юрьевна	Государственный Эрмитаж, н.с.	novoselova-n@yandex.ru;
Панченко Вадим Владимирович	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», н.с.	gemell@yandex.ru
Павличенко Наталья Андреевна	Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры, ст.н.с	nat.pavlichenko@gmail.com
Пронина Юлия Александровна	Институт востоковедения РАН	julia_pronina@mail.ru
Прохоров Дмитрий Анатольевич д.и.н.	ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, доцент кафедры документоведения и архивоведения. старший научный сотрудник	prohorov1da@yandex.ru
Прохорова Татьяна Александровна к.и.н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический, заведующий научно-архивным отделом	grejpfrut@mail.ru
Прудников Виталий Владимирович к.и.н.	Институт востоковедения РАН,	gviskar@mail.ru
Родинкова Власта Евгеньевна к.и.н.,	Институт археологии РАН, н.с.	vlasta2004@mail.ru
Роменский А.А. к.и.н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес	pergamen-romen@mail.ru

	Таврический, научный сотрудник	
Рубцова Светлана Ивановна к.биол.н.	ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник	rsi1976@mail.ru
Рубаненко Наталья Валерьевна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», сектор научной библиотеки, заведующий	NVRubanenko@chersonesos-sev.ru
Савеля Дина Юрьевна	Независимый исследователь , г. Севастополь	crimea_conference2021@mail.ru
Сафонова Ольга Диомидовна к.политических н.	Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований	o.safonova@spbu.ru
Сазанов Андрей Владимирович, д.и.н.	Институт археологии РАН, профессор	andrei.v.sazanov@mail.ru
Санников Сергей Викторович к.и.н.	Новосибирский государственный университет, научный сотрудник лаборатории семиотики и знаковых систем	sannikov_s@ngs.ru
Свиркина Н.Г	Институт археологии РАН, м.н.с.	svirkina.natalia@mail.ru
Свиридов Алексей Николаевич.	Институт археологии РАН	crimea_conference2021@mail.ru
Седикова Лариса Васильевна, к.и.н.	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический, заместитель директора по научной работе	sedikova07@yahoo.com
Сорокин Александр Анатольевич, к.и.н.	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории	skaliger1989@yandex.ru
Ступко Михаил Валериевич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный сотрудник	tombdefensor@mail.ru
Сударев Николай Игоревич, к.и.н.	Институт археологии РАН, научный сотрудник	sudarev@list.ru
Супренков Александр Анатольевич, к.и.н.	Институт археологии РАН	suprenkov@mail.ru
Топоривская Марина Александровна	Институт археологии РАН	crimea_conference2021@mail.ru
Таньшина Наталья Петровна д.и.н.,	Институт общественных наук РАНХиГС, профессор кафедры Всеобщей истории; МПГУ, профессор кафедры новой и новейшей	horoshovo@mail.ru

	истории стран Европы и Америки, профессор	
Татаринов Игорь Евгеньевич к.и.н.,	ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», доцент кафедры государственной политики	igortatarinov76@gmail.com
Татарков Дмитрий Борисович. К.и.н.	Директор Институт общественных наук и международных отношений	ditar25@mail.ru dmtatarkov@sevsu.ru
Тузова Полина Романовна	Санкт-Петербургский государственный университет студентка бакалавриата факультета политологии	st068780@student.spbu.ru
Тюрин Максим Игоревич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный сотрудник	tyurin.m.i@mail.ru
Ульянова Любовь, к.и.н	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	ulianovalv@gmail.com
Ушаков Сергей Владимирович к.и.н.	Институт археологии Крыма РАН, ст. н. с.	yshakovsv@list.ru
Филиппенко Андрей Анатольевич	Независимый исследователь, Севастополь	crimea_conference2021@mail.ru
Храпунов Никита Игоревич, к.и.н.	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Институт истории и археологии Крыма	khrapunovn@mail.ru
Храпунова Светлана Николаевна.	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского	khrapunovn@mail.ru
Чхаидзе Виктор Николаевич к.и.н.	Институт археологии РАН, н.с. Институт востоковедения РАН, заведующий Центром изучения Византии и Кавказа	chkhaidze.v@yandex.ru
Чудинов Александр Викторович, д.и.н.	Институт всеобщей истории РАН Главный научный сотрудник, руководитель Лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, главный научный сотрудник	tchoudin@mail.ru
Шаров Олег Васильевич, д.и.н.	Институт археологии РАН, вед. н.с	olegsharov@mail.ru
Шпаковская Марина Анатольевна д.и.н.,	Российский университет Дружбы народов, профессор кафедры теории и истории международных отношений	m.shpakovskaya@gmail.com
Язиков Сергей Владимирович	Институт археологии РАН	crimea_conference2021@mail.ru
Яковлев Александр Иванович д.и.н.,	Институт востоковедения РАН	aliv_yak@mail.ru

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

Материалы V Международной научной конференции
(Севастополь, 2-6 июня 2021 года)

Ответственный редактор:
В.В. Лебединский

Редакторы-составители:
Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина

Макет и верстка:
Р.М. Зиганьшин

ISBN 978-5-907384-40-8

Подписано в печать 12.05.2021.
Формат 60×84 ⅛ Усл. печ. л. 40,46. Гарнитура Times.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №9679.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4.
Тел.: 8 (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru